A 284/316

ВНѢ ПАРТІЙ

ОПЫТЪ

ПОЛИТИЧЕСКОЙ ПСИХОЛОГІИ

К. Ф. ГОЛОВИНА

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
ИЗДАНІЕ А. С. СУВОРИНА
1905

ВНѢ ПАРТІЙ

ВНѢ ПАРТІЙ

ОПЫТЪ

ПОЛИТИЧЕСКОЙ ПСИХОЛОГІИ

К. Ф. ГОЛОВИНА

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
ИЗДАНІЕ А. С. СУВОРИНА
1905

Типографія А. С. Суворина. Эртелевъ пер., д. 13

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ГЛАВА I.

ГЛАВА II.

ГЛАВА III.

СТРАН.

ГЛАВА IV.

ГЛАВА V.

ГЛАВА VI.

ГЛАВА VII.

ГЛАВА VIII.

ГЛАВА IX.

ГЛАВА X.

ГЛАВА XI.

СПИСОКЪ СОЧИНЕНІЙ, ЛЕЖАЩИХЪ ВЪ ОСНОВѢ КНИГИ.

Heinrich Treitschke. Politik.
Heinrich v. Sybel. Geschichte der Revolutionszeit.
Gerwinus. Geschichte des 19-en Iahrhunderts.
Leopold v. Ranke. Geschichte der Päpste.
Wilh. Roscher. System der Volkswirtschaft.
Lorenz v. Stein. Drei Fragen des Grundbesitzes.
Dr. Ruhland. System der Politischen Öconomie.
Paul le Roy Beaulieu. Le Collectivisme.
Claudio Jannet. Le Capital.
Dr. Ludw. Mehring. Die Deutsche Socialdemocratie.
Gustav Schmoller. Ueber einige Grundfragen der Socialwissenschaft.
Maine. Popular Government.
Guizot. Mémoires pour servir l'Histoire de mon temps.
Guizot. Sir Robert Peel.
Macaulay. History of England.
Talleyrand. Mémoires.
Albert Sorel. L'Europe et la Révolution.
Taine. Les Origines de la France contemporaine.
М. Ковалевскій. Происхожденіе современной демократіи.
Дмитріевъ. Революціонный консерватизмъ.
Emil Michel. L'Idée de l'Etat.
Barras. Mémoires.
Thureau Dangin. L'Histore de la Monarchie de Juillet.
Burke. Reflexions on the revolution in France.
Journal du Gouverneur Morris.
Furst Bismarck. Gedanken und Erinnerungen.

ВСТУПЛЕНІЕ.

Въ первой половинѣ 60-хъ годовъ вся читающая Европа была живо заинтересована политической борьбой, происходившей одновременно въ двухъ европейскихъ столицахъ. Въ одной изъ нихъ —въ столицѣ политическихъ теорій и горячихъ увлеченій словами—человѣкъ безъ крѣпкой воли и крупнаго таланта, но съ очень тонкимъ умомъ, постепенно уступалъ передъ напоромъ того, что принято называть общественнымъ мнѣніемъ. частицы власти, захваченной имъ посредствомъ ловкаго насилія. Причина движенія, постепенно выталкивавшаго этого человѣка съ незаконнаго престола, была двоякая. Французское общество, значительной части котораго до 1852 года сильно понаскучили безплодныя смѣны у кормила парламентскихъ вождей всевозможныхъ оттѣнковъ. ощутило вновь потребность въ говорильномъ спортѣ, попросту въ силу того, что въ странѣ, гдѣ много людей, обладающихъ ораторскимъ талантомъ, парламентская профессія. какъ путь къ карьерѣ, для людей этихъ очень привлекательна. Въ то же время— въ этомъ вторая, болѣе серьезная причина — самозванный императоръ, кровное родство котораго съ его великимъ дядей было, вдобавокъ, очень сомнительно, сталъ выказывать признаки нѣкоторой слабости и совершать промахи. А насильственный захватъ власти—это обязательство къ непрерыв-

ному успѣху. Бѣда Наполеона III была въ томъ, что онъ равно мало удовлетворялъ идеальныя и практическія стремленія французовъ. Съ идеальной точки зрѣнія его власть была прямымъ нарушеніемъ шаблонныхъ принциповъ 89-го года, съ практической—выставленный имъ такъ называемый принципъ національностей, помогшій Италіи объединиться и подготовлявшій уже объединеніе Германіи, былъ, можетъ быть, согласенъ съ принципами революціи, но очень мало отвѣчалъ интересамъ Франціи. И люди практическіе въ рядахъ оппозиціи, или по крайней мѣрѣ воображавшіе себя таковыми, упрекали императора въ слабости, или въ склонности къ той самой идеологіи, которую такъ ненавидѣлъ Наполеонъ I. А имѣть противъ себя одновременно и людей принципа и людей практики чрезвычайно опасно. Можно безнаказанно нарушать принципы, широко удовлетворяя національные интересы; можно забывать о послѣднихъ, строго держась доктринальныхъ идей и воодушевляя тѣмъ самымъ ихъ пламенныхъ сторонниковъ. Но дѣлать и то и другое вмѣстѣ безусловно нельзя.

Происходившее въ столицѣ Пруссіи являло зрѣлище совсѣмъ иного рода. Тамъ человѣкъ съ желѣзной волей, умѣвшій соединять твердость съ принципіальной точки зрѣнія съ ловкимъ достиженіемъ практическихъ цѣлей, съ непоколебимой энергіей боролся противъ эпигоновъ революціи 48-го года и доктринальныхъ сторонниковъ парламентаризма. Требованію строгаго подчиненія разъ на всегда принятымъ формамъ такъ называемой политической свободы онъ противопоставилъ цѣль, къ которой эта свобода только одинъ изъ путей — народное благо. Онъ твердилъ, во-первыхъ, что причина слабости нѣмецкихъ государствъ въ ихъ политическомъ разъединеніи, и, во-вторыхъ, что обезпечить нѣмецкій народъ отъ чужого вмѣшательства дѣло несравненно болѣе неотложное, чѣмъ достигнуть болѣе или менѣе усовершенствованнаго парламентскаго порядка. А такъ какъ для достиженія народнаго единства и для побѣды надъ внѣшними соперниками, ему мѣшавшими, нужна прежде всего армія, то всѣ доводы, почерпнутые изъ либеральнаго ко-

декса, учившаго, что армію нужно держать какъ можно болѣе слабой, а также изъ экономической доктрины, что облагать народъ для военныхъ цѣлей значитъ тратить на вѣтеръ его достатки и мѣшать его промышленному развитію,—всѣ эти доводы надо было пока отложить въ сторону, дабы не упустить главной цѣли изъ-за второстепенной. Бисмаркъ былъ вполнѣ готовъ провести военную реформу при содѣйствіи ландтага, но такъ какъ ландтагъ въ силу доктринальныхъ соображеній ему въ этомъ отказывалъ, онъ обошелся безъ него. Между 1862 и 1866 годомъ палата была распущена три раза, и новые выборы прислали ему всего 9 консерваторовъ, вѣрныхъ, но довольно блѣдныхъ сторонниковъ его политики. Министерство свое онъ тоже долженъ былъ составить изъ второстепенныхъ людей, въ каждомъ крупномъ талантѣ опасаясь, а, пожалуй, и предчувствуя соперника. Одинъ военный министръ фонъ-Роонъ былъ для него дѣятельнымъ и умнымъ сотрудникомъ. И Бисмаркъ, несмотря на вопли не только нѣмецкой, но и всей европейской прессы, несмотря на страшную непопулярность среди всей нѣмецкой буржуазіи, а порой и на козни, какія ему чинили при дворѣ, съ содѣйствія королевы Августы, члены высшей аристократіи, не любившіе его, какъ провинціальнаго выскочку изъ рядовъ средняго юнкерства, тѣмъ не менѣе одержалъ полную побѣду, благодаря тому, что въ цѣлой Германіи онъ первый ясно понялъ, гдѣ узелъ вопроса. Съ самаго Вѣнскаго конгресса до Франкфуртскаго парламента въ церкви св. Павла, всѣ поборники нѣмецкаго единства, отъ Штейна, Гарденберга и Арндта до Гагерна, Финка и Беннигсена, искали рѣшенія вопроса либо путемъ соглашенія съ Австріей, либо посредствомъ образованія высшаго парламента изъ нѣмецкихъ государей, либо на почвѣ демократической имперіи, подъ условіемъ низверженія всѣхъ мелкихъ династій. Бисмаркъ не хотѣлъ ни того, ни другого, ни третьяго. По его понятіямъ, Германія должна была объединиться подъ господствомъ Пруссіи и при условіи полнаго выдѣленія Австріи, но въ то же время съ сохраненіемъ неприкосновенности мелкихъ династій. И такъ

какъ этотъ путь былъ единственно вѣрный, ставшій на него и долженъ былъ восторжествовать. А когда произошло столкновеніе между берлинскимъ нарушителемъ конституціи и парижскимъ реставраторомъ парламентаризма, первый не только сокрушилъ второго, но вернулся домой при единодушныхъ рукоплесканіяхъ своихъ недавнихъ враговъ, между тѣмъ какъ французской оппозиціи пришлось совершить «доблестный» переворотъ 4-го сентября, низвергнувъ своего плѣннаго императора. Какъ бы то ни было, до самаго момента этой развязки все сочувствіе либеральной Европы, т. е. подавляющаго большинства представителей литературы, прессы и всѣхъ либеральныхъ профессій, было одинаково на сторонѣ и парижской и берлинской оппозиціи, и даже въ постыдной революціи 4-го сентября, совершенной почти въ виду непріятеля, она увидѣла торжество какихъ-то гуманныхъ освободительныхъ идей. Послѣдующія событія — возстановленіе Германской имперіи, нелѣпое возстаніе коммуны и тотъ несомнѣнный фактъ, что новая демократическая республика еще болѣе кровавымъ образомъ, чѣмъ ея предшественница, республика 48-го года, расправилась съ движеніемъ парижской черни,—заставили либераловъ нѣсколько призадуматься. Съ тѣхъ поръ не перестаетъ итти у нихъ повѣрка старинныхъ теорій, и результатомъ обнаруженныхъ недочетовъ у многихъ изъ теперешнихъ умственныхъ вождей является все возрастающее сознаніе, что либерализмъ и демократія далеко не одно и то же, а у остальныхъ, менѣе дальновидныхъ, или, быть можетъ, болѣе лицемѣрныхъ, просвѣчиваетъ нѣчто гораздо худшее — полнѣйшій историческій скептицизмъ. Такъ, если сравнить третій томъ «Демократіи въ Америкѣ» Токвиля, вышедшій уже послѣ его смерти, съ предыдущими томами, нельзя не замѣтить сильнаго отклоненія во взглядахъ. То же случилось подъ конецъ ихъ жизни съ двумя другими видными либералами — съ Лабулэ и Жюлемъ Симономъ. Затѣмъ, съ начала 80-хъ годовъ, чувствуется въ цѣлой литературѣ, и въ Англіи, и въ Германіи, и во Франціи, какъ преобладающее теченіе, нѣкоторый брезгливый умственный ари-

стократизмъ, побуждающій писателей сторониться отъ толпы и, рискуя своей популярностью, высказывать политической и въ особенности умственной демократіи очень горькія истины. Назовемъ Прэнса въ Бельгіи, Томаса Мэна въ Англіи, Зибеля и Трейчке въ Германіи, Тэна, братьевъ Леруа-Болье, Шарля Бенуа и Клодіо-Жаннэ во Франціи. Что же касается изящной литературы, то въ лицѣ главныхъ своихъ представителей, Зудермана, Д'Аннунціо, Поля Бурже, Жюля Леметра, она почти цѣликомъ повернула въ эту сторону.

А движеніе между тѣмъ идетъ своей прежней торной дорогой. Для подавляющаго большинства практическихъ дѣятелей политики, депутатовъ и журналистовъ, незыблемо продолжаетъ стоять прежняя шаблонная мѣрка: чѣмъ дальше подвигаться по пути къ уравненію, т. е. къ признанію численнаго большинства рѣшающимъ моментомъ въ дѣлѣ государственнаго управленія, тѣмъ ближе мы подходимъ къ идеалу полной свободы. Думающіе и говорящіе такъ, можетъ быть, въ силу привычки, а, пожалуй, и ради популярности, не смѣютъ даже явно отрѣшиться отъ прямого союза съ соціалистами, такъ какъ по строгой теоретической логикѣ, разъ принято, что идеалъ—полное уравненіе, то имущественное равенство лишь неизбѣжный дальнѣйшій шагъ послѣ политическаго. Они, конечно, прекрасно понимаютъ, что насильственная регламентація имущественныхъ отношеній упраздняетъ собою самое элементарное проявленіе личной свободы и прямо идетъ наперекоръ одному изъ параграфовъ «Деклараціи правъ человѣка». Но дѣлать нечего: логическая Немезида ихъ влечетъ за собою, и созданный ими идолъ народовластія требуетъ постоянно новыхъ жертвъ, подъ страхомъ самимъ стать одной изъ такихъ жертвъ.

Но сознаніе фальши, неискренности этого движенія, неудержимо влекущаго ко дну демократизма тѣ страны, которыя до него пока не докатились, все замѣтнѣе увлекаетъ за собою ряды большой публики, и за одно съ этимъ слабѣетъ интересъ къ самому ходу парламентской борьбы. Слабѣетъ увѣренность, будто формула, нѣкогда въ подражаніе Англіи найденная Бен-

жамэномъ Констаномъ и такъ усердно проповѣдывавшаяся нѣмецкими либералами въ 48-мъ году, составляетъ въ самомъ дѣлѣ послѣднее слово политической мудрости. Растетъ въ то же время непріятное сознаніе, что въ основѣ этой системы, какъ она установилась на материкѣ Европы, лежитъ изрядная доля шарлатанства, что политическіе нравы не очистились ничуть, что подкупъ не перестаетъ играть своей первенствующей роли, что личная свобода, эта конечная цѣль политической, можетъ потерпѣть самое полное нарушеніе при безусловномъ господствѣ парламентаризма и кажущемся устраненіи всякаго неравенства между гражданами. Громко стали уже проповѣдывать ученіе, что любое насиліе законно, какъ скоро его узаконило большинство, другими словами, что свобода исчерпывается формой политическаго устройства, хотя бы по существу она попиралась ногами. Яркій примѣръ этому мы видимъ въ современной Франціи. Чему же удивляться, коли масса общества охладѣла къ ходу политической машины и какъ будто махнула на нее рукой.

А между тѣмъ по ту сторону океана, въ огромной странѣ, гдѣ демократія развилась сама собою, не въ силу отвлеченной теоріи, а какъ естественный результатъ полнаго отсутствія историческихъ наслоеній, среди этой демократіи все явственнѣе выростаетъ огромная сила быстро накопленнаго богатства, которая никакихъ принциповъ не знаетъ и ни передъ какими соображеніями не останавливается, а попросту покупаетъ все, что ей нужно—прессу, выборы, судъ, полицію, само даже правительство, а, пожалуй, и войско. Старая Европа присутствуетъ при могущественномъ зарожденіи класса американскихъ олигархатовъ, не обремененныхъ ни идеалистическими мечтами, ни тревогами совѣсти, и которымъ недостаетъ только сплотиться между собою, чтобы образовать одну изъ самыхъ полновластныхъ аристократій, какую знаетъ исторія. Это ли не memento для старинныхъ европейскихъ партій и для ихъ никому не нужнаго раздѣленія на либераловъ и консерваторовъ.

ГЛАВА I.

Измѣненіе общественнаго строя идетъ далеко не постоянно съ одинаковой быстротой. Физіономія Западной Европы измѣнялась очень мало, почти незамѣтно съ начала X вѣка, когда на развалинахъ имперіи Карла Великаго сложились феодальныя государства, — до конца XV, когда повсюду центральная власть одолѣла феодализмъ. Затѣмъ наступаетъ періодъ уже менѣе продолжительный, длившійся всего три вѣка, періодъ абсолютной монархіи, обставленной сословными учрежденіями. Особеннымъ спокойствіемъ эти двѣ крупныя историческія эпохи, правда, не отличались. Не говоря уже о среднихъ вѣкахъ, когда въ Европѣ не проходило года безъ какой-нибудь междоусобной войны, цѣлая половина XVII вѣка, когда теорія абсолютной власти сложилась не только въ дѣйствительности, но и въ общественной наукѣ, не было ни одного европейскаго государя, которому не приходилось наталкиваться на явное сопротивленіе той или другой группы своихъ подданныхъ, — отдѣльныхъ провинцій, не хотѣвшихъ пожертвовать своими историческими привилегіями ради государственнаго единства, дворянства, отстаивавшаго право суда и вотчинной полиціи въ предѣлахъ своихъ помѣстій, городскихъ общинъ, не хотѣвшихъ признать иного закона, кромѣ своихъ хартій, наконецъ, церкви, не допускавшей даже мысли о своемъ подчиненіи центральной власти. Сравнительный внутренній миръ царствовалъ въ Европѣ только съ половины XVII вѣка до

взрыва французской революціи. И тѣмъ не менѣе физіономія общества оставалась прежнею. Крестьяне возставали противъ своихъ господъ, города воевали съ феодальными владѣльцами и даже съ самими королями, провинціальныя или общегосударственныя сословныя собранія отказывали правительству въ требуемыхъ субсидіяхъ, дворянство бунтовало, но все это были столкновенія частныя, не затрагивавшія въ принципѣ неравенства сословій, церковной самостоятельности и королевскаго самодержавія. Даже такія крупныя, можно сказать, всемірныя событія, какъ возстаніе Нидерландовъ противъ Испаніи, англійская революція и отложеніе Америки совершались въ силу конкретныхъ, а не отвлеченныхъ правъ. Возставали противъ нарушенія извѣстной привилегіи, а не во имя прирожденныхъ каждому человѣку прерогативъ. Всѣ многочисленныя движенія, волновавшія Европу въ теченіе среднихъ вѣковъ и первой половины новаго времени, были результатами не философской мысли, а волевой иниціативы отдѣльныхъ людей или опредѣленныхъ группъ, вызванной стремленіемъ устроиться какъ можно лучше при данныхъ обстоятельствахъ. Такъ, феодальная организація, для которой имѣлся уже готовый матеріалъ въ римскомъ колонатѣ, была лишь результатомъ необходимости какъ-нибудь обезпечить себя нѣкоторой безопасностью при помощи ближайшаго сильнаго человѣка, въ виду полной безпомощности центральной власти за отсутствіемъ у нея войска, дорогъ, финансовъ и полиціи. Монархія Карла Великаго оттого только и пала, что во всемъ этомъ оказывался полный недостатокъ. Средневѣковые города опять таки имѣли въ традиціяхъ Рима готовую почву муниципій, но превратились они въ вооруженныя крѣпости съ каменными стѣнами вслѣдствіе необходимости обезопасить какъ-нибудь продукты ремесленнаго производства. И, разумѣется, чѣмъ промышленнѣе, чѣмъ торговѣе была какая-нибудь страна, тѣмъ городовъ этихъ было больше и тѣмъ замѣтнѣе они господствовали надъ деревней. Вотъ почему, кстати сказать, въ очень промышленныхъ странахъ, во Фландріи и на всемъ югѣ, въ Испаніи, Южной Фран-

ціи и Италіи аристократія сама было муниципальной, частью вышедшей изъ рядовъ промышленнаго класса, частью выстраивавшей себѣ укрѣпленные замки внутри самыхъ городовъ, дабы пріобрѣсти себѣ въ нихъ господство. Пока условія средневѣковой жизни не измѣнялись, не было достаточнаго повода измѣнять и ея устройство. Можно было свергнуть давняго властелина, ограбить и разрушить какой-нибудь городъ, совершить много кровавыхъ насилій, но затѣмъ все опять вступало въ прежнюю колею. Толчекъ перемѣнѣ былъ данъ постепеннымъ расширеніемъ формъ труда, разработкой юристами правовыхъ понятій въ университетахъ и техническими изобрѣтеніями XIV и XV вѣковъ, другими словами, дѣятельностью человѣческаго духа, медленно, но упорно двигавшагося по тремъ дорогамъ. Расширеніе формъ труда создало крупную индустрію; болѣе многолюдные, а, стало быть, и болѣе могущественные городскіе центры вызвали потребность въ обмѣнѣ товаровъ, стало быть, въ проведеніи дорогъ, съ одной стороны, и въ развитіи мореплаванія съ другой; наконецъ, созданіе новыхъ цѣнностей открыло возможность пополненія королевской казны. Труды юристовъ воскресили понятіе о единой государственной власти и о самодержавныхъ правахъ государя. Наконецъ, техническія открытія измѣнили какъ условія жизни, такъ и способы вооруженія и характеръ обороны. Когда, съ одной стороны, накопленіе богатствъ сдѣлало имущественную безопасность болѣе настоятельной, а съ другой — у государей явилось юридическое оправданіе ихъ власти и матеріальныя средства къ ея распространенію,— монархическая власть могла окрѣпнуть. Порохъ, конечно, измѣнилъ способы веденія войны, но гораздо сильнѣе пороха на измѣненіе физіономіи общества, на переходъ феодаловъ изъ своихъ горныхъ замковъ на равнину, въ непосредственное сосѣдство съ столицей, повліяла нарождавшаяся потребность въ роскоши и изяществѣ и естественное желаніе достигнуть могущества уже путемъ благосклонности государя, а не путемъ вооруженнаго возстанія противъ него.

Словомъ, замки были разрушены не столько порохомъ, сколько собственной ненужностью. Королевская власть своимъ усиленіемъ въ большей степени была обязана потребности въ порядкѣ и государственной защитѣ для всѣхъ, чѣмъ регулярному войску. Но опять таки до половины XVIII вѣка всѣ эти измѣненія очень мало затрагивали суть общественныхъ понятій. Король, хоть и былъ самодержавнымъ, долженъ былъ считаться съ цѣлымъ рядомъ общественныхъ организацій, все еще загораживавшихъ путь къ полному объединенію: вооруженныя крѣпости на вершинахъ холмовъ были разрушены, но крѣпости духовныя, соціальныя продолжали существовать въ видѣ провинціальныхъ особенностей отдѣльныхъ частей государствъ, сословныхъ привилегій, церковной юрисдикціи, цехового устройства и т. д. Все это могло рушиться лишь подъ вліяніемъ коренной перемѣны въ условіяхъ экономической жизни и въ складѣ понятій. [1])

И перемѣна эта случилась почти одновременно въ половинѣ XVIII вѣка. Съ 50-хъ годовъ этого столѣтія идетъ все ускоряющимся темпомъ образованіе болѣе или менѣе крупныхъ мануфактуръ, съ переходомъ отъ домашняго ремесленнаго производства къ фабричному. Одновременно съ этимъ расширяется и торговля, преимущественно экзотическая, и, благодаря этимъ двумъ условіямъ, происходитъ постепенное накопленіе движимаго богатства, все замѣтнѣе опережавшаго недвижимое. Первый толчекъ этому движенію былъ данъ географическими открытіями XV вѣка, но вызванная ими заокеанская торговля сперва преслѣдовала лишь двѣ цѣли—полученіе благородныхъ металловъ изъ Новаго Свѣта и дешевыхъ тропическихъ продуктовъ новооткрытыхъ странъ въ Азіи. Искали обогащенія путемъ непосредственной эксплоатаціи колоній, а не путемъ обмѣна ихъ продуктовъ на свои. Въ результатѣ оказалось необыкновенное удешевленіе экзотическихъ продуктовъ, въ томъ числѣ звонкой монеты. Образовалось, правда, довольно много крупныхъ

[1]) Talleyrand. Mémoires. T. I. Pp. 175—223.

состояній въ рукахъ торговыхъ и промышленныхъ авантюристовъ, но въ общемъ получился лишь разорительный экономическій кризисъ, вслѣдствіе пониженія покупной силы денегъ и общей переоцѣнки всѣхъ товаровъ. Кровообращенію старой Европы былъ данъ сильный толчекъ тогда лишь, когда образовались въ Англіи, Нидерландахъ и Франціи нѣсколько крупныхъ компаній для организаціи торговли съ экзотическими странами, съ цѣлью не только добывать оттуда произведенія тропиковъ, но завести правильный обмѣнъ европейскихъ товаровъ на тамошніе. Основной причиной прибыльности такого обмѣна была неодинаковая субъективная оцѣнка однихъ и тѣхъ же товаровъ со стороны европейскихъ производителей и заокеанскихъ туземцевъ. Стоившіе недорого въ Англіи или въ Нидерландахъ продукты обработки волокнистыхъ веществъ получали высокую цѣнность въ глазахъ жителей Африки и тропической Азіи, дававшихъ въ обмѣнъ за нихъ смолу каучуковаго дерева, пряности, страусовыя перья, слоновую кость и т. д.

Понятно, что чѣмъ болѣе расширялся такой обмѣнъ, тѣмъ приходилось отправляемые за море товары производить въ большемъ количествѣ, что и вызвало переходъ многихъ отраслей производства изъ формы домашняго ручного въ стадію мануфактурнаго. Это превращеніе обрабатывающей промышленности и связанное съ нимъ усиленіе кредитныхъ операцій создали богатое среднее сословіе, своими капиталами сильно переросшее земельное богатство аристократіи. Само собою разумѣется, что въ странахъ, гдѣ само дворянство имѣло городской. т. е. торговый характеръ, какъ въ Италіи и Голландіи, особенно остраго контраста, а, стало быть. и антагонизма отсюда не возникло. Но тамъ. гдѣ. какъ во Франціи, дворянство въ торговлѣ и промышленности не участвовало, въ то же время все расширяя свои расходы подъ вліяніемъ растущихъ требованій роскоши, вражда не могла не возникнуть. Нужды нѣтъ, что, съ установленіемъ абсолютизма, дворянство утратило политическую самостоятельность. Самое его ничтожество, какъ серьезной государственной силы, вызывало къ нему презрѣніе, тѣмъ болѣе, что свои соці-

альныя функціи на мѣстѣ оно совершенно перестало выполнять [1]), не чиня суда и расправы, не защищая уже никого и даже не тратя своихъ доходовъ на мѣстѣ. Безсильное передъ королемъ и не нужное никому, оно тѣмъ не менѣе кололо всѣмъ глаза своими наружными почетными привилегіями, изъ которыхъ самой ненавистной было предоставленіе ему всѣхъ офицерскихъ мѣстъ въ арміи. Лишенное уже возможности бороться съ центральной властью вооруженной рукой, оно круто измѣнило свое поведеніе и стало у этой власти доискиваться разныхъ денежныхъ милостей; а между тѣмъ настоящая сила, и денежная и умственная, все болѣе уходила изъ его рукъ. Въ рядахъ буржуазіи было не только большее число богатыхъ людей, но она все замѣтнѣе запружала собою гражданское управленіе страны, правда, не на самыхъ видныхъ, но за то на самыхъ дѣятельныхъ мѣстахъ въ судѣ и администраціи. Когда на одной сторонѣ превосходство, и умственное и матеріальное, а на другой почеть, вражда неминуема. Немудрено, что это ненормальное разъединеніе между дѣйствительной общественной силой и ея внѣшними признаками натолкнуло общественную мысль на изысканіе причинъ такой неправильности и привело къ ученію о раціональномъ общественномъ устройствѣ, основанномъ не на историческомъ развитіи, а на логикѣ и справедливости. Удивительно то лишь, что это ученіе, направленное противъ дворянства и церкви, встрѣтило у обоихъ вполнѣ сочувственный пріемъ, подъ воздѣйствіемъ обаянія моды и боязни отстать отъ прочихъ своей просвѣщенностью [2]). Съ этого момента, въ теченіе цѣлаго столѣтія и вплоть до революціи 48-го года, все общественное движеніе Европы принимаетъ исключительно отвлеченный, идейный характеръ. Его основная черта все та же — стремленіе разрушить историческія аномаліи и перестроить

[1]) Toqueville. L'Ancien Regime et la Révolution. Pp. 41—47.

[2]) Albert Sorel. L'Europe et la Révolution Française. Première Partie' Livre II, Chap. I, Pp. 217. 218, Deuxième Partie, Livre II. Chap. I, Pp. 115—128.

общество на логическихъ началахъ, безусловно лучшихъ во всѣ времена и во всѣхъ странахъ, потому что въ самихъ себѣ они будто содержатъ цѣлительную силу для общественныхъ недуговъ. Это направленіе есть ничто иное, какъ либерализмъ. Ядро его сводится къ двумъ положеніямъ— къ прирожденной самостоятельности и къ природному равенству каждой отдѣльной личности. И ядро это заключало въ себѣ внутреннее противорѣчіе, выразившееся въ постоянныхъ колебаніяхъ, какъ въ движеніи маятника, переходившихъ отъ анархіи, т. е. отъ полнаго своеволія, отъ самодержавія всѣхъ и каждаго, къ государственному полновластію, т. е. къ подчиненію каждаго всѣмъ, во имя разума и общей пользы. Каждый изъ этихъ двухъ полюсовъ раціоналистическаго либерализма опять содержитъ элементы логическаго распада на двѣ противоположности. Анархія, съ одной стороны, выражаетъ собою полное торжество индивидуализма, съ другой — безграничный деспотизмъ единичной воли, не признающей никакой преграды своему всевластію. Подчиненіе личности волѣ большинства въ то же время легко превращается въ олицетвореніе этого большинства однимъ человѣкомъ, его вождемъ, т. е. опять таки приводитъ соціальную власть къ высшему проявленію личной воли—къ самодержавію. Французская революція, какъ самый яркій опытъ примѣненія къ дѣлу отвлеченнаго либерализма, представила быструю смѣну всѣхъ этихъ стадій, переходъ отъ свободы къ анархіи, отъ анархіи къ образованію кучки людей, захватывавшихъ общественную власть и напрягавшихъ ее до необыкновенной силы, наконецъ, къ сосредоточенію этой власти въ рукахъ одного человѣка, олицетворявшаго собою разумную волю цѣлаго народа. Благодаря своей двойственности, отвлеченное начало, лежавшее въ основѣ раціоналистическаго либерализма, и привело одновременно къ образованію двухъ совершенно противоположныхъ теченій—къ гражданскому индивидуализму, съ одной стороны, при которомъ каждое отдѣльное лицо совершенно освобождалось отъ прежнихъ связей съ которой-либо изъ существовавшихъ до того историческихъ организацій, —

отъ своего сословія, отъ цеха, къ которому было приписано, отъ провинціи, гдѣ родилось, а съ другой—къ сильному развитію общественной власти, подчиненію цѣлой страны объединяющему центральному началу. Благодушные теоретики, разсуждавшіе на основаніи отвлеченныхъ принциповъ о правильной организаціи общества, конечно, и не думали предвидѣть, къ какимъ послѣдствіямъ приведутъ ихъ логическія построенія. Всѣ они исходили изъ признанія за личностью полной неприкосновенности и свободы. Всѣ они, такимъ образомъ, были индивидуалистами въ полномъ смыслѣ слова и пламенною защитою личной самостоятельности очень много сдѣлали для подъема нравственнаго сознанія и очищенія законодательства отъ жестокихъ остатковъ средневѣковой крутости и средневѣковаго суевѣрія. Если бы они остались на этой стадіи, они вполнѣ бы заслужили благодарность потомства. Къ сожалѣнію, всѣ они въ то же время обладали маніей симметрической соціальной архитектуры. Они хотѣли объяснить раціонально, а не исторически, образованіе государства и создать типъ общества, вполнѣ совершенный, пригодный на всѣ времена. Съ этою цѣлью они должны были прибѣгнуть къ слѣдующей теоретической схемѣ.

Личность не только самостоятельна и священна, она, вдобавокъ, отъ природы вполнѣ разумна, и притомъ въ одинаковой мѣрѣ для всѣхъ. Если до сихъ поръ эта одинаковая разумность не вполнѣ высказывается, это происходитъ отъ религіозныхъ суевѣрій и отъ общественнаго гнета. Стало быть, прежде всего надо воспитывать юношество внѣ всякихъ традиціонныхъ религіозныхъ понятій, а затѣмъ устранить всякую искуственную, стало быть, нераціональную власть однихъ надъ другими,—власть сословную, монархическую, судебную, церковную и т. д. Но такъ какъ, при такомъ свободномъ развитіи, человѣкъ станетъ безусловно разумнымъ, онъ можетъ желать одного только общественнаго блага, и если отдѣльныя лица расходятся во взглядахъ насчетъ осуществленія этого блага, право рѣшать споръ должно безусловно принадлежать большинству,

такъ какъ совершенно очевидно, что среди одинаково разумныхъ людей большинство будетъ непремѣнно разумнѣе меньшинства.

Трудно въ настоящее время безъ смѣха приводить это наивное ученіе. Трудно себѣ объяснить въ особенности, какимъ образомъ самое крайнее проявленіе его, въ лицѣ Руссо, могло привлекать очень умныхъ и притомъ высокопоставленныхъ людей, не подозрѣвавшихъ даже, что, примѣненное къ дѣлу, оно прежде всего направится противъ нихъ самихъ. А между тѣмъ все французское общество до самыхъ верховъ, и значительная часть итальянскаго, англійскаго и нѣмецкаго, было имъ увлечено, какъ откровеніемъ свыше. Да и въ настоящее время, судя по тому, что иногда говорится и печатается, оно сохранило послѣдователей, особенно у насъ. Во Франціи давно труды Леонса Делаверна, Токвиля, Ипполита Тэна, Альбера Сорэля раскрыли внутреннюю несостоятельность мнимо освободительныхъ началъ, лежавшихъ въ основѣ Революціи 1789—99-го года. У насъ, повидимому, судя по содержанію нѣкоторыхъ историческихъ лекцій, по книгѣ г. М. Ковалевскаго о происхожденіи западной демократіи, по необыкновенно плоской исторіи третьей Республики г. Инсарова, даже по многочисленнымъ работамъ такого умѣреннаго изслѣдователя, какъ г. Карѣевъ, все еще держится суевѣрное поклоненіе заслугамъ революціи, какое въ началѣ прошлаго вѣка установилось, благодаря Тьеру, Минье и Луи Блану. Были, впрочемъ, и въ самый разгаръ движенія люди, распознавшіе ясно его характеръ и миніуру благости мнимой свободы, его сопровождавшей. Но люди эти — англичанинъ Эдмондъ Беркъ и американецъ Гёвернеръ Моррисъ [1]), не принадлежали къ латинской расѣ. На нихъ блестящимъ образомъ подтвердилось ученіе Тэна о вліяніи среды и національности на взгляды писателей. Попросту говоря и не стараясь обыденный фактъ облечь въ научную форму, трезвое сужденіе этихъ двухъ ино-

[1]) Burke. Reflexions on the revolution in France.
Journal de Gouverneur Morris.

странцевъ объясняется тѣмъ, что со стороны виднѣе и что всего лучше понимаютъ данное событіе люди, свободные отъ страстей непосредственныхъ его участниковъ. Въ недавно изданномъ дневникѣ Морриса, сперва уполномоченнаго урегулировать долгъ Соедин. Штатовъ передъ Франціей за участіе въ войнѣ за независимость, а потомъ назначеннаго американскимъ посланникомъ въ Парижъ, содержатся необыкновенно мѣткія характеристики событій и людей, по мѣрѣ того, какъ передъ его авторомъ развертывалась картина революціи. Моррису не разъ, правда, случалось ошибаться въ своихъ предсказаніяхъ: ежедневно отмѣчая ходъ событій, трудно уловить ихъ общее направленіе. Тѣмъ не менѣе дневникъ американскаго дипломата бьетъ въ глаза своей основной чертой — контрастомъ между его пониманіемъ свободы и пониманіемъ ея французами. Для Морриса свобода прежде всего устройство, обезпечивающее каждому возможность дѣлать, что ему угодно, пока онъ не нарушаетъ такой же возможности для остальныхъ. Потребность въ этой свободѣ имѣетъ въ его глазахъ два источника — отвращеніе къ регламентаціи и увѣренность въ томъ, что обмѣнъ взглядовъ нѣсколькихъ лицъ обезпечиваетъ болѣе вѣрное рѣшеніе даннаго вопроса. Другими словами, не отвлеченное понятіе о прирожденномъ правѣ, а проявленіе личной воли, твердо увѣренной, что каждый хорошо знаетъ, чего ему надо, и признаетъ такое же право за всѣми прочими, какъ необходимое условіе присвоенія такого права себѣ, —вотъ что лежало въ основѣ міровоззрѣнія Гёвернера Морриса. У Берка взглядъ шире и спокойнѣе. Онъ даетъ общую форму революціоннаго движенія и, предвкушая, такъ сказать, ученіе исторической школы, твердо устанавливаетъ, что прочны тѣ лишь преобразованія, которыя выстроены на исторической почвѣ. Справедливо то лишь, что въ угоду отвлеченныхъ принциповъ не нарушаетъ существующихъ правъ. Полвѣка спустя, этимъ взглядамъ суждено было проникнуть и на континентъ и совершенно обновить пониманіе революціонной эпохи историками, въ томъ числѣ и французскими. Въ горячихъ приверженцахъ того страннаго взгляда, будто ре-

волюція принесла съ собою освобожденіе человѣчества, не было недостатка и за предѣлами Франціи. Арчибальдъ Эльсенъ, Іеремія Бентамъ, сэръ Джемсъ Мэкинтошъ, Джонъ Миллъ, отецъ извѣстнаго экономиста, были его представителями въ Англіи. Въ Германіи Роттэкъ, Гервинусъ сильно разнятся въ пониманіи революціи отъ болѣе поздняго историка Генриха Зибеля, книга котораго «Geschichte der Revolutionszeit» принадлежитъ къ числу лучшихъ изслѣдованій этой исторической эпохи. Въ самой французской литературѣ цѣлая бездна отдѣляетъ догматическіе взгляды Минье и слѣпое поклоненіе Тьера передъ любой силой, даже силой терроризма, отъ пониманія революціи такими писателями, какъ Тэнъ и Сорэль. Но еще до сихъ поръ, особенно въ рядахъ средней публики, затвердившей избитыя слова о великомъ героизмѣ мнимыхъ освободителей человѣчества, не вполнѣ забыты выцвѣтшія общія мѣста о заслугахъ французскаго народа передъ всѣми прочими. Трудно себѣ представить что-нибудь болѣе узкое и близорукое и въ то же время банально понятное, чѣмъ подобный взглядъ. Чтобы хоть на минуту съ нимъ согласиться, надо позабыть прежде всего, что, въ противоположность античному міросозерцанію, германскіе народы были инстинктивными носителями личной свободы и, разумѣется, не въ силу какой-нибудь теоріи, а попросту, какъ естественное проявленіе этой свободы, выражали ее въ своемъ общественномъ устройствѣ путемъ выбора своихъ вождей. Необходимо далѣе позабыть, что три народа: англичане, нидерландцы и американскіе англосаксы, слѣдуя все тому же естественному влеченію проявить свою личную волю, признавая въ то же время и волю другихъ, создали гораздо ранѣе французовъ прочныя и цѣлесообразныя учрежденія, стоившія имъ къ тому большихъ усилій и много крови. Примѣры, не говоря уже о классическомъ мірѣ, были, стало быть, налицо. Изобрѣтать ничего не приходилось. Были даже очень сложныя, выросшія на родной почвѣ учрежденія, какъ провинціальныя собранія въ восьми французскихъ провинціяхъ, какъ парламенты съ наслѣдственнымъ составомъ членовъ, обладавшихъ

и судебной и нѣкоторой долей законодательной власти, какъ генеральные штаты, наконецъ, переставшіе собираться, правда, въ теченіе 175 лѣтъ, съ 1614 г. по 1789. На бѣду понадобилось все это перекроить въ угоду ложному представленію, будто всѣ люди по природѣ добры и, вдобавокъ, одинаково разумны и что естественнымъ выразителемъ этого разума служитъ численное большинство. А такъ какъ разумность несомнѣнный залогъ общественнаго благополучія, необходимо ее сдѣлать обязательною, и людей, ей не подчиняющихся, удалить, какъ вредныхъ. Какъ логическій выводъ изъ этихъ посылокъ, изъ поразительнаго ослѣпленія, заставлявшаго умныхъ людей, которыхъ Франція послала въ Учредительное Собраніе, строить заново государственное устройство вмѣсто того, чтобы черпать изъ прошлаго элементы для его починки, революціонныя злодѣйства совершенно понятны: скрытая боязнь за свое дѣло, въ прочность котораго въ сущности никто не вѣрилъ, доводила до бѣшенства фанатиковъ отвлеченной мысли, превращая въ злодѣевъ благотворителей человѣчества. Не менѣе понятно, что и позже, когда наполеоновская эпопея стерла нѣсколько изъ памяти революціонное насиліе, среднему человѣку трагедія дѣйствительнаго переворота казалась чѣмъ-то необыкновенно великимъ, хотя бы въ виду грандіозно пролитой ею крови. Среднему человѣку, составляющему всегда большинство, всего менѣе пришлось пострадать отъ революціи: гильотина, хотя она поражала далеко не однихъ высокопоставленныхъ лицъ, все-таки давала казненному нѣкоторую отмѣтку какого-то высшаго достоинства. И онъ твердо вѣрилъ, этотъ средній человѣкъ, что сталъ вполнѣ свободнымъ, и почти радовался, сознавая, что онъ какъ будто немножко поднялся надъ прежнимъ уровнемъ вслѣдствіе того, что переказнили все выдающееся, въ томъ числѣ лучшаго поэта Франціи и перваго ея ученаго. На всѣхъ общественныхъ зданіяхъ стояла надпись: «свобода, равенство и братство», и онъ воображалъ себя свободнымъ, этотъ злополучный средній человѣкъ, хотя можно было подвергнуться смертной казни за неосторожное слово и

конфискаціи имущества за выѣздъ за границу. Онъ воображалъ себя равнымъ всѣмъ прочимъ согражданамъ, хотя при Директоріи ему приходилось дожидаться въ переднихъ властителей ничуть не хуже, чѣмъ при старинной монархіи, и, вдобавокъ,— чего при старинной монархіи не бывало—подвергаться административнымъ порядкомъ ссылкѣ въ мѣста очень отдаленныя, обладающія къ тому же смертоноснымъ климатомъ; онъ воображалъ, наконецъ, что новый порядокъ воодушевленъ чувствомъ всеобщаго братства, хотя могъ видѣть, какъ ежедневно отвозили на казнь по нѣсколько десятковъ человѣкъ и притомъ съ нарушеніемъ всѣхъ правилъ какого бы то ни было судопроизводства. Любопытно, кстати сказать, что ни одинъ изъ многочисленныхъ историковъ революціи, даже Мортимеръ-Терно и Барантъ, спеціально занимавшіеся терроромъ, не далъ себѣ труда систематически изслѣдовать процессуальные порядки революціонныхъ судовъ. Съ формальной точки зрѣнія эти порядки могли казаться правильными. Были присяжные, рѣшавшіе вопросъ о виновности, причемъ статистика даетъ около 75% обвинительныхъ приговоровъ, и коллегія судей, опредѣлявшихъ мѣру наказаній,—почти исключительно смертную казнь.

Но тщетно бы стали отыскивать тотъ уголовный кодексъ, гдѣ опредѣлялись бы наказуемыя такимъ образомъ преступленія. Въ теченіе 1½ года слишкомъ 130.000 человѣкъ погибло на гильотинѣ, не считая жертвъ сентябрьской рѣзни въ Парижѣ, да убитыхъ во время другой рѣзни при взятіи Ліона въ 1793 году и потопленныхъ въ Луарѣ, во время неистовствъ Карье въ Нантѣ, въ концѣ того же года. И все совершалось либо попросту «въ административномъ порядкѣ», какъ на Луарѣ въ Нантѣ, либо въ силу трехъ декретовъ конвента, опредѣлившихъ, что лица, оставившія французскую территорію по собственному почину, ихъ родственники, оставшіеся дома, всѣ участники въ какомъ-либо замыслѣ къ измѣненію существующаго порядка и, наконецъ, всѣ, выразившіе въ письмѣ или на словахъ сочувствіе имъ, или, что все равно, несочувствіе

этому порядку,—что всѣ эти люди образуютъ армію состоящихъ подъ сильнымъ подозрѣніемъ и могутъ подвергнуться обвиненію въ государственной измѣнѣ, если о томъ будетъ постановлено парижскимъ центральнымъ комитетомъ общественнаго спасенія, или однимъ изъ провинціальныхъ комитетовъ, большею частью самозванныхъ, покрывавшихъ Францію цѣлою сѣтью обвинительныхъ камеръ. Исторія знаетъ нѣсколько эпохъ ужасающаго террора,—время римскихъ цезарей перваго вѣка, избіеніе Альбигойцевъ, властвованіе герцога Альбы въ Нидерландахъ, мрачное правленіе Людовика XI, ужасное царствованіе Іоанна IV и, наконецъ, испанскую инквизицію при Филиппѣ II, но по числу жертвъ это было ничто въ сравненіи съ полуторагодовымъ господствомъ террора. Стоитъ припомнить самую кульминаціонную точку этого террора, хотя бы процессъ Дантона, который своимъ видомъ и краснорѣчіемъ началъ было производить впечатлѣніе на присяжныхъ и вслѣдствіе этого былъ лишенъ даже того фиктивнаго права защиты, какое обыкновенно допускалось. Простымъ постановленіемъ суда производство судебнаго слѣдствія было пріостановлено, и вопросы поставлены присяжнымъ безъ всякаго обмѣна рѣчей обвиненія и защиты. И отъ всего этого насъ отдѣляетъ съ небольшимъ сто лѣтъ. Если бы кто-нибудь изъ болѣе или менѣе современныхъ намъ деспотовъ, какъ Фердинандъ VII въ Испаніи, Фердинандъ IV Il Re Bomba въ Неаполѣ, или хотя бы докторъ Франчіа въ Парагваѣ—себѣ позволилъ бы хотя тысячную долю этихъ кровавыхъ правонарушеній, можно себѣ представить, какое море негодующихъ чернилъ было бы пролито по этому поводу, судя по тому, сколько ихъ было пролито по адресу хотя бы князя Меттерниха, который однако казнилъ только газеты. А между тѣмъ милые юноши, воспитывающіеся въ нашихъ учебныхъ заведеніяхъ, подъ воздѣйствіемъ еще болѣе милыхъ наставниковъ, наивно вѣрятъ, что во всемъ этомъ осуществлялось торжество свободы. Крупные писатели, какъ Мишлэ, Эдгаръ Кинэ, Іоганнъ Шерръ, Гервинусъ, даже Гейне, противопоставляя 10-тилѣтіе, закончившее собою XVIII вѣкъ, мелководной плос-

кости современнаго имъ буржуазнаго общества, готовы усмотрѣть въ этомъ десятилѣтіи нѣчто великое и достойное подражанія. Викторъ Гюго въ своемъ романѣ «Quatre vingt treize» прямо восхваляетъ его героизмъ, а въ «Les Misérables», нисколько не смущаясь, пишетъ слѣдующую невѣроятную фразу: «Quand un peuple ne veut pas d'une révolution, il faut la lui imposer». Талантливый Жюль Барбіе въ одной изъ своихъ знаменитыхъ «ямбъ» въ пьесѣ «L'Idole» говоритъ въ укоръ Наполеону.

Qu'elle était belle, ta France
Au grand soleil de Messidor.

Другими словами, въ его глазахъ было нѣчто, заслуживающее поклоненія, въ зловонную эпоху директоріи, такъ мѣтко обрисованную Сораделемъ. А когда Сарду двѣнадцать лѣтъ назадъ хотѣлъ поставить свою пьесу «Thermidor», мудрое французское правительство ее запретило, потому что онъ дерзнулъ посягнуть на такую личность, какъ Робеспьеръ. Все это ярко свидѣтельствуетъ о необыкновенномъ пониманіи и личной, и общественной свободы. Раціонализмъ, какъ основа общественнаго переустройства, далъ себя почувствовать своимъ благодушнымъ поклонникамъ—на этомъ съ виду безобидномъ деревѣ выросли очень ядовитые плоды. И произошло это отъ очень ничтожнаго съ виду недоразумѣнія: смѣшали попросту формальную свободу, т. е. широкое примѣненіе выборнаго начала и отсутствіе всякой организованной регулирующей власти, съ свободою по существу, главное условіе которой—безопасность отъ всякаго посторонняго насилія. Въ писанной конституціи, въ нѣсколько мѣсяцевъ скомканной въ Учредительномъ Собраніи, все было до нельзя либерально. Жизнь, свобода и собственность обезпечивались безусловно; безъ судебнаго приговора никто не могъ подвергнуться ни аресту, ни денежному взысканію. Вдобавокъ, первоисточникомъ всякой власти, не только законодательной, но и административной и судебной, признавался выборъ, а единственная не выборная

власть королевская обратилась въ призракъ. Въ достопамятную ночь 4-го августа самъ привилегированный классъ съ опьянѣлымъ энтузіазмомъ выбросилъ за бортъ всѣ свои историческія привилегіи. Далѣе, казалось бы, некуда было итти. Въ угоду раціонализму все историческое развитіе страны было зачеркнуто. Осталось одно преимущество — это стоитъ замѣтить — преимущество денегъ. Учредительное Собраніе установило цензъ для всѣхъ выборовъ, и даже въ конституціи Конвента этотъ цензъ сохранился, хотя и былъ пониженъ. За то все пріобрѣтенное историческимъ путемъ и медленно наслоившееся было уничтожено однимъ почеркомъ пера, какъ нераціональное. Казалось бы, съ точки зрѣнія формальной свободы, дальше некуда было итти: оставалось развѣ одно — полное имущественное уравненіе. Но этого какъ разъ никто и не думалъ требовать, а между тѣмъ, когда всѣ политическія права, и право сходокъ, и право ассоціацій, и свобода печати, были широко даны, и началось движеніе, о которомъ трудно даже сказать — имѣло ли оно характеръ освободительный или, наоборотъ, тираническій. Свобода прежде всего предполагаетъ неприкосновенность каждаго, а между тѣмъ эта свобода, открывшаяся во Франціи осенью 1789 года, заключалась въ возможности для всѣхъ и каждаго, кто матеріально посильнѣе, притѣснять, грабить и даже убивать прочихъ. Тиранія предполагаетъ сосредоточеніе ея въ чьихъ-либо опредѣленныхъ рукахъ, а въ революціонную эпоху она то и дѣло переходила изъ рукъ въ руки. Любой кружокъ, любая толпа, любое скопище могли въ данную минуту захватить власть и ею злоупотреблять до новаго взрыва, сметавшаго эту кучку самозванцевъ.

Свобода революціи была двуликая, какъ тотъ библейскій столпъ, который свѣтилъ евреямъ и окружалъ мракомъ египтянъ. Эта свобода совмѣщала въ себѣ доведенный до крайности произволъ однихъ и доведенную до минимума безопасность другихъ. О братствѣ якобинцевъ и говорить не стоитъ: оно заключалось въ правѣ взаимнаго избіенія. Что же касается равенства, оно ограничивалось очень широкой конкурренціей въ

достиженія власти и богатства, но какъ скоро то и другое было достигнуто, это равенство немедленно прекращалось. Трудно, напримѣръ, говорить о равенствѣ членовъ парижскихъ комитетовъ, казнившихъ по своему произволу кого угодно, и людей, которыхъ они посылали на эшафотъ. Не особенно много равенства было и въ эпоху Директоріи, когда правящая группа, состоявшая большею частью, впрочемъ, изъ проходимцевъ, жила въ безмѣрной роскоши, разрѣшая себѣ и развратъ, и подкупъ и насилія, а люди, не приходившіеся имъ по нраву, могли подвергнуться, если не эшафоту, то по крайней мѣрѣ административной ссылкѣ. Альберъ Сорэль очень мѣтко начертилъ процессъ образованія группы олигарховъ, состоявшихъ изъ всевозможныхъ элементовъ,—изъ бывшихъ дворянъ, какъ Баррасъ и Талейранъ, изъ духовныхъ, скинувшихъ рясу, какъ Сіэсъ и Буше, изъ философовъ стоическаго культа, ставшихъ эпикурейцами, какъ Ларевельеръ и Ребелль; изъ военныхъ, какъ Массена и Ожеро, изъ ученыхъ и литераторовъ, какъ Монжъ и Реаль, наконецъ, попросту изъ революціонныхъ карьеристовъ, какъ Мерлэнъ и Камбасересъ. Все это ссорилось, интриговало, подкупало, развратничало и сходилось въ одномъ только—въ бездонномъ цинизмѣ, пока, наконецъ, все это до того надоѣло, что всѣ обрадовались перевороту, обратившему въ ничто всю эту демократическую аристократію. И эти порядки, уже не разъ необыкновенно мѣтко обрисованные историками, учителя юношества до сихъ поръ выдаютъ за колыбель свободы, за прекрасную зарю новаго времени. Была въ нихъ несомнѣнно одна черта, могущая нравиться многимъ — легкость пути вверхъ, открытаго всѣмъ безъ разбора, въ достаточной мѣрѣ обладавшимъ безстрашіемъ и безстыдствомъ. Свобода существовала для каждаго, кто умѣлъ во время схватиться за палку, и такъ какъ люди, владѣвшіе этой палкой, смѣнялись часто, могло казаться, что она принадлежитъ всѣмъ. Условія конкурса, или хотя бы подбора, стали значительно легче.

Спрашивается теперь, почему движеніе, охватившее Францію подъ конецъ XVIII вѣка и наложившее свою печать на

весь слѣдующій, не распространилось и на сосѣднія страны, гдѣ, какъ въ Германіи, рядомъ съ сословностью господствовалъ абсолютизмъ, или, какъ въ Англіи, настоящая политическая власть принадлежала лишь небольшому сравнительно кружку людей. Притомъ и въ Германіи и въ Англіи совершался тотъ же процессъ отвлеченной мысли, какъ во Франціи, хотя и съ меньшей страстностью. Въ Англіи хозяевами мысли въ XVIII вѣкѣ были философы такого же раціоналистическаго пошиба, какъ и энциклопедисты, хотя, по особому складу англійскаго ума, болѣе склонные къ индукціи, чѣмъ послѣдніе; въ германскомъ умственномъ движеніи господствуетъ за всю вторую половину вѣка геній Канта, въ своихъ выводахъ такъ же безпощадно отрицавшій историческую преемственность, какъ дѣлали это энциклопедисты. Отчего же раціоналистическіе выводы, содержащіеся въ его «Критикѣ практическаго разума» и столь же сокрушительные, какъ выводы Руссо, остались запертыми въ его кабинетѣ и не разлились по Германіи никакимъ, даже умственнымъ броженіемъ?

Причина этого различія, повидимому, заключается, съ одной стороны, въ особыхъ свойствахъ германской расы, съ другой,— въ процессѣ образованія государственной власти въ Англіи и въ Германіи, совершенно непохожемъ на тотъ же процессъ во Франціи. Послѣ покоренія Англо-Саксонскаго королевства норманнами, Англія сдѣлалась единственной страной въ Западной Европѣ съ самодержавной королевской властью. Точка отправленія ея политическаго развитія была какъ разъ тою, какую Франція достигла въ XVIII вѣкѣ. И произошло это по той простой причинѣ, что первые норманскіе короли дали, правда, своимъ дружинникамъ присвоить себѣ земли англо-саксонскихъ владѣльцевъ, но при этомъ не уступили имъ никакихъ феодальныхъ правъ: судъ во всей Англіи остался королевскимъ, и передъ этимъ судомъ всѣ подданные были совершенно равны. Вотъ почему крѣпостное право, никогда не отмѣненное закономъ, прекратилось въ Англіи само собою, уже въ концѣ XII вѣка при

Генрихъ II [1]). Король вербовалъ себѣ войско непосредственно, не обращаясь къ содѣйствію бароновъ, а послѣдніе, не обязанные приводить къ королю вооруженныхъ, не имѣли никакого основанія требовать себѣ подчиненія отъ живущихъ на ихъ земляхъ поселянъ. Барщина смѣнилась въ Англіи оброкомъ уже при Ричардѣ I, и, кстати сказать, отдаленные потомки бывшихъ крѣпостныхъ живутъ до сихъ поръ подъ именемъ freeholders, т. е. свободныхъ арендаторовъ, на прадѣдовскихъ земляхъ. Зачастую ихъ родословная идетъ гораздо дальше вглубь вѣковъ, чѣмъ предки лэндлорда, которому они платятъ аренду. И эти безконтрактные арендаторы гораздо прочнѣе сидятъ на своихъ фермахъ, чѣмъ держащіе ихъ по письменному договору. Въ Англіи считается позорнымъ согнать freeholder'а съ его участка, и когда въ 1836 году герцогъ Сэдерлэндъ это сдѣлалъ, по цѣлой Англіи пошелъ крикъ негодованія. И вотъ на этой демократической самодержавной почвѣ выросло государство самое аристократическое, какое только знаетъ исторія послѣ Рима и Венеціи. Отсутствіе сословныхъ привилегій, объединяющая власть короля, исчезновеніе крѣпостного права, равенство въ платежѣ налога устранили всякій поводъ къ враждѣ между отдѣльными классами. И благодаря этому, всякое злоупотребленіе центральной власти въ одинаковой мѣрѣ возстановляло противъ нее и дворянство, и горожанъ, и крестьянство [2]). Вотъ почему, не какъ подчиненные бароновъ, а какъ ихъ союзники, города и поселяне участвовали въ двухъ возстаніяхъ бароновъ: въ 1215 г. противъ Іоанна Безземельнаго и въ 1258 г. противъ его сына Генриха III. И хотя при Эдуардѣ III абсолютизмъ почти возстановился, благодаря военнымъ успѣхамъ на континентѣ, хотя большая часть бароновъ погибла во время междоусобной войны Алой и Бѣлой розы, и вполнѣ уже самодержавные государи XVI вѣка совсѣмъ уже не церемонились и создали новую аристократію путемъ пожалованія ей монастырскихъ земель, старинный духъ

---

[1]) Macaulay. History of England. P. 21.

[2]) Pauli. Simon von Montfort. Ss. 5—6 u. 113—148.

единенія сословій, основанный на твердой юридической почвѣ дарованныхъ самими королями хартій, воскресъ въ XVII вѣкѣ и привелъ къ тому мало симметричному съ виду, но необыкновенно прочному въ основахъ государственному порядку, благодаря которому Англіи удалось въ теченіе XIX вѣка мирно провести цѣлый рядъ демократическихъ реформъ, не измѣнивъ въ сущности общественной своей организаціи въ ея двухъ главныхъ чертахъ—фактическаго господства землевладѣльческаго класса и тѣснаго его союза съ классомъ промышленнымъ. При такихъ условіяхъ, разумѣется, всѣ реформы вполнѣ безопасны. Пишущему эти строки довелось въ 1883 году, въ бытность его въ Лондонѣ, услыхать отъ одного изъ наиболѣе видныхъ представителей либеральной партіи, лорда Эбэрдэра, бывшаго министра внутреннихъ дѣлъ въ одномъ изъ кабинетовъ Гладстона, слѣдующія любопытныя слова: «мы либералы изъ предосторожности, хотя, конечно, такъ же мало желаемъ торжества демократіи, какъ и торіи. Но мы хорошо понимаемъ, что раздѣлись мы на партіи по сословіямъ, мы не удержались бы и десяти лѣтъ и насъ бы смела демократія. А такъ, когда добрая половина нашихъ стоитъ за либеральныя реформы, онѣ, благодаря этому, совершаются осторожно, безъ скачковъ». Конечно, съ той минуты, когда юніонисты откололись отъ либераловъ по поводу ирландскаго билля, этотъ мудрый рецептъ былъ нѣсколько позабытъ, и съ тѣхъ поръ англійскіе консерваторы значительно усилились. Но, во-первыхъ, со времени образованія послѣдняго торійскаго кабинета различіе между партіями сгладилось, и сами торіи провели три крупныхъ либеральныхъ мѣры —образованіе новаго земскаго выборнаго управленія, отмѣну единонаслѣдія при отсутствіи завѣщанія и недавній билль о выкупѣ фермерскихъ земель въ Ирландіи; во-вторыхъ, и теперь большинство либераловъ состоитъ изъ очень богатыхъ людей, въ томъ числѣ изъ довольно многихъ членовъ палаты лордовъ. Впрочемъ, за будущее поручиться нельзя, и какъ ни слабо теперь демократическое движеніе въ Англіи, классовая борьба и тамъ можетъ когда-нибудь возгорѣться. L'heure de la

démocratie sonnera en Angleterre tôt ou tard—говоритъ Монталамберъ въ своей книгѣ De l'Avenir politique de l'Angleterre:—et elle trouvera à qui parler». Во всякомъ случаѣ, несмотря на численное превосходство рабочаго класса, на введеніе почти всеобщаго голосованія и на полную свободу прессы, заправскій соціализмъ въ Англіи не распространяется, и въ теперешней палатѣ общинъ у него всего четыре представителя. Запомнимъ пока одно: въ Англіи, при полномъ отсутствіи сословности, сохранилось болѣе чѣмъ гдѣ-либо фактическое господство правящихъ классовъ, и борьба англійскихъ политическихъ партій происходитъ не на сословной почвѣ, а на принципіальной, причемъ англійскіе либералы всегда понимали либерализмъ не для себя только, но и для всѣхъ. Мы тотчасъ увидимъ, что это такъ далеко не повсюду.

Было не всегда такъ, впрочемъ, и въ самой Англіи. Французская революція и наполеоновскія войны, съ ихъ неотвратимымъ послѣдствіемъ—страшнымъ экономическимъ кризисомъ 1816 г., забросили и туда сѣмена демократизма. Въ парламентскихъ рѣчахъ первыхъ вождей радикальной партіи—Мэкинтоша, Бардетта, Брума, Грэттэна, въ особенности же ирландскаго агитатора О'Коннеля—звучатъ ноты чисто революціонныя, и тогдашніе консерваторы съ герцогомъ Веллингтономъ во главѣ до того упорно стояли за неприкосновенность выборной системы, что довели почти было до взрыва. Несмотря на огромную популярность Веллингтона, во время уличныхъ манифестацій по случаю отклоненія палатой лордовъ билля о парламентской реформѣ, въ его домѣ, передъ самымъ входомъ въ Гайдъ-паркъ, чернь выбила всѣ окна. Въ цѣлой Англіи и притомъ два раза, въ 1832 году и 1838—39, подымалась волна грознаго движенія, очень напоминавшая собою октябрьскіе дни 1789 года во Франціи. Но британская аристократія все таки до взрыва не довела. Добрая ея половина настаивала на уступкахъ, и въ концѣ концовъ многія изъ этихъ уступокъ—дарованіе избирательныхъ правъ католикамъ въ 1829 г., муниципальная реформа въ 1835 г., отмѣна хлѣбныхъ законовъ въ 1846 г.—были

проведены самими консерваторами. И главнымъ оздоровляющимъ началомъ, помогавшимъ Англіи благополучно пережить эпохи народнаго возбужденія, служитъ какъ разъ то обстоятельство, что партійныя группы не совпадаютъ съ сословными и что она единственное европейское государство, гдѣ землевладѣльческій и капиталистическій классъ не на ножахъ другъ съ другомъ. Происходитъ это по той причинѣ, что изъ рядовъ перваго существуетъ постоянный отливъ во второй, благодаря тому, что младшіе сыновья умершаго ландлорда всегда получаютъ свою часть наслѣдства деньгами, и одновременно съ этимъ правящій классъ, какъ губка, постоянно впитываетъ въ себя все, что есть выдающагося въ остальныхъ. Палата лордовъ на половину состоитъ изъ бывшихъ судей, изъ богатыхъ промышленниковъ, изъ выдающихся писателей или юристовъ, словомъ, изъ всего отборнаго, что представляетъ собою капиталъ, знаніе, талантъ, или заслуга. Благодаря этому, ея родословная гораздо моложе, чѣмъ берлинской или вѣнской палаты господъ, но вліяніе ея гораздо больше. И помимо этого формальнаго приравненія существуетъ и другое, проявляющееся въ самыхъ обыденныхъ житейскихъ отношеніяхъ; слово «gentleman», широко переросшее свой первоначальный смыслъ, распространяется на всѣхъ, у кого есть образованіе и корректные внѣшніе пріемы, и всему выдѣляющемуся въ рядахъ либеральныхъ профессій широко открыты двери, столь тѣсныя въ другихъ странахъ, черезъ которыя проходятъ въ великосвѣтскую среду.

Германія намъ представляетъ совершенно иную картину. Насколько въ Англіи стушевываются всѣ внѣшнія отличія, дабы сплотить вмѣстѣ всѣ крупныя общественныя силы, откуда бы онѣ ни шли, настолько у нѣмцевъ развилась страсть замыкаться въ отдѣльныя кучки, устанавливать повсюду житейскія перегородки и черезъ нихъ смотрѣть другъ на друга то съ завистью, то съ злобой, то съ презрѣніемъ. Сословное чванство и его неизбѣжная спутница, сословная ненависть, нигдѣ такъ не сильны, какъ въ Германіи. Могло бы казаться въ виду этого, что она представляетъ очень благодарную почву

для революціоннаго взрыва, и ея прошлое уже въ XVI вѣкѣ даетъ яркій примѣръ такого взрыва во время крестьянской войны, покрывшей развалинами юго-западную и среднюю Германію. А между тѣмъ долго подготовлявшееся движеніе 1848 года все-таки оказалось очень безобиднымъ въ сравненіи съ французскимъ. Причину этой сравнительной слабости нѣмецкой демократической волны надо искать въ прошломъ. Постройка нѣмецкаго общества шла особымъ путемъ, совершенно отличнымъ и отъ французскаго и отъ англійскаго. Когда распалась имперія Карла Великаго, германскіе полувыборные, полунаслѣдственные короли заразились идеей воскресить его наслѣдство и, начиная съ Оттона Перваго, испытывали неудержимое влеченіе къ Италіи, куда ихъ тянуло и солнце юга и еще болѣе яркое солнце римскаго цезаризма. [1]) Но это было покушеніе съ негодными средствами. Всѣ силы большею частью крупныхъ по характеру нѣмецкихъ королей вмѣсто того, чтобы напрягаться для объединенія родной страны, какъ дѣлали это короли Франціи, тратились на погоню за призраками, на стремленіе къ почетному званію римскаго императора. Какъ настоящіе мѣщане въ дворянствѣ, они болѣе дорожили своей популярностью среди перемѣнчиваго итальянскаго населенія, чѣмъ своей властью дома. Самые талантливые изъ нихъ, даже Фридрихъ Барбаросса, не понимали, что корона, которою ихъ вѣнчали папы, на самомъ дѣлѣ гораздо выше поднимала престолъ римскаго первосвященника, чѣмъ ихъ собственный. И когда ихъ матеріальныя силы были подорваны итальянскими походами, а нравственныя— истощены итальянскимъ развратомъ, Германія, объединенная только для вида, фактически распалась на составныя части, и въ каждой изъ этихъ частей въ уменьшенномъ видѣ совершилось постепенное наростаніе абсолютизма, перенесеннаго отъ лица національнаго монарха на династіи крупныхъ вассаловъ. [2]) Вмѣсто одной Германіи ихъ

---

[1]) Gregorovius, Geschichte der Stadt Rom. Bd. 3. Ss. 330 u. ff.
[2]) Ranke. Die Römischen Päpste. Bd. 1. S. 31.

стало нѣсколько, гдѣ власть была ближе, чувствительнѣе и въ то же время бѣднѣе, чѣмъ въ объединившейся тогда Франціи. Германія начала XVI вѣка шла по дорогѣ къ абсолютизму, по путемъ разъединенія. Она вся состояла изъ почти независимыхъ крупныхъ и мелкихъ княжествъ, надъ которыми возвышалась болѣе какъ орнаментъ, чѣмъ какъ дѣйствительная сила, призрачная власть императора. И странное дѣло. По мѣрѣ того, какъ мелкія династіи—Вительсбахи, Вельфы, Гогенцоллерны, потомки Альбрехта Медвѣдя—крѣпли и объединялись, императорская корона становилась все болѣе наслѣдственной въ Габсбургскомъ домѣ, которому тѣмъ легче было равнодушно относиться къ своей созерцательной роли въ имперіи, что у него имѣлись свои собственныя обширныя земли, которыми онъ управлялъ почти самодержавно. Механическое сліяніе Австрійской монархіи, гдѣ государственная власть была сильна, хотя ей приходилось считаться съ цѣлой мозаикой отдѣльныхъ національностей и ихъ историческихъ правъ, сліяніе этой монархіи съ подобной же мозаикой въ остальной Германіи, гдѣ центральная власть эта была чистая фикція, это одна изъ любопытнѣйшихъ историческихъ аномалій. Россія объединилась подъ властью Москвы, потому что Московское княжество было сильнѣе всѣхъ остальныхъ; Германія распалась на отдѣльныя княжества, потому что во главѣ ея стоялъ императоръ, гораздо болѣе сильный у себя дома, чѣмъ всѣ его вассалы, но зато настолько занятый въ своихъ наслѣдственныхъ земляхъ, что у него не было ни времени ни возможности стать германскимъ императоромъ на самомъ дѣлѣ; и когда на порогѣ XVI вѣка могло казаться, что императорская власть австрійскаго дома можетъ окрѣпнуть въ лицѣ Максимиліана I и Карла V, процессъ разложенія имперіи былъ рѣшенъ Реформаціей. Протестантскіе историки, какъ Леопольдъ Ранке, любятъ утверждать, будто бы протестантизмъ восторжествовалъ въ Германіи оттого, что онъ былъ сроденъ нѣмецкому духу, въ высшей степени индивидуалистическому и пытливому, что онъ сдѣлался, такъ сказать, германскою формою религіи. Это

совершенная неправда. Въ настоящее время въ тѣхъ нѣмецкихъ земляхъ, гдѣ господствуетъ католицизмъ, какъ въ нѣмецкой Австріи, въ Баваріи, на Рейнѣ, въ лѣсныхъ Швейцарскихъ кантонахъ, римская церковь сидитъ гораздо крѣпче въ душѣ населенія, чѣмъ протестантизмъ въ остальныхъ нѣмецкихъ областяхъ. Какъ разъ свойственная германской расѣ наклонность къ индивидуализму дѣлаетъ въ ея глазахъ католическую церковь популярною, какъ религіозную организацію, совершенно независимую отъ государства. Сродни протестантство было не душѣ нѣмецкаго народа, а интересамъ имперскихъ князей, которымъ оно помогло, во-первыхъ, секуляризировать церковныя имѣнія, а, во-вторыхъ, окончательно стать на равную ногу съ независимыми государями. Финальный актъ религіозной борьбы въ Германіи —Вестфальскій миръ 1648 года — былъ ничѣмъ инымъ, какъ признаніемъ международнаго независимаго положенія мелкихъ нѣмецкихъ государей, не даромъ 30 лѣтъ воевавшихъ съ императоромъ, въ союзѣ съ Даніей, Швеціей и Франціей. Оставаясь членами Священной Римской Имперіи, они пріобрѣли право вести непосредственныя дипломатическія сношенія съ иностранными государями. Не разъ нѣмецкіе курфюрсты вступали въ союзъ съ Людовикомъ XIV противъ Австріи и, когда во время наполеоновскихъ войнъ въ рядахъ французской арміи были контингенты Баваріи, Вюртемберга, Бадена и Саксоніи, нѣмецкіе государи того времени слѣдовали только примѣрамъ своихъ предковъ. Національный интересъ для нихъ раздвоился. Въ идеальномъ смыслѣ они всѣ чувствовали себя германцами и могли восторгаться твореніями своего великаго Гёте, но въ политическомъ, конкретномъ значеніи національность для нихъ замыкалась Пруссіей, Баваріей, Вюртембергомъ и т. д. Благодаря этому перемѣщенію историческихъ центровъ внутри страны, процессъ наростанія абсолютизма тоже замкнулся въ предѣлахъ каждаго отдѣльнаго княжества. Но какъ разъ потому, что мелкіе государи стояли ближе къ своимъ мелкимъ народамъ и знали въ лицо на перечетъ все дворянство, ими лишенное его феодальной независимости,

пришлось его вознаградить за это, оставивъ за нимъ полную власть надъ крестьянствомъ. Иного союзника, кромѣ дворянства, у нѣмецкихъ князей не было: промышленный классъ большею частью замыкался въ своихъ независимыхъ муниципальныхъ республикахъ—имперскихъ городахъ. Вотъ отчего по мѣрѣ того, что во Франціи крѣпостное право слабѣло, въ Германіи оно развивалось. Первыя попытки не къ отмѣнѣ его, а развѣ только къ урегулированію замѣтны лишь послѣ Семилѣтней войны, и то почти исключительно въ Пруссіи. Нѣмецкій крестьянинъ былъ менѣе свободенъ послѣ Тридцатилѣтней войны, чѣмъ полтораста лѣтъ передъ тѣмъ, на зарѣ Реформаціи. И вотъ почему также преимущества дворянства не встрѣчали себѣ въ XVIII вѣкѣ въ Германіи почти никакого противодѣйствія: на то его престижъ передъ мелкимъ людомъ былъ слишкомъ силенъ и безспоренъ; а его обычный конкурентъ, промышленный классъ, во-первыхъ, былъ недостаточно богатъ, чтобы съ нимъ заспорить, а, во-вторыхъ, слишкомъ замкнутъ въ своихъ городскихъ дѣлахъ. Классовое неравенство проходитъ обыкновенно через двѣ стадіи—первую, когда оно соотвѣтствуетъ дѣйствительному неравенству силъ, а потому никѣмъ не оспаривается, и вторую, когда это неравенство исчезло или даже опрокинулось, а соціально-политическія привилегіи остаются прежними. Наканунѣ французской революціи Германія была еще на первой изъ этихъ стадій. Вотъ почему ея величайшій поэтъ Шиллеръ могъ взывать къ идеальному братству и единенію людей, могъ осуществить его даже въ могучей фигурѣ маркиза Позы, но въ дѣйствительной жизни онъ чувствовалъ себя очень маленькимъ человѣкомъ и былъ необыкновенно польщенъ, когда ему дали частицу «фонъ» и стали принимать у важныхъ особъ. И стоитъ прочесть, какъ въ своей «Wahrheit und Dichtung» Гёте передаетъ свои молодыя воспоминанія, когда 16-ти лѣтнимъ юношей онъ присутствовалъ въ Франкфуртскомъ «Römer'ѣ» при избраніи императора Іосифа II. Подавляющее впечатлѣніе произвело на него великолѣпіе пышной церемоніи и то, что онъ видѣлъ себя въ нѣсколькихъ шагахъ

отъ императора и курфюрстовъ и титулованныхъ должностныхъ лицъ вѣнскаго двора. Есть что-то очень наивно буржуазное въ этомъ восторгѣ передъ звучными именами и блестящими костюмами. Французскіе энциклопедисты изъ буржуазіи думали и чувствовали иначе.

ГЛАВА II.

XIX вѣкъ, который принято называть революціоннымъ, прошелъ на самомъ дѣлѣ гораздо спокойнѣе, чѣмъ предыдущіе. Своей революціонной кличкой онъ обязанъ постоянной внутренней переработкѣ, не прекращавшейся за все его теченіе. Тутъ контрастъ съ предыдущимъ столѣтіемъ на самомъ дѣлѣ поразительный. Насколько видимая организація общества на всемъ Западѣ мало измѣнялась, сперва между X вѣкомъ и концомъ XV, а потомъ за три послѣдующихъ столѣтія, вплоть до французской революціи, настолько впослѣдствіи горячо повсюду сказывалась потребность измѣнять формы общественнаго устройства и распредѣленіе власти между отдѣльными классами. Соединенные Штаты были единственнымъ государствомъ Запада, въ которомъ органическіе законы не измѣнялись со времени провозглашенія республики до нашихъ дней. И все таки современная намъ Америка далеко не похожа на ту, которая 130 лѣтъ тому назадъ отложилась отъ своей метрополіи. Процессъ внутренней переработки шелъ не переставая, подъ воздѣйствіемъ такихъ могучихъ факторовъ, какъ массовый наплывъ переселенцевъ Стараго Свѣта и еще болѣе могучій приливъ европейскаго золота въ обмѣнъ за американское сырье, какъ зарожденіе и необыкновенно быстрый ростъ крупной обрабатывающей промышленности. До самыхъ послѣднихъ лѣтъ могло казаться, что крупнѣйшимъ событіемъ въ исторіи Америки за XIX вѣкъ была междоусобная война

1862—64 года, во время которой разомъ боролись такія противоположныя начала, какъ гражданская равноправность съ рабствомъ, обрабатывающая промышленность съ плантаторскимъ земледѣліемъ и государственное объединеніе съ автономіей отдѣльныхъ штатовъ. Антагонизмъ между Сѣверомъ и Югомъ какъ разъ совпадалъ съ этими тремя противорѣчіями. А между тѣмъ на самомъ дѣлѣ физіономія американскаго общества гораздо менѣе измѣнилась вслѣдствіе междоусобной войны, чѣмъ подъ воздѣйствіемъ цѣлаго ряда мирныхъ экономическихъ факторовъ. Распредѣленіе власти между центральнымъ правительствомъ и отдѣльными штатами не подверглось никакой существенной перестановкѣ. Юго-восточные штаты по прежнему остались земледѣльчески-плантаторскими, о чемъ свидѣтельствуетъ хотя бы малочисленность на ихъ огромной площади крупныхъ городскихъ центровъ. За исключеніемъ Нью-Орлеана и С.-Луи, на всемъ квадратѣ, образуемомъ линіей Миссисипи, отъ впаденія Огейо до Мексиканскаго залива, и морскимъ берегомъ до устья Потомака, нѣтъ ни одного города съ населеніемъ, превышающимъ 100.000 душъ, между тѣмъ какъ на остальномъ пространствѣ Союза такихъ городовъ цѣлыхъ 26. Наконецъ, даже равноправность негровъ съ бѣлыми, правда, была внесена въ законъ и стала осуществляться на дѣлѣ, такъ какъ было нѣсколько случаевъ выбора черныхъ въ депутаты, и разъ даже одинъ изъ нихъ попалъ въ губернаторы штата, но въ нравы она все таки не вошла: расовое отвращеніе осталось прежнимъ; американецъ продолжаетъ твердо вѣрить, что негръ и даже мулатъ принадлежатъ къ низшей породѣ, и фактически ни въ одномъ изъ прежнихъ владѣльческихъ штатовъ негры, хотя ихъ слишкомъ 10.000.000, политическаго значенія не имѣютъ. За послѣднее время презрительная расовая ненависть выплыла опять наружу съ новой силой, принявъ даже характеръ непризнанія за неграми никакихъ человѣческихъ правъ. Не разъ уже повторялись случаи безнаказаннаго убійства черныхъ разъяренной толпой, причемъ они даже подвергались жестокимъ истя-

заніямъ. Гораздо существеннѣе для развитія Америки были факты совершенно иного рода. Отсутствіе расходовъ на армію при высокихъ ввозныхъ пошлинахъ доставило ей высоко активный торговый балансъ, благодаря которому она сперва погасила долги, вызванные междоусобной войной, а затѣмъ пріобрѣла возможность оборудовать у себя крупную промышленность въ размѣрахъ, совершенно незнакомыхъ Европѣ. Америка до сихъ поръ, хотя этотъ періодъ ея исторіи вѣроятно близится къ концу, совмѣщаетъ въ себѣ два противоположныхъ типа—характеръ колоній, съ обиліемъ дѣвственныхъ и притомъ дешевыхъ земель, и свойства высоко капиталистической страны, гдѣ городское населеніе составляетъ свыше 50% общей цифры, что при очень слабой средней населенности, много остающейся позади нашей, представляетъ собою явленіе совершенно исключительное. И въ результатѣ получилось два другихъ столь же исключительныхъ и невиданныхъ до сихъ поръ факта. Народъ безъ всякаго военнаго прошлаго, состоящій изъ сброда всевозможныхъ пришельцевъ и обладающій достаточнымъ изобиліемъ свободныхъ земель, ощутилъ потребность къ экспансивной завоевательной политикѣ и съ помощью однѣхъ только денегъ сталъ вдругъ одною изъ крупнѣйшихъ міровыхъ державъ, съ которой всѣ прочія должны считаться даже въ военномъ отношеніи. Затѣмъ, дешевизна денегъ при высокомъ уровнѣ рабочей платы создала необходимость производить какъ можно дешевле, стало быть, въ невиданныхъ до сихъ поръ размѣрахъ. Отсюда, на ряду съ имперіализмомъ внѣшнимъ, международнымъ, олигархія внутренняя — торгово - промышленная, созданная посредствомъ объединенія отдѣльныхъ предпріятій для борьбы съ конкуренціей. Но опять таки сліяніе торгово-промышленныхъ обществъ въ колоссальные союзы, не повело, какъ слѣдовало бы ожидать, къ обезличенію капитала и къ образованію коллективныхъ промышленныхъ силъ. На самомъ дѣлѣ во главѣ каждаго изъ американскихъ трестовъ стоитъ по одному или по нѣскольку богачей, управляющихъ дѣломъ вполнѣ самодержавно

и потому, вмѣсто націонализаціи частныхъ предпріятій, коллективное имущество превратилось какъ бы въ частное, или по крайней мѣрѣ въ такое, которое совершенно въ рукахъ у отдѣльнаго главы. Такимъ образомъ Америку внутреннее развитіе ведетъ при всемъ ея демократизмѣ, при всей ея децентрализаціи къ образованію сильной государственной власти для цѣлей внѣшней политики, къ образованію олигархіи для внутренней. До сихъ поръ въ наружномъ государственномъ аппаратѣ ничто не измѣнилось: на этой огромной шахматной доскѣ всѣ фигуры стоятъ на прежнихъ мѣстахъ, но относительная ихъ сила уже не та. Внутренняя переработка общества подготовляетъ перемѣны, которыя рано или поздно вызовутъ таковыя и во внѣшнемъ его обликѣ.

Европа за XIX вѣкъ пережила совсѣмъ иной процессъ развитія, чѣмъ Соединенные Штаты. Несравненно болѣе различія между вождями американской войны за независимость—помѣщиками средней руки и фермерами изъ Виргиніи и Новой Англіи, сражавшимися въ арміи Вашингтона, и современными намъ королями американской промышленности, Морганомъ, Карнеги, Макомъ Ханна и Рокфеллеромъ, чѣмъ между англичаниномъ, нѣмцемъ, итальянцемъ и даже французомъ начала и конца столѣтія. А между тѣмъ въ Соединенныхъ Штатахъ внѣшніе порядки остались тѣми же самыми, а въ каждомъ изъ европейскихъ государствъ они мѣнялись по нѣскольку разъ. Франція, отъ революціонной олигархіи, управлявшей совершенно произвольно между 1795 и 1799 годами, перешла сперва къ самодержавію при сохраненіи республиканскихъ формъ, потомъ къ неограниченной власти военнаго императора, потомъ къ конституціонной монархіи двухъ типовъ, аристократической и буржуазной, наконецъ, къ повторенію самодержавной имперіи въ смягченной формѣ, которой предшествовала и за которой слѣдовала демократическая республика. Если отъ этихъ родовыхъ формъ перейти къ мелкимъ видовымъ отличіямъ, смѣны одного образа правленія другими оказались бы еще многочисленнѣе

Англію революція 89-го года застала при устройствѣ, которое однимъ изъ умнѣйшихъ англійскихъ государственныхъ людей, Дизраэли, окрещено названіемъ венеціанской системы. И дѣйствительно это было устройство вполнѣ аристократическое, гдѣ королевская власть была тѣмъ болѣе фикціей, что первые два короля изъ Ганноверскаго дома гораздо живѣе интересовались своимъ нѣмецкимъ курфюршествомъ, чѣмъ британской короной, а третій, сперва попытавшійся стать королемъ не по имени только, на 28-мъ году своего царствованія впалъ въ сумасшествіе. Благодаря этому, настоящимъ монархомъ Англіи, въ особенности съ образованія министерства Питта въ 1783 году, сталъ первый министръ. Два историка англійской конституціи, Эрскинъ Мэй и лордъ Джонъ Рэссель, такъ формулируютъ ея истинный характеръ: Великобританія до реформы 1832 года была монархической республикой, настоящая глава которой — выбранный на неопредѣленное время палатой общинъ первый лордъ казначейства. Порядокъ выборовъ въ нижнюю палату былъ таковъ, что половина такъ называемыхъ народныхъ представителей, выбираемыхъ графствами, являлась въ сущности представителями крупнаго землевладѣнія, а назначеніе большинства остальныхъ, выбиравшихся городами и мѣстечками, вполнѣ зависѣло отъ того магната, въ сосѣдствѣ котораго мѣстечко находилось. Палата общинъ наполнялась почти исключительно сыновьями и младшими братьями членовъ палаты лордовъ. Обѣ могли бы такимъ образомъ, какъ бы перекликаясь, вести все управленіе страной исключительно въ интересахъ земельной аристократіи, совершенно отстранивъ всѣ прочіе классы отъ участія въ политической жизни. И не было недостатка въ людяхъ, полагавшихъ, что такъ оно и слѣдуетъ. Типы подобнаго рода съ безпощадной ироніей начерчены не только въ произведеніяхъ такого радикальнаго писателя, какъ Тэккерей, но и въ двухъ политическихъ романахъ Дизраэли, будущаго главы консерваторовъ,— «Sybil» и «Coningsby»,—а Чарльзъ Диккенсъ въ своемъ знаменитомъ романѣ «Холодный домъ» (Bleak House) говоритъ, что вся суть

борьбы англійскихъ партій сводится къ тому, что во главѣ управленія смѣняютъ другъ друга лордъ Пудель и сэръ Фрэнсисъ Дудель, и добрые люди воображаютъ, что это обозначаетъ смѣну консервативныхъ порядковъ либеральными, когда на самомъ дѣлѣ это совершенно одно и то же. Но здравый смыслъ англійскаго правящаго класса не далъ ему покатиться по этой гладкой, но опасной дорогѣ. Добрая его половина, сперва въ силу преданій, раздѣлившихъ при Стюартахъ англійскую аристократію на два лагеря, а позднѣе подъ воздѣйствіемъ либеральныхъ вѣяній, шедшихъ изъ Франціи, не переставала заявлять о необходимости починокъ въ устарѣлой конституціи. Нѣкоторые изъ вождей этой партіи, какъ Чарльзъ Фоксъ и его братъ, лордъ Холлэндъ, какъ лордъ Грей Шэридэнъ и Мэкинтошъ, въ своихъ требованіяхъ реформъ доходили порой до горячности, напоминавшей ораторовъ Версальскаго учредительнаго собранія, а другую, консервативную половину этого же класса судьба надѣлила такими талантливыми вождями, какъ Уильямъ Питтъ, Джоржъ Кэннингъ и Робертъ Пиль, не менѣе своихъ противниковъ готовыми откликнуться на требованія справедливости и не въ силу одного только расчета, но и подъ воздѣйствіемъ чисто идеалистическихъ побужденій способными удовлетворить эти требованія. Наконецъ, и это главная, быть можетъ, заслуга англійской аристократіи: магнаты, отъ которыхъ фактически зависѣли избиратели такъ называемыхъ гнилыхъ мѣстечекъ, представляли себѣ за честь проводить въ парламентъ наиболѣе даровитыхъ молодыхъ людей, по рожденію вовсе не принадлежавшихъ къ правящему классу. Этимъ путемъ открыли себѣ доступъ въ палату общинъ такіе орлы англійской трибуны, какъ Бэркъ, Шэридэнъ, Брумъ, Робертъ Пиль и Дизраэли.

Но этого все же оказалось бы недостаточнымъ, если Англія сохранила бы въ неизмѣнномъ видѣ установившіяся съ конца XVII вѣка учрежденія. Если бы и въ ней, какъ во Франціи, могущество денегъ и образованія вполнѣ разошлось съ могуществомъ политической власти, ей бы тоже не миновать на-

сильственнаго переворота. Коренное отличіе современной намъ исторической эпохи отъ предшествовавшей въ томъ, во-первыхъ, что подъ воздѣйствіемъ экономическихъ причинъ внутренняя структура общества мѣняется быстрѣе, чѣмъ въ прежніе вѣка, и въ томъ, во-вторыхъ, что на соотвѣтствующія измѣненія политической организаціи наталкиваетъ отвлеченная идея общественной справедливости, овладѣвшая умами со второй половины XVIII вѣка. Тамъ, разумѣется, гдѣ эта идея оказалась главнымъ двигателемъ политической жизни, какъ во Франціи, она вызывала учащенныя перемѣны въ формѣ правленія, учащенныя какъ разъ потому, что дѣйствительное распредѣленіе общественныхъ силъ никогда вполнѣ не соотвѣтствуетъ абстрактной теоріи, и вслѣдствіе того любое переустройство, сдѣланное въ силу отвлеченной формулы, не можетъ вполнѣ соотвѣтствовать реальному внутреннему общественному равновѣсію. Тамъ, наоборотъ, гдѣ, какъ въ странахъ германскаго племени, главный стимулъ реформы шелъ не извнѣ, не отъ абстрактной идеи, а изнутри, въ силу измѣнившагося распредѣленія авторитета и вліянія въ обществѣ, скачки совершались осторожнѣе, медленнѣе и рѣже. Въ Англіи ростъ торгово-промышленнаго класса шелъ еще быстрѣе, чѣмъ во Франціи, а съ начала 20-хъ годовъ XIX вѣка техническія открытія въ отросляхъ прядильнаго производства ускорили этотъ процессъ еще больше, сдѣлавъ не только возможнымъ, но и необходимымъ сосредоточеніе этого производства въ огромныхъ фабрикахъ. Вся разница между Англіей начала XIX и Франціей конца XVIII вѣка, во-первыхъ, въ томъ, что англійское землевладѣніе не обѣднѣло, какъ французское, отчего контрастъ между нимъ и крупной промышленностью смягчался, и въ томъ также, что эти классы въ Англіи понимали очень хорошо, въ какой степени ихъ интересы солидарны, при всемъ кажущемся ихъ противорѣчіи. А результатомъ этого сознанія, мало по малу проникшаго все англійское общество, и была парламентская реформа 1832 года, весь смыслъ которой въ томъ, что землевладѣніе уступило часть своей поли-

тической власти промышленности, или, что то же, большимъ городамъ [1]), до этого либо вовсе лишеннымъ представительства, какъ Манчестеръ и Бирмингамъ, либо представленнымъ въ парламентѣ лишь въ очень слабой степени. Послѣ реформы около одной трети членовъ палаты общинъ являлись уже представителями не землевладѣнія, а капитала, т. е. промышленныхъ центровъ. И это перемѣщеніе власти привело не къ обостренію антагонизма между обоими классами, а, напротивъ, къ тѣснѣйшему между ними союзу: это совершенно явствуетъ изъ того обстоятельства, что на всѣхъ почти парламентскихъ выборахъ три крупнѣйшихъ города Англіи—Лондонъ, Манчестеръ и Ливерпуль—подавали голоса за консервативныхъ кандидатовъ. Другимъ признакомъ союза между верхами землевладѣнія и буржуазнаго капитализма было быстрое пополненіе верхней палаты, болѣе чѣмъ удвоившейся въ своемъ численномъ составѣ со времени вступленія на престолъ королевы Викторіи. Большинство членовъ ея въ настоящее время восходитъ не выше реформы 1832 года, благодаря чему, во-первыхъ, голоса, требовавшіе упраздненія наслѣдственной пэріи, никогда не раздавались особенно громко, а, во-вторыхъ, по качеству своего личнаго состава палата лордовъ ничуть не уступаетъ палатѣ общинъ. Компетентныхъ людей по любому техническому вопросу въ ней всегда оказывается достаточно, какъ разъ потому, что изъ числа такихъ компетентныхъ людей она постоянно обновляется.

Но помимо класса промышленныхъ капиталистовъ остаются еще два, на которыхъ реформа 1832 года не распространилась,—либеральныя профессіи и механическій трудъ. Первыя своими верхами, правда, никогда не переставали участвовать въ политической жизни страны, и представители ихъ не разъ въ лицѣ Брума, Маколея, Дизраэли, Тэннисона пере-

---

[1]) Erskine May. Die Verfassungsgeschichte Englands. Bd. I. S. 295. Rud. Gneist. Geschichte der Englischen Communalverfassung. Bd. II. S. 1378 u. ff.

ходили и въ палату лордовъ. Но для массы работников умственнаго труда этого конечно недостаточно. Потребность выдвинуться вверхъ и имъ была присуща, какъ и ихъ собратьямъ на континентѣ, и невозможность этого достигнуть непосредственно могла ихъ легко побудить стать во главѣ демократическаго движенія въ пользу перенесенія центра тяжести англійскаго общества отъ элементовъ качественныхъ, отъ авторитетовъ церкви, землевладѣнія, капитализма и науки, на элементы количественные, т. е. на простое численное большинство. Въ фактѣ такого перенесенія и заключается вся суть такъ называемой демократизаціи. Англія всегда до сихъ поръ умѣла обходить такую развязку, постепенно открывая въ принципѣ низшимъ слоямъ доступъ вверхъ, но дѣлая это такъ, чтобы условія подбора не переставали быть строгими и новые слои подвергались процѣживанію черезъ очень рѣдкое рѣшето. При такихъ условіяхъ, разумѣется, новые люди, проникая въ ряды правящихъ сферъ, перестають чувствовать всякую солидарность съ низшими классами. Небольшая подачка либеральной профессіи была предоставлена муниципальной реформой 1835 года министерствомъ лорда Мельбурна. Но равнаго участія въ городскомъ управленіи съ членами старинныхъ патриціанскихъ фамилій, занесенныхъ въ городскія родословныя книги еще при Плантагенетахъ, оказывалось недостаточно, и радикальная партія, сперва было успокоившаяся на биллѣ 1835 года, стала принимать снова угрожающее положеніе въ вопросѣ о хлѣбныхъ пошлинахъ, явно заигрывая съ рабочими массами [1]. Тогда правящіе классы перемѣнили тактику и, несмотря на отчаянную оппозицію строгихъ консерваторовъ съ лордомъ Джорджемъ Бэнтинкъ и Дизраэли во главѣ, провели сперва отмѣну хлѣбныхъ законовъ (въ 1846 году) [2], а потомъ, въ теченіе десятилѣтія съ 1851—1860 годъ, цѣлый рядъ гуманныхъ мѣръ по урегулированію фабричной работы, особенно

[1]) Guizot. Sir Robert Peel. P. 95 et suiv.

[2]) Ibid. P. 253 et suiv.

по отношенію къ малолѣтнимъ и женщинамъ. Въ этомъ отношеніи консервативныя министерства сэра Роберта Пиля (1841) и лорда Дэрби (1852) дѣйствовали въ одномъ духѣ съ либеральными кабинетами Росселя въ 1846 году и Эбердина въ 1853. Затѣмъ наступаетъ довольно длинный періодъ полнаго спокойствія, во время котораго совершенно стушевываются различія между обѣими партіями, и лордъ Пальмерстонъ два раза бывшій во главѣ управленія Англіи, могъ одновременно, ради интересовъ внѣшней политики, разжигать на материкѣ революціонное броженіе, а у себя дома провести свое длинное второе министерство (1859—65), не принявъ ни одной либеральной мѣры. Своимъ избирателямъ онъ постоянно твердилъ одно: будьте спокойны и благодарны - Rest and be thankful—и сказать это было тѣмъ легче, что въ теченіе этого шестилѣтія Англія прошла черезъ небывалый до тѣхъ поръ періодъ благополучія.

Послѣ смерти Пальмерстона за послѣднія 35 лѣтъ политическую сцену Англіи занимали три лица—Гладстонъ, Дизраэли и маркизъ Сольсбери,—изъ которыхъ первые два очень мало походятъ на прежнихъ вождей англійскихъ партій. Съ начала и до конца своей политической дѣятельности они оставались діаметрально противоположными другъ другу: по самой натурѣ своей одинъ былъ человѣкомъ принципа, отвлеченной идеи въ гораздо большей степени, чѣмъ кто-либо изъ прочихъ государственныхъ людей Англіи, второй - человѣкъ успѣха, для котораго вся политика сводится къ извѣстнымъ пріемамъ, наиболѣе соотвѣтствующимъ минутѣ. И въ этой своей гибкости онъ тоже превзошелъ всѣхъ своихъ предшественниковъ. Гладстонъ, ученикъ Роберта Пиля, началъ съ строгаго торійскаго консерватизма, для котораго историческія формы англійскаго устройства, и государства и церкви, само непоколебимое совершенство. Заодно со своимъ вождемъ онъ горячо стоялъ за отмѣну хлѣбныхъ законовъ; а когда большинство консерваторовъ вслѣдствіе того съ Пилемъ разошлось, онъ основалъ въ парламентѣ особую группу, мало по малу пере-

шедшую въ ряды либераловъ. И этотъ поворотъ совершался не въ силу оппортунистическихъ соображеній, а подъ воздѣйствіемъ душевнаго импульса. Этимъ онъ главнымъ образомъ и отличается отъ прочихъ крупныхъ политическихъ вождей англійскихъ партій. Постоянная наклонность заступаться за слабыхъ и придаетъ единство его карьерѣ. Голосъ сердца постоянно чувствовался въ немъ, выступалъ ли онъ въ защиту церкви и конституціи, заступался ли за балканскихъ славянъ, или доходилъ до крайнихъ предѣловъ радикализма, предлагая ввести въ Англіи всеобщую подачу голосовъ или дать Ирландіи независимый парламентъ. Эта высота духа и заслужила ему прозвище великаго старика «the grand old man». Быть можетъ, не всегда искренній въ предлагаемыхъ имъ мѣрахъ, готовый ради партійныхъ цѣлей въ данную минуту итти гораздо далѣе собственной мысли, въ своей внутренней основѣ онъ никогда не переставалъ быть человѣкомъ искренняго увлеченія. Въ противоположность ему Дизраэли, этотъ самый крупный изъ англійскихъ карьеристовъ, исключительно руководился практическими соображеніями. Ѣдкій памфлетистъ по душѣ, чему доказательствомъ служатъ его первые романы и газетныя статьи, въ качествѣ еврея не способный преклоняться передъ стариннымъ англійскимъ устройствомъ, онъ очень скоро понялъ, что достигнуть власти ему гораздо легче въ рядахъ консерваторовъ, потому что иначе его радикализмъ поставили бы на счетъ его происхожденія, и что для поддержанія англійскаго могущества, никогда не развивавшагося въ силу какой-нибудь отвлеченной идеи, нужно прежде всего охранить отъ ломки историческіе устои общественнаго устройства. И въ ту самую минуту, когда Гладстонъ вмѣстѣ съ Робертомъ Пилемъ отдѣлился отъ строгихъ консерваторовъ, ради защиты дешеваго хлѣба для рабочихъ, Дизраэли втерся въ ихъ довѣріе, ставъ однимъ изъ главныхъ противниковъ отмѣны пошлинъ. Сдѣлавшись въ 1874 году, послѣ выборовъ, давшихъ консерваторамъ большинство почти въ 100 голосовъ, главой кабинета, Дизраэли, три года спустя произведенный въ лорды, всячески

силился быть первымъ министромъ въ строго традиціонномъ смыслѣ, а между тѣмъ, совершенно такъ же какъ Гладстонъ въ своемъ отвлеченномъ, нѣсколько континентальномъ радикализмѣ, еврей Дизраэли своей безпринципной изворотливостью сильно поколебалъ какъ разъ традиціи англійской политики. Политика эта была очень часто безсердечной и безсовѣстной, но шарлатанскою она не была никогда, а Дизраэли какъ разъ придалъ ей этотъ характеръ, направивъ самонадѣянное національное чувство англичанъ въ сторону погони за мишурой. Такъ называемымъ имперіализмомъ всегда прежде трезвый духъ англичанъ, не утраченный ими даже во время наполеоновскихъ войнъ, онъ опьянилъ стремленіемъ къ такому могуществу, для котораго матеріальныхъ и духовныхъ средствъ Англіи все таки недоставало. И въ этомъ отношеніи онъ нашелъ себѣ вполнѣ достойнаго преемника въ недавно выросшемъ новомъ кумирѣ англичанъ—въ Джозефѣ Чемберлэнѣ, съумѣвшемъ примирить чисто бонапартовскія вожделѣнія всемірнаго господства съ необыкновенно мѣщанскими, хоть и очень ловкими пріемами личнаго и государственнаго обогащенія. Англія достигла очень многаго, всегда преслѣдуя упорно конкретныя и легко измѣримыя цѣли. Лордъ Биконсфильдъ, а затѣмъ и Чемберлэнъ, старались разжечь ея воображеніе, пустивъ его въ погоню за призраками и тѣмъ рискуя подорвать ея матеріальныя и духовныя силы. До какой степени могуче это стремленіе къ чрезвычайному, видно изъ того, что государственный человѣкъ, занимавшій, быть можетъ, наиболѣе видное мѣсто въ Англіи за послѣднія 20 лѣтъ и бывшій три раза во главѣ министерства, Лордъ Сольсбери, человѣкъ всегда вѣрный традиціямъ прошлаго, постоянно долженъ былъ уступать на практикѣ увлекавшему англичанъ новому духу приключеній и за годъ до смерти сошелъ добровольно со сцены, не желая явно вступать въ антагонизмъ съ направленіемъ, побороть которое онъ себя не чувствовалъ въ силахъ. Если наклонность Гладстона къ отвлеченному радикализму надолго, быть можетъ, разстроила дѣла англійскихъ либераловъ, можетъ слу-

чится, что задорно-шарлатанская политика нео-консерваторовъ, т. е. имперіалистовъ, точно также разстроитъ въ концѣ концовъ и ихъ дѣла. Послѣ смерти Пальмерстона Англія прошла черезъ двѣ новыя парламентскія реформы, изъ которыхъ первая значительно понизила избирательный цензъ въ городахъ и мѣстечкахъ, оставивъ неприкосновеннымъ порядокъ выборовъ въ сельскихъ округахъ, а вторая совершенно уничтожила различіе между тѣми и другими, сливъ ихъ вмѣстѣ и установивъ для всей страны одинаковый цензъ. Послѣдняя реформа приблизила англійскій парламентъ къ континентальнымъ, и одни только еще депутаты трехъ университетовъ представляютъ въ палатѣ общинъ элементъ, независимый отъ численнаго большинства. Послѣдняя реформа, почти доведшая Англію до всеобщей подачи голосовъ, была результатомъ компромисса между обѣими палатами и вождями обѣихъ партій Гладстономъ и Сольсбери. Сперва, послѣ выборовъ 1886 года, она имѣла результатомъ образованіе сильнаго радикальнаго большинства въ палатѣ общинъ, но предложенное Гладстономъ полное обособленіе Ирландіи показалось значительной части либераловъ до того опаснымъ, что отъ нихъ въ палатѣ откололось 73 члена, а въ націи вѣроятно болѣе половины ихъ избирателей. По крайней мѣрѣ, когда палата лордовъ въ 1893 году подавляющимъ большинствомъ 419 противъ 41 отвергла ирландскій билль, общественное настроеніе приняло ея сторону, и съ тѣхъ поръ за консерваторами сохраняется уже въ теченіе 10 лѣтъ безспорное преобладаніе.

Подводя итогъ этому краткому очерку внутренняго развитія Англіи въ XIX вѣкѣ, нельзя не признать въ немъ двухъ съ виду противоположныхъ основныхъ чертъ — преобладаніе въ борьбѣ партій соображеній практическихъ надъ отвлеченными и въ то же время отсутствіе раздѣленія ихъ по сословнымъ группамъ [1]). Благодаря послѣднему свойству англійской обще-

[1]) Madame de Staël. Considérations sur les principaux événements de la Révolution franç. Sixième partie. Chap. III, IV et VI.

ственной жизни, соображенія, которыми руководствуются партіи, при всей своей утилитарности могутъ казаться внушенными общественными, а не классовыми только интересами. Всякій разъ, что англійскія партіи отступались отъ этого образа дѣйствій, какъ передъ реформой 1832 года, когда торіи не хотѣли допустить никакого измѣненія въ неблагопріятномъ для нихъ смыслѣ, и въ половинѣ 80-хъ годовъ, когда великій старикъ Гладстонъ черезчуръ увлекся идеями филантропическаго гуманизма, результаты оказывались пагубными для той партіи, которая пробовала слишкомъ тянуть въ свою сторону. За исключеніемъ шестилѣтняго управленія сэра Роберта Пиля, съ 1841 по 1846 годъ, консерваторы были почти совсѣмъ оттѣснены отъ власти между 30 и 75-мъ годомъ, хотя надо признать, что во время правленія лорда Пальмерстона либералы прекрасно исполняли ихъ роль. Теперь, повидимому, та же участь постигла радикальную партію. Во всякомъ случаѣ, если Англія за XIX вѣкъ менѣе измѣнилась въ своемъ внутреннемъ складѣ, чѣмъ въ своихъ внѣшнихъ учрежденіяхъ, то практическій смыслъ и въ то же время государственно-національный, а не сословный духъ ея партій избавилъ ее отъ тѣхъ переворотовъ, которыми за тотъ же вѣкъ изобилуетъ политическая жизнь европейскаго материка.

Политическое движеніе въ Германіи имѣетъ свои корни не во французской революціи и еще менѣе въ критицизмѣ XVIII вѣка. Совсѣмъ даже наоборотъ: оно возникло изъ отпора нашествію французскихъ солдатъ и французскихъ идей. Оно стоитъ въ тѣснѣйшей связи съ патріотическимъ романтизмомъ войны 1813 года и ея вождей, какъ Арндтъ, Янъ и Гнейзенау, съ философскимъ идеализмомъ и съ исторической школой. Въ числѣ его отцовъ такія консервативныя имена, какъ Штейнъ, Гарденбергъ, Вильгельмъ Гумбольдтъ, Генрихъ фонъ Клейстъ, Савиньи и Нибуръ. Для того, чтобы искать себѣ политическихъ правъ, надо имѣть высокое самосознаніе, и какъ разъ война за независимость, война, въ которой нѣмецкій народъ сдѣлалъ гораздо болѣе, чѣмъ нѣмецкіе государи, вызвала въ

жизнь такое самосознаніе. Отпоръ, данный нѣмецкими умами и нѣмецкой грудью завоевателямъ Европы всего 6 лѣтъ послѣ того, какъ нѣмецкіе генералы позорно сдавали Наполеону одну крѣпость за другою, а величайшій умъ Германіи, Гёте, пошелъ къ завоевателю съ поклономъ, — вотъ откуда возникла увѣренность нѣмецкой буржуазіи въ томъ, что она имѣетъ право участвовать въ дѣлѣ народнаго управленія. И это казалось до такой степени несомнѣннымъ, что обязательства нѣмецкихъ государей дать своимъ подданнымъ представительныя учрежденія были включены въ акты Вѣнскаго Конгресса [1]). Но такое происхожденіе придало германской политической агитаціи особый отпечатокъ. Во-первыхъ, благодаря тому, что нѣмецкое общество было сильно не деньгами, а только патріотизмомъ и культурой, движеніе получило на первыхъ порахъ вполнѣ идеалистическій характеръ и выдвинуло впередъ не промышленную, а умственную буржуазію; во-вторыхъ, такъ какъ оно сказалось сразу и въ ея рядахъ и въ рядахъ дворянства, и оба класса заодно сражались противъ общаго врага, оно получило, тоже на первыхъ порахъ, сильный аристократическій отпечатокъ. Самыя имена людей, стоявшихъ въ его главѣ сначала, имена: Штейна, Вильгельма Гумбольдта, фонъ Гаґера, графа Платена, князя Гогенлоэ, графа Шуленбурга-Вольфебурга, — это показываютъ очень наглядно [2]). Въ третьихъ, наконецъ, движеніе слилось въ одну общую струю съ другимъ, тоже исторически-національнымъ, но по существу вовсе не солидарнымъ съ либерализмомъ, съ движеніемъ къ единству, пытавшимся то воскресить средневѣковую имперію, то найти болѣе современную формулу для объединеннаго народовластія. И здѣсь-то, въ этомъ романтическомъ культѣ Карла Великаго и Фридриха Барбароссы, въ этомъ лихорадочномъ желаніи общими дружными силами стоять на стражѣ у береговъ Рейна, притаился настоящій революціонный духъ,

[1]) Gervinus, Geschichte des 19 Jahrhundertes. Bd. I. S. 259.

[2]) Gervinus. Geschichte des 19 Jahrhundertes. Bd. I. Ss. 264—317.

которымъ могли упиваться восторженные умы молодежи, готовой хотя бы на политическое убійство [1]), и которымъ впослѣдствіи могли вдохновиться страстные поэты «Молодой Германіи», какъ Гуцковъ, Фрейлиграть и Гервегъ.

Понятно, что въ странѣ, раздѣленной на 39 самостоятельныхъ государствъ, движеніе въ пользу единства должно было казаться правительствамъ въ высшей степени революціоннымъ; мало того, наиболѣе крѣпкое и молодое изъ нѣмецкихъ государствъ — Пруссія, несмотря на свой военно-бюрократическій абсолютизмъ, было предметомъ сильнаго подозрѣнія всѣхъ прочихъ, въ качествѣ наиболѣе могучаго орудія такого единства. А признать какое-нибудь движеніе революціоннымъ — тѣмъ самымъ значить его сдѣлать таковымъ. Въ глазахъ князя Меттерниха и графа Нессельроде даже первый министръ Пруссіи, Гарденбергъ, даже состоявшій нѣкоторое время на русской службѣ баронъ Штейнъ, были не на совсѣмъ хорошемъ счету, хотя Пруссія участвовала на всѣхъ конгрессахъ въ Ахенѣ, Лайбахѣ и Веронѣ, а на Карлсбадскихъ конференціяхъ 1819 г. обязалась принять относительно университетовъ и печати такія же строгія мѣры, какія практиковались въ Австріи.

Наполеоновскія войны пробудили, и притомъ не въ одной только Германіи, дремавшее прежде національное сознаніе. Въ Италіи французскія знамена приносили съ собою мечту о похороненномъ уже полторы тысячи лѣтъ назадъ единствѣ, и хотя свобода итальянцевъ подъ французской пятой была лишь свободой драться и умирать вдалекѣ отъ родины за чужое имъ дѣло, мечта эта, прежде лишь грезившаяся отдѣльнымъ героическимъ умамъ, уже не покидала съ тѣхъ поръ итальянцевъ, вызывая въ нихъ презрительное омерзѣніе къ довольно таки мягкому деспотизму многочисленныхъ своихъ мелкихъ властителей. Бываютъ эпохи, до того пропитанныя великими идеями, что мелочность имъ кажется нестерпимѣе самаго гнета. И такой эпохой и были какъ разъ Наполеоновскія войны. Въ

[1]) Убійство Коцебу въ 1819 году.

Польшѣ не трудно было разжечь свѣжее воспоминаніе независимости; и хотя лучшіе польскіе умы того времени, какъ Адамъ Чарторыскій, хорошо сознавали весь эгоизмъ французскихъ обѣщаній, не удивительно, что созданное Наполеономъ въ 1807 году великое герцогство Варшавское твердо засѣло въ памяти у поляковъ и не дало имъ успокоиться на конституціи 1815 года. Въ Швейцаріи единство было искусственно навязано французами исторической мозаикѣ кантоновъ, дорожившихъ своей кантональной обособленностью, и когда французская власть отхлынула назадъ, эта обособленность возстановилась въ полной своей исторической силѣ, но брошенное французами сѣмя до сихъ поръ не перестаетъ давать ростки, и движеніе 40-хъ годовъ сказалось и здѣсь мечтою о единой Швейцаріи, осуществленной впрочемъ лишь на половину федеральной конституціей 1848 года. Въ Германіи, наконецъ, и на Пиренейскомъ полуостровѣ тоже, національное самосознаніе разрослось какъ разъ отъ могучихъ усилій обоихъ народовъ стряхнуть съ себя чужую власть. Національная идея, разнородная по своему происхожденію, неодинаковая въ своихъ задачахъ, стремившаяся то объединить мелкія государства въ одно большое, то задушить небольшія національности, пристегнутыя исторіей къ сильному политическому организму, то, наконецъ, высвободиться изъ подъ чужого давленія, — національная идея наполняетъ собою весь XIX вѣкъ и, по примѣру породившаго ее романтизма, то является въ качествѣ разнузданнаго революціоннаго фермента, то, наоборотъ, силится воскресить средневѣковое прошлое, то, наконецъ, служитъ удобнымъ орудіемъ въ умѣлыхъ правительственныхъ рукахъ. Въ Ирландіи, Бельгіи и Польшѣ она — призывъ къ сепаратизму и отторженію. Въ Италіи и Германіи она заодно — и стремленіе воскресить далекое прошлое, и путь къ образованію новыхъ крупныхъ государствъ. Но повсюду, гдѣ бы она ни возникала, она носитъ двойственный характеръ — революціоннаго протеста, съ одной стороны, могучей созидательной силы — съ другой.

Въ Германіи эта вторая струя совершенно восторжествовала надъ первой. Мечта объ единствѣ, прежде всего какъ условіи политической силы, не дала здѣсь развиться ни тому виду политической свободы, который постоянно прельщалъ французовъ, — свободы чисто формальной, заключающейся только въ учрежденіяхъ, а не въ сущности, ни тому ея виду, который съ такой полностью осуществился въ Англіи, гдѣ учрежденія служатъ лишь средствомъ къ обезпеченію правъ личности. Германія одинаково далека отъ этихъ двухъ полюсовъ либерализма, раціоналистическаго и прикладного, если можно такъ выразиться. Вся исторія Германіи до возстановленія имперіи въ 1871 году была ничѣмъ инымъ, какъ колебаніемъ между симпатіями къ этимъ двумъ порядкамъ: примѣръ Англіи не давалъ нѣмцамъ заразиться французскими идеями, а французскія идеи не давали имъ вполнѣ усвоить примѣръ Англіи. Конституціи, введенныя у себя большинствомъ среднихъ и мелкихъ нѣмецкихъ государей, всѣ до единой носили двойственный характеръ одновременнаго подражанія лондонскому парламенту и парижскимъ палатамъ. И тутъ, на первыхъ же порахъ, можно подмѣтить, какъ національная идея спутывала и усложняла нѣмецкое политическое движеніе. Мелкіе государи вводили у себя болѣе или менѣе полный парламентскій режимъ не столько изъ вѣрности данному слову, сколько изъ понятнаго желанія перетянуть къ себѣ общественныя симпатіи, такъ какъ въ двухъ крупнѣйшихъ государствахъ, которыхъ они одинаково боялись, — въ Австріи и въ Пруссіи, общаго представительства не было, а были только средневѣковые сословные чины, провинціальные въ Австріи, общіе для всей монархіи въ Пруссіи. А между тѣмъ, несмотря на этотъ сравнительный либерализмъ мелкихъ государей — либерализмъ впрочемъ довольно относительный и вовсе отсутствовавшій у курфюрста Гессенъ-Кассельскаго и у короля ганноверскаго, несмотря даже на то, что послѣдній былъ роднымъ братомъ короля великобританскаго, — общественное чутье приносило всѣ свои симпатіи, всѣ надежды прусскому королю, продолжавшему

строго держаться своего нѣсколько патріархальнаго абсолютизма, просвѣщеннаго, правда, но тѣмъ не менѣе отдававшаго солдатчиной и формализмомъ. И если бы на прусскомъ престолѣ былъ въ это время второй Фридрихъ Великій, онъ, конечно, не замедлилъ бы воспользоваться этимъ теченіемъ. Но двойственность была въ самой Пруссіи. Фридрихъ Вильгельмъ IV любилъ тѣшить себя идеей гегемоніи надъ цѣлой Германіей, но по себѣ ему было только среди своихъ бранденбургцевъ, среди вѣрнаго дворянства, храбрыхъ солдатъ и аккуратныхъ чиновниковъ. И всего любопытнѣе то, что какъ разъ внутри Пруссіи національныя стремленія были всего слабѣе. Величайшій мыслитель тогдашней Германіи—Гегель—отожествлявшій разумное съ дѣйствительнымъ, видѣлъ свой политическій идеалъ въ тогдашней прусской монархіи, не слишкомъ обширной и прекрасно управляемой. Крупнѣйшій публицистъ того времени, Шталь, хотѣлъ одного лишь—чтобы просвѣтительное развитіе не расшатывало историческихъ устоевъ этой монархіи. Прусское дворянство, а за нимъ и вся прусская армія очень скоро отказались отъ идей 1813 года и вовсе не хотѣли раствориться въ «нѣмецкомъ морѣ» [1]), хотя и не прочь были округлить свою Пруссію насчетъ сосѣдей.

Съ 30-хъ годовъ нѣмецкое движеніе замѣтно демократизуется. Его оппозиція правительственной власти, его разрывъ съ дворянствомъ становятся все ярче. Лучшей выразительницей этой перемѣны служитъ литература. На смѣну перваго поколѣнія романтиковъ, братьевъ Шлегель, Гейнриха фонъ Клейста, графа Арнима, Клеменса Брентано, романтиковъ, мечтавшихъ о воскресеніи Среднихъ Вѣковъ и поддававшихся обольщенію папскаго Рима, наступаетъ такъ называемая Молодая Германія съ Гейнрихомъ Гейне во главѣ [2]), съ ѣдкой раз-

[1]) Preussen muss in Deutschland aufgehen — какъ говорили въ 1848 году либералы Франкфуртскаго парламента.

[2]) Julian Schmidt. Geschichte der deutschen Litteratur. Bd. III, Ss. 7—96.

лагающей ироніей осмѣивавшая политическое безсиліе пестраго союза 39-и независимыхъ государствъ и вмѣсто средневѣкового рыцарства поклонявшаяся очень пестрому идеалу, въ которомъ было очень много несовмѣстимаго — воспоминанія о крестьянской войнѣ и объ имперіи Гогенштауфеновъ, подражаніе французамъ и разлагающая сила еврейства, революціонный демократизмъ и наклонность во главѣ его ставить агитаторовъ изъ знати, отщепенцевъ отъ своего сословія, любившихъ совмѣщать революцію съ великосвѣтскими привычками. Романъ 30-хъ, 40-хъ и даже 50-хъ годовъ переполненъ этими странными героями, свободными отъ предразсудковъ, а зачастую и отъ всякихъ принциповъ и нашедшими позднѣе свое полное олицетвореніе въ сложной фигурѣ Фердинанда Лассаля.

Обыкновенно связываютъ этотъ поворотъ съ іюльской революціей. Но едва ли это вполнѣ вѣрно. Рѣшительный толчекъ, быть можетъ, и пошелъ оттуда, но истинная причина демократизаціи нѣмецкаго движенія лежитъ въ томъ единодушномъ противодѣйствіи, какое ему оказывало правительство, и въ крупныхъ и въ мелкихъ государствахъ, и въ полномъ охлажденіи къ нему высшихъ классовъ. Нѣмецкое дворянство, особенно въ мелкихъ государствахъ, сперва было ставшее во главѣ движенія, очень скоро отъ него отшатнулось: чутье ему подсказывало, что въ объединенной Германіи его роль будетъ гораздо скромнѣе, что съ утратою многочисленныхъ придворныхъ центровъ, гдѣ при мелкихъ дворахъ его представители казались очень крупными, они потеряются въ толпѣ и шансы на карьеру станутъ для нихъ менѣе благопріятными. Предоставленная самой себѣ интеллигенція почувствовала себя единственной носительницей идеи объединенія, и въ ней сказался понятный взрывъ ненависти къ людямъ, которые изъ личнаго расчета не хотятъ блага родины и, вдобавокъ, зорко берегутъ свои сословныя отличія, тѣмъ болѣе обидныя, что ихъ не искупала даже выдающаяся политическая роль. Національная идея, вышедшая изъ войны 1813 года, благодаря этому, превратилась въ идею революціонную.

Самые умѣренные изъ націоналистовъ, какъ Роттэкъ, Окенъ, Велькеръ, позднѣе Финке и Гейнрихъ фонъ Гагернъ, тщетно выбивались изъ силъ въ поискахъ за спасительной формулой, которая дала бы средства Германію превратить въ сильно концентрированное государство, безъ насильственнаго сверженія отдѣльныхъ династій: популярность этихъ династій, какъ ни странно это кажется, у большинства нѣмцевъ вполнѣ мирилась съ ожесточенной оппозиціей противъ нихъ. И ключъ къ этой исторической загадкѣ въ томъ, что въ нѣмецкихъ сердцахъ жили бокъ о бокъ два противоположныхъ чувства — стремленіе къ единству и любовь къ обособленію. Чувства эти и до сихъ поръ не изсякли и вызываютъ поразительное дробленіе нѣмецкихъ партій на мелкія, даже микроскопическія кучки. А за руководящей группой умѣренныхъ либераловъ уже поднимала голову республиканская партія, мечтавшая разомъ зачеркнуть все прошлое Германіи и начать ея исторію снова, по французскому примѣру. При такомъ разбродѣ общественной мысли не удивительно, что ни мартовская революція 48-го года, ни возстановленіе порядка уже въ слѣдующемъ году не повели ни къ какой развязкѣ: перевороты тогда только къ чему-нибудь приводятъ, когда они совершаются силою единаго могучаго потока, увлекающаго за собою всѣ мелкія самостоятельныя теченія. Въ 48-мъ году въ Германіи, наоборотъ, такія теченія не переставали перекрещиваться. Отвлеченный республиканскій либерализмъ, заимствованный у французовъ, и самородное нѣмецкое движеніе, вышедшее изъ ненависти къ этимъ самымъ французамъ, движеніе, имѣвшее свои корни въ самой сердцевинѣ народа, могли сливаться въ однообразномъ проявленіи уличныхъ буйствъ, но характеръ и самыя цѣли были у нихъ совершенно противоположные. Сильная Германія, идеаломъ которой не переставалъ быть Фридрихъ Барбаросса, даже съ парламентомъ или цѣлымъ рядомъ парламентовъ въ придачу, ничего общаго не имѣла съ другою, отвлеченною республиканскою Германіей, идеалъ которой существовалъ не въ

прошлом, а только въ умахъ нѣмецкихъ демократовъ [1]). Вожди либеральныхъ націоналистовъ сознавали, что достигнуть своей цѣли они могутъ только помощью сильной власти, и потому не переставали кокетничать съ Берлиномъ, хоть и недолюбливали берлинскую солдатчину. Демократамъ, какъ Якоби, Ронге, Гервегъ, Струве и т. д., самое понятіе о сильной власти было ненавистно, такъ какъ по ихъ формулѣ, взятой на прокатъ у французовъ, неизмѣнно вѣрное народное чутье должно безошибочно найти себѣ путь и выбрать себѣ подходящихъ людей. И за смутными поисками за этими двумя формами объединенія таилось въ нѣмецкихъ сердцахъ еще одно неискоренимое чувство—боязнь, какъ бы такое объединеніе не убило мѣстной самостоятельности, въ привычныхъ рамкахъ 39-и мелкихъ нѣмецкихъ отечествъ, одновременно ненавистныхъ и дорогихъ. Не мудрено, что при такой путаницѣ понятій изъ мартовской революціи ничего выйти не могло, что ни обще-нѣмецкій парламентъ во Франкфуртѣ, ни попытки къ объединенію подъ руководствомъ то Пруссіи, то Австріи, ни даже переговоры между отдѣльными государствами ни къ какому практическому результату не приводили. Рецепты на объединеніе страны были слишкомъ многочисленны и противорѣчивы: въ душѣ нѣмецкаго либерала централистъ боролся съ сепаратистомъ, какъ разъ потому, что германской расѣ свойственно любить въ теоріи сильную власть, а на практикѣ ея чураться. И правительства оказались такими же безсильными въ этомъ дѣлѣ, какъ и вожди оппозицій, хотя всѣ сочиненныя ими программы были самаго положительнаго свойства и сводились къ желанію округлить себя насчетъ сосѣда. Но такое желаніе всегда наталкивалось на столь же явную неохоту этого сосѣда быть поглощеннымъ, а затѣмъ на полную невозможность для двухъ руководствующихъ нѣмецкихъ государствъ ни подчиниться одно другому, ни дружно вести Германію, подѣливъ между со-

[1]) Іоганъ Шерръ. Комедія всемірной исторіи. Т. I, стр. 284—316.

бою господство[1]). И это продолжалось до тѣхъ поръ, пока нашелся человѣкъ, отыскавшій наконецъ формулу для единства, формулу, составленную въ интересахъ уже не либеральныхъ теорій, а прямыхъ выгодъ правительственной власти: поставить во главѣ Германіи одно изъ двухъ государствъ, боровшихся въ ней за первенство, вытолкнувъ изъ ея состава другое, и сохранить въ то же время въ каждой изъ отдѣльныхъ мелкихъ странъ родную династію, во-первыхъ, какъ полезный устой для центральной власти, и, во-вторыхъ, какъ символъ нѣкоторой самостоятельности отдѣльныхъ странъ, на которыя исторически раздѣлилась Германія.

Съ 50-хъ годовъ національная идея опять перемѣнила фонъ: изъ революціоннаго фермента она превратилась въ орудіе правительственной власти. Носители этой власти поняли, какую имъ можно изъ этой идеи извлечь пользу. Даже у насъ въ Россіи, гдѣ борьба между націоналистами и ихъ противниками была чисто литературная, этотъ поворотъ сказался. Еще при Александрѣ II славянофилы считались опасной, почти мятежной партіей, а при Александрѣ III ихъ программа стала правительственной. Одно только государство должно было одинаково пострадать и при новомъ поворотѣ національной идеи: это была Австрія.

Въ Австріи національный вопросъ имѣлъ постановку діаметрально противоположную нѣмецкой. Въ Германіи единый народъ былъ исторіей раздробленъ на много государствъ, въ Австріи нѣсколько національностей было механически спаяно въ одну военную монархію, и объединяющимъ цементомъ для этихъ національностей долженъ былъ служить тотъ самый нѣмецкій элементъ, который въ остальной Германіи тщетно отыскивалъ путь къ единству. Этимъ элементомъ разнопестрая Австрія и прикасалась къ Германіи, но, какъ разъ благодаря этому, она и была неспособна ее объединить, хотя послѣ революціи 48-го года и казалось въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, при

[1]) Von Sybel. Begründung des Deutschen Reiches. Bdg I und II.

геніальномъ князѣ Феликсѣ Шварценбергѣ, что это ей удастся. То самое движеніе, которое нѣмцевъ подталкивало сплотиться, въ Австріи оживляло національное самосознаніе чеховъ, поляковъ, итальянцевъ, южныхъ славянъ, а рядомъ съ этимъ у самихъ австрійскихъ нѣмцевъ, этого единственнаго орудія правительства для слiянія разнородныхъ частей имперіи, пробуждалось требованіе политической свободы, устраненія опеки надъ ними центральной власти. Такимъ образомъ, эта правительственная сила въ то же время дѣлалась носительницей оппозиціи. И въ Австріи два теченія, исторически національное и либерально демократическое, были еще болѣе разъединены, чѣмъ въ Германіи. Въ 48 и 49-мъ годахъ это выразилось даже конкретнымъ образомъ: пока кроаты Еллатича усмиряли венгровъ, а нѣмцы Виндишгреца чеховъ, въ самой Вѣнѣ порядокъ старалась поддерживать разношерстная полиція, большею частью набранная изъ славянъ. Въ Германіи былъ еще возможенъ, хотя на короткое время, Франкфуртскій парламентъ, въ Австріи такой парламентъ неминуемо привелъ бы къ междоусобной войнѣ. Въ Германіи движеніе 48-го года дало все таки кое какіе практическіе результаты --выкупъ послѣднихъ уцѣлѣвшихъ феодальныхъ правъ и постепенную выработку новаго, до тѣхъ поръ нигдѣ въ Европѣ неизвѣстнаго типа представительныхъ учрежденій,—парламента безъ парламентаризма, оставлявшаго государю если не полное самодержавіе, то рѣшающее слово во внѣшнихъ и внутреннихъ дѣлахъ. Въ Австріи единственной развязкой революціи могло быть полное возстановленіе центральной власти и, благодаря тому, что ею въ теченіе двухъ лѣтъ управлялъ такой крупный государственный человѣкъ, какъ князь Шварценбергъ, этотъ австрійскій прототипъ Бисмарка, могло сперва казаться, что упрочится полное объединеніе отдѣльныхъ ея областей и австрійскіе нѣмцы, въ видѣ утѣшенія для себя, получатъ не только полное господство въ Австрійской монархіи, но и въ цѣлой Германіи. Этотъ блестящій моментъ исторіи Австріи былъ однако предвѣстникомъ быстраго ея паденія: онъ какъ разъ и навелъ будущаго

руководителя Прусскаго королевства на мысль, что для объединенія Германіи прежде всего необходимо исключить изъ нея Австрію.

Борьбѣ Пруссіи съ внѣшними врагами предшествовала борьба внутренняя, съ попытками прусскихъ либераловъ завести у себя парламентаризмъ по образцамъ французскаго. Такая борьба велась, какъ уже сказано выше, одновременно и въ Берлинѣ и Парижѣ, и результатъ ея для обѣихъ столицъ оказался діаметрально противоположнымъ, потому что князю Бисмарку удалось доказать на практикѣ, что онъ лучше парламентскаго большинства понимаетъ интересы государства, а Наполеону въ Парижѣ этого доказать не удалось. Парламентскій споръ съ прусской оппозиціей въ 62—64 гг. былъ для Германіи провѣркою опытовъ революціи 48-го года, совершенно протрезвившей большинство нѣмцевъ насчетъ теоретическаго либерализма. Этотъ споръ былъ блестящимъ доказательствомъ на дѣлѣ, что всѣ политическія формы лишь средства къ достиженію цѣли, и что цѣль эта, благо страны, несомнѣнно выше и цѣннѣе этихъ средствъ. Во Франціи, гдѣ развязка борьбы оказалась совершенно иною, такое доказательство призвано дать 30-тилѣтнее господство республики. Къ Франціи мы теперь перейдемъ.

—

ГЛАВА III.

Въ теченіе прошлаго вѣка Франція была для Европы какъ бы институтомъ практической политики, гдѣ постоянно обсуждались всѣ формы государственныхъ устройствъ и неоднократно производились опыты ихъ насильственной смѣны. Эта всемірная революціонная клиника тѣмъ любопытнѣе, что она устроена у себя народомъ, который въ своемъ домашнемъ обиходѣ, въ своихъ привычкахъ обнаруживаетъ всего болѣе склонности къ рутинѣ, а въ политикѣ всего менѣе терпимости къ

чужимъ мнѣніямъ. Единственное право, которымъ въ самомъ дѣлѣ дорожатъ французы, это право навязывать другимъ свои взгляды. Любое французское правительство, хотя бы обставленное наилибиральнѣйшими учрежденіями, неизмѣнно преслѣдуетъ одну главную задачу — подавить всякое проявленіе критики существующаго въ данный моментъ устройства. Когда правительство монархическое, такія мѣры называются охранительными, и цѣлью ихъ служитъ поддержаніе порядка. При республикѣ, наоборотъ, совершенно такія же мѣры получаютъ кличку либеральныхъ, и цѣлью ихъ считается развитіе свободы. Свобода, въ самомъ дѣлѣ, какъ двуликій Янусъ, не одно и то же по отношенію къ тѣмъ, кто ее провозглашаетъ, и къ тѣмъ, кому ее приходится пассивно выносить. А французы ее всегда понимаютъ только въ первомъ, активномъ смыслѣ. Не удивительно, впрочемъ, что всѣмъ французскимъ правительствамъ приходилось такъ понимать свою роль, то прибѣгая къ явному насилію, къ арестамъ, къ высылкѣ, къ запрещенію газетъ и ассоціацій, то къ косвенному—къ подкупу и застращиванію избирателей. Вызвана такая система неизмѣннымъ стремленіемъ любой французской оппозиціи свергнуть существующій порядокъ. Всѣ наклонности французовъ, ихъ любовь къ роскоши и блеску, ихъ страсть къ симметрической общественной архитектурѣ, согласно которой все въ цѣломъ государствѣ должно быть построено по единичному плану, и, вдобавокъ, несомнѣнно присущее имъ стадное чувство, съ которымъ они въ каждый данный моментъ всегда готовы ринуться куда-нибудь вслѣдъ за популярнымъ вождемъ, популярнымъ, конечно, лишь ненадолго — все это дѣлаетъ изъ французовъ народъ въ высшей степени монархическій по темпераменту. На бѣду только, съ тѣхъ поръ какъ они прошли черезъ такъ называемую Великую Революцію и научились, какъ легко можно даже зауряднымъ людямъ путемъ безпорядковъ сдѣлать блестящую карьеру, всякій французъ, сколько-нибудь умѣющій болтать и писать, желаетъ такую карьеру непремѣнно сдѣлать. Французы не прочь даже отъ деспотизма, но кандида-

товъ въ деспоты у нихъ черезчуръ много. Въ этомъ вся разгадка ихъ исторіи за XIX вѣкъ. И трудно сказать, что подѣйствовало на нихъ пагубнѣе, какъ дурной примѣръ,—революція, выбросившая на поверхность общества такихъ порочныхъ людей, какъ Мирабо, Дантонъ, Баррасъ, Фуше, Талейранъ, или такихъ посредственностей, какъ Рэдереръ, Камбасересъ, Тибодо, Ребелль, или наполеоновская имперія, показавшая, какъ легко многимъ изъ подобныхъ людей управлять страною не хуже испытанныхъ администраторовъ, облечься въ придворные мундиры и носить громкіе титулы не хуже заправскихъ аристократовъ[1])? И вся дальнѣйшая исторія Франціи до настоящаго времени подтверждаетъ эту способность, какъ подтверждаетъ она еще и другую наклонность французовъ—становиться революціонерами, когда имъ власть не дается въ руки. Революціонный темпераментъ у нихъ сказывается въ такихъ случаяхъ даже, когда они природные консерваторы и выступаютъ въ защиту королевской власти, дворянства и церкви. Примѣровъ этому сколько угодно. Такимъ революціоннымъ темпераментомъ отличалась, напримѣръ, знаменитая палата 1815 года «La chambre introuvable», желавшая, чтобы на всѣ государственныя должности назначались только эмигранты и чтобы лица, не бывавшія у исповѣди, не принимались на службу вовсе. И тѣмъ не менѣе эта палата, когда хладнокровный Людовикъ XVIII не захотѣлъ осуществить эту ужъ черезчуръ рѣшительную программу, держалась по отношенію къ тогдашнему правительству самаго вызывающаго, строптиваго тона. Такимъ же революціонеромъ явился въ концѣ 20-хъ годовъ убѣжденный роялистъ Шатобріанъ, и несмотря на весь этотъ роялизмъ, никто болѣе его не способствовалъ низверженію Бурбоновъ старшей линіи, которымъ онъ не могъ простить, что Людовикъ XVIII отставилъ его, правда, довольно грубымъ образомъ отъ должности министра иностранныхъ дѣлъ. Такую же роль въ Іюльской монархіи попеременно играли два ея главныхъ столба— Гизо и Тьеръ.

[1]) Taine. Les Origines de la France contemporaine. T. IV. Pp. 311—329.

Первый, когда онъ вступилъ съ лѣвой стороной въ коалицію противъ м-ва Молэ, безспорно лучшаго изъ всѣхъ министерствъ Людовика-Филиппа, а второй, когда онъ хотѣлъ ввергнуть Францію въ войну съ цѣлой Европой, изъ за египетскаго паши Мегемета Али, а потомъ, когда это ему не удалось, цѣлыхъ 8 лѣтъ свой огромный политическій талантъ употреблялъ на то, чтобы расшатать правительство, на самомъ дѣлѣ какъ нельзя болѣе отвѣчавшее его собственнымъ взглядамъ. Еще позднѣе, при третьей республикѣ, предметомъ такой немилосердной оппозиціи сдѣлался этотъ самый Тьеръ, и опять таки главнымъ виновникомъ его низверженія былъ консерваторъ, недавно скончавшійся герцогъ Брольи. Основная черта борьбы французскихъ партій остается такимъ образомъ неизмѣнной. По мѣрѣ того, какъ расширяется кругъ людей, изъ которыхъ черпается правительственный персоналъ, борьба эта становится только безпринципнѣе, нравы лицемѣрнѣе, вся картина политической жизни пошлѣе. Это впечатлѣніе неминуемо сказывается, когда сравниваешь между собою характеръ парламентскихъ дебатовъ за четыре эпохи, на которыя распадается прошлое столѣтіе. Въ эпоху Реставраціи, когда вопросы о свободѣ печати, объ избирательномъ цензѣ и о правѣ ассоціацій были еще свѣжими, незатѣзженными, говорившіе за и противъ по каждому изъ этихъ вопросовъ исполнены неподдѣльнаго воодушевленія и почти неизмѣнно придерживаются возвышенной области принциповъ. Это уже не сантиментальная фразеологія революціи, но въ незыблемость и спасительное дѣйствіе этихъ принциповъ всѣ партіи безусловно вѣрятъ. Что полное господство парламентаризма можетъ совпадать съ подавленіемъ свободы, и неограниченное право каждаго печатать что угодно можетъ стать орудіемъ не только лицемѣрія и клеветы, но и очень сомнительныхъ финансовыхъ продѣлокъ, этому еще опытъ не научилъ тогдашнихъ французскихъ ораторовъ, хотя революція и директорія могли ихъ снабдить достаточными примѣрами того и другого. Палата Реставраціи, благодаря очень высокому цензу, исключительно набиралась изъ верхнихъ общественныхъ сло-

евъ, что, быть можетъ и придавало ея преніямъ нѣсколько академическій характеръ. Во всякомъ случаѣ ни одинъ изъ выдающихся государственныхъ людей этой эпохи ничѣмъ себя не запятналъ, а нѣкоторые изъ нихъ, какъ герцогъ Ришелье, де-Серръ, Виллель Мартиньякъ, принадлежатъ къ числу самыхъ безукоризненно чистыхъ личностей, когда-либо игравшихъ въ практической политикѣ выдающуюся роль. Если даже самолюбіе, иногда довольно мелкое, и приводило ихъ къ личнымъ столкновеніямъ, какъ это случилось, напримѣръ, съ Ришелье и Деказомъ, то къ недостойнымъ средствамъ для устраненія врага эти люди все таки не прибѣгали [1]). При Іюльской монархіи уже не совсѣмъ то. Трибуну все еще занимаютъ крупнѣйшіе ораторскіе таланты, и парламентское краснорѣчіе носитъ все еще очень возвышенный характеръ, но почва, на которой происходитъ борьба партій, уже нѣсколько понизилась. При Реставраціи лѣвое крыло палаты хотѣло широко раскрыть ея двери небогатой интеллигенціи, добивалось свободы печати и ассоціацій и страстно возставало противъ вліянія духовенства. Правое крыло, тоже недовольное, требовало, чтобы возстановленіе законной династіи вернуло Франціи весь дореволюціонный общественный строй. И то и другое опиралось на такія возвышенныя понятія, какъ прирожденная свобода личности, съ одной стороны, какъ святость историческихъ традицій, съ другой. Правительство, даже когда во главѣ его стояли люди праваго крыла, вынуждено было держаться средины, такъ какъ уступать тѣмъ или другимъ требованіямъ значило въ сущности уронить авторитетъ власти. При Орлеанской монархіи, несмотря на всю горячность борьбы партій, предметъ этой борьбы иногда остается неуловимымъ, и людей, обмѣнивавшихся самыми зажигательными рѣчами, отличаютъ другъ отъ друга едва замѣтные оттѣнки мнѣній. Свобода печати была полная, и преслѣдовать автора какой-нибудь брошюры или статьи можно было только судомъ. Цензъ былъ пониженъ настолько, что число

[1]) Guizot. Mémoires. T. I. Chap. V. P. 218 et suiv.

избирателей учетверилось. Легитимисты почти совсѣмъ отсутствовали въ палатѣ, и съ духовенствомъ правительство находилось въ довольно натянутыхъ отношеніяхъ. Для такъ называемыхъ либеральныхъ требованій оставалось такимъ образомъ мало простора. Никакихъ попытокъ нарушить право палаты вмѣшиваться въ ходъ управленія посредствомъ преній объ адресѣ и запросовъ въ министерство правительство не дѣлало, всегда подчиняясь измѣнчивымъ группировкамъ большинства при составленіи кабинетовъ. Но какъ разъ это обезоруживаніе власти палатою и вынуждало прибѣгать къ косвеннымъ, негласнымъ средствамъ, какъ административное давленіе на выборы и болѣе или менѣе явный подкупъ депутатовъ и газетъ. А король, основываясь впрочемъ на буквѣ конституціи, настаивалъ, чтобы министры были на самомъ дѣлѣ его министрами, а не делегатами палаты, и въ своихъ дѣйствіяхъ подчинялись его указаніямъ [1]. Два раза, — въ 1836 году по случаю испанскихъ замѣшательствъ и въ 1840, въ виду коалиціи, образовавшейся противъ Франціи по египетскому вопросу, Людовикъ-Филиппъ уволилъ министерство, хотя оно и не потерпѣло никакого пораженія въ палатѣ. Не переступая черезъ свои права, но и твердо держась ихъ во всей ихъ полнотѣ, онъ не соглашался признать извѣстной формулы строгаго парламентаризма: «Le roi règne, mais ne gouverne pas». Какъ бы то ни было, свобода не только личная, но и политическая, была обезпечена въ большей мѣрѣ, чѣмъ когда-либо прежде или послѣ того, и поводовъ къ ожесточеннымъ нападкамъ не было въ сущности никакихъ. Утратили свое прежнее выдающееся положеніе общественныя силы, казавшіяся французской буржуазіи олицетвореніемъ стараго порядка, а, стало быть, и реакціи — родовое дворянство и церковь. На политической сценѣ оставались такимъ образомъ лишь такіе люди, которые въ сущности очень мало отличались другъ отъ друга въ сво-

---

[1]) Thureau Dangin. Histoire de la Monarchie de Juillet. T. III. Pp. 106—109. T. IV. P. 347.

ихъ взглядахъ и симпатіяхъ, за исключеніемъ двухъ очень ничтожныхъ по численности, группъ—республиканцевъ-теоретиковъ, какъ Ледрю Роллэнъ, Гарнье Пажесъ, Маркъ Дюфресъ-Каваньякъ и т. д., и столь же незначительная кучка легитимистовъ—съ Берье и Ларожакленомъ во главѣ. Это были первоклассные ораторскіе таланты, но фактической силы они не имѣли никакой. Все остальное, отъ Одиллона Барро на лѣвой до Гизо на правой, было почти одинаковаго мнѣнія, признавая и монархію и цензъ, не говоря уже о собственности и порядкѣ, и одинаково приверженное къ парламентскому устройству. Царствованіе могло, такимъ образомъ, пройти очень спокойно, а между тѣмъ борьба небольшихъ осколковъ партій, хотѣвшихъ почти одного и того же, была необыкновенно бурною, и какъ разъ потому, что двигателями ихъ были вмѣсто принциповъ личные счеты и личное самолюбіе вождей. Какъ всякая армія, у которой слишкомъ много генераловъ, желающихъ быть главнокомандующими, правительственная буржуазія при Людовикѣ-Филиппѣ тратилась на безцѣльныя и безплодныя междоусобія. И не удивительно, что подъ конецъ режима общество было охвачено презрительнымъ чувствомъ къ блестящимъ коноводамъ палаты, чувствомъ, очень похожимъ на тошноту и необыкновенно мѣтко охарактеризованнымъ въ воспоминаніяхъ одного изъ главныхъ дѣйствующихъ лицъ тогдашней политической комедіи—Токвиля [1]). И когда по второстепенному вопросу о расширеніи ценза для получившихъ высшее образованіе правительство неожиданно пало, не потому, чтобы кто-нибудь его свергнулъ, а оттого, что его никто не защищалъ, заодно съ нимъ нравственно палъ и парламентаризмъ. Постоянныя смѣны недолговѣчныхъ министерствъ по ничтожнымъ поводамъ, за которыми скрадывалось личное соревнованіе, до того всѣмъ надоѣли, что переворотъ 2-го декабря былъ встрѣченъ сочувственно подавляющимъ большинствомъ французовъ.

---

[1]) Toqueville. Souvenirs. P. 90.

Парламентаризмъ, съ которымъ первая революція не успѣла познакомиться, потому что она была ничѣмъ инымъ, какъ рядомъ насильственныхъ посягательствъ большинства, парламентаризмъ появился во Франціи, какъ снимокъ съ англійской конституціи, обращенной французами въ отвлеченную доктрину. То, что въ Англіи сложилось само собою, какъ естественный результатъ соотношенія общественныхъ силъ, во Франціи было введено, какъ искусственное созданіе теоріи, какъ чужеземное растеніе, пересаженное политическими садовниками. Когда въ 1688 году въ Англіи былъ низвергнутъ Яковъ II, его преемникъ оказался въ очень затруднительномъ положеніи, необыкновенно мѣтко очерченномъ у Маколея. Съ одной стороны были его приверженцы, виги, постоянно боровшіеся противъ Стюартовъ и въ сущности по убѣжденіямъ республиканцы, съ другой—его противники, торіи, сторонники сильной королевской власти. Принципы и практика такимъ образомъ расходились, и Вильгельму Оранскому оставалось одно лишь—быть собственнымъ первымъ министромъ, лавируя между отдѣльными партіями. Но это было по плечу такому умному человѣку, какъ онъ, а не его преемникамъ, королевѣ Аннѣ и двумъ первымъ Георгамъ, и время этихъ трехъ царствованій было временемъ безспорнаго владычества виговъ. Они господствовали не въ силу какого-нибудь ученія, а потому лишь, что перемѣна династіи была ихъ дѣломъ и означала въ сущности переходъ власти отъ короля къ преобладающей аристократической группѣ. Георгъ III попробовалъ выйти изъ подъ этой опеки, призвавъ на помощь торіевъ, которымъ надоѣло безплодно отстаивать интересы и права Стюартовъ. И въ теченіе первыхъ 25 лѣтъ правленія Георга III никакого парламентаризма въ Англіи не было. Георгъ III мѣнялъ своихъ министровъ, какъ ему хотѣлось, ничуть не справляясь съ мнѣніемъ большинства. Систему эту ему не дало упрочить поразившее его сумасшествіе, а сама система потеряла всякій кредитъ, благодаря неудачной американской войнѣ. Поняли это одинаково и виги и торіи, и произошло нѣчто очень странное: въ 1778 году лю-

бимецъ короля лордъ Бьютъ, тогдашній глава торіевъ, соединился съ вождями оппозиціи, и, подъ угрозою неутвержденія бюджета, Георгъ III былъ принужденъ подчиниться образовавшемуся большинству. А когда, пять лѣтъ спустя, въ 1783 году король обратился за помощью къ новому вождю торіевъ, 26-лѣтнему Вильяму Питту, оказалось, что эта партія, получивъ власть, захотѣла ею такъ же воспользоваться, какъ и виги, т. е. доведя значеніе короны до минимума. Это было сдѣлать тѣмъ легче, что король лишился разсудка, а его сынъ, принцъ-регентъ, благодаря своей частной жизни, пользовался всеобщимъ неуваженіемъ. Начался 45-лѣтній періодъ владычества торіевъ, но уже какъ чисто аристократической партіи, ничуть не отличавшейся отъ своихъ противниковъ въ своихъ взглядахъ на королевскую власть. Принцъ-регентъ пробовалъ даже искать популярности у виговъ и съ ихъ помощью освободиться отъ этого давленія. Но и это не помогло, и большинство нижней палаты стало рѣшителемъ направленія политики просто въ силу того, что значеніе короля упало, сперва вслѣдствіе долгой атрофіи власти, затѣмъ, благодаря сумасшествію Георга III и нравственному ничтожеству его наслѣдника. Власть, и фактическая и моральная, принадлежала двумъ группамъ аристократическихъ фамилій, смѣнявшимся во главѣ правленія, и предметомъ соревнованія между ними стала уже не королевская прерогатива, а вопросъ о постепенномъ расширеніи общественной среды, допускавшейся къ участію въ парламентскихъ выборахъ. Возникшій парламентаризмъ былъ такимъ образомъ въ Англіи ничѣмъ инымъ, какъ результатомъ фактическаго перехода центра тяжести государства отъ короны къ палатѣ общинъ, и упроченіе этого порядка стало возможнымъ, потому что обѣ партіи, смѣнявшіяся у власти, имѣли совершенно одинаковое представленіе о свободѣ, признавая ее не для себя только, но и для своихъ противниковъ. Ни та, ни другая изъ нихъ не пыталась за весь XIX вѣкъ устранить фактическіе тормозы, сдерживавшіе полновластіе партій,—мнѣніе страны, выражавшееся въ свободѣ печати и сходокъ, верхнюю

палату, не подчиненную выборамъ, и, хотя слабый, но все же еще признаваемый авторитетъ королевской власти. Власть эта не могла уже по своему произволу выбрать главу управленія; фактически она лишилась даже права распускать парламентъ въ такое время, когда его большинство находилось въ согласіи съ главой министерства. Но одно она все таки сдѣлать могла — не допустить до участія въ управленіи лицо, почему-либо скомпрометировавшее себя неосторожнымъ поступкомъ. Такъ, лордъ Пальмерстонъ въ 52-мъ году былъ вынужденъ подать въ отставку, потому что слишкомъ поторопился признать Наполеона III и совершенный имъ переворотъ. Такъ, противно настояніямъ Гладстона, королева Викторія никогда не соглашалась допустить къ участію въ министерствѣ нѣкоторыхъ дѣятелей, ей слишкомъ ненавистныхъ, какъ сэръ Чарльзъ Дилькъ [1]), какъ Парнель и Лабушеръ.

Во Франціи было совсѣмъ не то. Значеніе монархической власти понизилось не вслѣдствіе медленнаго процесса утраты ею авторитета, а путемъ ряда насильственныхъ переворотовъ, и власть эта, или власть даже гораздо болѣе сильная, могла вдругъ очутиться на время въ рукахъ какого-нибудь узурпатора, какъ случилось это не только съ Наполеономъ, но ранѣе его еще съ двумя другими диктаторами, съ Робеспьеромъ и Баррасомъ. Французскія партіи группировались вокругъ трехъ династій, изъ которыхъ одна олицетворяла собою традиціонную монархію, окруженную родовымъ дворянствомъ, другая— монархію, такъ сказать, плебейскую и въ то же время военную, нѣчто очень похожее на старинную греческую тиранію, и третья монархію буржуазную, промышленную и строго парламентскую. Эта монархія--продуктъ спекулятивныхъ разсужденій французскихъ либераловъ- имѣла своей основой два теоретическихъ ученія. Первое изъ нихъ, отцомъ котораго былъ Бенжамэнъ Константъ, отожествляло политическую сво-

[1]) Онъ былъ лишь очень недолгое время товарищемъ министра иностранныхъ дѣлъ.

боду, а, стало быть, и парламентаризмъ, съ возможно большимъ умаленіемъ центральной власти: въ этомъ оно кореннымъ образомъ расходилось съ главнымъ проповѣдникомъ либерализма во Франціи, Монтескье, идеаломъ котораго было полное равновѣсіе трехъ властей,—исполнительной, судебной и законодательной, и трехъ общественныхъ основъ—короны, аристократіи и народа. Второе, исходившее главнымъ образомъ отъ такъ называемыхъ доктринеровъ, — Ройэ Колляра, герцога Брольи, Гизо и Баранта, принимало за исходную точку не отвлеченное понятіе о свободѣ, а конкретное явленіе—англійскую конституцію, которую оно пыталось свести къ неизмѣнной формулѣ политическаго устройства. Если второе направленіе брало себѣ готовые образцы по ту сторону канала, первое видѣло свой идеалъ въ американской республикѣ, хотя сильно ошибалось на ея счетъ, такъ какъ президентъ Соединенныхъ Штатовъ гораздо самостоятельнѣе любого конституціоннаго государя Европы. Замѣчательно, что оба эти направленія имѣли одинъ общій источникъ —салонъ геніальной женщины, игравшей такую видную роль въ политической жизни Франціи между началомъ революціи и возстановленіемъ Бурбоновъ, г-жи де-Сталь [1]. И Бенжамэнъ Констанъ, долго находившійся съ нею въ близкихъ отношеніяхъ, и почти всѣ доктринеры были звѣздами этого салона. Одинъ изъ послѣднихъ, герцогъ Брольи, вдобавокъ, женился на ея дочери. Орлеанизмъ былъ, такъ сказать, порожденіемъ этой среды. И казалось, что ничто не мѣшало послѣдователямъ Бенжамэна Констана, съ одной стороны, доктринеровъ —съ другой, образовать во Франціи нѣчто соотвѣтствующее партіямъ виговъ и торіевъ. Мѣшало этому на са-

[1]) Строго либеральная доктрина на основѣ парламентаризма мастерски изложена въ извѣстной книгѣ Madame de Staël: Considérations sur les principaux événements de la Révolution française. Въ этой книгѣ, на ряду съ чисто отвлеченной постановкой вопроса о политической свободѣ, встрѣчаются необыкновенно тонкія и остроумныя замѣчанія, обличающія слабыя стороны парламентскаго режима во Франціи.

момъ дѣлѣ очень существенное обстоятельство — успѣхъ парламентаризма въ Англіи зависитъ отъ трехъ условій. Во-первыхъ, англійскія партіи дѣлятся не по сословіямъ, и въ каждой изъ нихъ находятся представители всѣхъ общественныхъ классовъ; во Франціи, наоборотъ, отъ самой Реставраціи до нашихъ дней, партійная борьба имѣетъ чисто классовый характеръ. Во-вторыхъ, въ Англіи всего двѣ партіи, строго объединенныя и централизованныя, причемъ каждая изъ нихъ имѣетъ признаннаго главу, кандидата въ первые министры, и для членовъ партіи считается позоромъ этому главѣ измѣнять. Выборами каждая партія руководитъ тоже изъ центра. Словомъ, несмотря на сильное развитіе мѣстной жизни, партійная организація тамъ вполнѣ централизована. Во Франціи обо всемъ этомъ нѣтъ и помина. Единственная вещь, не централизованная въ этой странѣ, какъ разъ производство выборовъ, вполнѣ зависящихъ отъ мѣстныхъ комитетовъ съ захолустными дѣятелями во главѣ. Притомъ во Франціи всегда было не двѣ, а цѣлыхъ четыре партіи—три монархическихъ и республиканская, каждая изъ которыхъ и особенно послѣдняя дѣлится, вдобавокъ, на нѣсколько группъ. Эта дробность попросту вызывается желаніемъ второстепенныхъ корифеевъ партіи сдѣлать самостоятельную карьеру, почему они и не хотятъ подчиняться общепринятому вождю, котораго вслѣдствіе этого и нѣтъ. При дробленіи на мелкія группы каждому изъ вождей этихъ группъ гораздо легче попасть въ министры, даже въ первые министры, чѣмъ при объединенной организаціи, подобной англійской: никто въ самомъ дѣлѣ такъ не мѣшаетъ второстепенному таланту дотолкаться до перваго мѣста, какъ признанный глава его собственной партіи, вслѣдствіе чего во Франціи сплошь и рядомъ мелкіе парламентскіе корифеи видятъ своего врага какъ разъ въ этомъ главѣ, а не въ предводителѣ враждебной партіи. Наконецъ, и это главное, англійскіе политическіе нравы не ограничиваютъ понятія о свободѣ, какъ это дѣлается во Франціи, извѣстными формами общественнаго строя, а при-

знають необходимымъ такую свободу предоставлять всѣмъ [1]. Во Франціи такого различія между формальными и дѣйствительными правами не дѣлается. Французскіе либералы, за весьма немногими исключеніями, несмотря на тяжелые уроки революціи, не могли допустить, чтобы помимо центральной правительственной власти свободѣ могло бы угрожать большинство народныхъ представителей. Въ этомъ они были вѣрными учениками Руссо, не допускавшаго, чтобы народъ могъ ошибаться. Но помимо этого несовпаденія формальнаго и дѣйствительнаго либерализма на континентѣ Европы, либералы почти всегда перепутывали два другихъ понятія. Ихъ либерализмъ не исчерпывался свободой, какъ въ Англіи, но стремился, вдобавокъ, къ политической демократизаціи общества, т. е. къ признанію за всѣми не только равныхъ гражданскихъ правъ, но и равнаго участія во власти. Отсюда получались два крупныхъ недоразумѣнія. Во-первыхъ, источникомъ власти должно было служить не дѣйствительное распредѣленіе общественныхъ силъ, а привитый снаружи отвлеченный принципъ равноправности. Во-вторыхъ, когда понятія о свободѣ и равенствѣ на практикѣ расходились, т. е. когда большинство въ парламентѣ оказывалось за консерваторами, что въ Англіи случается сплошь и рядомъ, въ романскихъ странахъ это всегда вызывало негодующій порывъ у партіи, оставшейся въ меньшинствѣ, и партія эта въ такомъ случаѣ обыкновенно взывала къ насилію, признавая его въ такихъ случаяхъ вполнѣ законнымъ. Такъ было во Франціи при Реставраціи, во время господства крайней правой стороны, между 1822 и 1827 годомъ, потомъ во время Іюльской монархіи при министерствѣ Гизо (1840—1848) и, наконецъ, при третьей республикѣ, когда выборы 1871 года дали палату съ сильнымъ монархическимъ большинствомъ. То же повторилось въ Бельгіи послѣ выборовъ 1884 года, предоставившихъ въ обѣихъ палатахъ большинство католикамъ, до сихъ поръ ими не утраченное.

[1] Mad. de Staël. Considérations. Pages 41 et suiv.

Когда въ томъ же году на муниципальныхъ выборахъ восторжествовали либералы, газеты этой партіи громко требовали, чтобы народъ прогналъ клерикальную палату, послѣдствіемъ чего были волненія, правда, усмиренныя довольно легко. Наконецъ, что такое система обструкціи, такъ процвѣтающая въ Италіи, Австріи и Бельгіи, какъ не отказъ меньшинства признавать волю большинства. Доктрина, лежащая въ основѣ этихъ проявленій, сводится къ тому, что насиліе, совершенное во имя такъ называемыхъ народныхъ интересовъ, само по себѣ законно, такъ какъ основная цѣль всѣхъ представительныхъ учрежденій подчинить государство волѣ народныхъ массъ, хотя и безсознательной.

Парламентаризмъ, какъ онъ былъ опредѣленъ доктринерами, а затѣмъ перенесенъ въ большинство прочихъ странъ, какъ извѣстно, сводится къ слѣдующему [1]). Глава государства, король или президентъ, имѣетъ формальное право выбирать по своему усмотрѣнію министерство, которому онъ тѣмъ самымъ передаетъ и власть и отвѣтственность. Принадлежитъ ему и другое право—не утверждать, по крайней мѣрѣ временно, до новаго голосованія, принятые палатами законопроекты. На самомъ дѣлѣ оба эти права чисто фиктивны, и сама безотвѣтственность является для главы государства причиною безсилія. Выборъ кабинета въ дѣйствительности принадлежитъ большинству палаты, и почти всегда его составъ, зачастую очень пестрый, — результатъ компромисса между отдѣльными группами образовавшагося большинства. Этому кабинету и принадлежитъ на время его существованія высшая правительственная власть, и глава его вполнѣ заслоняетъ собою, пока за нимъ стоитъ большинство, короля или президента. Вліяніе послѣдняго ограничивается въ сущности мелкими, личными вопросами — назначеніями на второстепенныя должности, производствомъ въ чинъ, выдачей отличія, — да и то это вліяніе

[1]) Guizot. Mémoires. T. I. Chap. 1. Pp. 32—35. T. II. Chap. 2. Pp. 23—27.

очень растяжимо. и, смотря по характеру главы государства, иногда сводится до нуля. Случалось даже. что въ своей частной жизни, въ выборѣ придворныхъ должностныхъ лицъ. даже въ приглашеніяхъ къ придворному балу или обѣду конституціонный государь былъ стѣсненъ необходимостью принимать въ расчетъ желаніе своихъ министровъ, ихъ тщеславіе и обидчивость. Понятно, что въ парламентаризмѣ всего болѣе ненавистны любому государю съ твердой волей не палаты, а первые министры, и не рѣдки случаи, когда они мстятъ за это послѣднимъ, устраивая имъ тайные подвохи и подготовляя министерскіе кризисы. Столь же фиктивна и другая прерогатива власти право неутвержденія закона. Голосованіе палаты, въ самомъ дѣлѣ, состоялось либо съ согласія кабинета, и въ такомъ случаѣ предполагается и согласіе короны, въ которомъ она отказать своему министру не можетъ подъ страхомъ вызвать опасное столкновеніе, либо безъ такого согласія, и въ такомъ случаѣ кабинетъ подаетъ въ отставку. Поставленный лицомъ къ лицу съ большинствомъ палаты безъ неизбѣжной ширмы, какую представляетъ министерство, государь или президентъ можетъ сдѣлать одно изъ двухъ — либо получить изъ рукъ этого большинства новый кабинетъ, либо распустить палату. Здѣсь, при столкновеніи министерства съ парламентомъ, быть можетъ, единственный случай, гдѣ за конституціоннымъ правителемъ остается активная роль, гдѣ онъ является уже не въ качествѣ декоративнаго только, а дѣйствительнаго колеса въ государственномъ механизмѣ, и благодаря этому въ республикѣ, за отсутствіемъ наслѣдственнаго государя, считается необходимымъ создать какъ бы суррогатъ такого государя въ лицѣ президента, т. е. человѣка, которому на время, путемъ всенароднаго или парламентскаго выбора, какъ бы прививаются свойства настоящаго государя. Парламентская монархія на самомъ дѣлѣ не что иное, какъ республика съ наслѣдственнымъ президентомъ, а республика — въ сущности не что иное, какъ конституціонная монархія съ выборнымъ на извѣстное время королемъ. Понятно также, до какой степени роль главы госу-

дарства умаляется даже въ смыслѣ ея и достоинства и авторитета, когда передъ нимъ не сплоченныя историческія партіи, какъ англійскія, никогда не оспаривающія въ принципѣ его власти и положенія, а шаткое разношерстное большинство, значительная часть котораго имѣетъ болѣе или менѣе явный республиканскій характеръ. Нельзя въ самомъ дѣлѣ не признать нелѣпымъ требованіе, чтобы конституціонный государь чистосердечно довѣрялся министерству, иногда состоящему изъ его враговъ, и зачастую ему навязанному такъ называемымъ общественнымъ мнѣніемъ, т. е. въ сущности группой политикановъ, имѣющихъ въ рукахъ большую часть повседневной прессы. Въ Англіи такое положеніе немыслимо, потому что у обѣихъ спорящихъ партій уваженіе къ коронѣ, по крайней мѣрѣ формальное, совершенно одинаковое, да и состоятъ онѣ въ равной мѣрѣ изъ представителей правящихъ классовъ, не менѣе короля заинтересованныхъ въ поддержаніи порядка. Но на континентѣ, особенно въ романскихъ странахъ, гдѣ наиболѣе острое проявленіе партій и заключается въ постоянныхъ усиліяхъ опрокинуть общественный строй и замѣнить власть правящихъ классовъ матеріальной властью численнаго большинства, парламентаризмъ на практикѣ сплошь и рядомъ наталкивается на безвыходныя затрудненія. Равновѣсіе, существующее на бумагѣ, въ дѣйствительности чисто фиктивно и зачастую сводится къ тому, что верховная власть стушевывается передъ людьми, конечная цѣль которыхъ ея низверженіе.

Таковъ характеръ парламентаризма во всѣхъ романскихъ странахъ, гдѣ онъ былъ насажденъ, такъ сказать, изъ вторыхъ рукъ, по примѣру Франціи. И не удивительно, что, за исключеніемъ одной только Бельгіи, онъ до сихъ поръ въ этихъ странахъ приводилъ лишь къ довольно отрицательному результату, а о мелкихъ государствахъ Востока, гдѣ парламентаризмъ имѣетъ еще менѣе почвы,—и говорить не стоитъ. Если въ странахъ съ болѣе или менѣе преобладающимъ германскимъ населеніемъ — а къ этимъ странамъ можно отчасти причислить

и Бельгію конституціонное устройство привилось лучше, то это слѣдуетъ приписать двумъ причинамъ: большему хладнокровію, а, стало быть, и большей разсудительности германской расы и болѣе слабому развитію въ нихъ парламентаризма въ строгомъ смыслѣ. Въ главномъ изъ этихъ государствъ — Пруссіи, — а въ настоящее время и въ цѣлой Германской имперіи, настоящаго парламентаризма съ соотвѣтствующимъ способомъ выбора министровъ и съ перенесеніемъ центра тяжести къ парламентскому большинству нѣтъ вовсе, и какъ прусской палатѣ, такъ и обще-имперскому рейхстагу принадлежитъ на самомъ дѣлѣ не рѣшающій, а только совѣщательный голосъ. Соединенные Штаты, наконецъ, представляютъ любопытный примѣръ способности англо-саксонской расы видоизмѣнять свои учрежденія согласно обстоятельствамъ, съ тѣмъ, чтобы эти учрежденія вполнѣ достигали свои цѣли, а не являлись бы только копией съ излюбленнаго образца. Такъ, пересадивъ родные порядки на старую почву, гдѣ не было исторически развившихся классовыхъ отличій, американцы поняли, что англійскій парламентаризмъ не соотвѣтствуетъ условіямъ общества, лишеннаго традицій, и, за неимѣніемъ у себя авторитета королевской власти и поземельной аристократіи, они замѣнили то и другое, предоставивъ активную и независимую роль отвѣтственному президенту, который въ сущности не что иное, какъ первый министръ, несмѣняемый въ теченіе 4-хъ лѣтъ.

Но вернемся къ Франціи. Февральская республика была съ точки зрѣнія организаціи власти лишь продолженіемъ Іюльской монархіи, только съ одной палатой вмѣсто двухъ и съ президентомъ вмѣсто короля. Но послѣ краткаго восьмимѣсячнаго преобладанія чисто демократическихъ элементовъ и въ палатѣ и въ управленіи, два обстоятельства подготовили быстрый переходъ отъ парламентской республики къ монархіи уже совершенно иного, почти самодержавнаго типа. Въ числѣ причинъ, вызвавшихъ паденіе Людовика-Филиппа, демократическій либерализмъ игралъ лишь второстепенную роль. Слабость Орлеанской династіи, отсутствіе у нея горячихъ привер-

женцевъ вызывались, главнымъ образомъ, тѣмъ, что это была монархія, лишенная блеска, монархія буржуазно-миролюбивая по самому существу, по своимъ инстинктамъ и стремленіямъ, словомъ, монархія прилавка, а не казармы. Сердце Франціи тогда еще не вполнѣ отожествилось съ биржей, и поддержаніе курса было еще не единственной ея заботой, и въ безусловномъ миролюбіи короля, постоянной проповѣди его министровъ enrichissez vous —даже въ самомъ этомъ промышленномъ обогащеніи видѣли что-то мѣщанское. Вотъ почему ни одна шпага, ни одинъ штыкъ не поднялись въ защиту Людовика-Филиппа 24-го февраля. Прилавокъ, когда онъ является главной опорой порядка, ради поддержанія его, не рискуетъ ничѣмъ и особенно, конечно, жизнью. Придать Франціи иной, военный характеръ можно было только при помощи сильной власти [1]). Другой причиной, создавшей потребность въ такой власти, были іюльскіе дни. Они вызвали передъ испуганной буржуазіей непосредственное зрѣлище краснаго призрака, т. е. не политическую уже, а соціальную революцію. А тотъ же прилавокъ, который для своихъ принциповъ рисковать не любитъ, съ готовностью эти принципы выбрасываетъ за бортъ, какъ скоро опасность грозитъ его сундуку. Вотъ что подготовило кандидатуру Людовика Бонапарта въ президенты и позволило ему, во-первыхъ, довольно безцеремонно мѣнять своихъ министровъ, а, во-вторыхъ, безнаказанно посадить подъ замокъ вождей палаты и провозгласить себя диктаторомъ.

Успѣхъ второй имперіи, по крайней мѣрѣ въ теченіе первыхъ 10-ти лѣтъ ея существованія, былъ ничѣмъ инымъ, какъ фактическимъ подтвержденіемъ той истины, что для демократическаго общества парламентскій режимъ непригоденъ. Ему нужна объединяющая склепка сильной власти. Наполеоновская имперія была демократическою, такъ какъ во главѣ ея стоялъ сдѣлавшій карьеру авантюристъ, и въ качествѣ мистическаго

---

[1]) Thureau Dangin. Histoire de la Monarchie de Juillet. T. VII. Pp. 525—529.

охранителя династіи былъ крѣпко врѣзавшійся въ память народа другой еще болѣе крупный авантюристъ, сдѣлавшій еще большую карьеру. Въ то же время, какъ государь, вынужденный поддерживать не только свой матеріальный авторитетъ, но и свое нравственное обаяніе, Наполеонъ III долженъ былъ, съ одной стороны, обезпечивать безопасность буржуазнаго сундука, а съ другой — опираться на церковь и окружать себя придворнымъ блескомъ, хотя и нѣсколько мишурнаго свойства. Онъ понялъ, что однимъ матеріальнымъ процвѣтаніемъ Францію къ себѣ не привяжешь, что вполнѣ корректное и благополучное правленіе Людовика-Филиппа оттого-то и возымѣло жалкій конецъ, что почтенный король своимъ почтеннымъ зонтикомъ ничего не говорилъ сердцу страны; и Наполеонъ III, хотя въ сущности онъ былъ человѣкъ не воинственный и очень плохой генералъ, двумя удачными войнами удовлетворилъ національное самолюбіе французовъ, съ церковью поддерживалъ гораздо лучшія отношенія, чѣмъ Орлеаны, и сумѣлъ даже перетянуть на свою сторону значительную часть стариннаго дворянства, особенно нѣсколько свихнувшихся его представителей, которымъ приходилось на службѣ искать средствъ къ жизни. А въ то же время судъ, финансы, полиція въ странѣ были образцовые, и Франція богатѣла съ каждымъ годомъ. Очень много говорилось про испорченность нравовъ и распущенность второй имперіи, но, во-первыхъ, то, что происходитъ въ настоящее время, въ смыслѣ казнокрадства, подкупности, злоупотребленія власти и всякихъ юридическихъ насилій, далеко оставляетъ за собою время Наполеона III, а, во-вторыхъ, тогдашній подборъ государственныхъ людей былъ куда какъ выше теперешняго. Людей, равныхъ по талантливости и практическому умѣнію Морни, Барошу, Бильо, Друэнъ де-Люиллю, Туренеллю, Руэру, даже Персиньи, у третьей республики нѣтъ. Всеобщая подача голосовъ осуществляла демократическій фетишъ, а благодаря офиціальной кандидатурѣ, народныя массы все таки выбирали депутатовъ изъ правящаго класса. Да и нельзя сказать, чтобы правительство Наполеона III зажимало

двери въ палату людямъ, засѣдавшимъ въ ней при орлеанской монархіи. Въ числѣ офиціальныхъ кандидатовъ была добрая половина бывшихъ членовъ большинства министерства Гизо, которому въ сущности было все равно опираться на жандармовъ при той или иной династіи. И бонапартовскій режимъ могъ бы утвердиться, если бы послѣ ряда удачъ онъ не свихнулся какъ разъ въ томъ, что прежде всего оправдывало его существованіе—въ практическихъ результатахъ своей политики. Погубили Наполеона III мексиканская экспедиція и неосторожно поднятый имъ національный вопросъ. Какъ скоро режимъ далъ первую трещину, оппозиція подняла голову. Всѣ, кто при Людовикѣ-Филиппѣ и республикѣ своимъ выдающимся положеніемъ были обязаны дару слова и умѣнію вести парламентскіе дебаты, не могли, конечно, примириться съ тѣмъ, что на ихъ талантъ нѣтъ болѣе спроса. Но пока дѣла шли хорошо, они оставались генералами безъ арміи. Ошибки правительства дали имъ возможность навербовать солдатъ и доказывать, что будь они у власти, дѣла страны, при свѣтѣ гласнаго обсужденія, пошли бы несравненно лучше. И странное дѣло—общая потребность въ утилизаціи своего краснорѣчія совершенно объединила представителей трехъ порядковъ, которые при имперіи образовали «les anciens partis», т. е. партіи говоруновъ-теоретиковъ, въ противоположность практическимъ дѣятелямъ имперіи: приверженцы старинной монархіи, буржуазнаго парламентаризма и демократической республики стали дѣйствовать совершенно заодно. Въ 1863 году Тьеръ былъ выбранъ вторымъ округомъ Парижа при дружномъ содѣйствіи республиканцевъ, а легитимистъ Беррье въ радикальной Марсели. Оппозиція всѣхъ оттѣнковъ завоевала себѣ только 35 мѣстъ—на выборахъ 1869 года эта цифра утроилась — но и этотъ скромный успѣхъ до того подѣйствовалъ и на правительство и на палату, что Наполеонъ III сталъ все болѣе склоняться на уступки, а среди правительственнаго большинства зашевелилась группа, готовая присоединиться къ воскресшей оппозиціи. Это обаяніе небольшой кучки первоклассныхъ ораторовъ и при-

дало парламентскимъ дебатамъ съ 63 по 70-й годъ тотъ необыкновенный интересъ, который всегда сопутствуетъ побѣдѣ духовной силы надъ матеріальной. И сперва главный совѣтникъ Наполеона III, его незаконный братъ Морни, а послѣ его смерти талантливый перебѣжчикъ изъ республиканской партіи Эмиль Олливье стали убѣждать императора, что онъ призванъ осуществить идеальную для Франціи форму правленія—основанное на широкомъ демократическомъ базисѣ господство отборныхъ по таланту людей, словомъ, умственную аристократію. Извѣстно, какъ рушилось это искусственное, хоть, можетъ быть, и красивое зданіе, и рушилось преждевременно, благодаря все тому же вопросу о національностяхъ. И очень жаль, что этотъ быстрый конецъ лишилъ исторію интереснаго опыта. Главною виновницею паденія Наполеона III все таки была несчастная идея—поддерживать во имя его революціоннаго прошлаго объединительныя стремленія Пруссіи и Пьемонта. Стремленія эти привели къ образованію у границъ Франціи двухъ крупныхъ государствъ, а ей лично не могли дать почти ничего. Наполеонъ III не догадался, что національный принципъ совсѣмъ не годится для крѣпко объединенныхъ націй, и Тьеръ, всегда мѣткій въ критикѣ, поставилъ это правительству на видъ. И когда послѣдствія сдѣланной ошибки были налицо—ошибку эту съ своей стороны повторила и Россія, но замѣтила это лишь 8 лѣтъ спустя на берлинскомъ конгрессѣ—имперіи ничего болѣе не оставалось, какъ ринуться въ неосторожную войну и дать французамъ случай выказать свое геройство низверженіемъ плѣннаго императора. Позорная революція 4-го сентября была, впрочемъ, лишь повтореніемъ столь же позорнаго событія—измѣнническаго низложенія Наполеона I послѣ Ватерлоо.

Третья республика—новое, притомъ очень продолжительное представленіе, данное Европѣ цѣлымъ рядомъ послѣдовательныхъ опытовъ надъ переустройствомъ государства. На первыхъ порахъ, до 1876 года, она была лишь осуществленіемъ идеи Эмиля Олливье—господствомъ лучшихъ людей, избранныхъ всеобщей подачей голосовъ. Палата 1871 года, такъ называе-

мая версальская палата, была, быть можетъ, самымъ блестящимъ собраніемъ крупныхъ талантовъ, какое только знаетъ исторія. Но талантовъ этихъ было слишкомъ много, и они сплотиться не сумѣли. А тѣмъ временемъ отросли крылья у новаго слоя людей—посредственныхъ не только по общественному положенію, но и по способностямъ, и люди эти понемногу поняли, что не стоитъ жить при демократическомъ устройствѣ, не имѣя своей доли въ общественномъ пирогѣ—l'assiette au beurre—и они позаботились о томъ, чтобы втолковать это избирателямъ, твердя имъ, что нелѣпо свои права уступать людямъ верхняго слоя, т. е. людямъ съ выдающимися способностями или такимъ, которые вышли изъ давно сложившихся историческихъ слоевъ—поземельнаго дворянства и городского патриціата, т. е. буржуазныхъ семействъ, уже нѣсколько поколѣній назадъ достигшихъ благосостоянія и культуры.

Этотъ призывъ былъ услышанъ. За послѣднюю четверть вѣка Франція совершила крупный шагъ отъ демократіи только по принципу къ демократіи на дѣлѣ. Но прежде чѣмъ приступать къ характеристикѣ этого новаго порядка вещей, намъ надо посмотрѣть, какъ отразился французскій парламентаризмъ на югѣ Европы, и какъ повсюду, не исключая и Россіи, совершается процессъ образованія новаго правящаго класса, къ которому, повидимому, исторія предъявляетъ теперь болѣе легкія условія подбора.

ГЛАВА IV.

Опошленіе политической жизни достигло на югѣ Европы, быть можетъ, еще большихъ размѣровъ, чѣмъ во Франціи, хотя начало ея тамъ носило чисто эпическій характеръ. Въ Италіи ея зарожденіе было прямымъ дѣломъ французскихъ войскъ, и, по странной ироніи обстоятельствъ, демократическая пропаганда, вооруженная штыками, пробудила освободительное движеніе

среди высшаго класса. Французская партія въ цѣлой Италіи въ то самое время, когда французскіе генералы ее грабили, была партіей чисто аристократической, и національныя собранія многочисленныхъ республикъ, вызванныхъ въ жизнь побѣдами Наполеона, были почти сплошь составлены изъ мѣстнаго дворянства. Единственнымъ исключеніемъ была Генуя, такъ называемая Лигурійская республика, гдѣ до появленія французовъ не было ни иностраннаго владычества, ни самодержавной власти, а потому новые порядки и совпадали съ низверженіемъ старинной аристократіи. Въ Пьемонтѣ, въ Неаполѣ и особенно въ Миланѣ было не то. И это объясняется очень просто. Французы приносили съ собой не только политическую свободу, но прежде всего перспективу національнаго объединенія. А мечта объ итальянскомъ единствѣ существовала только въ умахъ высшаго класса, единственнаго культурнаго слоя тогдашняго итальянскаго общества, точно такъ же, впрочемъ, какъ и мечта о политической самостоятельности, которой онъ одинъ въ то время могъ воспользоваться. Конечно, иллюзія эта продолжалась недолго. Итальянцы, гораздо болѣе практически смышленые, чѣмъ ихъ французскіе сосѣди, очень скоро поняли, что имперіи, какъ и республикѣ, прежде всего нужны они, какъ поставщики пушечнаго мяса и обладатели художественныхъ сокровищъ. И разочарованіе было такъ полно, что въ 1814 году народъ привѣтствовалъ вернувшихся старыхъ правителей, притомъ не только пьемонтскаго короля и папу, но и Бурбоновъ въ Неаполѣ и австрійцевъ въ Миланѣ. Особенно горячо встрѣтилъ ихъ, впрочемъ, какъ разъ простой народъ, совершенно равнодушный и къ объединенію и къ конституціи. Среди высшихъ классовъ броженіе очень скоро возобновилось. Зачинщики военныхъ бунтовъ въ Пьемонтѣ и Неаполѣ и участники въ карбонарскихъ заговорахъ опять таки большею частью были молодые представители дворянства. Мысль о національномъ объединеніи, въ которой отражалось нѣсколько искусственно подогрѣтое воспоминаніе о древнемъ могуществѣ Рима, и конституціонныя вожделѣнія могли быть

доступны только людямъ, чьи взгляды были скорѣе заимствованы изъ книгъ, чѣмъ изъ жизни. Характеръ движенія, его психика, если можно такъ выразиться, были чисто революціонные, но въ то же время ихъ украшала романтическая черта, рѣдко свойственная движеніямъ, глубоко проникающимъ въ народные слои. Съ теченіемъ времени, конечно, по мѣрѣ того, какъ привычка много читать распространялась и примѣръ Франціи показывалъ, что выдающуюся роль въ парламентскомъ правленіи могутъ играть и люди средняго класса, число сторонниковъ движенія расширялось внизъ. Но все таки—стоитъ это замѣтить—даже въ 1848 году, даже еще позднѣе, въ 1860, большинство вождей итальянскаго либерализма, Кавуръ, Массимо Дазеліо, Рикасоли Поэріо, Бонъ, Компанье были представителями историческихъ фамилій. Подъ ними, правда, какъ подземная лава, колебалась иная, болѣе демократическая волна, вождемъ которой былъ Джузеппе Мадзини, но отличительное свойство тогдашней итальянской демократіи, даже тамъ, гдѣ она овладѣвала властью, какъ въ Римѣ въ 1849 году, послѣ бѣгства папы, въ томъ, что она явленіе наносное, что она лишь отражаетъ въ себѣ космополитическую революціонную идею, а не развивается изъ нѣдръ народныхъ массъ.

Итальянское движеніе, такимъ образомъ, во многомъ повторяетъ собою нѣмецкое. И здѣсь и тамъ переплетенные между собою революціонный націонализмъ и стремленіе замѣнить народнымъ представительствомъ старый патріархальный абсолютизмъ. Въ Италіи связь между отдѣльными этими струями была даже тѣснѣе, чѣмъ въ Германіи. Мелкія династіи, даже просвѣщенные тосканскіе Габсбурги, не пустили историческихъ корней и не были такъ популярны, какъ въ Германіи. Одинъ общій парламентъ для объединенной Италіи, все равно, кто бы ни былъ ея главой, папа, свѣтскій государь или президентъ—у каждой изъ трехъ комбинацій были свои сторонники—на этой формулѣ сходились всѣ недовольные душнымъ, безгласнымъ режимомъ отдѣльныхъ государствъ.

хотя слѣдуетъ сказать правду, что, за исключеніемъ Неаполя, режимъ этотъ былъ въ дѣйствительности гораздо менѣе тяжелымъ, чѣмъ можно себѣ это представить сквозь увеличительное стекло литературныхъ воплей итальянскихъ либераловъ. Онъ былъ во всякомъ случаѣ очень дешевъ и совсѣмъ не обременялъ платежныя средства народа. Зато онъ былъ лишенъ всякаго блеска, и мелкія придирки тогдашнихъ властей казались тѣмъ несноснѣе, что власти эти ни могуществомъ, ни величіемъ не отличались. Во всякомъ случаѣ, движеніе было такъ же подернуто идеализмомъ, какъ въ Германіи, и та нѣсколько взвинченная ненависть, съ какой оно относилось къ существующимъ порядкамъ, оправдывалась тѣмъ, что въ Италіи дѣло шло не только о сліяніи въ одно цѣлое мелкихъ разрозненныхъ государствъ, но и о томъ, чтобы освободиться отъ чужого австрійскаго давленія. И когда февральская революція и вызванный ею общеевропейскій переполохъ здѣсь подняли кратковременную бурю, ее заставили стихнуть, какъ и въ Германіи, вооруженной силой, и сила эта была даже не своя, а чужая — австрійскія войска, съ одной стороны, французскія — съ другой. Два сосѣднихъ государства, съ самой эпохи Карла Великаго чередовавшіяся въ своихъ попыткахъ завладѣть Италіей, опять столкнулись лицомъ къ лицу, какъ во времена Франциска I и Карла V. Этотъ позоръ былъ такъ силенъ, что онъ зажегъ въ цѣломъ народѣ одинаковую ненависть противъ всего, что мѣшало осуществленію единства, въ томъ числѣ и противъ церкви, вызвавшей въ свою защиту французскіе штыки. И несмотря на сложность интересовъ, боровшихся въ Италіи, положеніе было тамъ въ сущности проще, чѣмъ въ Германіи, потому что у всѣхъ была въ виду одна общая цѣль, и у того государства, которое играло здѣсь роль Пруссіи, не было такихъ же колебаній, какъ у Гогенцоллерновъ до вступленія во власть Бисмарка. Что національное движеніе можно обратить на пользу одной изъ династій, объ этомъ итальянскій Бисмаркъ догадался уже въ 1848 году и цѣль свою упорно преслѣдовалъ въ теченіе 12-ти лѣтъ. Итальянское единство

было уже готово, когда нѣмецкое только что сложилось въ головѣ своего создателя. Но осуществить это единство правительственнымъ, а не революціоннымъ путемъ все таки удалось гр. Кавуру только на половину. Бисмаркъ могъ этого достигнуть въ Германіи, сохранивъ въ качествѣ прусскихъ вассаловъ мелкія династіи, чего Кавуръ сдѣлать не могъ, и въ числѣ самостоятельныхъ правительствъ, которыя Бисмарку надо было себѣ подчинить, не было такого государя, какъ папа, у котораго кромѣ небольшой свѣтской власти была другая —всемірная. Благодаря этому, въ числѣ враговъ прусскаго министра не было двухъ такихъ огромныхъ силъ, какъ монархическій принципъ и авторитетъ церкви, и, благодаря этому тоже, ему незачѣмъ было разнуздывать революціонныя страсти, одинаково враждебныя и престолу и религіи. Кавуръ былъ къ этому вынужденъ. Помимо революціи, онъ, даже въ союзѣ съ Наполеономъ III, своей цѣли достигнуть не былъ въ силахъ, такъ какъ Наполеонъ пожалуй еще посмотрѣлъ бы сквозь пальцы на присоединеніе Неаполя, но помогать секуляризаціи Папской области онъ не могъ. Этотъ неизбѣжный союзъ съ революціей сталъ для Савойскаго дома роковымъ. Сильный у себя дома, даже при конституціи, многовѣковой популярностью, онъ былъ чужимъ, а потому и слабымъ въ остальной Италіи. Онъ не могъ опираться, какъ Пруссія, на свою армію, на свое дворянство, даже на свой протестантизмъ. Онъ не могъ перенести центръ Италіи въ Туринъ, какъ сдѣлалъ это Бисмаркъ съ столицей Пруссіи. За предѣлами Пьемонта всѣ охранительныя общественныя силы были ему враждебны, и даже у себя дома уступка родовой Савойи чужому государю, въ отплату за его содѣйствіе, подорвала и охладила преданность династіи. Революціонное чувство тоже не могло ему служить опорой, такъ какъ объединить Италію нельзя было, не посягнувъ на владѣнія католицизма, а въ глазахъ вѣрующихъ такое посягательство было ничѣмъ не лучше отступничества отъ церкви. Въ неловкое положеніе ставило Савойскій домъ и то, что онъ вынужденъ былъ два раза мѣнять столицу, какъ бы переходя въ чужія

барскія хоромы. Въ своемъ Пьемонтѣ онъ былъ старѣйшей послѣ Виттельсбаховъ династіей въ Европѣ, почтенной уже въ силу своей древности. Въ Римѣ, гдѣ ихъ давили воспоминанія о величіи древнихъ цезарей и средневѣковыхъ папъ, Савойскіе короли все таки казались выскочками, мѣщанами въ дворянствѣ. Отрицать это—значилобы не признавать ту власть, какую надъ народными массами имѣетъ воображеніе. Савойская династія могла принести съ собою лучшіе порядки, но обаянія она была совершенно лишена. Образовавшаяся было сперва вокругъ ближайшихъ преемниковъ Кавура конституціонно-монархическая партія, съ гг. Риккасоли, Перуцци, Мингетти, Ланца во главѣ, во многомъ напоминала буржуазныхъ консерваторовъ, поддерживавшихъ во Франціи министерство Гизо, и такъ же была слаба, какъ и эти послѣдніе. Въ низшихъ слояхъ народа все еще держалось сожалѣніе о старинныхъ династіяхъ, а когда прямымъ результатомъ единства былъ сильный подъемъ обложенія, это чувство превратилось въ ропотъ. Вспомнили, что при неаполитанскихъ Бурбонахъ и флорентійскихъ Габсбургахъ не было, правда, свободныхъ газетъ и парламентовъ, но жизнь зато стоила очень дешево, вино и оливковое масло были ни почемъ, и податей не платили почти никакихъ. И произошло нѣчто очень странное: сторонники прежнихъ династій, недовольные порядками объединенной Италіи, сразу перешагнули черезъ конституціонное королевство и обратились въ республиканцевъ и даже въ соціалистовъ. Этому очень содѣйствовала папская политика, особенно при Львѣ XIII, втайнѣ поддерживавшемъ республиканскія стремленія въ народѣ и во всякомъ случаѣ не позволявшемъ вѣрнымъ католикамъ принимать участіе въ политическихъ выборахъ. Такимъ образомъ, изъ числа избирателей была вычеркнута многочисленная группа, и какъ разъ та, которая по своимъ естественнымъ наклонностямъ могла быть только консервативной. Для каждой новой власти ея незаконность стоитъ въ противорѣчіи съ тѣми народными понятіями, на которыя она вынуждена опираться въ качествѣ власти. Нельзя одновременно взывать къ помощи

историческаго права и право это насильственно нарушать. А таково именно было положеніе итальянскаго правительства, когда, въ сентябрѣ 1870 года, его солдаты прикладами ружей проломили запертыя ворота Рима. Не мудрено, что, какъ разъ съ занятіемъ Вѣчнаго Города, начались для этого правительства опасныя затрудненія и быстро разсыпалась та небольшая партія либеральныхъ консерваторовъ, на которую оно въ первое десятилѣтіе опиралось. Это были люди порядка и просвѣщенія, идеалисты по темпераменту, если и не всегда по поступкамъ, старавшіеся мягкостью формъ скрасить незаконность своихъ дѣйствій. Пока единство не было довершено взятіемъ Рима, отношенія къ Святому Престолу не безвозвратно обострились, и папа допускалъ нѣкоторое modus vivendi съ узурпаторами части его владѣній; но когда эти узурпаторы заняли его столицу и помѣстились въ одномъ изъ его дворцовъ, революція стала ему казаться чѣмъ-то менѣе враждебнымъ, чѣмъ королевская власть завоевателя его Рима. И католикамъ не только было запрещено подавать голоса за кандидатовъ, близко стоящихъ къ правительству, но подъ шумокъ разжигалось недовольство, вызванное дороговизной новаго режима. Вопреки экономическому ученію, что крупныя хозяйства обходятся сравнительно дешевле мелкихъ, бюджетъ объединенной Италіи оказался въ нѣсколько разъ крупнѣе суммы бюджетовъ прежнихъ составныхъ ея частей. Не мудрено, что это возбудило недовольство противъ Савойской монархіи всѣхъ тѣхъ, кому приходилось выносить на своихъ плечахъ усиленіе налоговъ и которые въ то же время почти не участвовали въ выгодахъ, какія могла доставить развивавшаяся спекуляція. А это были землевладѣльцы-крестьяне и мелкіе торговцы, т. е. какъ разъ тѣ общественныя группы, на которыя монархическая власть обыкновенно опирается. И кромѣ усиленія опасности слѣва, благодаря которому въ итальянской палатѣ съ половины семидесятыхъ годовъ появляются не только республиканцы, но и соціалисты, возросла и оппозиція справа, такъ какъ взятіе Рима вызвало не только у духовенства, но и у знати гораздо

больше негодованія, чѣмъ присоединеніе Неаполя и мелкихъ государствъ средней Италіи.

А между тѣмъ идеализмъ, окружавшій сперва объединительное движеніе, все замѣтнѣе исчезалъ. Геройскія поползновенія прежнихъ карбонаріевъ привели къ образованію самаго негеройскаго государства Европы, игравшаго въ ней крайне неблестящую роль, несмотря на свои непосильные военные расходы. Въ то же время спекуляція, всегда расширяющаяся тамъ, гдѣ передъ нею болѣе широкое поле, повѣтріемъ охватила собою объединенную Италію, заразивъ и римскую аристократію, которая отъ нея разорилась, и либеральную интеллигенцію, набросившуюся на нее, какъ на путь къ обогащенію. Благодаря этой жаждѣ денегъ, изъ рядовъ прежнихъ убѣжденныхъ республиканцевъ все замѣтнѣе набиралась партія, готовая служить королю не хуже прежнихъ сторонниковъ династій изъ такъ называемой консортеріи, съ тѣмъ, конечно, чтобы отъ этой службы наживаться, и римскій парламентъ превратился въ биржу, на которой проводились, путемъ взятокъ, самыя сомнительныя промышленныя предпріятія, большею частью желѣзнодорожныя и строительныя. Въ половинѣ семидесятыхъ годовъ интеллигенція, т. е. лѣвое крыло либераловъ, главной отличительной чертой котораго было вполнѣ отрицательное отношеніе къ религіи, забираетъ въ свои руки власть и удерживаетъ ее до сихъ поръ. Очень трудно разобраться въ оттѣнкахъ итальянскихъ партій за послѣднюю четверть вѣка: онѣ то и дѣло раскалываются и сливаются опять, образуя все новыя комбинаціи. И отыскать принципіальную черту, отдѣляющую другъ отъ друга враждующія группы, тѣмъ труднѣе, что отличительное свойство ихъ — безпринципность. Несмотря на плохое состояніе финансовъ, новые порядки свели въ концѣ концовъ всю жизнь государства къ денежнымъ, притомъ большею частью дутымъ предпріятіямъ. Въ настоящее время нѣтъ никакой возможности опредѣлить, въ чемъ разныя группы такъ называемой лѣвой и правой стороны отличались бы другъ отъ друга. Всѣ отличія, кажется, сводятся къ именамъ временныхъ

вождей. Любимымъ министромъ покойнаго Гумберта былъ прежній революціонеръ Криспи, оказавшійся очень податливымъ министромъ и съ истинно итальянской гибкостью умѣвшій соединять задорные республиканскіе пріемы въ парламентскихъ дебатахъ съ услужливой податливостью передъ королемъ. На ряду съ этимъ зараженіемъ прежнихъ республиканцевъ жаждой наживы, стала разлагаться понемногу и правая сторона, тоже вкусившая отъ спекуляціи. Между ея главой, маркизомъ ди-Рудини, и вождями двухъ лѣвыхъ группъ, Джіолитти и Цанарделли, никакого существеннаго отличія уже нѣтъ. Между тѣмъ за спиною офиціальной Италіи все растутъ двѣ грозныя силы, одна изъ которыхъ—соціализмъ—уже проникла въ палату, а другая—клерикальная партія—не вступаетъ туда оттого только, что этого не хочетъ папа.

Національная идея послужила основой политическаго движенія и на Пиренейскомъ полуостровѣ. Только здѣсь, хотя ее тоже пробудили къ жизни отголоски французской революціи, она проявилась совершенно иначе, чѣмъ въ Италіи. Она была выраженіемъ отпора гордаго народа противъ неслыханнаго въ исторіи вѣроломнаго посягательства Наполеона. Совершенно застывшій подъ омертвѣлымъ невѣжественнымъ абсолютизмомъ цѣлаго ряда выродившихся королей, утратившій даже память о прежнихъ своихъ мѣстныхъ провинціальныхъ учрежденіяхъ, испанскій народъ оживился, какъ бы отъ дѣйствія электрическаго тока, когда французы измѣннически заняли его столицу, увели въ плѣнъ королевскую фамилію и грубо надругались надъ святыней его церквей. Вся нація, отъ знатнѣйшихъ дворянскихъ родовъ до уличныхъ нищихъ, дружно поднялась въ защиту престола и церкви, какъ символа національной независимости. И это возстаніе противъ внѣшняго врага, въ которомъ полуграмотные монахи бились рядомъ съ бывшими офицерами испанской арміи, съ городскою чернью и съ бандитами горныхъ мѣстностей, это первое крупное проявленіе реакціи противъ французской революціонной волны въ сущности походило въ своихъ проявленіяхъ на уличное движеніе въ револю-

ціонные годы во Франціи. Всякій, кто не хотѣлъ присоединиться къ возстанію, рисковалъ жизнью. Въ четырехъ провинціальныхъ городахъ мѣстные генеральные капитаны, т. е. губернаторы, были убиты. Казенные дома, казармы, стоявшія на якорѣ военныя суда брались приступомъ чернью и возставшими солдатами. Распущенная на половину испанская армія почти вся примкнула къ движенію вмѣстѣ съ своими начальниками, но не какъ организованное войско, а какъ скопище бунтовщиковъ. Словомъ, революція проявляла себя, какъ вездѣ и всегда, рядомъ насилій и пожаровъ. И не мудрено, что, несмотря на монархическій характеръ этой революціи и на участіе, какое въ ней принимало духовенство и знать, она привила характеру испанскаго народа несвойственный ему бунтовской темпераментъ, а когда, за неимѣніемъ законныхъ представителей власти, пришлось организовать центральное управленіе, на самомъ краю страны, въ Кадиксѣ, оно образовалось изъ самыхъ горячихъ головъ, очень скоро перешедшихъ отъ практики республиканства къ его принципіальному признанію. Такъ называемая конституція 1812 года оставила за королемъ одно представительство и фактически отдала власть въ руки городской интеллигенціи, какъ ни была она въ Испаніи численно слаба и въ сущности мало образована. Съ этого момента идетъ черезъ всю исторію Испаніи въ XIX вѣкѣ одно до сихъ поръ не устраненное недоразумѣніе. Странѣ полуграмотной, мало трудящейся и въ сущности бѣдной, несмотря на южное солнце и на постоянный приливъ американскаго серебра въ теченіе 3-хъ столѣтій, странѣ, гдѣ подавляющее большинство совершенно равнодушно къ политикѣ и дорожитъ только старинными мѣстными привилегіями, навязали конституцію со всѣми внѣшними признаками и атрибутами парламентаризма, въ угоду сравнительно небольшой кучкѣ людей, сдѣлавшихъ себѣ изъ политики спеціальность. Идеалъ этихъ людей — въ этомъ они какъ нельзя болѣе похожи на прежнихъ министровъ самодержавныхъ королей XVII и XVIII вѣка — какъ можно болѣе размножить штатныя должности и подѣлить ихъ между собою. А такъ

какъ этихъ должностей, особенно крупныхъ, все таки не хватаетъ на всѣ аппетиты, специалисты политиканы разбились на партіи, чтобы чередоваться у пирога. Конечно, идеалистическій либерализмъ 20-хъ и 30-хъ годовъ и въ Испаніи имѣлъ своихъ представителей, высоко образованныхъ, гуманныхъ и вполнѣ честныхъ, типомъ которыхъ можетъ служить бывшій дважды первымъ министромъ королевы Изабеллы Мартинецъ де-ла Роза, и въ болѣе близкое къ намъ время Кановасъ дель Кастильо. Но за этими декоративными представителями просвѣщеннаго европейства кроются нравы полудикіе, копошатся государственные люди, очень не далеко въ своемъ нравственномъ обликѣ ушедшіе отъ бандитовъ, люди, вся цѣль которыхъ — нажива, а средства — казнокрадство и подкупъ.

Нельзя, конечно, отрицать, чтобы революціонное движеніе въ Испаніи, вспыхнувшее въ 1820 году, не имѣло своихъ законныхъ основаній. Послѣ непомѣрныхъ жертвъ, понесенныхъ цѣлой страной за шесть лѣтъ борьбы противъ французовъ, бездушно сухое и безтолково притѣснительное управленіе Фердинанда VII могло лишь вызвать во всѣхъ слояхъ общества худшую изъ ненавистей—ту, которая соединена съ презрѣніемъ. Но средство, избранное для выхода изъ этого душнаго режима,— солдатская диктатура, съ якобинствомъ въ придачу, т. е. своеволие, обращенное въ принципъ и не терпящее возраженій, было еще хуже режима Фердинанда VII. Оно, вдобавокъ, пріучило Испанію къ солдатскимъ бунтамъ съ политическою цѣлью, благодаря которымъ въ теченіе почти 30 лѣтъ, съ 1840 года по 1868, во главѣ ея смѣняли другъ друга генералы всѣхъ оттѣнковъ, никогда не сражавшіеся съ врагомъ, но очень опытные въ междоусобной войнѣ,— консервативные, какъ Наваррецъ, герцогъ Валенсія, либеральные, какъ О'Доннель, герцогъ Тетуанскій, и радикальные, какъ Эспартеро, герцогъ Витторія,— всѣ они поочередно и по нѣскольку разъ свергали другъ друга и за удачные бунты получали власть, а заодно съ нею деньги, помѣстья, титулы и ордена.

Но вся эта бурная политическая жизнь, которую самъ Фердинандъ VII умирая накликалъ на Испанію, снабдивъ ее конституціей по образцу французской,— вся эта возня парламентскихъ партій съ военными переворотами въ придачу происходила только на поверхности страны, очень мало затрагивая народныя массы. Испанскій крестьянинъ, а съ нимъ вмѣстѣ испанскій гидальго рѣдко выходили изъ своей провинціи, даже изъ своего округа, имѣя передъ собою, какъ границу своей дѣятельности и своихъ мечтаній, горные кряжи, внутри которыхъ они были заперты, какъ монахи въ своихъ кельяхъ. И до того, что происходило въ Мадридѣ, кто былъ министромъ, либералъ или консерваторъ, имъ не было ровно никакого дѣла. Если бы мѣстное самоуправленіе, а заодно съ нимъ и особенности провинцій не были уничтожены еще въ XVIII вѣкѣ при Карлѣ III, всему этому мѣстному люду сохранено было бы у себя дома интересовавшее его, близкое дѣло. Но въ однихъ только сѣверныхъ провинціяхъ, населенныхъ большею частью басками, мѣстныя традиціи сохранились; и что населенію онѣ были дороже общей конституціи, въ этомъ можно было убѣдиться, когда весь сѣверъ Испаніи поднялся въ пользу брата Фердинанда VII, представителя строгаго абсолютизма. Позволительно думать, что не самъ донъ Карлосъ и его наслѣдники привлекли къ себѣ населеніе сѣверныхъ провинцій, а данное имъ обѣщаніе возстановить ихъ упраздненныя привилегіи, такъ называемыя фуэросъ. Сохраненіе этихъ привилегій въ глазахъ басковъ болѣе гарантировало ихъ свободу, даже при самодержавномъ королѣ, чѣмъ могли это сдѣлать какіе угодно парламенты, скроенные по современному рецепту, съ обсужденіемъ адреса, съ правомъ дѣлать правительству запросы и выражать министерству недовѣріе. Всѣ эти такъ называемыя гарантіи нужны были для городскихъ классовъ, оторванныхъ отъ мѣстной жизни и потому заинтересованныхъ, главнымъ образомъ, въ дѣйствіяхъ центральнаго законодательно-административнаго механизма. Эти классы, просвѣщенные, по крайней мѣрѣ снаружи, знавшіе изъ газетъ, что парламентаризмъ

господствуетъ на западѣ Европы и вызываетъ къ себѣ симпатіи въ центрѣ ея, невѣрующіе, въ силу своего полуобразованія, и презирающіе крестьянъ, какъ людей отсталыхъ и суевѣрныхъ, эти классы, т. е. адвокаты, профессора, журналисты, врачи и т. д., естественнымъ образомъ видѣли въ центральномъ конституціонномъ механизмѣ, во-первыхъ, орудіе для осуществленія своихъ либеральныхъ идей, а, во-вторыхъ, средство сдѣлать карьеру. Въ Испаніи они были менѣе образованы, чѣмъ въ остальной Европѣ, но какъ разъ потому и болѣе склонны, чѣмъ гдѣ-либо, вѣрить кличкѣ и принимать вывѣску за товаръ. Какъ всѣ южные народы, испанцы говорятъ обыкновенно пламенно и гладко, а потому имъ парламентское краснорѣчіе очень на руку. Къ интеллигенціи примыкаютъ здѣсь немногочисленные, правда, крупные промышленники, для которыхъ палата важна въ виду поднимаемыхъ въ ней экономическихъ вопросовъ, и столичная знать, почти не проживающая въ своихъ запущенныхъ провинціальныхъ имѣніяхъ и тоже готовая сыграть не безвыгодную роль въ смѣнѣ партій у власти. Всѣ эти политиканы, и знатные и незнатные, совершенно упускали изъ вида полную искусственность вопросовъ, которыми они заняты, и теоретичность взглядовъ, за которые они борются. Они не примѣчали, или не хотѣли примѣчать, что ведутъ только игру въ парламентскій режимъ, навязывая странѣ себя и получаемые ими оклады; а сама жизнь этой страны, или, вѣрнѣе, ея застой, остаются совершенно незатронутыми ихъ парламентскимъ разглагольствованіемъ. Самымъ типичнымъ и въ то же время честнымъ изъ этихъ политикановъ былъ знаменитый Эмиліо Кастеляръ, первый ораторъ Испаніи, но ораторъ, не перестававшій шевелить отвлеченные вопросы и свое краснорѣчіе посвящать академическимъ тезисамъ о политической свободѣ, объ избирательной равноправности, объ отвѣтственности министровъ, о правахъ печати и т. д. Все, чего онъ ни касался въ своихъ рѣчахъ, могло одинаково относиться къ любой странѣ и къ любой эпохѣ, или вѣрнѣе, къ тому несуществующему отвлеченному народу, который весь состоитъ изъ

однихъ добрыхъ, честныхъ, просвѣщенныхъ и разумныхъ людей. А когда пришлось Кастеляру сыграть активную роль, послѣ отъѣзда взятаго на прокатъ у итальянцевъ короля Амедея Савойскаго, онъ для такой роли оказался совершенно непригоднымъ.

За всей этой парламентской шумихой существовало и дѣйствовало, какъ выраженіе трезвой дѣйствительности, то и дѣло о себѣ напоминавшее войско, ненужное противъ отсутствующаго внѣшняго врага, но тѣмъ болѣе готовое воевать, впрочемъ, довольно безкровно, съ врагомъ внутреннимъ. И зачастую, послѣ обмѣна горячихъ парламентскихъ рѣчей, это штатское краснорѣчіе замѣнялось болѣе дѣйствительнымъ военнымъ. Правда, начальники войскъ зачисляли себя въ партіи разныхъ оттѣнковъ, но вмѣшательство ихъ въ борьбу этихъ партій тѣмъ не менѣе всегда являлось насиліемъ. Испанскіе генералы при этомъ, конечно, посмѣивались надъ политическими теоріями, отъ которыхъ они ждали для себя только денегъ и власти. Но практическій смыслъ этихъ своеобразныхъ политикановъ, быть можетъ, еще болѣе развратилъ страну, чѣмъ теоретическіе парламентскіе турниры. За истекшія 30 лѣтъ военные перевороты стали, впрочемъ, происходить рѣже,—послѣдніе два случились въ 1868 году, когда тріумвиратъ, состоявшій изъ маршала Серрано, адмирала Топете и генерала Прима, низвергнулъ довольно таки опереточное правленіе королевы Изабеллы, и въ 1875, когда генералъ Мартинецъ Кампосъ возстановилъ законную монархію въ лицѣ ея сына, Альфонса XII. Сравнительная рѣдкость военныхъ пронунсіаменто за послѣднія 30 лѣтъ вызвана тѣмъ, что время сдѣлало свое и по крайней мѣрѣ въ нѣкоторыхъ центрахъ, какъ Барселона, Валенсія, Бильбао, создало настоящую современную городскую жизнь съ крупными промышленными интересами, а заодно съ нею привело на сцену новое дѣйствующее лицо—соціалистическое движеніе съ его выродкомъ—анархизмомъ. Парламентская жизнь попрежнему не имѣетъ ничего общаго съ испанской деревней, но подъ нею уже есть теперь положительная основа—городъ

съ своими экономическими интересами. И попытки къ безпорядкамъ исходятъ уже не отъ войска, а отъ рабочей толпы, и генералы, которымъ приходится усмирять эту толпу, не имѣютъ уже времени, а пожалуй и охоты, заниматься военными заговорами. Слѣдуетъ также признать, что со времени вступленія на престолъ Альфонса XII въ Испаніи все происходитъ очень корректно: у власти періодически смѣняютъ другъ друга консерваторы и либералы, между которыми въ сущности никакого различія нѣтъ, такъ какъ тѣ и другіе одинаково плодятъ чиновниковъ и подкупаютъ избирателей и газеты. Въ то же время испанская конституція по шаблонному рецепту докатилась до своего естественнаго конца—до всеобщей подачи голосовъ. Это, конечно, нисколько не удовлетворило испанскихъ демократовъ; они только перешли на другую почву—на почву республики съ большей или меньшей примѣсью соціализма. И если до сихъ поръ энергичнаго взрыва не произошло, Испанія этимъ обязана недоброй памяти, оставленной послѣ себя жалкой комедіей республики съ 1873 по 1875 годъ, которой положилъ конецъ генералъ Павія съ двумя ротами солдатъ.

Семилѣтній періодъ, отъ паденія королевы Изабеллы въ 1868 году до призыва Алфонса XII въ 1875, былъ очень богатъ политическими экспериментами всякаго рода, большею частью трагикомическими. Сперва во главѣ страны было трое военныхъ, изъ которыхъ первый—Серрано—былъ сдѣлавшій блестящую карьеру авантюристъ, второй—Топете—человѣкъ ограниченный и честный, а третій—Примъ—самый талантливый изъ трехъ—авантюристъ, еще карьеры не сдѣлавшій, которому рѣшительно было все равно, какъ ее сдѣлать, путемъ возстановленія монархіи или провозглашенія республики. Цѣлыхъ три года эти господа находились въ болѣе или менѣе добросовѣстныхъ поискахъ за королемъ. Сперва они хотѣли пригласить герцога Монпансье, женатаго на инфантѣ Луизѣ, сестрѣ королевы Изабеллы; потомъ обратились къ принцу Антону Гогенцоллернскому, изъ за чего возникла Франко-Прусская война; наконецъ, когда обѣ эти кандидатуры рухнули и

Примъ среди бѣлаго дня былъ зарѣзанъ кинжаломъ на одной изъ главныхъ улицъ Мадрида, выбрали младшаго сына Виктора Эммануила, принца Амедея Савойскаго. Новый король добросовѣстно старался быть вполнѣ конституціоннымъ и выбиралъ своихъ министровъ исключительно изъ либеральной интеллигенціи, причемъ консервативную ея часть представлялъ собою адвокатъ Сагаста, а радикальную—адвокатъ Сорилья. Разница между ними заключалась въ слѣдующемъ: Сагаста находилъ, что если на улицѣ скопище, надо его разгонять, а Сорилья—что надо передъ нимъ раскланяться. Это балансированіе продолжалось ровно полтора года, во время которыхъ эти господа смѣняли другъ друга по два раза. Когда же король убѣдился, что ничего изъ этого путнаго не выйдетъ, такъ какъ большинство испанцевъ не можетъ примириться съ его иностраннымъ происхожденіемъ, онъ благоразумно удалился; и, хотя въ палатѣ большинство было монархическое, тогдашній первый министръ Сорилья провозгласилъ республику и сложилъ съ себя власть передъ кучкой уличныхъ демонстрантовъ. Тутъ началась уже настоящая вакханалія. Смѣны правительства повторялись каждые полгода, и республиканцы, составлявшіе въ странѣ ничтожное меньшинство, вдобавокъ еще раздѣлились на три группы, на такъ называемыхъ умѣренныхъ, съ Эмилло Кастелляромъ во главѣ, на полуумѣренныхъ, вождемъ которыхъ былъ нѣкто Сальмеронъ, и на крайнихъ,—понимавшихъ управленіе страной, какъ рядъ хроническихъ безпорядковъ съ безконечными уличными демонстраціями и произнесеніемъ зажигательныхъ рѣчей и въ палатѣ и на чистомъ воздухѣ. Финансы, конечно, пришли при этомъ въ ужасное состояніе, и уличная безопасность была доведена до минимума. При г. Сальмеронѣ первый разъ на сценѣ появляется открыто соціализмъ, какъ политическая партія, и притомъ въ особой формѣ, преимущественно распространенной на югѣ Европы,—анархизма. Въ Испаніи это принципіальное отрицаніе всякой государственной власти привилось тѣмъ легче, что совпадало съ традиціями провинціальной обособленности. Послѣднее слово

децентрализаціи — полное разложеніе государства — осуществилось въ городѣ Картагена, совершенно отложившемся отъ остальной Испаніи. А между тѣмъ внутри этого города вожди анархистовъ тѣмъ не менѣе очень безцеремонно распоряжались, до разстрѣливанія несогласныхъ съ ними включительно. Это безобразіе длилось четыре мѣсяца и грозило найти себѣ подражателей. Наконецъ, произошла реакція. Сперва былъ избранъ палатами на правахъ президента республики Кастелляръ, а когда и онъ, при всей своей порядочности, не сумѣлъ возстановить порядокъ, одинъ изъ генераловъ, Павія, въ одинъ прекрасный день оцѣпилъ палату, выгналъ депутатовъ и провозгласилъ диктаторомъ маршала Серрано. Но и на этомъ полувозвращеніи къ порядку дѣло не остановилось, и войско, на этотъ разъ очень кстати, совершило новую военную революцію въ пользу законнаго наслѣдника престола. Къ сожалѣнію, эти недавнія спасительныя воспоминанія начинаютъ стираться изъ памяти, и за послѣдніе два года имена Сальмерона и ему подобныхъ снова привлекаютъ къ себѣ популярность. Въ этомъ виноваты, впрочемъ, рѣшительно всѣ испанскія партіи, не отстающія отъ своей привычки бороться для вида изъ за принциповъ, не имѣющихъ въ странѣ никакихъ корней, а на самомъ дѣлѣ изъ за личныхъ интересовъ. Естественнымъ выходомъ изъ такого жалкаго положенія было бы образованіе настоящей народной партіи, вышедшей изъ его нѣдръ и представляющей его дѣйствительные интересы. Но едва ли и на это есть надежда; народъ въ своей сердцевинѣ слишкомъ отвыкъ отъ общественныхъ дѣлъ и заснулъ въ злосчастной апатіи, позволяющей разнымъ паразитамъ съ нимъ расправляться, какъ имъ угодно.

Еще болѣе грустное, чтобы не сказать — позорное, зрѣлище представляютъ въ своей политической жизни молодыя государства Балканскаго полуострова. Всѣ они надѣлены конституціями по самому либеральному рецепту, и конституціи эти всѣ выписаны изъ за границы. Ни въ одномъ изъ этихъ четырехъ государствъ, за исключеніемъ развѣ одной Румыніи, да и то лишь въ нѣкоторой степени, не имѣется налицо общественныхъ

силъ, дѣйствительно обладающихъ властью и смысломъ и потому способныхъ выдѣлить изъ себя представительныя учрежденія. Повсюду, и въ Греціи, и въ Сербіи, и въ Болгаріи, эти учрежденія навязаны извнѣ, и тонкому полукультурному слою поручено разыгрывать роль политическихъ партій и управлять страной. Подъ этимъ слоемъ рабочее сельское населеніе, малообразованное, совершенно равнодушно къ политикѣ. И въ силу наилибералънѣйшихъ принциповъ этимъ населеніемъ правятъ, его облагаютъ податями и ему предписываютъ законы выросшіе надъ нимъ, въ качествѣ правящаго класса, интеллигенты, настолько потерявшіе національный обликъ, что имъ стали чуждыми народныя вѣрованія и народные интересы, и въ то же время настолько мало ставшіе настоящими европейцами, что среди нихъ вполнѣ возможны такія проявленія дикости, какъ недавняя рѣзня 29-го мая. Есть что-то необыкновенно комическое въ раздѣленіи этихъ интеллигентовъ на консерваторовъ, либераловъ и радикаловъ, между тѣмъ какъ для программъ этихъ партій никакого реальнаго матеріала нѣтъ. Охранять въ этихъ странахъ нечего, такъ какъ у нихъ нѣтъ прошлаго, либерализмъ не исключаетъ возможности палочныхъ экзекуцій, какъ въ Болгаріи, повальнаго грабежа казны, какъ въ Греціи, и нескончаемаго ряда переворотовъ, какъ въ Сербіи. А требованія радикализма могли бы быть вполнѣ удовлетворены — пребываніемъ у власти самыхъ безпочвенныхъ проходимцевъ. И тѣмъ не менѣе, партіи существуютъ, происходятъ даже министерскіе кризисы въ силу непріязненныхъ голосованій палаты, какъ это дѣлается въ настоящихъ, заправски конституціонныхъ странахъ, но было бы очень трудно сказать, въ чемъ греческіе и болгарскіе либералы отличаются отъ тамошнихъ консерваторовъ, и почему три сербскія партіи дали себѣ названіе напредняковъ, т. е. прогрессистовъ, либераловъ и радикаловъ. Все это еще болѣе, чѣмъ въ Испаніи, лишь декорація политической жизни, составленная для самоутѣхи интеллигентовъ. За этой декораціей въ самомъ народѣ ничего нѣтъ, ни настоящей борьбы, ни настоящихъ программъ.

Какъ уже сказано, исключеніе, и то въ слабой степени, представляетъ собою Румынія. Хотя и тамъ процвѣтаетъ подкупъ избирателей и смѣна партій у власти не обуславливается смѣной направленій, все таки есть въ этой странѣ уже достаточно плотные верхніе слои, чтобы подбирать изъ нихъ правящій классъ. Лоскъ внѣшней культуры, пріобрѣтенный въ иностранныхъ университетахъ, достаточно уже проникъ страну, чтобы не быть однимъ только лоскомъ. Классовая дифференціація гораздо значительнѣе, чѣмъ въ Греціи и въ двухъ славянскихъ государствахъ, и притомъ не наружная только, а выросшая исторически. Наконецъ, хотя Румынія недавно еще была вассальнымъ государствомъ, въ ней уже давно при турецкомъ владычествѣ существовала политическая жизнь, въ видѣ совѣщательныхъ учрежденій, именовавшихся диванами. Правда, они пополнялись исключительно изъ крупныхъ землевладѣльцевъ, но по крайней мѣрѣ этотъ классъ пріобрѣлъ нѣкоторую привычку вести дѣла страны и при всей своей нравственной испорченности даетъ контингентъ людей, и серьезно образованныхъ и основательно знакомыхъ съ нуждами страны. Вотъ почему въ Румыніи конституція при всѣхъ своихъ крупныхъ недочетахъ дѣйствуетъ гораздо правильнѣе, чѣмъ на всемъ остальномъ Балканскомъ полуостровѣ. Этому содѣйствуетъ, вѣроятно, и наличность тамъ двухъ палатъ, причемъ для верхней, сената, имѣется налицо достаточный контингентъ, не подобранный искусственно, а поставляемый самой страной.

ГЛАВА V.

Можно будетъ теперь подвести итогъ сказанному. Въ цѣлой Европѣ XIX вѣкъ былъ эпохой постоянной перекройки общественныхъ учрежденій, причемъ раздѣлъ власти между отдѣльными группами населенія повсюду подвергался неоднократ-

нымъ перемѣнамъ. Не всегда такія перемѣщенія центра тяжести или справа налѣво, т. е. въ смыслѣ его опусканія въ глубь народныхъ массъ. Въ Германіи, напримѣръ, послѣ революціи 48-го года и въ особенности послѣ торжества кн. Бисмарка надъ прусской оппозиціей, старинный правящій классъ возвратилъ себѣ въ значительной степени прежнее руководящее положеніе, и правительственная власть несомнѣнно окрѣпла. Въ Бельгіи, послѣ долгаго господства либеральной партіи, католики слишкомъ ужъ 20 лѣтъ у власти, и нѣтъ признаковъ, чтобы они ее въ близкомъ будущемъ утратили. Въ Испаніи, послѣ семилѣтнихъ потрясеній между 1868 и 1875 годами, снова возстановилась монархія, правда, не особенно прочная, но все таки, съ виду по крайней мѣрѣ, функціонирующая правильно. Но общій смыслъ движенія, конечно, въ томъ, что низшіе классы все болѣе пріобщаются, сперва къ участію въ выборахъ, а затѣмъ и къ непосредственному участію во власти. Толчекъ, данный въ этомъ смыслѣ французской революціей, до сихъ поръ не утратилъ своей двигающей силы; и хотя, какъ уже было замѣчено, внутренняя структура общества измѣнялась сравнительно мало, во всякомъ случаѣ не такъ быстро, какъ во второй половинѣ XIX вѣка, потребность въ приноровленіи внѣшней общественной организаціи не только къ измѣнившемуся на самомъ дѣлѣ, но и къ идеальному внутреннему строю не переставала дѣйствовать.

Къ этой потребности на континентѣ Европы присоединилась другая: національный ферментъ, т. е. стремленіе объединить разрозненныя части государствъ, или освободиться отъ чужого владычества, дѣйствовалъ одновременно и большей частью заодно съ революціоннымъ. Но пока они оставались слитыми, эти два теченія практическихъ результатовъ не достигали, какъ будто препятствуя другъ другу своимъ противоестественнымъ сліяніемъ. Успѣхъ національной политики въ центрѣ Европы и въ Италіи сдѣлался возможнымъ тогда лишь, когда поняли, что національное единство можетъ стать могучимъ орудіемъ въ рукахъ центральной власти и что осуществится оно съ того

момента, когда стряхнетъ съ себя прежній союзъ съ революціей. И правительственная власть, уразумѣвъ это, чрезвычайно удачно воспользовалась для своихъ цѣлей движеніемъ, долго казавшимся ей враждебнымъ.

Подъ вліяніемъ двухъ этихъ теченій, демократическаго и національнаго, происходила, какъ сказано, неоднократная передѣлка въ архитектурѣ общественнаго зданія. Изъ европейскихъ странъ всего слабѣе и незамѣтнѣе эта перестройка совершалась въ Англіи, гдѣ она ограничилась тремя послѣдовательными реформами избирательной системы, въ 1832, 1864 и 1885 гг., дарованіемъ политическихъ правъ католикамъ въ 1829 г. и рядомъ преобразованій, касавшихся уже не центральной, а мѣстной организаціи, изъ которыхъ главныя — муниципальная реформа въ 1835 году и учрежденіе совѣтовъ для графствъ (country councils) въ 1888 г. Гораздо значительнѣе измѣненія, совершившіяся въ прочихъ государствахъ нѣмецкой расы на материкѣ. Въ Швеціи старинная сословная конституція преобразована въ 1866 году при Карлѣ XV въ представительство съ двумя палатами по общему типу, но съ сохраненіемъ за королевской властью не на бумагѣ только, а на дѣлѣ рѣшающаго слова въ порядкѣ утвержденія законовъ и выбора состава кабинета. Во всѣхъ континентальныхъ странахъ съ германскимъ населеніемъ роль центральной власти вообще значительнѣе, чѣмъ въ романскихъ государствахъ и въ Англіи. Голландія сперва въ 1815 году была преобразована въ Нидерландское королевство съ двумя палатами, но безъ строгаго парламентскаго режима, а позже, вслѣдствіе бельгійской революціи, съ 1830 года раскололась на два государства, послѣ чего она подвергалась лишь разъ реформѣ избирательнаго ценза въ 1887 году. Отколотая отъ нея Бельгія получила устройство, по примѣру французскаго, въ строго парламентскомъ духѣ, но устройство это дѣйствовало здѣсь съ такой же правильностью, какъ въ Англіи, потому, во-первыхъ, что до недавняго времени здѣсь стояли лицомъ къ лицу только двѣ партіи — католики и либералы, а, во-вторыхъ, благодаря

тому высокому личному авторитету, которымъ въ теченіе всего своего длиннаго царствованія пользовался король Леопольдъ I. Швейцарія перешла черезъ цѣлый рядъ маленькихъ кантональныхъ революцій, лишившихъ власти прежній тамошній правящій классъ—городскихъ патриціевъ—и установившихъ тамъ постепенно полную демократію, не въ томъ смыслѣ только, что введена всеобщая подача голосовъ, но что старинные историческіе слои, какъ сельскіе, такъ и городскіе, фактически почти устранены отъ управленія. По странной ироніи исторіи какъ разъ въ тѣхъ кантонахъ, гдѣ съ самыхъ среднихъ вѣковъ существуетъ прямая безусловная демократія, гдѣ народъ самоуправляется непосредственно деревенскими сходами подъ руководствомъ избраннаго старшины, какъ въ 4-хъ лѣсныхъ кантонахъ и Граубюнденѣ, должности этихъ старшинъ фактически почти неизмѣнно остаются въ однихъ и тѣхъ же родахъ изъ стариннаго помѣщичьяго класса. Бытъ этихъ кантоновъ очень мало измѣнился съ XIV вѣка. Въ 1848 году произошло объединеніе Швейцаріи въ одно цѣльное государство съ двумя представительными собраніями—одно, верхнее, избираемое кантонами, по два члена на каждый, другое, нижнее, состоящее изъ непосредственныхъ представителей населенія. Центральное правительство очень слабо—президентъ избирается всего на годъ и его ничтожество видно уже изъ того, что исторія не запомнила даже именъ этихъ президентовъ,—центральное правительство вѣдаетъ лишь очень немногія отправленія государственной жизни—войско, иностранныя дѣла, почту и внѣшнюю торговлю, т. е. привозные тарифы. И эта реформа не обошлась, впрочемъ, безъ междоусобной войны, такъ называемаго Sonderbundskrieg'а въ 1847 году, вслѣдствіе того, что католическіе кантоны не захотѣли подчиниться центральнымъ учрежденіямъ. Съ тѣхъ поръ дважды еще дѣлались попытки перейти къ полному единству законодательства и управленія, не только въ области гражданскаго и уголовнаго права, что было бы вполнѣ разумно, но и относительно внутренняго административнаго устройства и школь-

наго дѣла. Попытки эти, однако, не имѣли до сихъ поръ успѣха. Маленькая Швейцарія представляетъ, такимъ образомъ, любопытный примѣръ одновременнаго существованія полной демократіи, совершенно отвергнувшей историческій правящій классъ, и упорной преданности старинному историческому складу.

О главномъ очагѣ политическихъ переворотовъ, о Франціи, здѣсь говорить незачѣмъ, такъ какъ перечень этихъ переворотовъ сдѣланъ уже выше. Испанія стала конституціоннымъ государствомъ съ 1837 года и съ тѣхъ поръ прошла черезъ двѣ упорныхъ междоусобныхъ войны (1838—1843 и 1872—1875) и черезъ цѣлый рядъ насильственныхъ смѣнъ, не только правителей, но и самыхъ учрежденій. Австрія, до самаго 1848 года руководимая все однимъ и тѣмъ же государственнымъ человѣкомъ, не трогалась съ мѣста, безъ шума подавляя всѣ наружныя проявленія националистическаго сепаратизма и конституціонной агитаціи. Но въ 1848 году, увлеченная въ общеевропейскій круговоротъ, она испытала разомъ взрывъ обоихъ революціонныхъ стремленій—общаго либеральнаго въ столицѣ и центробѣжнаго въ венгерскихъ и славянскихъ областяхъ. Полная невозможность привести къ согласію, соединить въ одно русло эти два теченія погубила ихъ оба. Возстаніе было подавлено и въ Венгріи, и въ Чехіи, и въ Вѣнѣ, и повсюду возстановленъ прежній бюрократическій абсолютизмъ. Полная отмѣна крѣпостного права въ 1849 году была единственнымъ положительнымъ плодомъ революціи. Но возстановились прежніе порядки ненадолго. Въ 1866 году, послѣ несчастной войны съ Пруссіей, Венгрія въ административномъ и законодательномъ отношеніи была отдѣлена отъ Австріи, и въ обѣихъ частяхъ имперіи было введено представительство очень своеобразнаго типа: верхнія палаты въ обѣихъ половинахъ монархіи наслѣдственныя, нижнія имѣютъ довольно высокій цензъ для избирателей и въ западной половинѣ государства, что составляетъ исключительное достояніе Австріи, вербуются разнообразными избирательными коллегіями — крупнымъ землевладѣніемъ, городами и мѣстечками, сельскими

округами и торговыми палатами. Къ этимъ четыремъ коллегіямъ въ 1896 году прибавилась еще пятая — фабричныхъ рабочихъ. Введеніе конституціи, причемъ въ каждой отдѣльной области оставались кромѣ того мѣстные сеймы, дало сильный толчекъ центробѣжнымъ стремленіямъ отдѣльныхъ національностей, прежде сдерживаемымъ общимъ во всей имперіи абсолютизмомъ. И единственной спайкой для этого разношерстнаго тѣла служитъ власть императора, по необходимости сохранившаяся, какъ существенная часть этой сложной организаціи. Строгаго парламентаризма, благодаря этому, въ Австріи нѣтъ.

Но едва ли не самыя крупныя передѣлки испытали на себѣ Германія и Италія, превратившіяся изъ пестрой мозаики независимыхъ государствъ въ крупныя объединенныя монархіи. Парламентское устройство было введено въ нѣкоторыхъ изъ мелкихъ нѣмецкихъ государствъ, Баваріи [1]), Вюртембергѣ [2]) и Баденѣ [3]), уже въ началѣ прошлаго вѣка; въ остальныхъ значительно позднѣе, а въ Пруссіи лишь послѣ революціи 48-го года. 18 лѣтъ спустя, подъ гегемоніей этой самой Пруссіи совершилось сперва неполное объединеніе въ видѣ такъ называемаго Сѣверо-Германскаго Союза съ введеніемъ всеобщей подачи голосовъ для центральной палаты, рейхстага, а еще пять лѣтъ спустя, въ 1871 году, произошло совершенное сліяніе всѣхъ нѣмецкихъ государствъ въ общегерманскую имперію, однако, въ качествѣ нижняго этажа, сохранившую самостоятельныя полувассальныя государства, изъ которыхъ каждое имѣетъ свои особыя представительныя учрежденія, а въ одномъ изъ нихъ, Мекленбургѣ, до сихъ поръ существуютъ средневѣковые сословные чины. Въ Италіи, наконецъ, конституціонныя учрежденія были сперва введены въ Пьемонтѣ въ 1849 году, какъ приманка для остальныхъ итальянскихъ об-

---

[1]) Въ 1818 году.
[2]) Въ 1819 году.
[3]) Въ 1818 году.

ластей. а затѣмъ, съ 1859 по 1870, постепенно образовано, путемъ присоединенія отдѣльныхъ мелкихъ государствъ, единое итальянское королевство, на которое распространена пьемонтская конституція. Съ тѣхъ поръ эта конституція, нельзя сказать, чтобы съ особенной пользой для страны, подверглась реформѣ въ 1882 году, значительно понизившей избирательный цензъ.

Общимъ результатомъ всѣхъ этихъ перемѣнъ была демократизація власти, понимая подъ этимъ словомъ всѣ центральныя учрежденія въ совокупности, но въ то же время и ея усиленіе. Компетентность центральной власти въ области законодательства и управленія стала повсюду гораздо обширнѣе прежняго, и борьба ея со всѣми общественными силами, которыя пытаются остановить ея поступательное движеніе, несомнѣнно обострилась. Несомнѣнно тоже, что въ дѣлѣ распространенія этой компетенціи государственной власти значительно помогло объединяющее національное движеніе.

Но все, что государственная власть выиграла въ стойкости, благодаря разрѣшенію національныхъ вопросовъ, она съ другой стороны утратила подъ воздѣйствіемъ двухъ новыхъ теченій, несомнѣнно центробѣжныхъ, такъ такъ ихъ задачи обнимають собою всѣ страны и всѣ національности. Первое изъ нихъ обусловлено экономическимъ, второе религіознымъ переворотомъ. Въ 20-хъ годахъ рядъ открытій въ области техники, сперва въ оборудованіи прядильно-ткацкаго производства, потомъ въ примѣненіи новыхъ двигателей, привелъ къ созданію крупныхъ фабрикъ, объединившихъ на одномъ мѣстѣ по нѣскольку тысячъ рабочихъ. Эта перестройка обрабатывающаго производства, съ одной стороны, возвысила заработки рабочихъ, а съ другой—сдѣлала эти заработки менѣе устойчивыми и самихъ рабочихъ болѣе подвижными. Въ то же время она дала сильный толчекъ наростанію крупныхъ капиталовъ въ однѣхъ рукахъ, а по мѣрѣ роста промышленности — коалиціи этихъ капиталовъ въ могучихъ товариществахъ. Такимъ образомъ, несмотря на ростъ заработковъ, имущественный контрастъ между низшими

классами, занятыми механическимъ трудомъ, и высшими, съ помощью умственнаго труда извлекающими для себя изъ механическаго пользу, становился все рѣже, а при большей удаленности хозяина фабрики отъ занимаемыхъ имъ рабочихъ, отношенія между ними дѣлались все враждебнѣе. Машина и капиталъ, особенно анонимный, акціонерный, убили всякую патріархальность въ мануфактурномъ дѣлѣ. И противъ наростающаго движимаго богатства работодателей все сильнѣе образовывались, какъ организованныя арміи, ассоціаціи рабочихъ. Классъ, передъ тѣмъ разрозненный внутри себя, но зато тѣсно связанный съ хозяевами, выросъ и сплотился, но уже какъ классъ международный, гораздо болѣе заинтересованный въ судьбѣ своихъ товарищей за предѣлами родной страны, чѣмъ въ судьбѣ послѣдней.

Занятіе Рима итальянскими войсками въ сентябрѣ 1870 года имѣло послѣдствія, которыхъ никто не предвидѣлъ въ моментъ совершенія этого переворота. Вѣрные папѣ католики воображали, что совмѣстная жизнь двухъ властей, духовной и свѣтской, въ одномъ городѣ будетъ невозможной, какъ скоро глава всемірной церкви не захочетъ подчиниться правительству, отнявшему у церкви ея владѣнія. Но они совершенно ошибались. Независимость папы не только не пострадала отъ этого сосѣдства съ непримиримымъ врагомъ; она возросла, благодаря тому, что у Святого Престола не оставалось уже территоріальныхъ владѣній, изъ за которыхъ ему приходилось бы вступать въ компромиссы. Правительство, завладѣвшее Церковной Областью, не смѣло коснуться такъ называемаго Ватиканскаго Узника, потому что, какъ духовный глава слишкомъ 200 милліоновъ вѣрующихъ, онъ былъ несомнѣнно могущественнѣе этого правительства. Безоружный въ своей бывшей столицѣ, онъ былъ гораздо лучше защищенъ отъ всякаго посягательства, чѣмъ великіе средневѣковые папы.

И ростъ его всемірной власти далъ себя почувствовать очень скоро. Какъ разъ потому, что папа не былъ уже свѣтскимъ государемъ, онъ переставалъ быть связаннымъ свѣтскими

интересами и соображеніями международной политики. Прежде ему приходилось часто поступаться строгостью требованій церкви, чтобы не подвергнуть опасности ея территоріальныхъ владѣній, другими словами, жертвовать своею духовною ролью для свѣтской. Теперь, когда, помимо духовнаго владычества, у него ничего не оставалось, всѣ прочія соображенія должны были стушеваться передъ чисто церковными вопросами, и прямымъ результатомъ секуляризаціи Папской Области было образованіе въ цѣлой Европѣ новой обширной партіи, вся программа которой сводилась къ защитѣ интересовъ церкви. Страннымъ образомъ, разлагающее воздѣйствіе ультрамонтанства сильнѣе сказалось при миролюбивомъ Львѣ XIII, чѣмъ при его боевомъ предшественникѣ. Какъ разъ потому, что Левъ XIII какъ бы сторонился отъ свѣтскихъ интересовъ, громко признавая, что церковь не связана ни съ какимъ политическимъ устройствомъ, антагонизмъ между ея всемірнымъ характеромъ и національнымъ стремленіемъ каждаго отдѣльнаго государства сказался особенно сильно. Прежде церковь могла вступать въ частные споры съ представителями свѣтскаго начала, но въ своемъ корнѣ она была консервативна, всегда готовая оказать традиціоннымъ общественнымъ началамъ открытую поддержку. При Львѣ XIII, прямо заявившемъ, что для церкви политическія формы безразличны, эту поддержку Святой отецъ, а заодно съ нимъ и ультрамонтанская партія въ каждой странѣ, стали оказывать только въ отплату за извѣстную услугу.

Соціализмъ и ультрамонтанство — къ которымъ мы вернемся дальше — стали, такимъ образомъ, въ антагонизмъ съ началомъ національнаго единства и внесли коренную перемѣну въ ходъ политической жизни европейскихъ странъ за послѣднюю четверть вѣка. Разлагающее ихъ воздѣйствіе было тѣмъ сильнѣе, что мало по малу, послѣ февральской революціи, расколовшей столѣтіе на-двое, старинныя политическія партіи сами претерпѣли глубокую внутреннюю перемѣну. Великое разочарованіе, какое принесъ съ собою кризисъ 1848 года, въ связи съ торжествомъ положительнаго міровоззрѣнія въ наукѣ, не

могло не сказаться и распространеніемъ политическаго скептицизма. Ниже мы увидимъ, вернувшись къ современному положенію двухъ главныхъ континентальныхъ странъ, Франціи и Германіи, какъ этотъ скептицизмъ сказался на практикѣ. Теперь достаточно указать, какъ рѣзко отличается психологическое настроеніе главныхъ политическихъ дѣятелей первой половины прошлаго вѣка и современной намъ эпохи. Въ первыхъ сказывается какъ бы юношескій идеализмъ молодого столѣтія, его пылкая вѣра въ будущее, во вторыхъ — спокойная, но ѣдкая насмѣшка зрѣлыхъ лѣтъ надъ прежними безплодными увлеченіями. И примѣры того и другого можно найти въ какомъ угодно лагерѣ. Императоръ Николай I былъ рыцаремъ легитимизма, какъ Джузеппе Мадзини былъ рыцаремъ революціи. Какъ ни далеко стоятъ другъ отъ друга эти двѣ историческія фигуры, ихъ объединяетъ общая черта — романтическій идеализмъ. Правда, главное дѣйствующее лицо европейской политики за весь періодъ отъ Вѣнскаго конгресса до февральской революціи, князя Меттерниха, идеалистомъ назвать трудно, — въ его черствой практичности увлеченія незамѣтно, но и онъ былъ прежде всего человѣкомъ принципа и не понималъ, чтобы принципы, съ которыми онъ не былъ согласенъ, могли быть такими же энергичными пружинами дѣятельности, какъ его собственные. Въ этомъ непризнаніи фактическихъ условій жизни онъ былъ человѣкомъ своей эпохи. Зато всѣ прочіе главные дѣятели первой половины вѣка, Штейнъ и Вильгельмъ фонъ Гумбольдтъ въ Германіи, вожди всѣхъ политическихъ партій во Франціи, — Беррье, Гизо, Арманъ Каррель, Гарнье Пажесъ, строгіе испанскіе легитимисты, какъ Донозо Кортесъ, и столь же строгіе республиканцы, какъ Эмилио Кастелляръ, итальянскіе карбонаріи, государи того времени, особенно Фридрихъ Вильгельмъ IV съ двумя своими совѣтниками Бунзеномъ и Радовицемъ, наконецъ, самые выдающіеся государственные люди Англіи за эту эпоху, Каннингъ и Робертъ Пиль, — всѣ они были идеалистами чистѣйшей воды, людьми, глубоко убѣжденными, что въ основѣ политической про-

граммы каждаго изъ нихъ лежитъ безусловный принципъ и что, помимо этого принципа, другого равноправнаго нѣтъ. Чтобы уяснить контрастъ этого міровоззрѣнія съ современнымъ намъ, всего лучше сопоставить ему крупнѣйшую фигуру второй половины вѣка — князя Бисмарка. Бисмаркъ былъ тоже въ своемъ родѣ человѣкомъ принципа. Прусскій юнкеръ, увѣренный, что прежде всего надо твердо держаться Гогенцоллернскаго дома и что солдатскія ружья гораздо убѣдительнѣе всѣхъ парламентскихъ рѣчей, этотъ юнкеръ сидѣлъ въ немъ крѣпко. И тѣмъ не менѣе, въ самой его преданности своему королю было что-то очень реальное, пожалуй, даже скептическое. Монархія по Божьей милости была тутъ ни при чемъ; онъ просто находилъ, что твердое государство, созданное прусскими королями, прекрасно организовано, и что надо сохранить его и для будущаго, а, стало быть, и сохранить его устройство съ королемъ во главѣ. Надо было сдѣлать еще одно—воспользоваться этой организаціей, чтобы сдѣлать Пруссію еще болѣе крѣпкой, подчинивъ ей цѣлую Германію, а для этого слѣдовало, не останавливаясь на сантиментальныхъ мечтахъ о національномъ единствѣ, удалить силою стоявшія на пути препятствія. И для достиженія цѣли средства были ему безразличны: союзъ съ революціонной Италіей, подстрекательство венгерцевъ къ возстанію, всеобщая подача голосовъ, низверженіе старинныхъ династій въ Ганноверѣ, Касселѣ и Нассау, даже кокетничанье съ соціализмомъ — ни передъ чѣмъ этимъ онъ не останавливался. А когда люди его же партіи, какъ братья фонъ Герлахъ и графъ Арнимъ, пугались его пріемовъ и противодѣйствовали имъ, а позднѣе, какъ графъ Эйленбургъ и Путткамеръ, находили, что онъ недостаточно принимаетъ въ расчетъ интересы своего сословія, онъ ихъ безцеремонно устранялъ, находя, что никакіе сословные взгляды не должны стоять на пути къ осуществленію государственной идеи. И вокругъ Бисмарка, какъ люди болѣе или менѣе одного съ нимъ типа, располагаются второстепенныя фигуры, прибѣгавшія болѣе или менѣе успѣшно къ тѣмъ же пріемамъ, — прежде всего непокорный ученикъ

этого же Бисмарка, самъ императоръ Вильгельмъ II, и такіе государственные люди, какъ Франческо Криспи, какъ Биконсфильдъ, Сольсбери и Чемберлэнъ, какъ Жюль Ферри и Вальдекъ-Руссо.

Этой крутой перемѣнѣ въ пріемахъ политическихъ вождей соотвѣтствуетъ перемѣна и въ духѣ самой жизни. Въ началѣ столѣтія, когда послѣ Вѣнскаго конгресса весь западъ Европы сталъ постепенно вводить у себя представительныя учрежденія, программы боровшихся между собой партій были не только очень просты и категоричны, онѣ, вдобавокъ, имѣли передъ собой конкретные примѣры. Старинный монархическій сословный порядокъ слишкомъ еще недавно былъ разрушенъ во Франціи, чтобы не сохранились отъ него живыя сожалѣнія и надежды, а на всемъ остальномъ материкѣ онъ имѣлся налицо. Въ Англіи, наконецъ, — въ этомъ ея историческая особенность — онъ органически слился съ тѣми самыми требованіями личной обезпеченности и политической свободы, которыя на материкѣ осуществлялись съ такимъ трудомъ. Быть консерваторомъ въ тѣ времена значило попросту стоять за этотъ порядокъ тамъ, гдѣ онъ существовалъ, и стараться его возстановить тамъ, гдѣ отъ него оставались одни воспоминанія, гдѣ не было уже соотвѣтствующихъ ему учрежденій, но имѣлись еще люди, совершенно готовые умѣститься въ недавно разрушенныхъ прежнихъ общественныхъ рамкахъ. Для либераловъ, сторонниковъ парламентаризма, былъ тоже готовый образецъ въ англійской конституціи, причемъ они долго не могли уразумѣть, что политическія учрежденія нельзя пересаживать на какую угодно почву и необходимъ для нихъ политическій темпераментъ народа, выработанный вѣковымъ историческимъ опытомъ. Имѣлись, наконецъ, образцы, и притомъ очень противорѣчиваго свойства, и для третьей формы государственнаго устройства, для республики — въ Сѣверной Америкѣ, гдѣ она устроилась совершенно правильно и успѣшно, и въ бурномъ десятилѣтіи, прожитомъ Франціей въ послѣдніе годы XVIII вѣка. И какъ ни опровергала исторія этого десятилѣтія ученіе Руссо, будто всѣ

люди отъ природы добры и одинаково способны къ управленію общественными дѣлами, либерализмъ не переставалъ учить и вѣрить, по крайней мѣрѣ во Франціи, что идеалъ, къ которому слѣдуетъ стремиться,—народное самодержавіе, т. е. рѣшающій перевѣсъ выборнаго начала при одинаковомъ участіи всѣхъ гражданъ. Этотъ идеалъ заключалъ въ себѣ, такимъ образомъ, два постулата — ростъ политической свободы въ смыслѣ ея интенсивности и въ смыслѣ ея расширенія. Ограничить до минимума центральную и административную власть, подчинивъ ее контролю законодательной, а послѣднюю предоставить всѣмъ и каждому — это казалось въ то время вѣрнымъ рецептомъ для обезпеченія всему народу благоденствія. Для полнаго ознакомленія со взглядами этого рода можно рекомендовать мемуары герцога Брольи, Дюверри де Оранна и Одиллона Барро. Эти видные дѣятели Орлеанской эпохи во Франціи представляютъ собою три различныхъ, но довольно близкихъ другъ къ другу оттѣнка либерализма и притомъ въ обоихъ его направленіяхъ—въ конституціонномъ и демократическомъ. И повторявшіе этотъ вздоръ вѣрили въ него искренно. Несовсѣмъ удобныя воспоминанія террора они старались стушевать, извиняя ихъ страстнымъ возбужденіемъ народныхъ массъ и необходимостью жертвъ ради великой цѣли. Понятно, какъ должно было воздѣйствовать такое очень распространенное во Франціи воззрѣніе на примѣненіе конституціи, позаимствованной изъ Англіи, гдѣ парламентаризмъ выросъ не изъ абстрактной теоріи, а изъ твердыхъ историческихъ корней. Въ Англіи основы государственнаго устройства никакому спору не подвергались. Не подвергался ему и принципъ личной неприкосновенности гражданъ. То и другое признавалось общимъ достояніемъ націи, одинаково святымъ для всѣхъ партій. Борьба между ними, происходившая, такъ сказать, на общей для нихъ почвѣ, ограничивалась конкретнымъ вопросомъ—въ какой мѣрѣ слѣдуетъ, соотвѣтственно измѣнившимся условіямъ жизни, обновить и учрежденія страны. Консерватизмъ ограничивался здѣсь тѣмъ, что уступалъ необходимости въ реформѣ тогда лишь, когда на

этотъ счетъ никакого сомнѣнія оставаться не могло; либерализмъ, наоборотъ, старался предупредить эту необходимость, такъ сказать, предвкушая ее заранѣе. Въ этихъ тѣсныхъ, но очень опредѣленныхъ рамкахъ двигалась общественная жизнь Англіи, и чередованіе обѣихъ партій у власти естественно вызывалось смѣнявшимися періодами законодательнаго движенія и законодательнаго покоя. Не въ угоду отвлеченной доктринѣ, а въ виду практически дознанныхъ потребностей времени совершались реформы. Оттого и до сихъ поръ двѣ большія англійскія партіи могли сохранить свое взаимное соотношеніе.

Не то было на континентѣ. Здѣсь не практическія требованія, а отвлеченная идея была двигателемъ общества, не потребности времени побуждали къ постепенному обновленію существующаго порядка, а иной, идеальный порядокъ, сложившійся въ умахъ, здѣсь ему противопоставлялся, какъ задача, требовавшая немедленнаго и полнаго осуществленія. Оттого и партіи на континентѣ не походятъ на англійскія, и не годится для нихъ опредѣленіе консерватизма и либерализма, какое мы встрѣчаемъ во всѣхъ учебникахъ государственнаго права. Общей почвы, какъ въ Англіи, у нихъ на континентѣ не было. Для нихъ не были безспорны ни основы существующаго устройства, ни личная неприкосновенность всѣхъ и каждаго. Онѣ расходились въ самомъ принципѣ, и компромисса не могло установиться тамъ, гдѣ одни хотѣли снести до основанія то самое, что другіе желали безусловно сохранить. Коренной источникъ либерализма — уваженіе къ личности — не только не признавался континентальными консерваторами, но и противники ихъ, захвативъ власть, тотчасъ нарушали это начало по отношенію къ своимъ побѣжденнымъ врагамъ. Правда, только что сказанное преимущественно относится къ политическимъ правамъ Франціи, но въ большей или въ меньшей степени аналогичныя явленія, исказившія общественную жизнь на всемъ материкѣ, повторялись и въ прочихъ европейскихъ странахъ.

За періодъ времени, отъ 1815 по 1848 годъ, во Франціи, а затѣмъ, по мѣрѣ распространенія конституціонныхъ формъ,

и въ другихъ странахъ, идетъ непрекращающееся горячее обсужденіе такихъ вопросовъ, какъ свобода печати, ассоціацій и сходокъ —свобода совѣсти уже не подвергалась спорамъ — и необходимыя ограничительныя мѣры, не дающія ею злоупотреблять. Это были тогда вопросы еще новые, или, по крайней мѣрѣ, не вполнѣ заѣзженные, и въ рѣчахъ, произносившихся по ихъ поводу, слышится нота добросовѣстнаго увлеченія. Въ этомъ была и дурная и хорошая сторона. Дурною была въ этихъ преніяхъ чисто теоретическая постановка вопроса и неизбѣжное при такой постановкѣ торжество тѣхъ, кто шелъ дальше по пути теоріи и сулилъ народу свободу и равенство въ большихъ размѣрахъ. Это было неизбѣжно по двумъ причинамъ. Какъ скоро извѣстное учрежденіе признается не только средствомъ къ данной практической цѣли, но чѣмъ-то безусловно совершеннымъ въ самомъ себѣ, нѣтъ основанія не доводить его до конца, и наиболѣе послѣдовательнымъ кажется тотъ, кто не останавливается передъ конечными выводами. Въ то же время сочувствіе народнаго большинства обезпечено и за тѣми, кто за этимъ большинствомъ признаетъ рѣшающую роль, а такъ какъ, по мѣрѣ ослабленія центральной власти, отъ классовой іерархической организаціи сила переходитъ къ численному большинству, оно и должно въ концѣ концовъ смести передъ собою все, что мѣшаетъ его полновластію. Такъ и случилось въ 1848 году. Но было во всемъ этомъ и нѣчто хорошее. Была искренняя убѣжденность, что политическое устройство, за которое данная партія стояла, соотвѣтствуетъ не только ея интересамъ, но и благу цѣлаго общества. Политическая борьба, конечно, прежде всего борьба за власть, и потому, естественнымъ образомъ, и роялисты, и либералы, и республиканцы во Франціи, и соотвѣтствующіе имъ представители подобныхъ теченій въ Германіи побѣду своихъ взглядовъ отождествляли съ побѣдою для самихъ себя, т. е. съ удержаніемъ за собою или съ захватомъ въ свои руки власти. Но побужденія, руководствовавшія этими партіями, были не чисто эгоистическаго свойства: онѣ вѣрили, что программа каждой

изъ нихъ представляетъ собою идеалъ общественнаго устройства. Вотъ почему за первую половину истекшаго вѣка мы такъ мало слышимъ о финансовыхъ продѣлкахъ, устроенныхъ съ помощью парламентскаго большинства, и почти всѣ тогдашніе дѣятели вошли въ исторію съ незапятнаннымъ именемъ. Извѣстный случай съ однимъ изъ министровъ Людовика-Филиппа, г. Тэстомъ, уже самъ по себѣ показываетъ, какъ отзывчиво и чувствительно къ вопросамъ чести было въ то время общественное мнѣніе. Тэстъ обвинялся въ томъ, что при разрѣшеніи одной желѣзнодорожной концессіи онъ своему родственнику доставилъ учредительскіе паи на сумму около 50,000 франковъ[1]. Въ настоящее время это бы не только никого не удивило, но всѣ бы нашли, что изъ за такой бездѣлицы не стоитъ подымать шума. Отрезвленіе, наступившее послѣ «сумасшедшаго года», какъ нѣмцы называютъ годъ революціи, принесло съ собою, какъ всѣ разочарованія, наклонность къ издѣвательству надъ отвлеченными принципами, которымъ передъ тѣмъ слѣпо поклонялись. Но отвернулось большинство отрезвившихся умовъ не отъ одного только политическаго догматизма, но заодно съ нимъ и отъ нравственнаго начала. Практичность политики, т. е. согласованіе своихъ цѣлей съ тѣмъ, что дѣйствительно нужно въ данный моментъ, а своихъ усилій съ тѣмъ, что достижимо, такая практичность, конечно, очень хороша и предохраняетъ общество отъ многихъ опасныхъ опытовъ. Но въ примѣненіи къ дѣятельности отдѣльныхъ лицъ практичность въ концѣ концовъ сводится къ преслѣдованію личной пользы, которая замѣняетъ собою всякій иной идеалъ. При господствѣ такого настроенія, политическая жизнь неминуемо обращается въ сплошное шарлатанство, при которомъ программы различныхъ партій поддерживаются только изъ лицемѣрія, для отвода глазъ, и служатъ только средствомъ для карьеры, или, что еще хуже, для финансовыхъ продѣлокъ. Ди-

[1]) См. Thureau-Dangin. Histoire de la Monarchie de Juillet. T. VII. Pp. 59—68.

настическое суевѣріе французскихъ легитимистовъ совершенно такъ же, какъ преданность Стюартамъ англійскихъ тори въ концѣ XVII вѣка, было, можетъ быть, очень близоруко и непрактично, какъ и слѣпое увлеченіе демократическимъ идеаломъ со стороны республиканцевъ, вѣрившихъ въ непогрѣшимость народнаго большинства. Но и то и другое было гораздо лучше кощунственнаго скептицизма, какой овладѣлъ всѣми оттѣнками политическихъ мнѣній послѣ уроковъ 1848 года [1]). А уроки эти были очень назидательны. Парламентаризмъ во Франціи изуродовался до мелочныхъ споровъ между людьми, которые въ сущности держались одного мнѣнія и подогрѣвали въ себѣ страстность и негодованіе ради ораторскихъ турнировъ. Королевская власть дважды безславно отступила передъ уличной толпой. Народовластіе, едва оно осуществилось, привело къ грандіозной попыткѣ уличной черни завладѣть имуществомъ достаточныхъ классовъ, другими словами, произвести массовый грабежъ. И эта попытка имѣла послѣдствіемъ такую расправу съ этою чернью ея же вождей, буржуазныхъ демократовъ, которая по числу жертвъ далеко оставила за собою всѣ самыя энергичныя расправы прежнихъ самодержавныхъ королей. И едва уличная толпа появилась въ страшной трагической роли, обычные ея поклонники,—либералы лѣваго крыла, — испугались ея активнаго вмѣшательства и постарались укрыться за двумя обычными заступниками порядка — за войскомъ и за церковью. Вотъ что дала февральская революція Франціи [2]). Вожди

[1]) Чтобы отдать себѣ ясный отчетъ въ противорѣчіи этихъ двухъ точекъ зрѣнія, стоитъ сравнить извѣстный историческій романъ Ламартина «Histoire des Girondins» съ историческими произведеніями позднѣйшей эпохи, какъ, напримѣръ, «Popular Government» сэра Томаса Мэна, съ мемуарами князя Бисмарка, съ обширнымъ трудомъ Трейчке «Politik», съ цѣлымъ рядомъ французскихъ произведеній, отъ крупной монографіи Альбера Сореля «L'Europe et la Révolution», до остроумныхъ книжекъ г. Беражере «Questions politiques» и герцога Д'Аркура «Quelques Réflexions sur les lois sociales».

[2]) Интересное описаніе іюньскихъ дней находимъ въ мемуарахъ Токвиля: стр. 207—238.

ся партій, не замѣчавшие, что они уже вожди безъ войска, продолжали обмѣниваться блестящими рѣчами, между тѣмъ какъ подавляющая масса населенія, охладѣвшая къ нимъ, готова была привѣтствовать перваго встрѣчнаго, энергически схватившаго въ свои руки вожжи.

Въ Италіи и Германіи было немногимъ лучше. Въ Италіи первый угаръ революціоннаго опьяненія прошелъ очень быстро, и слабость движенія обнаружилась для всѣхъ по той легкости, съ которой оно было укрощено. Въ Германіи, даже въ вѣрноподданной Пруссіи, гипнозъ французскаго примѣра сперва обезоружилъ власть передъ мятежомъ, но очень скоро она опомнилась и, годъ спустя, большинству народа казалась уже спасительницей отъ безпорядковъ на улицѣ и отъ безсильной парламентской болтовни. Либералы всѣхъ оттѣнковъ, отъ конституціонныхъ монархистовъ до крайнихъ республиканцевъ, не могли договориться даже до отысканія формулы своихъ притязаній, и мечта о народномъ единствѣ не укладывалась въ опредѣленныя конкретныя рамки. Въ меньшихъ размѣрахъ, чѣмъ во Франціи — и менѣе ярко тоже — опыты получились, однако, тѣ же. Появленіе черни на политической сценѣ имѣло послѣдствіемъ дикое умерщвленіе двухъ изъ депутатовъ общегерманскаго парламента, князя Лихновскаго и генерала Ауэрсвальда. Парламентское большинство, какъ ни горячо оно хотѣло національнаго единства, не могло придумать ничего лучшаго, какъ приглашеніе ограниченнаго эрцгерцога Іоанна на гастроли въ качествѣ главы соединенной Германіи съ нелѣпымъ титуломъ имперскаго опекуна (Reichsverweser). Ганноверскіе либералы, приглашенные королемъ на совѣщаніе послѣ бурныхъ уличныхъ демонстрацій, не сумѣли даже формулировать какую-нибудь опредѣленную программу. Совершенно такъ же, какъ въ Парижѣ, сторонники народовластія не замедлили испугаться, когда Дрезденъ въ теченіе трехъ дней оставался въ рукахъ бунтовщиковъ, а въ Баденѣ стали разгуливать плохо вооруженныя шайки Геккера и Струве, съ поэтомъ Гервегомъ въ роли Тиртея для неудачныхъ революціонныхъ спартанцевъ.

И когда принцъ Прусскій, впослѣдствіи императоръ Вильгельмъ I, очень скоро покончилъ съ этими вспышками, нѣмецкіе либералы были этимъ въ сущности довольны. Преимущество Германіи передъ Франціей было въ томъ, что въ ней оставалась нетронутой монархическая власть, послѣ кратковременнаго обморока вернувшая себѣ полное самообладаніе. И власть эта, помимо арміи, могла опираться на вѣрные ей общественные классы — на старинную городскую буржуазію, на крестьянъ и на историческое дворянство. Но если Германія вышла благополучно изъ «сумасшедшаго года», иллюзіи свои она все таки потеряла, и для нея тоже наступила эпоха практической трезвости.

И поворотъ сказался прежде всего на измѣненіи внутренняго содержанія терминовъ, которыми обозначались политическія партіи. Термины эти какъ бы вывѣтрились и, продолжая входить въ обычный политическій лексиконъ, они понемногу утратили всякій опредѣленный смыслъ. При зарожденіи континентальнаго либерализма въ XVIII вѣкѣ передъ нимъ стоялъ очень опредѣленный порядокъ вещей, который слѣдовало устранить. Министры короля, пока они оставались у него въ милости, пользовались неограниченной властью и могли ею злоупотреблять. Всякій, даже изъ числа высокопоставленныхъ лицъ, могъ подвергнуться высылкѣ или заключенію въ какую-нибудь Бастилію. Налоги взыскивались по усмотрѣнію правительства, вопреки средневѣковому обычаю, требовавшему на то согласія генеральныхъ или провинціальныхъ чиновъ, а когда одна изъ обладавшихъ особыми привилегіями областей, какъ это случилось съ Бретанью въ 1762 году[1]), отказывала въ уплатѣ испрашиваемыхъ суммъ, это считалось мятежомъ и наказывалось не только лишеніемъ свободы, но зачастую и висѣлицей. Жизнь была, правда, очень распущена, но силошь и рядомъ, если книги или брошюры не нравились какому-нибудь министру, все изданіе не только уничтожалось,

[1]) De Carnet. Les Etats de Bretagne.

но и самъ авторъ могъ подвергнуться и высылкѣ, и аресту, и денежному штрафу. Въ то же время духовенству принадлежала одна пятая всей поверхности французскаго королевства, и высшій его слой, епископы и аббаты богатыхъ монастырей, не только велъ очень веселую жизнь, но часто даже не заглядывалъ въ свои епархіи и аббатства. Дворянство, совершенно переставшее исполнять какія-либо общественныя обязанности на мѣстѣ и почти не обрабатывавшее непосредственно свои земли, получало съ настоящихъ хозяевъ—крестьянъ и арендаторовъ—различные поборы, въ томъ числѣ и такіе, которые вовсе не вытекали изъ существа аренды, какъ плата за вѣнчаніе сына или дочери, обязанность молоть зерно на господской мельницѣ и бить масло на маслобойнѣ владѣльца, какъ пошлины съ наслѣдства и т. д. Все это какъ нельзя болѣе рѣзко нарушало два опредѣленныхъ либеральныхъ принципа—тотъ, во-первыхъ, что никто не можетъ быть подвергнутъ наказанію безъ суда и вынужденъ къ производству уплаты безъ согласія мѣстныхъ или общегосударственныхъ представителей; во-вторыхъ, тотъ, что люди по природѣ равны и что потому не должно быть между ними никакихъ различій ни въ подсудности, ни въ мѣрѣ наказанія, и что ихъ взаимныя обязательства исчерпываются тѣмъ, на что они добровольно согласились. Это было какъ нельзя болѣе ясно и опредѣленно и нашло себѣ полное выраженіе въ такъ называемой «Деклараціи правъ человѣка», гдѣ самымъ недвусмысленнымъ образомъ провозглашалось, что имущество и свобода каждаго неприкосновенны и что всякое обязательное для гражданъ постановленіе тогда только законно, когда на него согласилось большинство народныхъ представителей. Французская революція, правда, нарушила всѣ эти принципы, на практикѣ нисколько не уважая ни свободы, ни имущества, ни жизни. Но принципъ стоялъ тѣмъ не менѣе твердо, и самый фактъ его нарушенія при революціи давалъ только поводъ утверждать, что либерализмъ можетъ угрожать опасностью не со стороны только правительственной власти и привилегированныхъ классовъ. Революціон-

ныя излишества приписывались увлеченію. Въ то время не видѣли ясно, что эти увлеченія вызваны не попросту разнузданностью бурной эпохи, а существенной недомолвкой въ самомъ принципѣ: вводя формальныя гарантіи въ способъ составленія законовъ, тогдашніе либералы не догадывались, что сама законность можетъ превратиться въ деспотизмъ, какъ скоро законодатель переступаетъ за предѣлъ тѣхъ личныхъ отношеній, которыя должны для законодательной власти быть не менѣе недосягаемыми, чѣмъ для административной.

Но вотъ рухнулъ порядокъ, противъ котораго ополчался либерализмъ. Феодальныя права были отмѣнены, земли отъ духовенства отобраны, правительственная власть не только ограничена, но замѣнена другою, къ тому же несравненно болѣе стѣснительной прежней. Равенство передъ судомъ или передъ налогомъ, отмѣна всѣхъ сословныхъ отличій были провозглашены. Съ чѣмъ было тогда бороться либераламъ? Что отстаивать консерваторамъ? Объектъ спора между ними исчезъ, и въ то же время обнаружилось, что съ устраненіемъ стариннаго порядка личность гражданина ничуть не гарантирована отъ посягательствъ, что при всѣхъ смѣнявшихъ другъ друга правительствахъ, возникшихъ изъ революціи, свобода печати не признавалась, имущества подвергались конфискаціи, свобода передвиженія была ограничена значительно болѣе, чѣмъ при наслѣдственной монархіи, и никто не былъ обезпеченъ ни отъ ссылки, ни отъ тюрьмы, ни даже отъ эшафота. Другими словами, между двумя требованіями либерализма, между всеобщей равноправностью и личной свободой, обнаружился разладъ. Понятія стали явно путаться. Возникали порядки, которые въ равной мѣрѣ были несимпатичны и консерваторамъ, т. е. защитникамъ стариннаго уклада, и либераламъ, защитникамъ его переустройства. Первые убѣждались, что бываютъ случаи, когда гарантіи противъ излишествъ власти полезны и для консерваторовъ, вторые — что устройство, вышедшее изъ революціи, можетъ быть совсѣмъ не либерально.

Но имъ былъ данъ случай еще разъ побороться другъ съ другомъ на обычной почвѣ. Старый порядокъ былъ возстановленъ частично, съ его внѣшними аттрибутами, т. е. королевской властью, дворянствомъ и церковью, но безъ его внутренняго содержанія, т. е. безъ абсолютизма и гражданскаго неравенства. Ненавистные французской буржуазіи символы прошлаго воскресли, и, хотя за ними не было уже реальнаго могущества, при видѣ ихъ она испытывала нѣчто похожее на бѣшенство разъяреннаго быка, котораго дразнятъ кускомъ красной матеріи. Въ то же время вернувшіеся эмигранты находили, что реставрированная форма лишена содержанія, и требовали возстановленія дореволюціонныхъ порядковъ, хотя въ то же время, какъ нельзя лучше, умѣли пользоваться новыми для оппозиціи по ихъ мнѣнію черезчуръ нерѣшительному правительству [1]). Психологія высшаго слоя французскаго общества за тридцатилѣтіе, отъ 1789 до 1820 года, вообще представляетъ нѣчто очень любопытное для изученія. Дворянство, и при томъ самое крупное, придворное, было передъ революціей—мемуары, изданные за послѣднія 20 лѣтъ, это доказали безспорно — однимъ изъ самыхъ дѣятельныхъ подстрекателей къ движенію. Въ своихъ гостиныхъ оно вскармливало наиболѣе талантливыхъ изъ предтечей революціи въ литературѣ. Надъ королемъ и королевой оно издѣвалось почти открыто, ничуть

---

[1]) См. Mémoires de Hyde de Neuville. Tomes II et III, а также Mémoires du Duc Pasquier. Tomes III -V. Первая книга принадлежитъ перу убѣжденнаго роялиста, вся молодость котораго протекла въ заговорахъ противъ Директоріи и Наполеона и который находилъ, что министры Людовика XVIII Ришелье и Деказъ ведутъ монархію къ гибели, недостаточно поддерживая требованія правой стороны. Какъ одинъ изъ членовъ министерства Мартиньяка въ 1828 году, онъ, однако, разошелся съ крайними роялистами. Второй сперва баронъ, потомъ герцогъ Пакье типичный представитель французскихъ государственныхъ людей, умѣвшихъ примыкать ко всѣмъ смѣнявшимся правительствамъ. Пакье служилъ и Людовику XVI, и Наполеону, и Реставраціи и Людовику-Филиппу. Онъ былъ человѣкъ очень умный и очень умѣренный, какъ всѣ люди безъ особыхъ убѣжденій.

не уступая въ язвительности насмѣшекъ самымъ ярымъ изъ демократовъ. Въ Учредительномъ Собраніи, наконецъ, правда, только на самыхъ первыхъ порахъ, какъ разъ самые знатные изъ дворянскихъ депутатовъ, два Ларошфуко, Монморанси, Нуайлль, были первыми въ числѣ присоединившихся къ представителямъ третьяго сословія и до самыхъ октябрьскихъ смутъ 1789 года поддерживали наиболѣе радикальныя мѣры. Эмиграція и терроръ ихъ протрезвили, и въ 1815 году, когда представители прежняго высшаго сословія вновь наполнили собой палату, они считали себя уже солидарными съ королемъ и съ церковью. Общія невзгоды сблизили этихъ трехъ старинныхъ противниковъ; на самомъ днѣ души легитимиста Реставраціи, пока власть съ 1821 года не перешла къ правой сторонѣ, оставался, однако, прежній строптивый духъ, нѣкогда вызвавшій Фронду, и въ томъ, какъ депутаты крайней правой стороны требовали возстановленія старыхъ привилегій, осталось нѣчто отъ прежней оппозиціонной заносчивости. Какъ бы то ни было, и правая и лѣвая въ эпоху Реставраціи боролись съ вѣтряными мельницами: консерваторы стремились къ призраку, а передовые либералы этого призрака страшились. Надъ ними стояло правительственное большинство, слабое, какъ всѣ умѣренныя партіи, находившее существующій порядокъ не дурнымъ, но колеблющееся въ своемъ составѣ и въ своихъ взглядахъ.

И вотъ въ 1830 году и эти призраки исчезли. Надъ дореволюціоннымъ прошлымъ былъ поставленъ окончательно крестъ, а послѣдніе логическіе выводы изъ революціонной программы были признаны опасными и ненужными. Казалось, было достигнуто послѣ 40-лѣтнихъ бурь полное разрѣшеніе задачи. Верхній слой французской буржуазіи, тотъ, чьи предки еще въ средніе вѣка защищали городскія привилегіи, основывавали прочныя торговыя фирмы, засѣдали въ королевскихъ судахъ и служили въ королевскихъ канцеляріяхъ, былъ вполнѣ доволенъ порядкомъ, дававшимъ ему, кромѣ полной свободы, еще руководящее вліяніе. Прежняя либеральная программа

была расколота на-двое, и буржуазія была признана надежнымъ фундаментомъ цѣлаго государства. При этомъ не замѣчали одного лишь: прежніе принципы замѣнялись понемногу классовыми интересами. Быть консерваторомъ, либераломъ, радикаломъ значило уже не отстаивать историческій порядокъ вещей или стремиться къ его болѣе или менѣе быстрому измѣненію, а просто отстаивать свое завоеванное общественное положеніе, или стремиться къ пріобрѣтенію таковаго. Краснорѣчивыя фразы и сравнительная чистота характеровъ скрадывали еще при Орлеанской монархіи это внутреннее перерожденіе партійной борьбы. Іюньскіе дни 1848 года открыли глаза самымъ близорукимъ, научили ихъ, что объектъ политической борьбы — не защита принциповъ, а защита или завоеваніе копелька.

А между тѣмъ представительныя учрежденія стали обходить всю Европу, наталкиваясь въ ней только на иную историческую почву — на сословную обособленность, еще не стертую демократическимъ движеніемъ, на сравнительно слабое экономическое развитіе средняго класса, а на югѣ Европы — и на полное невѣжество простого народа. И повсюду мы встрѣчаемъ одно и то же явленіе. Верхній общественный слой, еще не утратившій средневѣковой привычки считать себя единственнымъ обладателемъ самостоятельности въ государствѣ, на первыхъ порахъ горячо привѣтствуетъ конституціонный порядокъ, или даже, какъ оно было въ Италіи, стремится этотъ порядокъ осуществить. Но вскорѣ, замѣчая, какъ въ палаты все сильнѣе просачиваются элементы снизу, дворянство устраняется отъ движенія, становится противъ него въ оборонительное положеніе, или даже почти цѣликомъ выбрасывается за бортъ. Верхняя буржуазія, менѣе богатая, чѣмъ во Франціи, была бы очень не прочь разыграть роль охранительнаго правящаго класса, по примѣру французской. Но этому мѣшали два обстоятельства — во-первыхъ, сильная примѣсь еврейства, какъ разъ въ самыхъ богатыхъ рядахъ средняго класса, а, во-вторыхъ, упорная живучесть сословныхъ отличій

въ правахъ, даже когда они переставали существовать въ законѣ. Первая изъ этихъ причинъ, благодаря разлагающему вліянію еврейства, воспрепятствовала буржуазіи во всѣхъ странахъ германскаго племени стать твердою правительственною силою, а вторая поддерживала въ ней чувства сословнаго антагонизма. Благодаря этому, во всѣхъ государствахъ съ преобладающимъ германскимъ населеніемъ политическая борьба съ самаго начала приняла сословный отпечатокъ. Быть консерваторомъ въ этихъ странахъ большею частью то же, что принадлежать къ помѣстному дворянству. Быть умѣреннымъ правительственнымъ либераломъ значитъ принадлежать къ чиновничеству, къ профессурѣ или къ богатому торговому классу. Наконецъ, передовой демократическій либерализмъ почти совпадаетъ съ интеллигенціей, разсчитывающей на сочувствіе народныхъ массъ для того, чтобы выйти въ люди.

Итакъ, принципіальный антагонизмъ противоположныхъ точекъ зрѣнія на лучшее государственное устройство—перешелъ на почву реальныхъ интересовъ. Этому способствовали главнымъ образомъ два обстоятельства. Съ одной стороны, эти противоположныя точки зрѣнія утратили свой внутренній смыслъ, такъ какъ въ теоріи никто уже не оспаривалъ ни равноправности передъ судомъ, ни разныхъ видовъ гражданской свободы, хотя на практикѣ каждая партія была очень не прочь ихъ по возможности урѣзывать для своихъ противниковъ. Такъ, напримѣръ, тѣ самые люди, которыхъ возмущаетъ судебное преслѣдованіе газетъ за подстрекательство къ безпорядкамъ, возмущаются не менѣе, когда той же свободой печатнаго слова пользуются противъ нихъ. Свобода ассоціацій кажется очень драгоцѣннымъ пріобрѣтеніемъ, пока при ея помощи ведется агитація въ республиканскомъ или даже соціалистическомъ духѣ, но чуть она становится орудіемъ для противоположнаго лагеря, какъ скоро такая ассоціація имѣетъ, напримѣръ, религіозный характеръ, прежніе защитники свободы придумываютъ стѣснительныя мѣры для ея ограниченія. Свобода совѣсти не только превращается въ свободу невѣрія,

но вслѣдъ за тѣмъ какъ бы опрокидывается, становясь признаніемъ такого невѣрія обязательнымъ и придавая ему характеръ своеобразной государственной религіи. Такимъ образомъ противорѣчія между партіями сглаживались и въ теоріи и на практикѣ; въ теоріи потому, что всѣ одинаково признаютъ тотъ же принципъ свободы, на практикѣ потому, что всѣ его одинаково нарушаютъ. Въ то же время поразительный ростъ обрабатывающей промышленности, необходимость вслѣдствіе этого обезпечить за ея продуктами рынокъ, необыкновенное расширеніе кредита, дѣлающее участіе въ обогащеніи доступнымъ почти для каждаго,—все это выдвигаетъ экономическіе вопросы на первый планъ, тѣмъ болѣе, что легкости такого обогащенія соотвѣтствуетъ такая же легкость всего пріобрѣтеннаго лишиться при неудачной спекуляціи. Понятно, что отвлеченные принципы перестаютъ сильно интересовать, когда для мало-мальски предпріимчивыхъ людей открывается дорога наверхъ путемъ гораздо болѣе короткимъ, чѣмъ политическая борьба. Для состязанія на политической почвѣ, даже при полномъ торжествѣ демократіи, все таки нуженъ талантъ, болѣе или менѣе выдающійся. Для пріобрѣтенія денегъ нужны только изворотливость и безстыдство. А въ такой странѣ, гдѣ сословныхъ отличій нѣтъ, гдѣ традиціи отброшены и нравственная щепетильность притуплена, деньги даютъ власть, сразу приравнивая своего обладателя къ высшему общественному слою. Этотъ высшій слой въ самомъ дѣлѣ вовсе не перестаетъ существовать при демократизаціи; нѣсколько мѣняется только его обстановка, и личный его составъ дѣлается болѣе измѣнчивымъ. Въ каждомъ обществѣ безъ правящаго круга не обходится, и какъ бы широко ни были открыты двери въ этотъ кругъ, вошедшіе въ него всегда имѣютъ наклонность запирать эти двери для другихъ, иными словами,—не выпускать изъ своихъ рукъ государственнаго пирога. Эта своеобразная аристократія новаго типа, невзыскательная въ порядочности своихъ членовъ и очень враждебно относящаяся къ христіанству, такъ какъ оно прежде всего учитъ равнодушію къ земнымъ

благамъ, въ сущности совершенно безразличная къ интересамъ народа, тѣмъ не менѣе проникнута самыми демократическими чувствами, потому что только при демократіи можно войти въ составъ правящей группы, не имѣя ни заслугъ, ни таланта. Народу при этомъ указывается на примѣръ людей, поднявшихся изъ его среды на самый верхъ, и примѣръ этотъ призванъ служить ему утѣшеніемъ. Новая аристократія, вдобавокъ, питаетъ большую нѣжность къ представителямъ еврейскаго племени, въ которыхъ она видитъ самыхъ опытныхъ экспертовъ въ дѣлѣ наживы, и за послѣднее время склонна ухаживать и за соціализмомъ, считая нелишнимъ заранѣе приручить звѣря, очень легко могущаго ее когда-нибудь проглотить заодно съ родовой аристократіей. И вотъ послѣднее слово либеральной эволюціи: оттѣсненіе не только землевладѣльческаго класса, но и старинной буржуазіи, въ интересахъ быстро наростающаго, какъ сорная трава, класса скоросиѣлыхъ оптиматовъ изъ рядовъ невысокопробной интеллигенціи, готовой протянуть руку, съ одной стороны, космополитическому еврейству, съ другой — космополитической революціи. И прежде интеллигенція пополняла собою ряды правящаго класса, но подъ условіемъ выдающагося таланта. Выдающійся талантъ и въ средніе вѣка способствовалъ карьерѣ. Достаточно припомнить простого монаха Гильдебранда, впослѣдствіи папу Григорія VII, почти столь же знаменитаго папу Сикста V, бывшаго въ молодости пастухомъ, простого солдата Франциска Сфорцу, ставшаго миланскимъ герцогомъ, герцога Ледигьеръ, коннетабля Франціи, отецъ котораго былъ простымъ крестьяниномъ, и т. д. и т. д. Изъ числа государственныхъ людей прошлаго вѣка не мало такихъ, которые выдвинулись изъ рядовъ скромной буржуазіи. Такими были, между прочимъ, и Тьеръ, и Гизо, и нѣкоторые изъ наиболѣе выдающихся министровъ Наполеона III, какъ Руэръ и Баронъ. Но для этого именно требовался выдающійся талантъ, процѣженный сквозь мелкое сито. Условія подбора были тяжки; оттого онъ и выходилъ удачнымъ. А демократія какъ разъ мила интеллигенціи потому, что она

облегчаетъ эти условія, открывая доступъ къ карьерѣ и посредственностямъ, и посредственностямъ не только ума, но и сердца. Люди, у которыхъ постоянно на устахъ широкія слова, какъ солидарность и альтруизмъ, но которые забываютъ ихъ немедленно, какъ скоро малѣйшая опасность грозитъ ихъ самозванному положенію, —люди эти глубоко ненавидятъ все выдающееся не по удачѣ только, но и по праву, все равно, будь это право наслѣдственное или дарованное Богомъ при рожденіи. Все, запечатлѣнное авторитетомъ, извѣстность, заслуги, громкое имя, все, являющееся носителемъ принципа, какъ церковь,—предметъ ихъ глубокой вражды. Всякому принципу они противопоставляютъ матеріальную силу, какую имъ даетъ осуществленный ими союзъ капитализма съ демократіей. Они крѣпко вѣрятъ въ прочность этой силы, основанной на коренномъ недоразумѣніи. И горе тѣмъ, кто попробовалъ бы разувѣрить народныя массы, эти мнимыя носительницы власти въ современномъ мірѣ, что настоящіе ихъ интересы не здѣсь, что ихъ вводятъ въ заблужденіе фразами. Горе тому, кто попробовалъ бы искренность этихъ фразъ подвергнуть испытанію, противопоставивъ имъ вѣчныя истины христіанства. Современные вожди общества хорошо знаютъ, что ихъ мишурному золоту не выдержать этого горнила, и на такую попытку они отвѣчаютъ преслѣдованіемъ.

Такъ обстоитъ дѣло въ странахъ уже вполнѣ демократизованныхъ. Своего полнаго расцвѣта господство интеллигенціи достигаетъ лишь тамъ, у народовъ романскаго племени и въ мелкихъ государствахъ, свѣже образовавшихся на развалинахъ Турціи. Наиболѣе крайній примѣръ этого общественнаго вырожденія даютъ испано-американскія республики, гдѣ партія, находящаяся въ данную минуту у власти, не считаетъ нужнымъ даже соблюдать формы и постоянно прибѣгаетъ къ беззастѣнчивому насилію, не прикрытому никакими фразами. Но порядки, или вѣрнѣе безпорядки, этихъ государствъ не входятъ въ рамки этого труда, такъ какъ ихъ состояніе хроническаго броженія въ сущности не что иное, какъ диктатура, не со-

блюдающая никакой законности и для вида только обставленная свободными учрежденiями. Но и въ тѣхъ странахъ материка Европы, гдѣ процессъ демократизацiи не законченъ, и въ Соединенныхъ Штатахъ, гдѣ злоупотребленiе громкими словами и безцеремонное господство интеллигентныхъ посредственностей встрѣчаетъ себѣ противодѣйствiе въ свойственномъ англо-саксонской расѣ могучемъ чувствѣ индивидуализма, зловредное влiянiе оптиматовъ новой формацiи даетъ себя чувствовать. Обилiе земныхъ благъ, какое даютъ теперь деньги, и легкая добыча этихъ денегъ путемъ спекуляцiи до крайности развиваютъ и здѣсь инстинкты наживы и подталкиваютъ нарастающее поколѣнiе все болѣе открыто ставить успѣхъ выше всѣхъ нравственныхъ принциповъ, а когда этому успѣху грозитъ опасность, не гнушаться и жестокости. Расправа американцевъ съ неграми и съ филиппинцами, грубыя насилiя европейскихъ военачальниковъ во время международной экспедицiи въ Китай,—все это говоритъ недвусмысленно, что знаменитая культура XIX вѣка и позаимствованное будто бы у христiанства ученiе всеобщаго равенства плохо лишь прикрываютъ инстинкты, которымъ суждено, быть можетъ, проснуться вновь открыто, какъ случилось это въ концѣ XVIII вѣка. Не даромъ Бебель разъ говорилъ, что, когда начнется соцiальный переворотъ, мы увидимъ сцены, въ сравненiи съ которыми ужасы французской революцiи были бы дѣтской игрой.

И насъ, русскихъ, не миновала зараза. У насъ она даже опаснѣе, чѣмъ гдѣ-либо: въ Западной Европѣ она все таки имѣетъ дѣло съ обществомъ, у котораго крѣпко установившiяся рамки и твердый слой по крайней мѣрѣ внѣшней культуры. Въ своемъ стремленiи вверхъ новые общественные слои входятъ въ эти рамки и усваиваютъ себѣ, хоть и съ грѣхомъ пополамъ, формы этой культуры. У насъ и того нѣтъ. Нашъ культурный слой немногочисленъ и крайне хрупокъ. Когда въ началѣ 60-хъ годовъ на него нахлынула волна снизу, она его прорвала безъ труда и не только не усвоила себѣ его внѣш-

ности, а, напротивъ, его собственныхъ представителей отъ этой внѣшности почти отучила. На Западѣ демократизація общества предшествовало или по крайней мѣрѣ сопутствовало обогащеніе, и тамошній «Drang nach Oben» приводилъ на поверхность людей, если не особенно культурныхъ, то имѣющихъ по крайней мѣрѣ средства заплатить за пріобрѣтеніе культуры. Наша демократія, напротивъ, — бѣдная, полуголодная. Потребность въ образованіи у нея появилась не вслѣдствіе довольства, а, напротивъ, лишь какъ средство такое довольство пріобрѣсти. Въ своихъ двухъ теченіяхъ, въ кулачествѣ не только деревенскомъ, но и биржевомъ, съ одной стороны, и въ присасываніи къ власти путемъ государственной службы, съ другой—наша демократія приноситъ въ первомъ случаѣ лишь грубую мощь, а во второмъ — лишь немногимъ менѣе грубое знаніе. У насъ въ декадентствѣ не только прихоть извращеннаго вкуса, какъ на Западѣ, а прямое отраженіе упадка общественнаго уровня. И тѣ, которые склонны привѣтствовать это мнимое обновленіе Россіи, похожи на человѣка, который открылъ бы настежь окна и двери передъ наступленіемъ бури.

ГЛАВА VI.

Соціализмъ, когда онъ подъ конецъ 20-хъ годовъ прошлаго вѣка открыто появился на умственномъ горизонтѣ Европы, предвѣщалъ коренное преобразованіе ея экономическаго строя. Съ тѣхъ поръ почти цѣлое столѣтіе прошло. Изъ теоретическаго ученія соціализмъ превратился въ активную программу партіи, быстро растущей въ своей численности. А между тѣмъ вмѣсто обѣщаннаго преобразованія общества онъ самъ глубоко преобразился. Прикосновеніе живой дѣйствительности, съ тѣхъ поръ какъ онъ вступилъ въ нее, какъ одинъ изъ факторовъ политическаго движенія, придало ему совершенно иной ха-

рактеръ, чѣмъ тотъ, какой былъ свойственъ его первоначальнымъ пророкамъ. Выступивъ, какъ полурелигіозная доктрина, соціализмъ теперь сталъ поборникомъ чисто практическихъ, реальныхъ, большею частью мелкихъ законодательныхъ мѣръ. Этимъ я вовсе не хочу сказать, чтобы измельчало внутреннее его содержаніе и представляемая имъ опасность стала менѣе грозной. Мнѣ предстоитъ только показать, какое воздѣйствіе имѣло на его пріемы непосредственное участіе въ политической борьбѣ и какъ вмѣсто колоссальнаго взрыва, къ которому вела его пропаганда въ первую половину XIX вѣка, онъ принялся за работу болѣе медленную—за постепенное завоеваніе парламентскаго большинства, за просачиваніе въ твердую историческую почву съ тѣмъ, чтобы расшатать воздвигнутое на ней зданіе, вмѣсто того, чтобы разрушить его однимъ громовымъ ударомъ.

Соціалистическихъ доктринъ первой половины XIX вѣка, ученій Сенъ-Симона, Фурье, Кабэ, Пьера-Леру, Виктора Консидерана, — я здѣсь касаться не буду. О нихъ написаны цѣлыя библіотеки; а тѣ, которымъ нѣтъ досуга эти библіотеки прочитывать, могли достаточно познакомиться съ соціалистическими теоріями по многочисленнымъ журнальнымъ статьямъ, излагавшимъ ихъ въ сокращенномъ популярномъ видѣ. Къ тому же одинъ изъ самыхъ талантливыхъ публицистовъ революціоннаго направленія — Прудонъ, про котораго трудно сказать, врагъ онъ или поборникъ соціализма, не только опровергъ, но и осмѣялъ всѣхъ своихъ предшественниковъ, такъ что изъ его остроумныхъ произведеній можно почерпнуть самую полную критику отвлеченнаго соціализма. Общій характеръ всѣхъ оттѣнковъ этого соціализма — признаніе ненормальности имущественнаго неравенства, во-первыхъ, какъ причины цѣлаго ряда бѣдственныхъ общественныхъ явленій, во-вторыхъ, какъ вопіющаго противорѣчія съ признаннымъ уже въ XVIII вѣкѣ ученіемъ о природномъ равенствѣ людей. Такимъ образомъ, соціалистическія доктрины являлись прямымъ логическимъ выводомъ либеральныхъ. Если всѣ люди равны по своимъ прирожден-

нымъ правамъ, они должны имѣть возможность это равенство осуществить на дѣлѣ. Но при имущественномъ превосходствѣ однихъ надъ другими, благодаря которому нищета встрѣчается бокъ о бокъ съ вопіющей роскошью, люди, у которыхъ ничего нѣтъ, кромѣ мускульной силы, должны эту силу продавать, чтобы другіе, богатые, пользовались продуктами ихъ работы. При такомъ устройствѣ общества политическое равенство является ничѣмъ инымъ, какъ насмѣшкой надъ обездоленными. Право ихъ участвовать въ выборахъ наравнѣ съ прочими классами, во-первыхъ, для нихъ безразлично, такъ какъ голодному не до выборовъ, а, во-вторыхъ, не можетъ быть использовано на дѣлѣ, такъ какъ давленіе, съ одной стороны, подкупъ, съ другой, превращаютъ это право въ чистую фикцію. Въ то же время, такъ какъ основной корень либерализма—чувство справедливости, стремящееся для всѣхъ людей обезпечить возможно большую долю благъ,—онъ не можетъ мириться съ такимъ положеніемъ дѣлъ, при которомъ, на ряду съ растущимъ матеріальнымъ богатствомъ, къ стыду общества зіяетъ язва нищеты, порождающая развратъ и болѣзни. Извиняюсь передъ читателемъ, что, при изложеніи соціалистической доктрины, я заимствую у ея представителей обычные имъ обороты рѣчи.

Всѣ эти выводы изъ либеральныхъ посылокъ совершенно логичны. Признавая людей по природѣ равными, либерализмъ въ самомъ дѣлѣ долженъ ужасаться ихъ поражающаго фактическаго неравенства. Въ то же время, открывая рабочему классу участіе въ правительственной власти, онъ не только создаетъ кричащую аномалію между юридическимъ и общественнымъ положеніемъ этого класса, онъ по необходимости развиваетъ среди его представителей нетерпѣливое желаніе устранить это неравенство, совершенно непонятное въ теоріи, какъ скоро люди всѣ по природѣ признаются равными и въ равной мѣрѣ призваны участвовать въ политической жизни общества. Но въ то же время, если это ученіе не что иное, какъ дальнѣйшій логическій шагъ либерализма, оно все таки стоитъ къ

нему въ явно-діаметральномъ противорѣчіи. Либерализмъ, въ самомъ дѣлѣ, не только учитъ, что люди равны, но что слѣдуетъ по возможности устранить всѣ препятствія къ ихъ свободѣ дѣйствій, другими словами, что регламентація взаимныхъ отношеній между людьми должна быть доведена до минимума. А какъ примирить двѣ эти требованія? Если свободное соревнованіе ведетъ къ господству сильнаго надъ слабымъ, богатаго надъ бѣднымъ, если полное освобожденіе личности и отъ путъ государства, и отъ церкви, и отъ сословныхъ рамокъ, и отъ цехового устройства, выставляемое, какъ одно изъ основныхъ требованій знаменитой «Декларація правъ человѣка», ведетъ только къ обостренію экономической борьбы, т. е. къ развитію пролетаріата, съ одной стороны, къ накопленію капиталовъ, съ другой,—стало быть полная свобода, не обуздываемая притомъ религіей, большинству не обезпечиваетъ обѣщанныхъ ему благъ. И выходовъ отсюда только два—внутреннее перерожденіе человѣческой психики, и притомъ внѣ воздѣйствія христіанскаго ученія, а на такое перерожденіе надежды довольно мало, — или возвратъ къ той самой регламентаціи, отъ которой либерализмъ призванъ человѣчество освободить. Вотъ неизбѣжный циклъ, среди котораго соціализмъ вынужденъ вращаться [1]).

Теоретическія системы общественнаго обновленія, наполняющія собою первую половину XIX вѣка, ограничиваются созиданіемъ идеальнаго экономическаго строя, при чемъ спѣшатъ привести этотъ строй въ согласіе съ естественными наклонностями человѣка. Этимъ путемъ соціалисты романтической эпохи прошлаго вѣка, въ особенности Шарль Фурье, старались избѣгнуть упрека въ насилованіи личной свободы. Удобнымъ пріемомъ для достиженія этой цѣли было устраненіе самого по-

---

[1]) Sudre. Histoire du Communisme.
Thureau Dangin. Histoire de la Monarchie de Juillet.
Rocher. System der Nationaloeconomie.
Proudhon. Système des Contradictions économiques.

нятія о нравственномъ долгѣ и открываемая, такимъ образомъ, обольстительная перспектива полной свободы для каждаго удовлетворять свои наклонности. Въ будущемъ обществѣ, увѣряли они, будетъ царствовать всеобщее благоденствіе, такъ какъ всякій станетъ трудиться настолько лишь, насколько это ему пріятно, и будутъ устранены всѣ условныя путы, наложенныя на человѣка религіей, суевѣріемъ, обычаемъ, попросту даже совѣстью, словомъ, — всѣми побужденіями, лежащими въ основѣ этическихъ понятій. И при всемъ томъ, конечно, продолжаютъ эти мыслители, среди людей будетъ господствовать миръ и согласіе, такъ какъ человѣкъ, будучи добрымъ по самой природѣ, перестанетъ ощущать потребность кому-либо причинять зло, какъ скоро онъ окажется и свободнымъ и обезпеченнымъ. Этими фразами, въ которыхъ слышенъ отголосокъ ученій XVIII вѣка, старались прикрыть то ограниченіе личной свободы, которое должно явиться необходимымъ условіемъ имущественнаго уравненія. Стойкимъ можно сдѣлать такое уравненіе дѣйствительно лишь при томъ условіи, чтобы законъ и общественная власть преграждали путь къ личному обогащенію, не допуская, напримѣръ, личнаго найма за опредѣленную плату, свободнаго обмѣна цѣнностей, наростанія процентовъ на капиталъ и т. д. Другими словами, проведеніе въ жизнь имущественнаго равенства предполагаетъ, какъ необходимый постулатъ, національзацію производства и торговли, или обращеніе всего народнаго труда въ принудительный, по примѣру рабочихъ домовъ и арестантскихъ ротъ. Ничего подобнаго, конечно, ни въ одномъ изъ произведеній Фурье, Сенъ-Симона, Луи Блана и т. д. нельзя отыскать. Тамъ все раскрашено въ розовый цвѣтъ, всѣ довольны, всѣ охотно исполняютъ свое дѣло подъ руководствомъ избранныхъ ими самими мастеровъ. И благодаря тому, что работаютъ всѣ безъ исключенія и отпадаетъ трудъ ненужныхъ посредниковъ, какъ скупщиковъ, торговцевъ, приказчиковъ и т. п., и всѣ, вдобавокъ, трудятся усердно, не въ силу нравственнаго чувства, а попросту оттого, что всѣ убѣждены въ пользѣ такого усердія для каждаго, —

благодаря всему этому, общее благосостояніе должно подняться значительно выше его теперешняго уровня. Свою картину общаго благополучія соціалисты рисуютъ обыкновенно двумя способами—либо посредствомъ описанія воображаемой страны, находящейся гдѣ-то среди океана или имѣющей возникнуть черезъ сотни лѣтъ, либо путемъ изложенія схемъ общественнаго устройства, словомъ, на основаніи даннаго принципа. Съ помощью такого метода можно было не предвидѣть главнаго затрудненія — объяснить, какъ слагается новое устройство и какими способами оно поддерживается. Передъ нами оно является, какъ нѣчто данное, не подлежащее спору. Практическихъ мѣръ соціалисты романтической эпохи не предлагаютъ никакихъ, не призываютъ они даже къ насильственному разрушенію существующаго порядка. Это разрушеніе должно совершиться само собой, подъ двойнымъ воздѣйствіемъ страданій, причиняемыхъ теперешнимъ ненормальнымъ строемъ, и постепеннаго торжества раціональныхъ взглядовъ на экономическую жизнь [1]). Но при всемъ этомъ отчужденіи отъ дѣйствительности, быть можетъ, какъ разъ благодаря ему, соціалистическіе писатели 30-хъ и 40-хъ годовъ сильно возбуждали страсти и подготовляли взрывъ народной злобы, какой и произошелъ въ 48-мъ году и повторился 23 года позже, во время возстанія парижской коммуны. Неопредѣленныя полумистическія ученія всегда содержатъ много взрывчатыхъ элементовъ, какъ разъ потому, что они ускользаютъ отъ анализа. И не удивительно, такимъ образомъ, что распространившіяся среди народныхъ массъ идиллическія ученія, конечно, при помощи цѣлаго наводненія агитаціонныхъ брошюръ и газетныхъ статей, привели къ ужасному побоищу іюньскихъ дней, во время которыхъ въ бою на улицахъ Парижа принимало участіе около 100,000 человѣкъ [2]). Іюньскіе дни ярко показали, что нельзя безнаказанно прельщать рабочій классъ сладкозвучными

[1]) Романъ Bellamy, «Looking backward».

[2]) Toqueville. Souvenirs. P. 207.

обѣщаніями и что попытки имущественнаго переворота сплачиваютъ для отпора всѣ оттѣнки мнѣній, до полнаго демократизма включительно. Республиканская буржуазія, съ республиканскимъ же генераломъ Каваньякомъ во главѣ, оказалась безусловно неподатливой на требованія рабочихъ и ихъ вооруженныя угрозы. Между гражданскимъ обществомъ, построеннымъ на свободѣ экономическаго соревнованія, и требованіемъ эту свободу насильственно уничтожить въ 1848 году лежала еще непроходимая бездна.

Теперь уже не то. Бездну съ обѣихъ сторонъ давно уже пытаются засыпать, а пока черезъ нее перекинуто довольно большое число мостовъ. Постарались объ этомъ и сторонники соціализма и пошедшіе къ нимъ навстрѣчу представители существующаго порядка, задавшіеся мыслью мирнымъ путемъ, безъ коренного пересозданія строя, устранить хотя бы до нѣкоторой степени поводы къ жалобамъ со стороны пролетаріата [1]). Совершилось это взаимное сближеніе двумя путями. Для соціалистовъ урокъ іюньскихъ дней не прошелъ даромъ, и они принялись за свое дѣло съ другого конца. Вмѣсто заманчивыхъ картинъ перестроеннаго быта — послѣ 1848 года соціалистическихъ романовъ уже не появляется, за исключеніемъ надѣлавшаго столько шума романа американца Беллами — они занялись пространной разработкой критики современнаго строя. Этимъ они достигли несомнѣнно крупнаго результата: яркой обрисовкой темныхъ сторонъ этого строя они произвели сильное впечатлѣніе среди противоположнаго имъ лагеря и вызвали въ немъ то сомнѣніе въ твердости своихъ правъ, какое всего лучше подготовляетъ успѣхъ будущаго переворота. Не говоря уже о раздирательныхъ картинахъ жизни фабричныхъ и въ особенности углекоповъ,—дѣтей, съ ранняго возраста пріобрѣтающихъ зародыши смертельныхъ болѣзней, женщинъ, прико-

---

[1]) Schaeffle. Die Quintessenz des Socialismus.

Rud. Meyer. Der Emancipationskampf des Vierten Standes. Band I.

ванныхъ къ работѣ даже во время беременности и заодно разрушающихъ и собственное здоровье и здоровье будущихъ поколѣній, разврата, неминуемо возникающаго, благодаря совмѣстной жизни обоихъ половъ[1]), — соціалистическая критика особенно настаивала на вопіющемъ совпаденіи двухъ противорѣчивыхъ явленій—экономическихъ кризисовъ, какъ результатовъ перепроизводства, и полной невозможности для большихъ массъ рабочаго люда пріобрѣтать тѣ самые товары, сбыть которые по сходной цѣнѣ фабриканты не въ состояніи[2]). Если продуктъ не оплачиваетъ расходовъ на производство и все таки недоступенъ для потребителя, есть, стало быть, коренная аномалія въ самомъ строѣ производства, - анархія, одновременно вызывающая разореніе капиталистовъ, безработицу для трудящихся, невозможность для послѣднихъ, благодаря низкой платѣ, покупать самое для нихъ необходимое. Этотъ аргументъ тѣмъ болѣе подѣйствовалъ, что онъ въ одинаковой мѣрѣ поражалъ своей неотразимостью людей вѣрующихъ, послѣдователей Евангельскаго ученія, и людей трезвой практики, въ томъ числѣ даже капиталистовъ и чиновниковъ. Съ христіанской точки зрѣнія экономическій строй, при которомъ матеріальная выгода и милосердіе безусловно расходятся, является какъ бы исчадіемъ язычества и потому несовмѣстимъ съ Евангеліемъ[3]). Съ точки зрѣнія дѣловыхъ людей, сторонниковъ интересовъ государства и правильнаго хода промышленности, экономическіе кризисы вредно отзываются на поступленія казенныхъ доходовъ и въ высокой степени усиливаютъ предпринимательскій рискъ. И вотъ явился цѣлый рядъ попытокъ устранить эти недостатки, не разрушая въ то же время экономическаго строя или

[1]) Karl Marx. Das Capital. Bd. I. Kap. 6.
Albert Lange. Die Arbeiterfrage. Ss. 212—225.

[2]) Rud. Meyer. Der Emancipationskampf des Vierten Standes Bd. I. Die Theorie des Socialismus.

[3]) De La Mennais. De la rétigion considerée dans ses rapports avec l'Etat. Chap. I et chap. X.

разрушая его только на половину[1]): образовался цѣлый рядъ мирныхъ, не революціонныхъ соціализмовъ — католическій, попросту христіанскій, государственный и даже консервативный, и цѣлая школа экономистовъ, все растущая въ численности, отбросила, какъ негодный, самый принципъ экономической свободы, требуя законодательнаго вмѣшательства для обширной области гражданскихъ сдѣлокъ, обнимающей собою всѣ виды личнаго найма, биржевую спекуляцію и образованіе акціонерныхъ обществъ и товариществъ на вѣрѣ. Это и было другимъ путемъ для сближенія. Такимъ образомъ, одно изъ коренныхъ началъ либеральнаго движенія XVIII вѣка, — экономическая свобода, стремленіе довести до минимума воздѣйствіе государства на частную жизнь, было выброшено за бортъ, какъ нѣчто совершенно противорѣчащее основной цѣли всякаго общественнаго союза — доставить его членамъ возможно большую степень благосостоянія. Экономическая свобода, такъ называемый принципъ «laisser faire», оказывалась попросту возвращеніемъ къ состоянію первобытной дикости, гдѣ всякій безпрепятственно пользуется силою мышцъ и превосходствомъ ума для порабощенія болѣе слабыхъ. Это дикое проявленіе животнаго эгоизма оказывалось лежащимъ въ основѣ культурнаго общества XIX вѣка, усвоившаго себѣ ученіе съ виду гуманнаго либерализма. И за весьма немногими исключеніями, какъ, напримѣръ, Молинари, Поль Леруа Болье, Джиффинъ, Бодрильяръ, — всѣ выдающіеся экономисты съ начала 70-хъ годовъ въ большей или меньшей степени либо признаютъ необходимость государственнаго вмѣшательства, и въ законодательномъ и въ административномъ смыслѣ, какъ Джонъ Стюартъ Милль, Лавелэ, Мишель Шевалье, Адольфъ Вагнеръ, Шмоллеръ, Лоренцъ Штейнъ, Бэмбаверкъ, какъ майнцскій епископъ фонъ Кеттлеръ и пасторъ Штекеръ въ Германіи, какъ лордъ Рандольфъ Черчилль и сэръ Томасъ

[1]) Henry Georges. Progress and Poverty. Ch. I.
Rodbertus. Zur Lösung der Socialen Frage. Brief. I.

Мэнъ въ Англіи, какъ Ле-Плэ, графъ де Мэнъ и Клодіо Жаннэ во Франціи, либо силятся воздѣйствовать на общество, помимо законодательнаго понужденія, дабы возбудить въ немъ сознаніе въ необходимости имущественной охраны слабаго и общественной солидарности, какъ обязательнаго нравственнаго принципа. Замѣчательно, что въ этомъ теченіи сходились люди, вышедшіе изъ самыхъ разнообразныхъ точекъ умственнаго горизонта,—консерваторы клерикалы, государственные абсолютисты и сторонники либерализма. Первые выставляли необходимость поддержанія свободнаго крестьянства и мелкаго ремесленнаго класса, какъ двухъ надежныхъ основъ консерватизма, вторые взывали къ христіанскому милосердію, главнымъ выраженіемъ котораго служитъ Нагорная Проповѣдь, третьи видѣли въ государственной власти современное Провидѣніе, призванное использовать для общественнаго блага новѣйшія техническія усовершенствованія, четвертые, наконецъ, признавали, что въ либерализмѣ суть важнѣе формы, что лучше поступиться нѣкоторыми пріобрѣтеніями индивидуальной свободы, чѣмъ навсегда осудить рабочія массы на роль бѣлыхъ невольниковъ, для которыхъ сама свобода не что иное, какъ презрительная насмѣшка. Практическіе результаты не заставили себя ждать, и съ средины XIX вѣка, когда почину на себя взялъ англійскій парламентъ, начинается въ цѣлой Европѣ длинный рядъ законодательныхъ мѣръ, ограничивающихъ или даже вовсе запрещающихъ работы женщинъ и дѣтей на фабрикахъ, устанавливающихъ законодательную регламентацію для соблюденія гигіены въ фабричныхъ учрежденіяхъ, для продолжительности рабочаго дня, наконецъ, для страхованія рабочихъ отъ старости и отъ болѣзней. На ряду съ этимъ, сперва въ Англіи, а потомъ и на материкѣ, образуется ассоціація самихъ рабочихъ, какъ для вспомоществованія своимъ членамъ при безработицѣ, такъ и для организаціи стачекъ въ виду достиженія болѣе выгодныхъ условій найма [1]). Само собою разу-

1) Lujo Brentano. Zur Geschichte der Englischen Gewerkvereine.

мѣется, что поверхностные умы, когда постепенно стала раскрываться передъ ними эта новая область законодательства, съ одной стороны, кооперативное движеніе, съ другой, — принялись сыпать готовыми словечками, какъ «соціализмъ», «государственное вмѣшательство», «національзація собственности» и т. д., находя, конечно, что эти затасканныя выраженія помогаютъ обходиться безъ самостоятельной работы мысли. Благодаря этому, одновременно самыя положительныя мѣры, какъ устройство инвалидныхъ кассъ и организація призрѣнія, какъ запретъ, положенный на работу дѣтей и беременныхъ женщинъ, какъ законное требованіе правильной вентиляціи на фабрикахъ, признавались мѣрами соціалистическими, прямо революціонными, и, наоборотъ, начинанія въ самомъ дѣлѣ опасныя, какъ, напримѣръ, допущенное во Франціи воздѣйствіе рабочихъ синдикатовъ на споры между нанимателями и служащими, признавались мѣрами либеральными. Это злоупотребленіе избитыми словами внесло значительную путаницу въ рабочій вопросъ и очень затруднило возможность оріентироваться среди сложныхъ противорѣчій, которыми онъ изобилуетъ.

Постараемся однако здѣсь вкратцѣ свести главные результаты новаго рабочаго движенія, начавшагося съ 50-хъ годовъ и получившаго исходную точку отъ двухъ такихъ крупныхъ фактовъ, какъ рабочее законодательство въ Англіи и организація активной соціалистической партіи въ Германіи Фердинандомъ Лассалемъ. Эти результаты, т. е. законодательныя мѣры, вызванныя требованіями общества и рабочихъ, всѣ содержатъ нѣкоторыя общія черты. Въ разныхъ государствахъ эти мѣры болѣе или менѣе подробно выясняютъ взаимныя отношенія рабочихъ и работодателей, устанавливаютъ фабричную инспекцію, опредѣляютъ рабочее время для женщинъ и несовершеннолѣтнихъ, а въ нѣкоторыхъ странахъ также и для взрослыхъ, регулируютъ порядокъ выдачи жалованья, допускаютъ третейные суды между хозяевами и ихъ служащими, даютъ правила о соблюденіи гигіены въ фабричныхъ заведеніяхъ и жилищахъ рабочихъ, вводятъ болѣе или менѣе обяза-

тельное страхованіе отъ несчастныхъ случаевъ, болѣзни и потери работоспособности и т. д.

Въ главныхъ странахъ Западной Европы ходъ рабочаго законодательства былъ нижеслѣдующій:

Въ Англіи къ 1850 году уже существовали постановленія относительно работы женщинъ и малолѣтнихъ, а также и о фабричной инспекціи и порядкѣ выдачи жалованья рабочимъ, но они относились только къ текстильной промышленности и то только съ 1833 года были распространены на всю эту отрасль производства. Въ 1850 году рабочее время женщинъ и дѣтей было уменьшено до 10 часовъ, въ 1859 — рабочимъ дано право ассоціацій; въ 1860, 64 и 67 существующее законодательство дополнено и распространено на всѣ фабрики и заводы. Въ 1875 году изданъ Public Health Act — законъ объ общественной гигіенѣ — и 27-го мая 1878 — вступилъ въ силу Factory and Workshop Act, кодификація всѣхъ имѣвшихся законоположеній. Затѣмъ въ 1883 и 1889 гг. введены незначительныя дополненія и измѣненія для отдѣльныхъ отраслей производства и въ 1891 и 1895 строже регулирована работа женщинъ, назначенъ миним. возрастъ въ 11 лѣтъ, запрещена сверхурочная работа для малолѣтнихъ и ограничена для женщинъ. Въ 1901 году предпринята новая кодификація. Въ Германіи основой всего рабочаго законодательства служитъ прусское Gewerbe-Ordnung, распространенное въ 1869 году на Сѣверо-германскій союзъ, а затѣмъ и на всю имперію. Оно регулируетъ работу женщинъ и дѣтей, содержитъ общія требованія о мѣрахъ гигіены и предупрежденія несчастныхъ случаевъ, даетъ рабочимъ право ассоціацій и т. д. Въ 1878 году введена обязательная фабричная инспекція, рабочія книжки для несовершеннолѣтнихъ, дано Союзному Совѣту право нормировать работу женщинъ и дѣтей и т. д. Въ 1883 году введено страхованіе отъ болѣзней, дополненное въ 1892 и 1900 гг., въ 1884 — законъ о страхованіи противъ несчастныхъ случаевъ, дополненный въ 1890 году, и въ 1889 — страхованіе противъ старости и неспособности

къ труду, расширенное въ 1899. Наконецъ въ 1891 г. году расширено постановленіе о запрещеніи праздничной работы, запрещена ночная работа для женщинъ. и работа до 13-ти лѣтъ, расширены права Союзнаго Совѣта въ дѣлѣ рабочаго законодательства и т. д. Въ Австріи Gewerbe-Ordnung вступило въ силу въ 1859 году, въ 1883 учреждена фабричная инспекція, въ 1885 году изданъ новый Arbeitsgesetz, въ 1887—введено обязательное страхованіе отъ несчастныхъ случаевъ и въ 88-мъ—отъ болѣзней. Во Франціи хронологическій порядокъ законодательныхъ мѣръ представляется слѣдующимъ. Въ 1841 и въ 1848—ограничена работа малолѣтнихъ, ночная и праздничная. Въ 1868—введена фабричная инспекція. Въ 1874 обстоятельныя правила о работѣ женщинъ и малолѣтнихъ. Въ 1883 увеличено число фабричныхъ инспекторовъ, въ 1890—уничтожены рабочія книжки и даны постановленія о рабочемъ договорѣ. Законъ 1874 г. года расширенъ 2-го ноября 1892 г. Въ 1893 введены правила о защитѣ отъ несчастныхъ случаевъ, въ 95-мъ о порядкѣ выдачи жалованья, о числѣ рабочихъ часовъ и т. д. Въ 1898—о страхованіи противъ несчастныхъ случаевъ и т. д...

Этотъ рядъ законодательныхъ мѣръ показываетъ, что современное общество пошло навстрѣчу справедливымъ требованіямъ рабочихъ, стремясь, правда, не всегда успѣшно, отнять почву у агитаціи. Извѣстный французскій публицистъ Шарль Бенуа, человѣкъ несомнѣнно консервативнаго образа мыслей, неоднократно повторялъ, что главная черта, отличающая современное законодательство—попеченіе о судьбѣ производителей, между тѣмъ какъ еще полвѣка назадъ главнымъ предметомъ, его занимавшимъ въ экономической области, было обезпеченіе только производства, забота не о людяхъ, а только о цѣнностяхъ. Этотъ поворотъ въ несомнѣнной зависимости отъ перехода избирательной массы въ руки численнаго большинства. Народъ-самодержецъ, какъ принято его называть, не можетъ въ то же время оставаться въ положеніи полуголоднаго невольника; другими словами, правящій классъ, который и при все-

общей подачѣ голосовъ довольно долго сохраняетъ фактическое превосходство, вынужденъ заботиться объ интересахъ своихъ избирателей, нѣкоторымъ образомъ даже ухаживать за ними. Въ этомъ одновременно заключается и хорошая и дурная сторона демократизаціи. — хорошая потому, что дарованіе народнымъ массамъ избирательныхъ правъ повело къ улучшенію ихъ матеріальнаго быта, дурная оттого, что тѣмъ самымъ въ основу политической жизни вкралось очевидное лицемѣріе. Контрастъ между распредѣленіемъ формальной политической власти и дѣйствительнымъ общественнымъ значеніемъ побуждаетъ высшій классъ притворно унижаться передъ низшими, выманивать ихъ голоса посредствомъ обѣщаній, иногда лживыхъ, и на день выборовъ совершенно переиначивать общественную лѣстницу, предоставляя политическую власть на короткій мигъ тѣмъ, у кого ея на самомъ дѣлѣ нѣтъ. Понятно, что сознаніе этого ложнаго соотношенія между общественными группами, съ перваго же дня вполнѣ ясное для правящихъ классовъ, которые оно прямо развращаетъ, постепенно сказывается и въ душѣ рабочихъ, у которыхъ зарождается тревожный вопросъ: съ какой стати имъ, господамъ государства, играть среди общества приниженную роль и пользоваться своимъ правомъ лишь для избранія представителей высшихъ общественныхъ слоевъ? Идея объ организаціи рабочаго сословія, какъ самостоятельной политической силы, для которой избирательное право лишь средство для достиженія имущественнаго равенства — идея эта лежитъ въ основѣ всего рабочаго движенія во второй половинѣ XIX вѣка. Зародилась она въ Германіи, и первымъ, самымъ талантливымъ ея провозвѣстникомъ былъ Лассаль. Въ рядѣ своихъ блестящихъ зажигательныхъ рѣчей, изъ которыхъ три, наиболѣе знаменитыя, были произнесены въ Берлинѣ въ 1862 году, въ Раунсдорфѣ въ 1864 и въ Кельнѣ, послѣ осужденія агитатора тамошнимъ судомъ, въ 1864, Лассаль старается внушить рабочимъ, что все народное богатство создано ими, такъ какъ источникъ всякой цѣнности въ трудѣ, а потому и весь продуктъ работы

долженъ принадлежать имъ, что главный ихъ врагъ — классъ промышленниковъ, изъ рядовъ котораго выходятъ, правда, либералы, но зато и люди, отбирающіе у рабочихъ плоды ихъ усилій, и что въ виду этого либеральная программа должна интересовать послѣднихъ постольку лишь, поскольку она ведетъ къ политической равноправности, какъ средству достиженія равноправности имущественной. Государственная, даже монархическая власть, не только не врагъ рабочимъ, но можетъ оказаться для нихъ полезнымъ союзникомъ, если она только сумѣетъ понять, какого могущества и блеска она достигнетъ, удовлетворяя требованія рабочихъ. Вмѣсто того, чтобы тратить казенныя средства на поддержаніе капиталистической промышленности, государство должно бы открыть широкій кредитъ кооперативнымъ предпріятіямъ, которыя мало по малу перетянули бы все производство въ руки производителей, т. е. рабочихъ. Съ большою мягкостью Лассаль относился и къ поземельному дворянству, не разъ намекая, что и ему тоже капитализмъ угрожаетъ, стремясь его обезземелить. На этой почвѣ вражды къ среднему сословію, какъ къ представителю либеральнаго идеализма, и произошло, какъ извѣстно, сближеніе Лассаля съ Бисмаркомъ. Съ конца 60-хъ годовъ идея о возможномъ союзѣ между консерваторами и соціалистами, о параллельности, если не о тождествѣ, ихъ интересовъ, которымъ въ одинаковой мѣрѣ угрожаетъ движимый капиталъ, сильно распространяется во всѣ стороны, то разрабатываемая въ интересахъ консерватизма, то, наоборотъ, служащая для соціалистовъ средствомъ переманиванія на свою сторону сельскаго населенія. Въ Германіи развивалъ эту идею по преимуществу Родбертусъ, прусскій министръ земледѣлія въ 48-мъ году, но просвѣчиваетъ она и у экономистовъ совершенно консервативныхъ, принадлежащихъ къ исторической школѣ, у Лоренца Штейна [1]) и у Инама Штернегга [2]).

---

[1]) Lorenz v. Stein. Drei Fragen des Grundbesitzes.

[2]) Inama Sternegg. Deutsche Wirtschaftsgeschichte

Изъ числа французскихъ публицистовъ очень близко подходитъ къ этой идеѣ такой консервативный писатель, какъ Ле Плэ [1]. У насъ въ Россіи ту же точку зрѣнія мы встрѣчаемъ во-первыхъ, у славянофиловъ [2]) и у нѣкоторыхъ изъ болѣе умѣренныхъ народниковъ [3]), проводящихъ мысль о солидарности интересовъ дворянства и крестьянъ. Въ Англіи, гдѣ существуетъ полная солидарность между промышленностью и поземельной аристократіей, эта идея, конечно, не высказывается, но нѣкоторые ея проблески мы и тамъ находимъ у Джиффина и у сэра Томаса Мэна. Съ другой стороны, въ этомъ же смыслѣ высказываются писатели, правда выдающіе себя за консерваторовъ, но имѣющіе явно агитаціонный характеръ, какъ Рудольфъ Мейеръ и Шефле (Rud. Mayer. Der Emancipationskampf des Vierten Standes. Schaeffle. Die Quintessenz des Socialismus). Изъ числа политическихъ дѣятелей, стремившихся установить общую почву для пониманія между консерватизмомъ и соціалистическимъ движеніемъ, назовемъ въ Германіи двухъ вождей католическаго центра, фонъ Виндхорста и Либера, въ Австріи князя Алоиса Лихтенштейна, въ Венгріи графа Альберта Аппоньи, во Франціи графа Де-Мэнъ и аббата Лемира. Весь смыслъ соціалистическаго движенія, какъ скоро оно перенеслось изъ теоретической области въ реальную, сводился къ тому, чтобы экономическіе интересы поставить выше политическихъ. Съ этой точки зрѣнія нельзя было не почувствовать, что необыкновенный подъемъ обрабатывающей промышленности, совпавшій съ началомъ 60-хъ годовъ, долженъ былъ еще болѣе нарушить равновѣсіе между движимою и поземельной собственностью, чѣмъ сдѣлали это первоначальные успѣхи денежной буржуазіи во второй половинѣ XVIII вѣка. Отъ этой мысли былъ всего только одинъ шагъ до союза между земле-

---

[1]) Le Play. L'Organisation du Travail.

[2]) Дмитріевъ. Революціонный консерватизмъ.
Ю. Самаринъ. Окраины Россіи.

[3]) Николай—онъ. Очерки пореформеннаго хозяйства.

владѣніемъ, изъ рукъ котораго политическая власть все болѣе ускользала, и пролетаріатомъ, въ чьихъ рукахъ она никогда не была. И какъ скоро въ лицѣ Фердинанда Лассаля и преемника его въ руководствѣ рабочей партіей, фонъ Швейцера, соціализмъ отказывался отъ солидарности съ республиканскимъ движеніемъ, такой союзъ представлялся совершенно возможнымъ. Ничто такъ не связываетъ, какъ общая вражда. А парламентскіе выборы во всѣхъ странахъ, особенно въ Германіи, наглядно показывали, какъ ускользало въ 60-хъ годахъ политическое вліяніе изъ рукъ поземельнаго дворянства. Промышленный классъ и умственныя профессіи до того заполнили собою прусскій ландтагъ, что выборы 1863 года низвели обѣ консервативныя фракціи до скромной цифры 9 членовъ. Во всѣхъ прочихъ странахъ, за исключеніемъ Англіи, повторялось болѣе или менѣе то же самое. И неудивительно, что, въ виду подавляющаго расцвѣта денежной буржуазіи, даже такіе завзятые консерваторы, какъ братья фонъ Герляхъ, привѣтствовали зарожденіе активнаго соціализма, предчувствуя въ немъ будущаго мстителя за разрушенный феодальный порядокъ. Припомнимъ, вдобавокъ, что такой союзъ какъ нельзя болѣе отвѣчалъ литературнымъ идеаламъ 40-хъ годовъ, когда эпигоны романтизма такъ любили своими героями выставлять выходцевъ изъ аристократической среды, посвятившихъ себя и свой талантъ, подобно Алкивіаду и Мирабо, защитѣ демократическихъ вожделѣній.

Разумѣется, такой противоестественный союзъ не могъ быть долговѣчнымъ. Едва сошли со сцены первые вожди германскаго соціализма, Лассаль, фонъ Швейцеръ, иное направленіе съ Карломъ Марксомъ во главѣ выдвинулось впередъ. Дѣятельность Карла Маркса началась гораздо ранѣе агитаціи Лассаля, съ самой революціи 48-го года, но въ качествѣ политическаго эмигранта онъ былъ вынужденъ ограничиваться дѣятельностью чисто книжной. И все таки, въ еще большей мѣрѣ, чѣмъ Лассаль, онъ сталъ двигателемъ активнаго, некнижнаго соціализма. Онъ сдѣлалъ то, безъ чего не могутъ

обходиться систематическіе нѣмецкіе умы, онъ сумѣлъ подыскать для агитаціи научную формулу, въ шаткости которой, чтобы не сказать въ ея шарлатанствѣ, далеко не всѣ успѣли убѣдиться и теперь. Самая тяжеловѣсность его трехтомной книги «Das Kapital» пріобрѣла ему многочисленныхъ сторонниковъ среди людей, привыкшихъ уважать то, что имъ не совсѣмъ понятно. Первый томъ этой книги, содержащій главныя основы ученія, вышелъ въ 1867 году. Въ немъ Карлъ Марксъ одновременно придалъ догматическій характеръ основному требованію соціализма — чтобы продуктъ труда принадлежалъ всецѣло рабочимъ, и ввернулъ свой агитаціонный постулатъ въ форму исторической схемы, удовлетворивъ такимъ образомъ и строгую научную логичность и убѣжденіе въ роковой неизбѣжности торжества своей доктрины. Съ одной стороны, весь общественный строй нарушаетъ не только справедливость, но и основныя условія національной экономіи, такъ какъ трудъ — единственное мѣрило цѣнности — создаетъ тѣмъ не менѣе цѣнность добавочную, попадающую не въ карманъ рабочаго, съ другой, — въ силу эволютивнаго процесса, народное производство должно переходить отъ натуральнаго хозяйства къ капиталистическому, а отъ послѣдняго — къ третьей стадіи — къ націонализаціи труда и капитала. Нужды нѣтъ, что первая изъ этихъ теорій содержитъ въ себѣ внутреннее противорѣчіе, а вторая будетъ долго ждать еще, вѣроятно, свое оправданіе, такъ какъ эра націонализаціи не наступила еще нигдѣ, а эру капитализма невозможно отграничить отъ предшествовавшей ей эпохи натуральнаго хозяйства. Въ теорію повѣрили и горячо занялись ея осуществленіемъ, потому что масса всегда вѣритъ въ то, что ей представляется, какъ неизбѣжное, не только вѣритъ, но старается это неизбѣжное ускорить. Шиллеръ не даромъ сказалъ въ своемъ «Валленштейнѣ», что тайна рока въ насъ самихъ. Не могъ, конечно, предвидѣть Марксъ, когда писалъ свою книгу, что двѣ его параллельныя теоріи со временемъ вызовутъ раздвоеніе среди его послѣдователей, что одни изъ нихъ, въ угоду его философски-историческому проро-

честву, станутъ привѣтствовать успѣхи капитализма, видя въ немъ неизбѣжную переходную стадію, а другіе эти самые успѣхи будутъ проклинать, усматривая въ немъ лишь мирное разбойничество промышленныхъ тузовъ, еще болѣе хищническихъ, чѣмъ средневѣковые феодалы. Цѣлую четверть вѣка книга Маркса была евангеліемъ соціализма, придавая ему силу и обѣщаніемъ вѣрнаго торжества и научнымъ разъясненіемъ экономическаго насилія, производимаго надъ человѣческимъ трудомъ. Неудивительно, что не хотѣли примѣтить явнаго несогласія ученія Маркса съ дѣйствительностью, а тѣмъ болѣе внутренняго несогласія его съ самимъ собою. Ежедневный опытъ показываетъ, что на самомъ дѣлѣ рыночная цѣна товара вовсе не соотвѣтствуетъ потраченной на его производство средней работѣ, что, напримѣръ, хлѣбныя цѣны на всемірномъ рынкѣ могутъ стоять низко, несмотря на крупный неурожай въ одной изъ производящихъ странъ, гдѣ вслѣдствіе того возросла единица труда, затраченнаго на производство извѣстнаго количества хлѣба. Міровыя цѣны въ зависимости лишь отъ міроваго производства, а совершенно очевидно, что получаемое такимъ образомъ среднее совершенно безразлично для каждой отдѣльной страны. Такой же повседневный опытъ указываетъ на прямую связь между цѣною, выручаемой за товаръ, и мѣстной на него потребностью на данномъ рынкѣ — потребностью, вызванною зачастую одной прихотью. Сельское хозяйство въ промышленныхъ странахъ и разсчитано на такой случайный и притомъ измѣнчивый спросъ: иной разъ выгоднѣе, напримѣръ, воздѣлывать въ большомъ количествѣ прядильныя растенія, иной — масличныя или корнеплодныя, — и хозяинъ, не сообразующійся съ этими условіями, рискуетъ потерпѣть убытокъ, какую бы массу труда онъ ни затратилъ. Не менѣе извѣстно, что въ любомъ городскомъ центрѣ рабочая плата далеко не одинакова для разныхъ видовъ труда, что, стало быть, произведенныя цѣнности измѣряются не самой затратой мускульной силы, а степенью цѣлесообразности этой затраты, и, по тому самому, она составляетъ не результатъ труда, а лишь его цѣль.

Наконецъ, еслибы мѣриломъ цѣнности въ самомъ дѣлѣ было количество исполненной работы, то откуда бы взялась та самая добавочная цѣнность, которая поступаетъ въ карманъ работодателя? А если эта добавочная цѣнность не что иное, какъ результатъ примѣненія капитала и его организаторской силы, то оправдывается тѣмъ самымъ и та предпринимательская прибыль, которая ведетъ къ накопленію богатства въ рукахъ хозяина. Все это повторялось сотни разъ, ничуть не останавливая распространенія соціализма, и лишь когда въ 1899 году появилась книга Бернштейна[1]), въ рядахъ соціалистовъ обнаружилось нѣкоторое смущеніе, такъ какъ книга эта принадлежала перу одного изъ членовъ ихъ партіи. Ученіе Маркса вполнѣ отвѣчало коренному требованію рабочей партіи—измѣнить въ пользу труда установившееся соотношеніе между заработкомъ и предпринимательской прибылью—и тѣ, которымъ это приходилось по вкусу, не останавливались передъ вопросомъ, насколько выдерживаетъ критику мнимо ученая теорія, оправдывавшая ихъ вожделѣнія. Съ начала 70-хъ годовъ соціализмъ проникъ въ парламентскія учрежденія почти всѣхъ германскихъ государствъ, несмотря даже на существованіе избирательнаго ценза. Два изъ нихъ только, Пруссія и Саксонія, не имѣютъ до сихъ поръ ни одного соціалиста въ своихъ ландтагахъ. Въ общегерманскомъ парламентѣ число соціалистовъ съ 1871 года не переставало расти, всего только разъ, послѣ выборовъ 1887 года, отступивъ слегка назадъ. Этому быстрому росту соціализма за послѣднія 14 лѣтъ[2]) способствовало столь же быстрое расширеніе крупнаго производства. Размножается не только число промышленныхъ заведеній вообще, но, вдобавокъ, число крупныхъ предпріятій, процентъ которыхъ постепенно увеличивается. Другими словами, еще быстрѣе роста промышленности идетъ ея концентрація. Совер-

[1]) Dr. Bernstein. Die Voraussetzungen des Socialismus.

[2]) На выборахъ 1890 года число соціалистовъ въ рейхстагѣ составляло 35, 1893—44, 1898—56, 1903—81.

шается это двумя путями—приливомъ капиталовъ, главнымъ образомъ, къ тѣмъ отраслямъ производства, которыя занимаютъ большія массы рабочихъ, какъ металлургическая, каменноугольная, хлопчатобумажная и т. д., и, благодаря большей интенсивности производства, большему сосредоточенію денегъ и рабочихъ рукъ, даже въ предпріятіяхъ сравнительно мелкихъ, гдѣ тоже продуктивность работы возросла подъ вліяніемъ усовершенствованныхъ техническихъ пріемовъ. И совершенно однородное явленіе происходитъ въ торговлѣ, гдѣ, какъ извѣстно, размножаются крупные товарные склады, въ которыхъ сосредоточены предметы самаго разнообразнаго свойства. Достигаемая этимъ путемъ большая дешевизна, благодаря сравнительному сокращенію требуемаго числа приказчиковъ и рабочихъ, позволяетъ понижать цѣны и тѣмъ самымъ расширять сбытъ, что, конечно, бѣдному люду выгодно. Но съ другой стороны, конечно, сокращаются прибыли мелкихъ производителей и число занятыхъ въ торговлѣ и промышленности рабочихъ. Способствуетъ тому и другому облегченіе перевозки товаровъ, благодаря растущей желѣзнодорожной сѣти и въ особенности разрѣшенное закономъ 1873 года въ Германіи свободное переселеніе (Freizügigkeit), послѣдствіемъ котораго было необыкновенно быстрое разростаніе городскихъ центровъ. Все это стало замѣтно лишь съ половины 80-хъ годовъ, такъ какъ эпоха, послѣдовавшая за войной 1870 года, была въ цѣлой Европѣ временемъ экономическаго маразма, обнаруживавшагося цѣлымъ рядомъ кризисовъ въ Германіи, Австріи, Англіи и Бельгіи. Послѣ десятилѣтняго сжатія, вызваннаго перепроизводствомъ и послужившаго лишнимъ аргументомъ въ пользу сѣтованій на промышленную анархію и на вредъ отъ свободной конкурренціи, съ половины восьмидесятыхъ годовъ произошелъ новый толчекъ въ сторону усиленія обрабатывающей промышленности, и притомъ все съ возрастающимъ перевѣсомъ крупныхъ предпріятій надъ мелкими. Если неправда, какъ между прочимъ доказываетъ Бернштейнъ, что мелкія производства не въ состояніи выдержать конкурренцію круп

наго, что, сосредоточиваясь, капиталъ совершаетъ какъ бы самоубійство [1]), то несомнѣнно одно: ростъ промышленности идетъ неравномѣрно, подвигая все болѣе впередъ крупный капитализмъ, между тѣмъ какъ средній промышленный классъ остается неподвиженъ, отставая отъ своего болѣе сильнаго собрата. При этомъ, правда, упускается изъ вида то обстоятельство, что обширныя фабрики, а тѣмъ болѣе промышленные синдикаты все чаще принимаютъ форму акціонерныхъ компаній или товариществъ и что въ виду этого мелкіе капиталисты являются участниками крупныхъ предпріятій, которыя въ промышленномъ мірѣ становятся чѣмъ-то въ родѣ колоній полиповъ, гдѣ мелкія особи живутъ коллективной жизнью. Но и эта поправка не устраняетъ несомнѣннаго зла, какимъ является въ общественномъ и особенно въ нравственномъ отношеніи централизація капиталовъ. Акціонеръ все таки не то же, что самостоятельный хозяинъ. Если число послѣднихъ остается стаціонарнымъ, а въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ даже абсолютно сокращается, если цѣлая отрасль производства переходитъ изъ кустарной формы въ фабричную или, по крайней мѣрѣ, въ посредствующую стадію, при которой отдѣльные ремесленники работаютъ на крупнаго заказчика, — тѣмъ самымъ ослабляется одинъ изъ сильнѣйшихъ общественныхъ устоевъ — классъ мелкихъ самостоятельныхъ производителей, работающихъ на себя и привыкшихъ къ самодѣятельности. Ихъ экономическое ослабленіе отражается, конечно, и на общественной ихъ роли: обойденными, приниженными они чувствуютъ себя и въ обществѣ, гдѣ рядомъ съ ними пышно разростаются промышленные магнаты, и въ своемъ недовольствѣ они обнаруживаютъ все большую склонность бросаться въ объятія соціализма, предпочитая окончательно потонуть въ его волнахъ, чѣмъ выдерживать постоянную мелкую безнадежную борьбу съ капитализмомъ. И сельскому населенію, самостоятельному крестьянству грозитъ такая же бѣда. Земледѣліе, правда, не обнаруживаетъ склон-

[1] Dr. Bernstein. Die Voraussetzungen des Socialismus.

ности переходить къ крупному производству, но и здѣсь капиталъ проявляетъ свою хищническую силу путемъ растущей ипотечной задолженности. И все чаще крестьянскіе дворы, а то и помѣщичьи имѣнія, переходятъ въ руки богатыхъ горожанъ. Вотъ гдѣ главная причина роста соціалъ-демократіи не только въ Германіи, но и въ цѣлой Европѣ, за исключеніемъ одной развѣ Англіи и Скандинавскаго полуострова. За послѣднее двадцатилѣтіе этотъ ростъ выразился очень внушительными цифрами. Сперва германскій рейхстагъ былъ единственнымъ законодательнымъ собраніемъ, въ которомъ участвовали соціалисты, какъ организованная партія. Но съ тѣхъ поръ они нашли себѣ послѣдователей повсюду. Во Франціи на выборахъ 1885 года было всего 2 или 3 депутата, заявлявшихъ себя, притомъ съ нѣкоторыми оговорками, сторонниками соціализма. На выборахъ 1893 года ихъ набралось уже 30, и съ тѣхъ поръ эта цифра не перестаетъ увеличиваться, хотя и не такъ быстро, какъ въ Германіи. Въ 1902 году ихъ было уже 68, причисляя сюда и независимыхъ, антиправительственныхъ соціалистовъ, но возрастающее ихъ вліяніе этимъ не ограничивается. Съ 1899 года они вошли въ составъ правительственнаго большинства, какъ вполнѣ признанный нормальный коэффиціентъ въ управленіи страной; съ 1894 г. образовалась въ то же время особая группа «радикалъ-соціалистовъ», которая, не присоединяясь явно къ соціалистической программѣ, считаетъ однако необходимымъ не разрывать связи съ ея носителями. Революціонная кличка, которую она себѣ придала не безъ нѣкотораго лицемѣрія, чтобы одновременно и привлекать къ себѣ городскихъ рабочихъ и не слишкомъ запугивать буржуазныхъ радикаловъ, краснорѣчиво свидѣтельствуетъ о нравственномъ давленіи соціалистовъ, о страхѣ, какой имъ удается внушать. Въ сосѣдней съ Франціей Бельгіи соціализмъ работалъ внѣ парламентскихъ стѣнъ, вызывая иногда довольно рѣзкія вспышки рабочихъ смутъ, какъ, напр., въ 1886 году на всемъ пространствѣ каменноугольныхъ копей юго-восточной Бельгіи. Но съ 1893 года, послѣ проведенія

избирательной реформы партія не только проводитъ своихъ кандидатовъ въ парламентъ, но понемногу вытѣсняетъ оттуда либераловъ. Въ настоящее время ей принадлежитъ уже около одной трети депутатскихъ мѣстъ въ брюссельской палатѣ. Въ Голландіи, гдѣ крупная промышленность развита слабѣе и нѣтъ всеобщей подачи голосовъ, соціализмъ находится еще въ стадіи внѣпарламентской агитаціи, хотя и здѣсь онъ имѣетъ въ палатѣ 5 открытыхъ сторонниковъ. Численностью голландскіе соціалисты неособенно грозны, за то нѣкоторые изъ нихъ вождей всегда отличались большей запальчивостью и требованіями болѣе непримиримыми, чѣмъ соціалисты въ другихъ странахъ тевтонской расы. Въ Австріи, хотя онъ и проникъ въ вѣнскій рейхсратъ съ тѣхъ поръ, какъ рабочему классу отвели особую избирательную коллегію, соціализмъ особеннаго воздѣйствія на политическую жизнь не оказываетъ, вѣроятно, благодаря добродушной мягкости, отличающей австрійцевъ вообще, въ томъ числѣ и тамошнихъ пролетаріевъ. Въ Швейцаріи не успѣло еще совершиться окончательное выдѣленіе соціалистовъ отъ радикаловъ, оттого должно быть, что послѣдніе очень усердно поддерживаютъ нѣкоторыя мѣры, заимствованныя изъ соціалистическихъ программъ, какъ прогрессивный налогъ съ дохода и наслѣдствъ и нормировка рабочаго дня. Въ Италіи, наконецъ, гдѣ соціализмъ проникъ въ палату уже съ конца 70-хъ годовъ, онъ до сихъ поръ не обнаруживалъ той наклонности сдерживать свои революціонные порывы, какой онъ повсюду отличается, гдѣ ему удалось принять участіе въ практической политикѣ. Итальянскіе соціалисты не только бунуютъ гораздо сильнѣе, чѣмъ ихъ собратья въ другихъ странахъ, но открыто заявляли не разъ о своей солидарности съ анархистами, даже съ политическими убійцами. Всего слабѣе растетъ соціализмъ въ странахъ англо-саксонской и скандинавской расы. Въ Англіи число его адептовъ въ палатѣ общинъ не превышало никогда цифры 9, а при двухъ послѣднихъ выборахъ упало до 2. Въ копенгагенскомъ фолькетингѣ, при всемъ его открытомъ демократизмѣ, соціалистовъ всего 8;

въ Швеціи, Норвегіи и Соединенныхъ Штатахъ ихъ нѣтъ вовсе. Всемірно-соціалистическіе конгрессы показали, что и внѣ парламентскихъ залъ тамошніе соціалисты несравненно спокойнѣе и умѣреннѣе, чѣмъ въ центральной и южной Европѣ. Это объясняется, конечно, прежде всего темпераментомъ скандинавской и англо-саксонской расы, но отчасти и сравнительнымъ благосостояніемъ рабочихъ, особенно въ Англіи и въ Америкѣ. Голодные оборванцы, такъ называемый «Lumpenproletariat», существуютъ, конечно, и тамъ, но сплотиться въ отдѣльную партію они не чувствуютъ себя въ силахъ, сознавая вѣроятно, что своимъ исключительно бѣдственнымъ положеніемъ обязаны въ большей мѣрѣ лѣности и пороку, чѣмъ несовершенствамъ общественнаго строя. Но главная причина слабаго развитія соціалистическихъ доктринъ въ упомянутыхъ странахъ заключается, быть можетъ, въ активномъ рѣшительномъ отпорѣ, какой онѣ встрѣчаютъ въ прочихъ классахъ населенія. Въ революціонной пропагандѣ нѣтъ недостатка и въ Соединенныхъ Штатахъ, и памфлетъ Генри Джорджа «Progress and Powerty», какъ извѣстно, имѣлъ такой колоссальный успѣхъ, что далъ своему автору цѣлое состояніе. Но когда дважды, въ 1888 и 1897 году, происходили въ Америкѣ открытыя попытки возстанія, онѣ были подавлены съ такой энергіей и притомъ на одни только частныя средства, что вѣроятность новыхъ вспышекъ, по крайней мѣрѣ въ ближайшемъ будущемъ, тамъ совершенно отсутствуетъ. Англо-саксонская раса притомъ необыкновенно дорожитъ личной самостоятельностью каждаго. Ей одинаково ненавистны какъ физическое, такъ и законодательное насиліе надъ личностью. Слѣдуетъ, впрочемъ, добавить, что въ Англіи, какъ разъ за самое послѣднее время, обнаруживается у соціалистовъ наклонность выдѣлиться, подобно ирландцамъ, въ особую партію, не связанную никакой опредѣленной политической программой. Съ этого началась агитаторская дѣятельность Лассаля въ Германіи. Но едва ли можно предположить, что въ Англіи движеніе разростется такъ же, какъ на континентѣ, такъ какъ тамошняя организація рабо-

чихъ союзовъ (Trade Unions) достаточно обезпечиваетъ успѣхъ всѣмъ разумнымъ требованіямъ рабочихъ въ случаяхъ столкновенія съ работодателями. А преувеличенныя, или прямо революціонныя требованія съ ихъ стороны встрѣтили бы тамъ дружный отпоръ всѣхъ прочихъ общественныхъ классовъ.

Разливаясь вширь, рѣки становятся менѣе быстрыми. Нѣчто подобное случилось и съ соціалистическимъ движеніемъ. Численно оно расширилось, но стало менѣе бурливымъ, менѣе склоннымъ подстрекать толпу на уличныя буйства. Даже въ классической странѣ безпорядковъ, во Франціи, столкновенія съ полиціей и процессіи съ красными и черными флагами стали повторяться гораздо рѣже, съ тѣхъ поръ какъ соціализмъ сдѣлался однимъ изъ факторовъ государственной власти, а одинъ изъ его вождей, Мильеранъ, отъ прелестей этой власти непосредственно вкусилъ. Нельзя также не замѣтить, что почти вовсе прекратились столь часто повторявшіяся прежде въ Парижѣ, Ліонѣ и другихъ большихъ городахъ революціонныя собранія, гдѣ ораторы предрекали, что народъ въ близкомъ будущемъ зальетъ огнемъ и кровью дома богатой буржуазіи, и гдѣ споры обыкновенно заканчивались потасовкой. Въ Германіи тоже не слышится болѣе, даже на соціалистическихъ конгрессахъ, гдѣ члены партій выражаются безъ стѣсненія, бурныхъ призывовъ къ насильственному ниспроверженію существующаго порядка. Сдержаннѣе сталъ даже языкъ соціалистическихъ органовъ, съ тѣхъ поръ, какъ они пріобрѣли десятки тысячъ читателей и почти обратились въ выгодныя коммерческія предпріятія. Въ 1862 г. Лассаль въ своей знаменитой рѣчи берлинскимъ рабочимъ говорилъ, что, когда ночью онъ запирается въ своей комнатѣ, среди безмолвія ему слышатся желѣзные шаги (Die ehernen Schritte) великой грядущей революціи, этого грознаго суда надъ порочнымъ обществомъ. Бебель нѣкогда писалъ, что когда наступитъ часъ расправы, Германія увидитъ такія сцены, въ сравненіи съ которыми самыя кровавыя событія французской революціи окажутся дѣтской игрой. Этотъ паѳосъ теперь позабытъ. Теперь не говорятъ уже такъ и не пишутъ.

Правда, на соціалистическихъ конгрессахъ обмѣниваются очень грубыми рѣчами, взаимно обвиняя другъ друга въ самыхъ неблаговидныхъ поступкахъ. Товарищи «die Genossen», какъ они называютъ себя сами, не скупятся даже на ругательства Правда тоже, что поведеніе ихъ въ парламентѣ не обличаетъ хорошаго воспитанія и привычки къ джентльменскому тону. Они шумятъ, не даютъ говорить ораторамъ другихъ партій, производятъ обструкцію, прибѣгаютъ къ страстнымъ, даже зажигательнымъ выраженіямъ. Но, во-первыхъ, то же самое дѣлаютъ политиканы и изъ другихъ партій: чехи и нѣмецкіе націоналисты въ Вѣнѣ, приверженцы Кошута въ Будапештѣ, республиканцы въ Римѣ, сторонники ирландской автономіи въ Лондонѣ, а въ Парижѣ чуть ли не депутаты всѣхъ оттѣнковъ. Во-вторыхъ, для всѣхъ совершенно ясно, что эта страстность дѣланная, что въ ней какъ бы неизбѣжная дань тому безконечному негодованію, которымъ офиціально наполнена душа каждаго соціалиста. Въ третьихъ, это главное, сознаніе пріобрѣтенной силы, политической и денежной, предвкушеніе власти, необходимость вербовать себѣ новыхъ сторонниковъ, ослѣпляя ихъ миражемъ осуществимости своей программы, побуждаетъ соціалистовъ не только покинуть открыто революціонный путь, но и дѣлать фактическія уступки существующему порядку, участвуя въ законодательной работѣ. Членамъ парламента нельзя вѣчно повторять общія мѣста и требовать ниспроверженія всего существующаго. Необходимо высказываться по конкретнымъ вопросамъ, вотировать бюджетъ, признавать желательнымъ или нѣтъ заключеніе торговыхъ договоровъ, участвовать въ дебатированіи различныхъ законопроектовъ. А все это не что иное, какъ признаніе существующаго порядка, безусловно отрицать который ни къ чему не ведетъ. Есть даже — объ этомъ свидѣтельствуютъ пренія конгрессовъ, — въ самомъ соціализмѣ несомнѣнное стремленіе придать своей программѣ нѣкоторую примѣнимость къ существующему строю, словомъ, прибѣгать къ оппортунизму. Во Франціи это направленіе получило даже характерное названіе «Possibilisme»; въ Германіи правое крыло партіи, съ

гг. фонъ-Фольмаромъ и Бернштейномъ во главѣ, рѣшилось даже отнестись критически къ ученію Маркса и признать, необинуясь, что равномѣрное вознагражденіе всѣхъ видовъ труда, для котораго единственнымъ мѣриломъ служило бы время, совершенно неосуществимая нелѣпость. И всего важнѣе, что, входя въ соприкосновеніе съ дѣйствительностью, вожди соціализма были вынуждены откинуть то покрывало тайны, которымъ они прежде окутывали свою положительную программу. На всѣхъ прежнихъ конгрессахъ Интернаціоналки, вплоть до происшедшаго въ ней раскола въ 1873 году[1]), на Эйзенахскомъ конгрессѣ въ 1872 году и въ цѣломъ морѣ брошюръ, не говоря уже о повседневной революціонной прессѣ, неизмѣнно проводилась одна руководящая мысль: существующій строй долженъ быть срытъ до основанія, и всѣ усилія сторонниковъ иного, болѣе справедливаго порядка вещей должны пока ограничиваться его разрушеніемъ. Будущее покажетъ, каково будетъ зданіе обновленнаго общества. Одно требованіе высказывалось ясно— трудъ долженъ быть организованъ, и къ обществу въ совокупности должна перейти вся недвижимая собственность и весь движимый капиталъ, въ томъ числѣ и орудія производства. Какъ это осуществить и, главное, какъ придать стойкость новымъ порядкамъ, столь тѣсно ограничивающимъ свободу лица, этого не давали себѣ труда объяснить. Комментировать доктрину и дѣлать изъ нея выводы приходилось людямъ, вовсе не принадлежащимъ къ соціалистамъ въ тѣсномъ смыслѣ, хоть и склоннымъ высказывать имъ нѣкоторую симпатію, какъ Альбертъ Ланге, Шеффле и Рудольфъ Мейеръ (Lange-Die Arbeiterfrage, Schaeffle. Die Quintessenz des Socialismus, R. Meier. Der Emancipationskampf des Vierten Standes). Но эти разъясне-

[1]) Расколъ произошелъ на Женевскомъ конгрессѣ, когда лѣвое крыло соціалистовъ, съ Михаиломъ Бакунинымъ и Гильомомъ изъ Нефшателя во главѣ, откололось отъ партіи, не захотѣвъ признать главенство Карла Маркса и приданный имъ Интернаціоналкѣ объединенный характеръ.

нія были далеко не полны и исходили отъ лицъ, вовсе не уполномоченныхъ говорить отъ имени партіи будущаго. Понятно, сколько выгодъ извлекали соціалисты изъ своихъ туманныхъ недомолвокъ. Трудно опровергать то, чего не высказываютъ, и всякую попытку опредѣлить, какую форму неминуемо приметъ идеальное общество будущаго, легко было обвинить въ произвольномъ извращеніи чужихъ мыслей[1]). Но этой программы нельзя было вѣчно держаться. По мѣрѣ того, какъ соціализмъ распространялся, захватывая слои не исключительно рабочіе, надо было опровергать опроверженія и въ особенности смягчать пугавшія многихъ черезчуръ рѣзкія доктрины.

И мало по малу, особенно на трехъ послѣднихъ конгрессахъ, въ Ганноверѣ, Мюнхенѣ и Дрезденѣ, ученіе принимало все болѣе опредѣленныя очертанія. На полномъ упраздненіи собственности, на безусловной равномѣрности платы, даже на запретѣ денежнаго обращенія уже не настаивали, или, вѣрнѣе, про всѣ эти прелести принялись умалчивать. Какимъ образомъ, при отсутствіи полнаго коллективизма, при возможности пріобрѣтать сбереженія, хотя бы однимъ только трудомъ, можетъ быть сохранено имущественное равенство,—этого, конечно, не объясняютъ, такъ какъ это совершенно необъяснимо. Тѣмъ не менѣе, вотъ на какихъ основныхъ пунктахъ остановилось послѣднее совѣщаніе въ Дрезденѣ:

1. Полное активное и пассивное избирательное право для женщинъ. (4-е предложеніе).

---

[1]) Противникамъ и обличителямъ соціализма имя легіонъ. Назовемъ хотя бы слѣдующія произведенія: Paul Le Roy Beaulieu. Le Collectivisme. Clodio Jannet. Le Capital. Paul Deschanel. La question sociale. H. v. Sybel. Die Lehren des heutigen Socialismus. Treitschke. Der Socialismus und seine Gönner. Dr. Barth. Der socialistische Zukunftsstaat, и въ особенности: Eugen Richter. Socialdemocratische Zukunftsbilder. Но впечатлѣнія они производили на массы не особенно много, такъ какъ страсть никакими убѣжденіями не побѣдить. А соціалистическая доктрина прежде всего дѣло вѣры и опирающейся на нее страстной воли.

2. Разрѣшеніе товарищамъ участвовать въ той части несоціалистической прессы, которая не относится враждебно къ соціалистическому движенію. (7-е предложеніе).

3. Изданіе особой ежегодной брошюры, въ которой содержалось бы извлеченіе и оцѣнка дѣятельности соціалъ-демократической фракціи за послѣднюю сессію рейхстага. (119-е предложеніе.).

4. Сохраненіе прежней программы неустанной классовой борьбы, безъ всякой попытки примиренія на почвѣ реформъ общественнаго строя. Переводя то же положеніе на практику, та же резолюція, однако, предлагаетъ энергично бороться лишь противъ милитаризма и колоніальной политики и проводить въ жизнь полное уравненіе правъ (130-е предложеніе). А все это, вмѣстѣ взятое, составляетъ не что иное, какъ прежнюю программу лѣвыхъ радикаловъ (Süddeutsche Volkspartei).

5. Выраженіе благодарности соціалистическимъ депутатамъ за ихъ борьбу противъ новыхъ ввозныхъ тарифовъ при помощи обструкціи. (136-е предложеніе).

6. Требованіе, чтобы вопросъ о страхованіи рабочихъ былъ поставленъ на очередь на будущемъ международномъ конгрессѣ въ Амстердамѣ. (137-е предложеніе).

7. Запретъ для соціалистовъ, могущихъ быть выбранными въ вице-президенты или секретари рейхстага, подчиняться условіямъ придворнаго этикета. (140-е предложеніе).

8. Рѣшеніе безусловно отвергать всякое ассигнованіе бюджетныхъ средствъ на жалованье какимъ-нибудь должностнымъ лицамъ и запретъ соціалистамъ занимать какія-либо правительственныя должности. (143-е предложеніе).

9. Порученіе членамъ соціалистической фракціи въ рейхстагѣ поддерживать слѣдующія мѣры:

а) отмѣну всякихъ ограниченій права собраній и ассоціацій.

б) отмѣну судебнаго преслѣдованія за оскорбленіе государя.

в) рядъ измѣненій въ порядкѣ производства выборовъ, конечно, съ цѣлью предоставить болѣе шансовъ кандидатамъ изъ соціалистовъ.

г) признаніе обратнаго дѣйствія за закономъ о страхованіи рабочихъ въ измѣненномъ видѣ.

д) введеніе обязательнаго 10-часового рабочаго дня, безъ устраненія однако агитаціи въ пользу 8-часового.

е) рядъ мѣръ для урегулированія работы женщинъ и дѣтей.

ж) передѣленіе сельскихъ избирательныхъ участковъ такъ, чтобы каждый заключалъ не менѣе 300 избирателей.

Въ этихъ опредѣленіяхъ, какъ видно, нѣтъ и слѣда знаменитаго обобществленія недвижимой собственности, труда и капитала, хотя про все это не мало говорилось въ произнесенныхъ на конгрессѣ рѣчахъ. Вообще, при всей горячности преній и при всѣхъ громовыхъ ругательствахъ, которыми обмѣнивались ораторы, суть высказанныхъ требованій крайне мало разнится отъ требованій крайней лѣвой Франкфуртскаго парламента 1848 года.

Если теперь спросить у себя, можно ли успокоиться на этомъ, такъ сказать, примиренномъ соціализмѣ и признать его безопаснымъ, придется отвѣтить отрицательно. Что прикосновеніе съ дѣйствительностью сдѣлало соціализмъ болѣе практичнымъ и сговорчивымъ, это понятно; что вслѣдствіе этого сгладились до нѣкоторой степени крутыя противорѣчія между нимъ и существующимъ порядкомъ, понятно тѣмъ болѣе. Но переправы облегчаютъ переходъ черезъ пропасть какъ съ той, такъ и съ другой стороны, и едва ли оздоровленіе соціализма отъ прежнихъ его бурныхъ мечтаній не послужило главнымъ поводомъ къ его численному росту. Чѣмъ менѣе страшна его программа, тѣмъ легче зачислиться въ его ряды такимъ людямъ, которые вовсе не думаютъ разставаться ни съ свободою занятій, ни съ собственнымъ очагомъ, ни съ возможностью накопить имущества. Всѣмъ такимъ людямъ соціализмъ напѣваетъ сладкую пѣсню о грядущихъ медовыхъ рѣкахъ; и если приходится въ будущемъ ожидать нѣкотораго усиленія регламентаціи жизни, если созданію крупныхъ богатствъ будетъ положенъ рѣшительный предѣлъ, цѣна за такую жертву — благополучіе для всѣхъ. Да и жертва ли это для большинства. Развѣ тяже-

лая борьба за скромный достатокъ съ перспективой возможнаго разоренія такъ ужъ привлекательна, что нельзя ей предпочесть, правда, скромную, но за то вѣрную обезпеченность, съ радостнымъ сознаніемъ вдобавокъ, что нѣтъ уже болѣе несчастныхъ, страждущихъ, голодныхъ. Мелкій землевладѣлецъ, которому не по силамъ растущіе ипотечные долги, ремесленникъ, зачастую не знающій, куда сбыть свой товаръ, и вынужденный идти на поклонъ къ богатому скупщику, торговецъ, вѣчно дрожащій передъ угрозой несостоятельности, наконецъ врачъ, адвокатъ, техникъ, даже профессоръ, если всѣ они не обладаютъ выдающимся талантомъ и будущее не представляется имъ обезпеченнымъ,—все это готовые новобранцы для соціалъ-демократіи. Они переходятъ къ ней растущими толпами. Но есть у нея новобранцы иного рода. Есть люди съ недюжиннымъ талантомъ, съ необузданной смѣлостью права и не особенно щепетильной совѣстью, которые въ соціалъ-демократіи стали видѣть карьеру. Въ существующемъ обществѣ они подвержены всѣмъ шансамъ неуспѣха, они арьергардъ, въ которомъ, чего добраго, не протискаться до первыхъ рядовъ. Въ рядахъ соціализма они прямо становятся генералами, какъ дѣлаются въ турецкой администраціи пашами проходимцы изъ христіанскихъ странъ. Въ романтическую эпоху соціализма и даже позднѣе, при Лассалѣ и Швейцерѣ, онъ иногда привлекалъ къ себѣ развинченныхъ аристократовъ, съ цыганской натурой и поколебленнымъ состояніемъ. Потомъ наступила эпоха, когда всѣ его вожди набирались въ самой рабочей средѣ изъ тѣхъ, кто отвѣдалъ немножко культуры. Но теперь уровень его снова поднялся. Отставной офицеръ фонъ-Фольмаръ, талантливый публицистъ Гейне, милліонеръ Зингеръ, ученый экономистъ Бернштейнъ нашли въ немъ путь къ извѣстности и власти. Во Франціи Мильеранъ былъ министромъ, а Жоресъ попалъ въ вице-президенты палаты и удостаивается чести бесѣдовать съ коронованными особами. Если бы всѣ эти господа оставались въ средѣ буржуазнаго общества, они занимали бы въ немъ едва замѣтныя среднія мѣста. Теперь ихъ имена знаетъ цѣлая Европа,

и это, конечно, привлекаетъ многихъ. Съ соціализмомъ считаются. Онъ, правда, согнулся немного, чтобы пройти въ узкія ворота, которыя ведутъ въ обѣтованный край. Но когда онъ туда войдетъ, даже тѣмъ изъ его вождей, которые захотѣли бы скинуть съ себя маскарадную одежду революціи, сдѣлать это будетъ нельзя. Они бы не только вызвали этимъ крики негодованія среди толпы, но тотчасъ нашлись бы иные карьеристы, которые подняли бы скинутые ими доспѣхи и стали бы увѣрять всѣхъ, что, вмѣсто измѣнниковъ интересамъ народа, за ними очередь повести его къ желанной цѣли. Вотъ гдѣ опасность. Соціализмъ не грозитъ уже взорвать общество, онъ просачивается въ него безчисленными подземными струйками, онъ подготовляетъ общественное мнѣніе къ пассивному воспріятію гнета регламентаціи. На рабочее населеніе неотразимо дѣйствуетъ растущая невозможность разыскать себѣ прочную работу, не войдя въ составъ какого-нибудь соціалистическаго синдиката. Для нихъ примкнуть къ соціалъ-демократамъ дѣло прямого расчета. Высшіе общественные слои въ то же время гипнотизируетъ сознаніе, что въ торжествѣ соціализма есть что-то роковое, неотразимое, что его требуетъ справедливость и предотвратить его нельзя. А сомнѣніе въ собственномъ правѣ, при увѣренности въ побѣдѣ противника, дѣлаетъ защиту невозможной, особенно когда все многочисленнѣе становятся перебѣжчики, тайно подстрекаемые надеждой на лакомый кусокъ.

Итакъ, если взять все общество штурмомъ, какъ взяла нѣкогда Бастилію парижская чернь, самими соціалистами теперь едва не признается неосуществимой мечтой, взять его правильной осадой, измором, такъ сказать, или даже проскользнуть въ самый гарнизонъ — далеко не такъ невозможно. Каждая новая избирательная побѣда, каждый признакъ численнаго роста увеличиваетъ притягательную силу соціализма, а, стало быть, и придаетъ ему шансы на побѣду. Страшны не дикіе возгласы разнузданной пропаганды, не революціонные крики въ палатѣ и на улицахъ, даже не прямой вооруженный бунтъ. Страшны все учащающіяся попытки людей серьезныхъ и

вполнѣ порядочныхъ отыскать почву для примиренія, заранѣе подготовить будущее зданіе, въ которомъ придется жить обновленному обществу. Соціалисты перестали волноваться, потому что надѣются мирнымъ путемъ избирательной борьбы получить большинство въ законодательныхъ собраніяхъ. Быть можетъ, это и несбыточная надежда! Но помимо такого прямого завоеванія, навстрѣчу соціалистической программѣ идетъ все распространяющаяся наклонность расширить область законодательной регламентаціи, допустить вмѣшательство государства въ такія отправленія жизни, которыя до сихъ поръ устраивались по частному соглашенію. Если, съ одной стороны, не отдѣльному только предпринимателю, но и любому товариществу грозитъ разореніе, благодаря невозможности предвидѣть колебанія рынка, а съ другой—на ряду съ обманувшимися въ расчетѣ производителями стоятъ полчища пролетаріевъ, которымъ не на что купить слишкомъ для нихъ дорогіе, хоть и черезчуръ дешевые для производителя, товары, не проще ли и не лучше подчинить все производство государственному контролю и организовать его систематически? Вѣдь справляется же государство съ почтовыми сообщеніями и съ телеграфной сѣтью, желѣзнодорожными поѣздами и съ производствомъ статистическихъ подсчетовъ, вѣдь нормируетъ оно закономъ нѣкоторыя отрасли производства, какъ сахарное дѣло и винокуреніе, и такія важныя стороны экономической жизни, какъ денежное обращеніе. Вѣдь старается оно при помощи ввозныхъ пошлинъ, желѣзнодорожныхъ тарифовъ, экспортныхъ премій и т. д. поправить нарушенное конкуренціей торговое равновѣсіе и защитить національное производство отъ иностраннаго. И не разрѣшаетъ оно, помимо своего контроля, открывать банки, строить желѣзныя дороги, содержать аптеки. Все это уже теперь подчинено регламентаціи; отчего же не распространить этотъ надзоръ, эту нормировку и на остальныя функціи экономической жизни, устранивъ для частныхъ лицъ и рискъ необдуманныхъ предпріятій и возможныя послѣдствія борьбы за существованіе, такъ часто низводящей личную свободу почти

до нуля, и возможность такого накопленія богатствъ, которое слишкомъ уже много власти отдаетъ въ руки частныхъ интересовъ. А тому, кто возразилъ бы, что со всѣмъ этимъ не справиться административному механизму, что казенные чиновники не годятся для такого дѣла, потому что они въ немъ не заинтересованы, нельзя развѣ отвѣтить, что и въ частномъ производствѣ, принимающемъ все болѣе колоссальные размѣры, не обходятся безъ арміи наемныхъ исполнителей, въ сущности мало отличающихся отъ чиновниковъ? И самый фактъ растущаго объединенія капитала, образованія синдикатовъ, обнимающихъ собою извѣстныя промышленныя отрасли на пространствѣ цѣлой страны, развѣ не является постепеннымъ приближеніемъ къ полному слiянію во едино всей промышленной организаціи? И коли удалось бы въ концѣ концовъ, путемъ передачи государству всѣхъ барышей производства, освободить подданныхъ отъ тяжести прямыхъ и косвенныхъ налоговъ, доставляя имъ въ то же время все нужное дешево, — развѣ такая перспектива не заманчива?

Все это, конечно, иллюзіи, къ которымъ приводитъ злоупотребленіе однимъ очень распространеннымъ діалектическимъ пріемомъ—аналогіей. На самомъ дѣлѣ ни по одной дорогѣ нельзя итти безконечно впередъ. Изъ того, что государство многое взяло въ свои руки, еще не слѣдуетъ, чтобы оно могло захватить ими все. Не слѣдуетъ также, чтобы дальнѣйшимъ шагомъ на пути расширенія ассоціацій было ихъ полное сліяніе. Олигархической формѣ производства на самомъ дѣлѣ отъ монархической очень далеко. Если законодательству пришлось за послѣдніе годы расширять свою область, это еще не значитъ, чтобы всю частную жизнь слѣдовало запереть на ключъ, или зашнуровать въ офиціальный корсетъ. А коли захватъ государствомъ нѣкоторыхъ промышленныхъ отраслей даетъ ему большіе доходы, попытка еще далѣе распространить эту конфискацію частной иниціативы повела бы къ обратному результату, убивъ главный жизненный нервъ экономическаго развитія — личный починъ и личную энергію. Но если и обман-

чивы перспективы, какія сулитъ эта программа, то все таки вполнѣ возможна попытка за нее приняться, и попытка эта грозитъ не только оказаться разорительной, она грозитъ еще чѣмъ-то худшимъ—полнымъ закабаленіемъ свободы производства и торговли, обращеніемъ всего общества въ огромный рабочій домъ. Въ цѣлости мечты соціалистовъ неосуществимы, но и половинное ихъ осуществленіе было бы смертью для того, что гораздо дороже всякой матеріальной выгоды,—для нравственныхъ силъ общества, для свободнаго роста личной иниціативы.

И соціалисты это поняли сами. Анархическое ихъ крыло, отдѣлившееся отъ главной партіи на конгрессѣ въ Гентѣ, образовалось въ силу того, что свободой многіе не захотѣли пожертвовать даже въ видахъ осуществленія идеала мнимаго общаго блага. Внутренняя антиномія, содержащаяся въ соціалистической идеѣ, раскололась на свои двѣ противоположныя части, и, какъ всегда оно бываетъ въ такихъ случаяхъ, оба направленія, освободившись другъ отъ друга, ударились въ крайности. Имущественное равенство логически вытекало изъ идеи свободы, одинаковой для всѣхъ, какъ единственное средство обезпечить эту свободу на самомъ дѣлѣ, не допуская экономическаго господства однихъ надъ другими. Но такое обезпеченіе возможно лишь при условіи усиленія власти общества надъ его членами, т.е. опять таки при нарушеніи той самой индивидуальной свободы, ради которой имущественное уравненіе было придумано. И вотъ, соціалисты-общественники, съ Марксомъ во главѣ, выставили своимъ основнымъ принципомъ коллективизмъ, т. е. подчиненіе всей экономической жизни общей организаціи, очень сходной съ организаціей животныхъ, ведущихъ стадный или роевой образъ жизни, какъ муравьи и пчелы. Такимъ образомъ, для обезпеченія личности, эта самая личность должна быть порабощена, не какому-нибудь отдѣльному властителю и не верхнему правящему классу, но коллективному союзу всѣхъ личностей, слитыхъ вмѣстѣ. Это явное противорѣчіе и вызвало отторженіе тѣхъ соціалистовъ, которымъ индивиду-

альная свобода была дороже всего и которые эту свободу понимали, какъ полное устраненіе не только власти, но и закона. Безграничную автономію лица они выставляли какъ противовѣсъ полновластію общества и, доводя свой принципъ до послѣднихъ выводовъ, принялись отрицать само государство, не допуская никакого принужденія для личной воли. Но тѣмъ самымъ и они впадали въ безусловное внутреннее противорѣчіе. Полное отсутствіе принудительной власти равносильно возможности для каждаго такую власть присвоить себѣ въ отношеніи къ прочимъ. Анархія неизбѣжно сводится къ деспотизму каждаго надъ всѣми, т. е. къ первобытному состоянію. А такъ какъ это несовмѣстимо съ условіями культурной жизни, неминуемымъ послѣдствіемъ такого положенія вещей должно быть образованіе союзовъ для самозащиты отъ прочихъ, а то и для обезпеченія за собою господства надъ этими прочими. Этотъ циклъ нѣкогда прошли и народы древности и средневѣковыя германскія племена, переходя отъ бродячаго быта къ родовому, отъ родового къ государственному. Одновременно обезпечить и всеобщую свободу и всеобщее признаніе чужихъ правъ возможно только при внутреннемъ перерожденіи человѣчества, т. е. при рѣшимости каждаго отдѣльнаго лица добровольно признавать свои обязанности передъ другими. А такое перерожденіе, и то частичное, достижимо только подъ воздѣйствіемъ христіанства, признающаго главной жизненной цѣлью не личное благо, не торжество личной воли, а взаимную братскую любовь, какъ осуществленіе на землѣ Божеской правды. Но христіанскаго внутренняго закона какъ разъ соціалисты всѣхъ оттѣнковъ никогда обязательнымъ признать не хотѣли. А помимо этого закона, добровольнымъ исполнителемъ котораго является самъ человѣкъ, возможенъ только законъ, навязанный извнѣ общественной властью и примѣняемый ею принудительно. Вотъ почему въ концѣ концовъ соціалисты-общественники логичнѣе анархистовъ въ своихъ выводахъ, такъ какъ они вполнѣ сознательно отрекаются отъ личной свободы, ради имущественнаго обезпеченія всѣхъ. Анархисты, напро-

тивъ, вращаются въ кругу безвыходныхъ противорѣчій. такъ какъ ихъ полная разнузданность личности можетъ только обострить борьбу за существованіе и привести къ господству сильныхъ надъ слабыми, т. е. къ одновременному отсутствію и свободы и равенства. Вотъ какъ отвлеченныя идеи, предоставленныя своему естественному логическому развитію, но оторванныя отъ твердой почвы историческаго прошлаго, неминуемо попадаютъ въ круговоротъ, приводящій ихъ въ концѣ концовъ къ самоотрицанію.

ГЛАВА VII.

Ультрамонтаны имѣютъ съ соціалистами ту общую черту, что тѣ и другіе не вмѣщаются въ рамки одного государства, словомъ, что обѣ эти партіи интернаціональныя. Первые ставятъ церковь выше родины и свою точку опоры имѣютъ въ Римѣ, вторые точно такъ же болѣе дорожатъ интересами рабочаго класса въ цѣломъ мірѣ, чѣмъ роднымъ народомъ и выгодами своей страны. Быть можетъ, со временемъ и всѣ остальныя партіи организуются международно, и для каждой изъ нихъ патріотизмъ отступитъ на второй планъ передъ цѣлями того общественнаго слоя, интересы котораго онѣ защищаютъ? Наступитъ это въ тотъ моментъ, когда военныя столкновенія, по крайней мѣрѣ въ Европѣ, станутъ немыслимыми, и главнымъ врагомъ явится уже врагъ внутренній, т. е. всякая группа людей, стремящаяся къ осуществленію программы, враждебной цѣлямъ данной партіи. Тогда каждая такая партія въ борьбѣ съ домашнимъ врагомъ будетъ вступать въ союзъ съ однородными ей группами за предѣлами отечества. Примѣръ тому, хотя и не полный, мы уже имѣли во время религіозныхъ войнъ XVI и XVII вѣка, когда нѣмецкіе протестанты

къ себѣ на помощь призывали шведовъ и датчанъ, нидерландцы—англичанъ, а католическая лига во Франціи, помимо короля, вступала въ соглашеніе съ Испаніей. Религіозный интересъ стоялъ тогда выше національнаго, что не помѣшало, однако, кардиналу Ришелье заступаться за нѣмецкихъ протестантовъ, а Генриху III, правда, съ чисто эгоистическими цѣлями, помогать возставшимъ противъ Филиппа II нидерландцамъ. И такая раздвоенность совершенно понятна. Пока существуетъ между отдѣльными странами острое соперничество, внѣшній врагъ все таки страшнѣе внутренняго. Вотъ почему помощь въ то время могли оказывать тѣ только чужія государства, съ которыми не имѣлось повода къ вооруженному столкновенію. Совершенно очевидно, что, какъ скоро этотъ поводъ исчезнетъ вовсе, вся сила ненависти каждой партіи направится противъ внутренняго врага, и между однородными группами разныхъ странъ установится полное согласіе. На этомъ пути международной организаціи ультрамонтаны и соціалисты опередили всѣ прочія партіи. Вотъ почему они самые сильные изъ всѣхъ. Но такъ какъ въ то же время партійная борьба должна происходить въ предѣлахъ даннаго государства, эти двѣ партіи, какъ бы ни были онѣ интернаціональны, все таки являются факторами мѣстной жизни и вынуждены относиться такъ или иначе къ вопросамъ, возникающимъ на мѣстной почвѣ. При этомъ получается своеобразное зрѣлище: партіи, остающіяся вѣрными государственнымъ интересамъ, а заодно съ ними и правительства каждой страны, вынуждены ради этихъ интересовъ вступать въ компромиссы съ партіями космополитическими. А такъ какъ у послѣднихъ такого соображенія не имѣется, онѣ и поставлены относительно прочихъ въ болѣе выгодныя условія.

Несмотря на все сказанное, ультрамонтаны, какъ и соціалисты, въ каждой отдѣльной странѣ имѣютъ свою особую физіономію, обусловленную народнымъ темпераментомъ и обстоятельствами, среди которыхъ имъ приходится дѣйствовать. Такъ, характеръ ихъ политики прежде всего зависитъ

отъ того, къ какому вѣроисповѣданію принадлежитъ большинство населенія. И странное дѣло, въ протестантскихъ государствахъ они оказываются болѣе вліятельными факторами политической жизни, чѣмъ въ католическихъ. Объясняется это, конечно, тѣмъ, что степень привязанности народа къ своей религіи усиливается, когда онъ имѣетъ дѣло съ иновѣрнымъ большинствомъ. Въ такомъ положеніи находятся ирландцы въ Англіи, поляки въ Россіи, католики въ Нидерландахъ, Германіи и Швейцаріи. Тамъ, наоборотъ, гдѣ приверженцы римской церкви имѣютъ дѣло лишь съ индифферентизмомъ самого населенія, какъ во Франціи или въ Италіи, борьба представляется если не менѣе острой, то значительно менѣе успѣшной. Италія, впрочемъ, находится въ совершенно исключительномъ положеніи, такъ какъ подавляющее большинство вѣрующихъ католиковъ здѣсь никакого участія въ парламентскихъ выборахъ не принимаетъ. Папа находитъ это невмѣшательство для себя и болѣе выгоднымъ и болѣе достойнымъ въ такой странѣ, гдѣ онъ былъ лишенъ своихъ территоріальныхъ владѣній и гдѣ его сторонники, если бы они приняли участіе въ политической борьбѣ, были бы поставлены передъ неудобной дилеммой—либо защищать правительство, ограбившее Святой Престолъ, либо вступить въ открытую связь съ революціонными элементами.

Борьба католической церкви, какъ всемірной организаціи, съ носителями свѣтской власти въ отдѣльныхъ государствахъ дѣло очень не новое. Этой борьбой полна вся исторія Европы съ того самаго момента, когда въ XI вѣкѣ папскій престолъ открыто заявилъ свои права на всемірное господство, не только какъ старшая каѳедра въ христіанскомъ мірѣ, но и какъ замѣститель римскихъ императоровъ. Почти всѣ средневѣковые государи стремились, наоборотъ, оставаясь вѣрными догматическому ученію церкви, придать ей, тѣмъ не менѣе, въ предѣлахъ своей страны національную организацію. И чѣмъ могущественнѣе былъ такой государь, тѣмъ настойчивѣе проводилъ онъ эту политику. Не догматическіе вопросы состав-

ляли предметъ спора, а то, что въ глазахъ Рима было, пожалуй, важнѣе самого догмата—подчиненіе мѣстнаго духовенства всемірной власти главы католицизма. Понятно, какъ важно было для французскихъ и нѣмецкихъ королей, въ борьбѣ съ непокорными элементами внутри страны, пользоваться такимъ могучимъ орудіемъ, какъ церковь. А для этого надо было прежде всего держать въ своихъ рукахъ церковную іерархію, ставя ее въ зависимость отъ короля, а не отъ папы. Острый конфликтъ между римскимъ престоломъ и германскими государями, продолжавшійся ровно два вѣка, вплоть до паденія Гогенштауфеновъ, и конфликтъ болѣе скрытый съ французскими королями, часто прерываемый полосами мирнаго согласія, въ сущности были ничѣмъ инымъ, какъ результатомъ отрицанія свѣтской властью всемірнаго владычества папъ. И могли они повести къ схизмѣ, очень похожей на ту, которая отдѣлила восточную церковь отъ римской. Между отношеніемъ византійскихъ патріарховъ къ Риму, послѣ Михаила Керуларія, и обособленностью галликанской церкви очень много общаго. И если постоянно возникавшіе споры между Франціей и Римомъ не привели къ открытому разрыву, то произошло это единственно благодаря тому, что папы слишкомъ дорожили мирными отношеніями съ этой страной и въ то же время не чувствовали себя въ силахъ ей прямо навязать свои требованія, какъ это имъ удалось съ Германіей, гдѣ среди духовенства національное чувство было менѣе сильно. Не встрѣчалъ себѣ римскій престолъ сопротивленія въ двухъ только странахъ —въ Англіи, слишкомъ далекой отъ него, чтобы онъ могъ оказывать на нее непосредственное воздѣйствіе, причемъ англійскіе короли съ своей стороны постоянно поддерживали папъ въ ихъ спорахъ съ другими, лишь бы они оставляли ихъ въ покоѣ, и въ Италіи, гдѣ за всѣ средніе вѣка не успѣло образоваться объединеннаго государства, а мелкіе властители, болѣе или менѣе законные, всегда нуждались въ союзѣ съ римскимъ престоломъ. Впрочемъ, и въ Италіи, если папская власть находила себѣ опору у мелкихъ средневѣко-

выхъ властителей, самый Римъ, въ лицѣ и мѣстныхъ феодаловъ и простого народа, болѣе тѣмъ строптиво относился къ притязаніямъ папъ на свѣтское могущество. Случалось, что самые великіе изъ нихъ, какъ Александръ III и Иннокентій III, передъ которыми дрожали чужіе государи, вынуждены были покидать родной городъ и цѣлый рядъ лѣтъ проводить въ изгнаніи. А между тѣмъ какъ разъ контрастъ матеріальнаго безсилія папы передъ буйствомъ римскихъ патриціевъ и римской черни, съ его всемірнымъ духовнымъ могуществомъ, и показываетъ всего болѣе наглядно все величіе его роли, всю твердость его принципа среди безпорядочныхъ и безцѣльныхъ волненій средневѣковаго общества.

Странное дѣло, реформація, сперва отнявшая у Рима болѣе половины его паствы, оказала единству католицизма въ концѣ концовъ великую услугу. Она подняла среди вѣрующихъ католиковъ упавшую было ревность къ церкви и вызвала въ ней самой импульсъ къ прозелитизму. Благодаря этому, значительная часть новообращенныхъ протестантовъ и колеблющихся католиковъ во второй половинѣ XVI вѣка была отвоевана обратно. Но главная побѣда католицизма была побѣда его надъ собой, внутреннее перерожденіе, которому онъ подвергся послѣ Тридентскаго собора, гдѣ впервые епископатъ явился не оппонентомъ центральной власти Рима, а, напротивъ, дружнымъ союзникомъ защитниковъ объединенія церкви. Глухая борьба между стремленіемъ высшаго духовенства къ автономіи и притязаніями Рима на самодержавіе съ тѣхъ поръ не возобновлялась. Передъ лицомъ раскола, отнявшаго у католицизма большую часть Германіи, скандинавскія государства и Великобританію, епископатъ понялъ опасность разъединенія и выгоду, какую принесетъ церкви сплоченная организація. Но страннѣе всего, можетъ быть, установившіяся съ XVII вѣка мирныя отношенія между папскимъ престоломъ и протестантскими государями.

Какъ иновѣрные властители, они уже не могли имѣть съ нимъ прямыхъ, принципіальныхъ столкновеній: а такъ какъ у

большинства изъ нихъ оставались подданные католики, они нуждались въ добромъ согласіи съ Римомъ, чтобы оттуда этихъ подданныхъ противъ нихъ не возстановляли. Бранденбургскіе курфюрсты, а впослѣдствіи прусскіе короли, съ одной стороны, англійское правительство, съ другой, не имѣли съ папой никакихъ столкновеній. Напротивъ, католическіе монархи, какъ Іосифъ II, какъ Людовикъ XIV, даже такіе горячіе защитники католицизма, какъ Карлъ V и его сынъ Филиппъ II, имѣли съ папами постоянныя несогласія, а послѣдніе два даже открыто съ ними воевали. Свѣтскій абсолютизмъ не могъ мириться съ духовнымъ, признававшимъ за собою право на болѣе высокую власть, такъ какъ она распространялась на всѣ царства земли.

Понятно, какъ должно было обостриться противорѣчіе между духовной и свѣтской властью съ того момента, когда послѣдняя почти вездѣ въ Европѣ провозгласила принципъ религіознаго безразличія государства, становясь тѣмъ самымъ внѣ прямого общенія съ церковью. Почва борьбы, такимъ образомъ, замѣтно передвинулась. Прежде спорнымъ вопросомъ была степень автономіи національныхъ церквей внѣ предѣловъ этого государства. Но самая основа церковной жизни—исповѣдываніе вѣры—была одна и та же и у свѣтскихъ и духовныхъ властителей. Съ той поры, какъ французское Учредительное Собраніе признало духовенство подчиненнымъ государству, вполнѣ игнорируя его связь съ Римомъ, а, стало быть, и самое единство католицизма, папы имѣли уже передъ собой, въ лицѣ представителей свѣтской власти, не соперниковъ только, а принципіальныхъ враговъ, признававшихъ свѣтское общество не только не католическимъ, но даже не христіанскимъ. Это было гораздо хуже отторженія отъ церкви протестантскихъ правителей. Нельзя было въ самомъ дѣлѣ допустить, съ точки зрѣнія папъ, чтобы гражданское устройство народовъ, продолжающихъ быть католическими, оставалось внѣ всякаго воздѣйствія на него церкви. Когда протестантскіе государи секуляризировали церковныя имущества,

они дѣлали это какъ представители чужого, некатолическаго вѣроисповѣданія. Но какъ скоро такая секуляризація производилась въ католическихъ странахъ, когда законодательство въ этихъ странахъ совершенно игнорировало каноническое право, признавая, напримѣръ, обязательнымъ бракъ только гражданскій, и тамошнія правительства силились препятствовать вліянію церкви на школы, дѣло шло уже не только объ отношеніи свѣтской власти къ духовной, а уже о полномъ разрывѣ между гражданскимъ обществомъ и церковью. И опытъ показалъ, что въ случаѣ такого разрыва церковь не пріобрѣтала полной свободы дѣйствій, хотя бы на равныхъ правахъ съ любой мѣстной ассоціаціей. Церковь оставалась слишкомъ могущественной, ея вліяніе на умы, даже при господствѣ безвѣрія,—слишкомъ великимъ, чтобы государство, отрѣшившись отъ связи съ нею, могло отвести ей полную свободу дѣйствій. Соглашенія, въ которыя она вступала съ различными государствами, напримѣръ, съ Франціей въ 1801 г., съ Австріей въ 1855 г., всегда оставляли за государственной властью право недовѣрчиваго контроля надъ духовенствомъ и его боевымъ авангардомъ—духовными конгрегаціями. Полное отдѣленіе церкви отъ государства, на основаніи равноправности для обоихъ, такъ называемое «Chiesa libera in stato libero», въ сущности никогда не принималось вполнѣ искренно тѣми либералами, которые эту формулу провозглашали. Вотъ почему за весь XIX вѣкъ католицизмъ борется съ обновленнымъ гражданскимъ обществомъ, помощью его собственныхъ орудій—свободы слова и ассоціацій. Въ каждой странѣ, гдѣ у него нѣтъ либо полнаго господства, какъ въ Испаніи, либо полной безконтрольной автономіи, какъ въ Соед. Штатахъ и въ Англіи, послѣ реформы 1829 года, онъ организуется, какъ самостоятельная партія, стоящая въ оппозиціи къ существующему порядку. Борьба съ обществомъ, вышедшимъ изъ революціи, обычными пріемами либераловъ, впервые была принята католиками во Франціи при Людовикѣ - Филиппѣ и въ Бельгіи, когда послѣ утвержденія независимости либералы

получили въ этой странѣ перевѣсъ. Въ послѣдней странѣ католицизмъ былъ особенно силенъ, такъ какъ различіе вѣроученія было однимъ изъ главныхъ стимуловъ къ отторженію Бельгіи отъ Голландіи. Онъ отожествлялся здѣсь съ національнымъ чувствомъ. Видѣть не только правительственную власть въ рукахъ своего врага—свободомыслящей буржуазіи, но и бояться, какъ бы этотъ врагъ не вырвалъ изъ его рукъ воспитаніе юношества — это возбуждало у католиковъ Бельгіи энтузіазмъ и энергію, какой до того не проявляли ни въ одной странѣ. Борьба за свободу конгрегацій и за свободу преподаванія, въ сущности, за нравственное господство надъ обществомъ, сдѣлалась главнымъ содержаніемъ политической жизни Бельгіи, и всѣ охранительные элементы сплотились здѣсь вокругъ этого знамени, хорошо сознавая, что духовное господство приведетъ мало по малу и къ матеріальному. Такъ оно и случилось съ начала 80-хъ годовъ.

Если въ Бельгіи главной активной силой при революціи 30-го года былъ католицизмъ, то во Франціи, наоборотъ, едва ли не главнымъ двигателемъ революціи того же года была ненависть къ этому самому католицизму. Личный составъ управленія при Карлѣ X былъ до того подъ вліяніемъ духовенства, что отъ послѣдняго зависѣло ускорить или остановить карьеру любого кандидата въ политическіе дѣятели. Опираясь на буржуазію, т. е. на классъ по преимуществу вольнодумный, Людовикъ-Филиппъ былъ въ глазахъ вѣрующихъ католиковъ почти враждебной силой, и въ своей борьбѣ съ общественнымъ безвѣріемъ они впервые прибѣгли къ стариннымъ пріемамъ всѣхъ оппозицій въ мірѣ — къ образованію ассоціацій и къ печатному слову. Римъ смотрѣлъ на это движеніе, во главѣ котораго стояли очень вѣрующіе, но и очень пылкіе люди, съ революціоннымъ темпераментомъ,—графъ Монталамберъ, доминиканецъ Лакордэръ и аббатъ Ламменэ, — съ нѣкоторой недовѣрчивостью, предчувствуя, что либеральные пріемы новой католической партіи заведутъ ее, чего добраго, и въ либерализмъ по принципу, особенно опасный въ рядахъ строго дисциплини-

рованнаго католическаго духовенства. Такъ оно и случилось съ однимъ изъ вождей движенія, съ аббатомъ Ламменэ, горячій темпераментъ котораго увлекъ его постепенно отъ крайняго ультрамонтанства почти до полнаго невѣрія. Позднѣе, однако, даже папа Пій IX, не говоря уже о его преемникѣ Львѣ XIII, отнесся довѣрчивѣе къ агитаторскому католицизму, когда газетной полемикой въ пользу церковныхъ интересовъ стало руководить страстное перо Луи Вельо, а во главѣ обновленнаго прозелитизма оказались два такихъ правовѣрныхъ богослова, какъ монсиньоръ Дюпанлу и аббатъ Гратри. Какъ бы то ни было, и правительству Людовика-Филиппа, и республикѣ 48-го года, и второй имперіи пришлось дѣлать католическому движенію существенныя уступки. Консервативно-буржуазнымъ элементамъ, консервативнымъ въ смыслѣ поддержанія матеріальнаго порядка, неудобно было имѣть противъ себя такую силу, какъ церковь. И чѣмъ грознѣе подымалась волна рабочаго движенія, тѣмъ охотнѣе дѣлались эти уступки. Въ 1834 году Гизо, бывшій тогда министромъ народнаго просвѣщенія въ кабинетѣ маршала Сульта, провелъ законъ о свободѣ преподаванія въ низшихъ школахъ, а Тьеръ въ 1850 г. помогъ тогдашнему представителю католической партіи въ министерствѣ Одилону Барро, графу де-Фаллу, осуществить законъ о свободѣ средней школы. Эта свобода была ничѣмъ инымъ, какъ предоставленіемъ духовенству права безконтрольнаго преподаванія на двухъ низшихъ ступеняхъ школы. Впослѣдствіи, уже при третьей республикѣ, такая же свобода была предоставлена и для высшихъ школъ.

Новый толчекъ къ сплоченію вѣрующихъ католиковъ въ самостоятельную политическую организацію былъ данъ присоединеніемъ Рима къ Итальянскому королевству въ 1870 году. Обезземеленіе папы было въ сущности освобожденіемъ его отъ необходимости считаться съ европейскими правительствами, изъ числа которыхъ онъ былъ вычеркнутъ; и въ то же время міровое событіе 14-го сентября 1870 года поставило его въ болѣе тѣсную связь съ народами Европы, такъ какъ онъ дол-

женъ былъ теперь всего болѣе дорожить уже не дипломатическими сношеніями съ государствами, а поддержкой католическаго населенія. Вмѣсто прямого воздѣйствія на правительства ему открывался теперь иной путь—путь косвеннаго вліянія на политику посредствомъ участія вѣрующихъ католиковъ, какъ самостоятельной партіи, во внутренней политической борьбѣ. Своимъ духовнымъ могуществомъ онъ долженъ былъ дорожить тѣмъ сильнѣе, что свѣтское перестало существовать и носители свѣтской власти все болѣе подпадали воздѣйствію на нихъ либеральнаго, антирелигіознаго повѣтрія. Итальянское правительство, ограбившее церковную область, являлось для папскаго престола явнымъ врагомъ; французское, за первыя 5 лѣтъ существованія третьей республики, правда, не только не было враждебно Риму, а совсѣмъ даже напротивъ: никогда еще, даже при Карлѣ X, во Франціи такъ не размножались и не усиливались конгрегаціи. Римъ, однако, и тогда предвидѣлъ, что рано или поздно власть перейдетъ въ руки настоящихъ республиканцевъ, а во Франціи республиканизмъ и безвѣріе почти синонимы. Даже въ Австро-Венгріи, съ момента образованія либеральныхъ министерствъ въ Вѣнѣ и въ Будапештѣ, Римъ очутился, если не въ прямо натянутыхъ, то по крайней мѣрѣ въ несовсѣмъ дружественныхъ отношеніяхъ съ правительствомъ, которое въ угоду либеральному большинству въ палатахъ должно было ввести цѣлый рядъ законовъ, крайне непріятныхъ для папы, — какъ узаконеніе гражданскаго брака, передачу метрики въ свѣтскія руки, отмѣну всѣхъ ограниченій, прежде существовавшихъ для евреевъ и для лицъ, не причислявшихъ себя ни къ какому вѣроисповѣданію (Confessionslose), т. е.. говоря попросту, для атеистовъ. Все это предвѣщало близкую борьбу за вліяніе духовенства на школы и за свободу конгрегацій. И борьба, начавшаяся въ Италіи уже съ 60-хъ годовъ, закономъ о секуляризаціи монастырей, начала быстро распространяться по всей Европѣ. Въ Швейцаріи должны были покинуть свои каѳедры епископы Женевы и Базеля, и въ нѣкоторыхъ кантонахъ были закрыты монастыри, а затѣмъ

состоялся законъ объ изгнаніи іезуитовъ. Въ Австріи была отмѣнена духовная цензура, установленная конкордатомъ 1855 года, и преподаваніе въ народныхъ школахъ подчинено контролю министерства народнаго просвѣщенія. Во Франціи въ 1880 году, при министерствѣ Жюля Ферри, былъ внесенъ въ палаты законъ объ изгнаніи неразрѣшенныхъ конгрегацій. А когда 7-й параграфъ этого закона, касавшійся ордена іезуитовъ, былъ отвергнутъ сенатомъ, правительство административнымъ порядкомъ упразднило дома этого ордена. Даже въ Испаніи, несмотря на реставрацію Бурбоновъ въ 1875 году, продолжалось и росло начавшееся при республикѣ антикатолическое движеніе. Изъ всего католическаго міра въ одной только Бельгіи, гдѣ съ 1884 года консерваторы католики стали у власти, церковь могла признавать за собою осязательный успѣхъ. Правда, въ утѣшеніе себѣ папа могъ съ радостью глядѣть на возрастаніе католицизма въ двухъ протестантскихъ странахъ—въ Соед. Штатахъ и въ Англіи, и примѣръ этотъ рѣшительно содѣйствовалъ развитію наклонности святого престола прибѣгать для цѣлей своей политики къ открытой агитаціи въ прессѣ и въ публичныхъ собраніяхъ. Но какъ разъ это проявленіе католицизма въ новой для него роли политической партіи вызвало рѣзкую борьбу папства со свѣтской властью въ той странѣ, гдѣ до тѣхъ поръ такой борьбы не было вовсе—въ Германіи. Католическія провинціи Пруссіи—Вестфалія, Прирейнская область, Верхняя Силезія и Познань—посылали прежде въ палату большей частью либо поляковъ автономистовъ, либо демократическихъ либераловъ изъ такъ называемой партіи прогресса (Fortschrittspartei), т. е. какъ разъ изъ партіи, наиболѣе враждебной церковнымъ интересамъ. Небольшая кучка католиковъ въ тѣсномъ смыслѣ, съ г. Рейхеншпергеромъ во главѣ, всегда оказывалась готовой дружить съ правительствомъ. Все это рѣзко измѣнилось съ образованіемъ имперіи. Въ новомъ общегерманскомъ рейхстагѣ число католиковъ замѣтно возросло, вслѣдствіе появленія въ немъ представителей южной Германіи. А когда правительство отказалось поддержать требованіе ка-

толиковъ, чтобы новая имперія выступила въ защиту лишеннаго своихъ владѣній папскаго престола, они тотчасъ сплотились въ самостоятельную группу, открыто объявившую, что ко всѣмъ политическимъ вопросамъ, и внутреннимъ и внѣшнимъ, ея члены будутъ относиться съ чисто конфессіональной точки зрѣнія. Партія, одинаково равнодушная и къ либеральнымъ и консервативнымъ принципамъ, и къ оппозиціи, словомъ, партія, стоявшая внѣ рамокъ національныхъ интересовъ,—это было въ политической жизни Германіи совершенной новостью. И новость эта не могла не оказаться крайне непріятной для правительства. Избиратели, пошедшіе подъ знамена католическаго центра, представляли собою элементъ по преимуществу консервативный, и сплоченіе ихъ въ особую группу, исключительно занятую религіозными интересами, значительно должно было ослабить численный составъ консервативной партіи. Успѣхъ католическаго движенія и враждебный тонъ, принятый имъ съ самаго начала по отношенію къ правительству, обусловились тѣмъ, что движеніе это почти совпадало съ сепаратизмомъ, на первыхъ порахъ сильно проявившимся въ тѣхъ частяхъ Германіи, которыя были присоединены къ Пруссіи въ 1866 году, и въ тѣхъ, которыя до 1871 года оставались совершенно самостоятельными. Неудивительно, что сепаратизмъ пришелся очень на руку полякамъ въ восточныхъ провинціяхъ, населенію Эльзасъ-Лотарингіи, насильственно оторванному у Франціи, и даже западнымъ католическимъ областямъ Пруссіи, гдѣ національное чувство всегда было гораздо слабѣе, чѣмъ въ восточной ея части. Спеціальный антипрусскій характеръ католическаго центра ставилъ его въ противорѣчіе къ консерваторамъ, а клерикальныя стремленія —къ либераламъ. Сокрушить его, благодаря этому, кн. Бисмарку показалось нетруднымъ. Но положеніе правительства сильно усложнялось тѣмъ, что образованіе большинства изъ всѣхъ некатолическихъ группъ въ рейхстагѣ было затруднено взаимными распрями консерваторовъ и либераловъ, и самъ имперскій канцлеръ, благодаря цѣлому ряду личныхъ столкновеній съ представителями при-

дворной знати, очутился съ консерваторами не въ ладахъ. Самое образованіе имперіи, какъ ни лестно оно было для патріотизма пруссаковъ, возбуждало нѣкоторыя опасенія среди пруссаковъ стараго закала, боявшихся, какъ бы ихъ родное королевство съ своей военно-дворянской складкой не потонуло въ объединенной Германіи. И за всѣ 70-е года, вплоть до выборовъ 1878 года, такъ называемые старые консерваторы (Altconservative) оставались въ сущности такими же врагами единства, какъ ганноверцы, саксонцы и баварцы. Всегда быстрый въ своихъ рѣшеніяхъ, кн. Бисмаркъ, сообразившій, что либералы и въ странѣ и въ рейхстагѣ гораздо многочисленнѣе консерваторовъ, въ теченіе семи лѣтъ держался союза съ прежними своими заклятыми врагами, теперь ставшими его горячими поклонниками, во имя совершеннаго имъ великаго дѣла объединенія. Первые выборы въ рейхстагъ дали численный перевѣсъ либераламъ, причемъ внутри партіи произошло замѣтное перемѣщеніе направо, въ смыслѣ поддержанія правительства, не только въ международныхъ, но и во внутреннихъ вопросахъ. Изъ общаго состава либераловъ, къ лѣвому ихъ крылу — прогрессистамъ, выбраннымъ, главнымъ образомъ, въ большихъ городахъ, принадлежало всего 44. Остальные изъ себя образовали такъ называемую національ-либеральную партію, въ сущности буржуазно-консервативную, правое крыло которой, такъ называемая «профессорская группа», съ гг. Гнейстомъ, Зибелемъ и Трейчке во главѣ, ничѣмъ осязательнымъ не отличалось отъ умѣренныхъ консерваторовъ (Freiconservative oder Reichspartei). Помощью національ-либераловъ Бисмаркъ и повелъ энергично культурную борьбу противъ католиковъ, удовлетворяя въ то же время либеральныя вожделѣнія фритредерской торговой политикой и проведеніемъ черезъ рейхстагъ двухъ такихъ мѣръ, какъ новый законъ о мѣстномъ самоуправленіи (Kreisordnung) и законъ о свободѣ переселенія (Freizügigkeit). Военныя дѣйствія начались упраздненіемъ особаго католическаго департамента въ министерствѣ исповѣданій, служившаго до того времени чѣмъ-то въ родѣ католическаго подворья въ импер-

скомъ правительствѣ. Затѣмъ послѣдовалъ рядъ законодательныхъ мѣръ, заключившихся пятью такъ называемыми майскими законами 1873 года, мѣръ, составляющихъ прямое вторженіе государственой власти въ область внутренней церковной жизни католиковъ. Князь Бисмаркъ не ограничился усиленіемъ контроля надъ преподавательской дѣятельностью духовенства, закрытіемъ монастырей, даже изгнаніемъ корпорацій, въ томъ числѣ іезуитовъ, т. е. обычнымъ цикломъ репрессивной политики, какъ она практиковалась въ другихъ государствахъ. Онъ обострилъ эти мѣры рядомъ другихъ, подчинявшихъ взаимныя отношенія членовъ католической іерархіи и самое отправленіе культа вмѣшательству администраціи и уголовнаго закона. Священникамъ, которые въ своихъ проповѣдяхъ или въ школьномъ преподаваніи позволили бы себѣ неодобреніе враждебныхъ церкви дѣйствій правительства, грозило не только удаленіе отъ должности, но и тюрьма. Денежные штрафы и воспрещеніе отправлять требы установлялись и на тотъ случай, если бы одинъ изъ нихъ отказался дать отпущеніе и причастить кого-либо изъ паствы за отступленіе отъ церковныхъ правилъ, разрѣшенное свѣтскимъ законодательствомъ, какъ, напримѣръ, вступленіе въ гражданскій бракъ. Наконецъ, и самые епископы не только удалялись отъ должности, но подвергались и заключенію, если они разрѣшали исполнять требы священникамъ, удаленнымъ отъ должности, или назначали кого-либо въ настоятели прихода, безъ согласія правительственной власти. Такимъ образомъ весь внутренній распорядокъ католической церкви, всегда гордившейся своей независимостью отъ государства, подвергся надзору и регламентаціи со стороны правительства, иновѣрнаго не только потому, что во главѣ его стоялъ протестантскій государь, но и потому еще, что оно проявляло явную враждебность къ католицизму. Кн. Бисмарка не останавливало и то, что онъ ставилъ въ крайне затруднительное положеніе одно изъ союзныхъ правительствъ—баварское, очень нехотя примѣнявшее у себя дома эти драконовскія мѣры и даже такимъ неполнымъ слѣдо-

ваніемъ политикѣ Пруссіи вызвавшее у себя доже взрывъ негодующей оппозиціи. И послѣдствія черезъ чуръ напряженной системы не заставили себя ждать: уже на слѣдующихъ выборахъ въ рейхстагъ, число депутатовъ центра поднялось съ 57 до 94, —число, около котораго оно держится и до сихъ поръ— и въ то же время въ прусскомъ ландтагѣ они завоевали себѣ 92 мѣста. Кн. Бисмаркъ не переставалъ получать самыя недвусмысленныя доказательства крайней непопулярности принятой имъ системы, даже въ протестантскихъ областяхъ. Подъ конецъ 70-хъ годовъ стала все яснѣе обнаруживаться наклонность къ сближенію между клерикалами и консерваторами, а между тѣмъ союзъ съ либералами тоже не обходился безъ неудобствъ. Для поддержанія большинства надо было въ этотъ союзъ включить и прогрессистовъ, среди которыхъ, со второй половины 70-хъ годовъ, опять сталъ обнаруживаться неуживчивый оппозиціонный духъ. А между тѣмъ промышленный кризисъ, охватившій всю Германію, особенно западную ея половину, съ 1874 года, и удрученное положеніе ея сельскаго хозяйства, вслѣдствіе удешевленія зерна, съ одной стороны, вздорожанія рабочихъ рукъ—съ другой, побудили кн. Бисмарка въ 1878 году круто повернуть свою политику — отъ фритредерства снова перейти къ протекціонизму, съ сильнымъ подъемомъ ввозныхъ пошлинъ на каменный уголь, на желѣзо и издѣлія изъ него, наконецъ, на зерновой хлѣбъ, и стремиться къ образованію большинства изъ умѣренныхъ партій —націоналъ-либераловъ и свободныхъ консерваторовъ. Удалось это не вполнѣ. Разрывъ между націоналъ-либералами и прогрессистами былъ, правда, вызванъ, но часть первыхъ, съ гг. Рикксртомъ и Бамбергеромъ во главѣ, откололась, присоединившись къ лѣвому крылу, и въ виду этого пришлось, для полученія большинства, включить въ него и старыхъ консерваторовъ, причемъ и это большинство оказывалось шаткимъ, и правительству не всѣ свои предложенія удавалось благополучно провести. Но объ этомъ будетъ сказано ниже. Понятно, какъ отсутствіе твердаго большинства въ рейхстагѣ оказалось на руку

центру. Всѣ помнятъ, съ какой ловкостью его тогдашній вождь, г. ф. Виндгорстъ, а послѣ смерти его г. ф. Шорлемеръ вступали въ рядъ соглашеній съ правительствомъ, отдавая ему свои голоса за соотвѣтствующія уступки, и какъ они выторговывали этимъ путемъ одну за другой отмѣны всѣхъ направленныхъ противъ нихъ законовъ, за исключеніемъ одного изгнанія іезуитовъ. Такими частными торгами, то поддерживая правительство, то воюя съ нимъ, клерикаламъ удалось принудить великаго канцлера къ медленному, но систематическому отступленію. Игра г. фонъ Виндгорста была основана на слѣдующемъ расчетѣ: готовность клерикаловъ въ каждый данный моментъ поддерживать своими голосами оппозицію, состоявшую изъ всѣхъ оттѣнковъ сепаратистовъ—поляковъ, вельфовъ, эльзасцевъ, изъ лѣваго крыла либераловъ, перекрестившихъ себя изъ прогрессистовъ въ свободомыслящіе, и, наконецъ, изъ маленькаго, но все растущаго кружка соціалъ-демократовъ, такая готовность придавала этой оппозиціи, при всей ея разношерстности, все большую рѣшимость противодѣйствовать правительству и все сильнѣе затрудняла утвержденіе рейхстагомъ военныхъ мѣръ, какія въ 70-хъ годахъ имперскій канцлеръ считалъ безусловно необходимыми для безопасности Германіи. И къ припертому къ стѣнѣ правительству клерикалы обращались тогда съ такой рѣчью. Вы видите, къ чему привела борьба съ католицизмомъ, никогда не угрожавшимъ власти никакими революціонными стремленіями. Этой несомнѣнно консервативной силѣ вы предпочли союзъ съ антирелигіозными демократами лѣвой стороны и вы поставили себя въ невозможность управлять страною, громадное большинство которой было бы на вашей сторонѣ, если бы перестали оскорблять религіозныя чувства католиковъ. Князь Бисмаркъ уступалъ свою позицію медленно, но всѣ насмѣшливые клики на тему, что онъ спасовалъ передъ «черной ратью», его не остановили. Онъ пробовалъ ей противоставить большинство изъ націоналъ-либераловъ и консерваторовъ, но всякій разъ, что этого большинства оказывалось недостаточно, онъ шелъ на компромиссъ. Послѣдніе годы его управленія были годами тя-

желой внутренней борьбы. Онъ видѣлъ передъ собою сплоченную силу изъ самыхъ несовмѣстимыхъ элементовъ, согласныхъ между собою только на почвѣ отрицанія. Это, конечно, раздражало его. Какъ человѣкъ принципа, у котораго подъ внѣшними смѣнами пріемовъ твердо держалась непоколебимая программа, онъ приходилъ въ ярость отъ направленнаго противъ него союза людей, на самомъ дѣлѣ расходившихся между собою гораздо болѣе, чѣмъ съ нимъ и съ его политикой расходились католики. Но, какъ практическій государственный человѣкъ, онъ понялъ, что, продолжая борьбу съ этой неестественной коалиціей, онъ можетъ ослабить сплоченность германскаго единства и въ школѣ упорной оппозиціи въ самомъ дѣлѣ воспитать у нѣмецкихъ католиковъ сепаратическія, даже революціонныя наклонности. И послѣднимъ его политическимъ актомъ, актомъ, изъ за котораго онъ долженъ былъ подать въ отставку, совершивъ его безъ разрѣшенія императора, была попытка окончательно сговориться съ католиками. Но время для примиренія еще не наступило. Цѣлыхъ 8 лѣтъ длились еще враждебныя дѣйствія вперемежку съ полосами добраго согласія, и, лишь подъ воздѣйствіемъ грознаго призрака соціализма, союзъ былъ, наконецъ, заключенъ послѣ выборовъ 1897 года, на почвѣ защиты аграрныхъ интересовъ противъ растущаго вліянія промышленныхъ. Объ этомъ будетъ сказано ниже.

Далеко не такъ удачно завершилась борьба католицизма съ свѣтской властью во Франціи. Но такъ какъ эта борьба составляетъ главное содержаніе политической жизни Франціи за послѣднія 20 лѣтъ, ея ходъ можетъ быть изложенъ только въ связи съ общей картиной развитія политическихъ партій при третьей республикѣ, что и составитъ предметъ слѣдующей главы.

ГЛАВА VIII.

Третья республика и продолжительнымъ существованіемъ своимъ и самымъ возникновеніемъ обязана не взрыву народнаго чувства и не преданности населенія этой государственной формѣ. Она возникла и живетъ до сихъ поръ вслѣдствіе политическаго банкротства всѣхъ своихъ конкурентовъ. Одна изъ трехъ династій, управлявшихъ Франціей въ XIX вѣкѣ, потерпѣла унизительное пораженіе; другая не имѣла прямыхъ наслѣдниковъ, и послѣдній ея представитель не захотѣлъ ради кратковременнаго удовлетворенія династическаго чувства поступиться хотя бы самой мелкой изъ своихъ историческихъ прерогативъ. Во главѣ третьей, наконецъ, стоялъ человѣкъ необыкновенно достойный, но совершенно не удовлетворявшій тщеславному представленію французовъ о томъ, чѣмъ долженъ быть король. Тьеръ прекрасно выразилъ эти отрицательныя преимущества республики. «La république» — сказалъ онъ: — «est le gouvernement qui nous divise le moins», и, какъ осуществленіе этой формулы, республика въ теченіе первыхъ 6 лѣтъ управлялась не республиканцами: люди, которые не могли или не хотѣли согласиться на опредѣленной формѣ монархіи, находили возможнымъ вступать между собой въ компромиссы насчетъ сохраненія политическаго устройства, имъ всѣмъ одинаково несимпатичнаго. Республика, такимъ образомъ, явилась на свѣтъ лишь какъ отрицаніе всѣхъ прочихъ, неосуществимыхъ въ данную минуту, формъ правленія. Самое ея основаніе было попыткой подчинить демократическій строй руководству такъ называемыхъ правящихъ классовъ. И попытка эта могла бы дать прочные результаты, общественная іерархія могла бы сохраниться и при республикѣ, если бы этому не помѣшали два обстоятельства—постоянныя стремленія каждой изъ трехъ монархическихъ партій воспользоваться перемиріемъ, чтобы провести своего кандидата на престолъ, и вторичный разливъ антикатолическаго чувства, вызваннаго господствующимъ поло-

женіемъ, какое заняло духовенство въ странѣ въ качествѣ вѣрнаго союзника монархизма. Какъ это ни странно на первый взглядъ, но большинство французовъ сдѣлалось ревностными республиканцами изъ ненависти къ церкви. И когда папа Левъ XIII подъ конецъ 80-хъ годовъ попробовалъ добиться примиренія церкви съ республикой, запретивъ вѣрнымъ католикамъ поддерживать монархическій строй, это не привело ни къ чему: ни республиканцы, ни само правительство своего подозрительнаго отношенія къ духовенству не измѣнили, а монархическая партія, лишенная главной своей поддержки, окончательно утратила свое значеніе.

Выборы 1871 года дали Франціи, какъ уже сказано выше, самую блестящую палату, когда-либо собиравшуюся въ ея столицѣ. Это была армія, почти исключительно состоявшая изъ вождей, — генеральный смотръ всей исторіи Франціи за XIX вѣкъ, всеобщая жатва знаменитостей, уцѣлѣвшихъ отъ іюльской монархіи, отъ республики 48-го года и отъ второй имперіи. Предоставленные самимъ себѣ, безъ правительственнаго давленія, выборы по спискамъ въ 1871 году, какъ въ 1849 и позднѣе въ 1885, послали въ законодательное собраніе настоящія сливки націи, все что въ ней пользовалось извѣстностью. Республиканская лѣвая, помимо своего главнаго молодого оратора Гамбетты, могла похвастаться такими именами, какъ Жюль Фавръ, Эрнестъ Пикаръ Жюль Симонъ, де-Прессансэ, Лабулэ, Шальмель-Лакуръ и т. д. Въ лѣвомъ центрѣ группировались вожди оппозиціоннаго орлеанизма временъ министерства Гизо, гг. Леонъ Сэ, де-Токвиль, Матье Бодэ, Леонъ де-Мальвиль, и т. д. Строго династическій консервативный орлеанизмъ —самая многочисленная группа въ палатѣ —насчитывалъ такихъ извѣстныхъ ораторовъ, какъ Бюффе, герцогъ де-Брольи, Сенъ Маркъ Жирарденъ, и т. д. Роялисты правой и крайней правой имѣли, во-первыхъ, такихъ первоклассныхъ ораторовъ, какъ гг. де-Ларси, Эрнулль, Бараньонъ, де Мо, и людей съ такой рыцарской непреклонностью въ убѣжденіяхъ, какъ гг. де-Ларэнти, Карронъ Латуръ, Казеноръ де-

Прадинъ и т. д. Наконецъ, и бонапартисты, совсѣмъ было сначала покинутые избирателями, понемногу тоже просочились въ палату, давъ ей такихъ выдающихся депутатовъ, какъ Руэръ, Лепелетье-Делонэ, Поль де-Касаньякъ, Жанвье де-ла-Моттъ. Словомъ, ораторскаго таланта, блеска именъ, еще обновленнаго воспоминаніями недавней войны, на которой люди всѣхъ направленій сражались рядомъ, — громкихъ воспоминаній прошлаго было сколько угодно. Не было одного только — партійной дисциплины и умѣнья подчинять главной цѣли второстепенныя. Какъ оно часто бываетъ, люди, стоявшіе другъ другу всего ближе, какъ правый центръ и правая, съ одной стороны, какъ республиканская лѣвая и республиканскій союзъ (партія Гамбетты, впослѣдствіи названная оппортунистами), съ другой, всего болѣе отличались взаимной непримиримостью и готовы были сойтись съ самыми противоположными группами ради того, чтобы повредить другъ другу. Республика и явилась, какъ равнодѣйствующая всѣхъ этихъ противоположныхъ силъ, какъ затяжная форма медленно проходящаго временнаго процесса. И въ этомъ процессѣ слабость монархическаго большинства ярко выразилась тѣмъ, что сплотиться оно могло только въ виду отрицательной цѣли, въ качествѣ оппозиціи. Это ему удалось уже 22-го мая 1873 года для низверженія Тьера, ставшаго ему тѣмъ болѣе ненавистнымъ, чѣмъ сильнѣе разсчитывало оно на монархическія чувства стараго орлеаниста, одинаково воплощавшаго въ себѣ и консервативные инстинкты и разлагающій критическій духъ французской буржуазіи. Правая Версальскаго собранія не могла понять, что для такого человѣка, какимъ былъ Тьеръ, династическая преданность смолкаетъ передъ нежданной возможностью сыграть выдающуюся роль и сдѣлаться первымъ лицомъ въ государствѣ. Вмѣсто того, чтобы воспользоваться этой тщеславной слабостью и подъ фирмою республики упрочить свое господство, правая напрягала усилія, чтобы очистить мѣсто для претендента на корону, хорошенько не зная, кто будетъ этотъ претендентъ. Посѣщеніе графомъ Парижскимъ внука Карла X и соглашеніе, на

время состоявшееся между сторонниками обѣихъ вѣтвей Бурбонскаго дома, были послѣднимъ результатомъ, котораго въ состояніи были достигнуть монархисты всѣхъ оттѣнковъ, въ видахъ желаемой реставраціи. И передъ наступившимъ затѣмъ рядомъ мелкихъ препятствій имъ энергіи уже не хватило. Въ высшей степени достойная, хотя и очень близорукая неохота гр. Шамбора поступиться такимъ второстепеннымъ символомъ легитимизма, какъ бѣлымъ знаменемъ, наткнулась на такое же близорукое нежеланіе орлеанистовъ съ этимъ символомъ помириться. Людямъ, которымъ хватило стойкости нѣсколько десятилѣтій подъ рядъ выжидать удобнаго случая для возстановленія своей династіи и мужества простыми волонтерами сражаться противъ нѣмцевъ въ нестройныхъ рядахъ республиканскихъ войскъ, не хватило ни того ни другого, чтобы перешагнуть черезъ эту соломинку. Въ Парижѣ осенью 1873 года говорили въ шутку, что Генрихъ V сталъ бы королемъ Франціи, если бы оказалось хотя бы десятка два человѣкъ, готовыхъ на какой-нибудь часъ отсрочить обычное время обѣда. И эта шутка какъ нельзя вѣрнѣе рисуетъ избалованность верхнихъ слоевъ французскаго общества, воспитанную въ нихъ привычкой комфорта и долголѣтнимъ удаленіемъ отъ общественныхъ дѣлъ. Упрямая стойкость графа Шамбора заслужила ему больше симпатій, правда, довольно своекорыстныхъ, въ республиканскомъ лагерѣ, чѣмъ въ его собственномъ. Рѣшимости у монархистовъ не хватило даже на то, чтобы помѣшать окончательному провозглашенію республики, получившей, какъ извѣстно, въ 1875 году перевѣсъ всего только одного голоса, ни для того даже, чтобы республиканской конституціи придать устои, которые могли бы обезпечить преобладаніе въ ней правящихъ классовъ. Роковая ненависть, возникшая между крайней правой и орлеанистами, привела даже къ тому, что около 30 депутатовъ изъ такъ называемой «легкой кавалеріи» (chevaux-légers) при выборахъ въ сенатъ вступили въ соглашеніе съ республиканцами, дабы провалить кандидатуру герцога Брольи и его приверженцевъ. И на банкротство въ парламентѣ не замедлило

отвѣтить и банкротство внутри страны. Партія, у которой есть открытая положительная цѣль, неминуемо должна взять верхъ надъ такой, которая способна лишь отрицать. Если бы представители верхнихъ слоевъ французскаго общества въ 1875 году, признавъ республику, въ то же время отрѣшились бы отъ своихъ династическихъ привязанностей и заботились бы о томъ, чтобы во главѣ страны остались правящіе классы, они бы, вѣроятно, этого достигли, такъ какъ подавляющая масса французовъ по своимъ привычкамъ и вкусамъ—отъявленные консерваторы. Но вмѣсто этого, убѣдившись, что силъ не хватаетъ ни у одной изъ монархическихъ фракцій, каждая изъ нихъ продолжала втайнѣ агитировать въ пользу своего безнадежнаго кандидата и то и дѣло на выборахъ вступала въ антагонизмъ съ остальными. А когда, уже послѣ окончательнаго торжества республики, монархисты взялись за умъ и попробовали образовать общую консервативную лигу, было уже слишкомъ поздно. Республиканцы новой формаціи, съ Гамбеттой во главѣ, завоевали страну призывомъ къ такъ называемымъ новымъ общественнымъ слоямъ (les nouvelles couches), другими словами, къ тому, чтобы народныя массы воспользовались общимъ голосованіемъ для проведенія къ власти людей изъ собственной среды. Различіе между демократіей 80-хъ годовъ и прежнимъ, вымиравшимъ тогда, поколѣніемъ республиканцевъ было въ томъ, что въ 40-е годы демократія была призвана открыть доступъ къ власти лишь крупнымъ талантамъ, а третья республика стала эрой господства посредственностей. И на этомъ пути, конечно, ей нельзя было не докатиться до дна.

Популярность, какую встрѣтила республиканская пропаганда во второй половинѣ 70-хъ годовъ не въ одной Франціи только, но и въ цѣлой Европѣ, была вызвана какъ разъ тѣмъ, что эта пропаганда широко открывала дорогу вверхъ, сулила и власть и богатство посредственностямъ. Тѣсный подборъ, требовавшійся прежде, научная подготовка, кропотливая и трудная, или, по крайней мѣрѣ, блестящій ораторскій талантъ,—все это стало ненужнымъ. Всемірная посредствен-

ность громкимъ ликованіемъ привѣтствовала пониженіе барьера, отдѣлявшаго ее отъ эдема власти, и влилась туда широкой мутной волной. Исторія едва ли запомнитъ имена безчисленныхъ министровъ, смѣнявшихся у власти во время президентства Жюля Греви, Карно, Феликса Фора и Лубэ. Какъ сами эти президенты, такъ и государственные люди, стоявшіе во главѣ кабинетовъ, за весьма немногими исключеніями, никакого творческаго слѣда послѣ себя не оставили. Самый выдающійся изъ нихъ — Гамбетта — оказался ловкимъ агитаторомъ, пока надо было завоевывать власть, и обнаружилъ, пока состоялъ президентомъ палаты, сильную наклонность къ самовластью. Какъ руководитель республиканскаго большинства, онъ навязывалъ палатѣ свою волю и до того былъ близокъ къ диктатурѣ, что многіе видѣли въ немъ какъ бы повтореніе одного изъ уродливыхъ тирановъ, въ родѣ Дантона или Барраса, успѣвшихъ при революціи на короткое время захватывать почти самодержавную власть. При популярности Гамбетты, будь онъ военнымъ, или имѣй подъ рукой хорошаго генерала, который согласился бы ему вѣрно служить, онъ несомнѣнно могъ бы стать настоящимъ диктаторомъ. Это было бы, во всякомъ случаѣ, диктатурой таланта, которому присуща была способность гипнотизировать парламентскую толпу. Но кратковременное пребываніе Гамбетты во главѣ министерства въ 1881 году показало, какъ не проченъ былъ и этотъ кумиръ. Второстепенныя честолюбія, невольно смирявшіяся передъ его обаяніемъ, отплатили ему за это мелкими подвохами, которыхъ было совершенно достаточно, чтобы свалить министра, подверженнаго всѣмъ случайностямъ измѣнчивой парламентской погоды. Неспособность республиканцевъ, какъ и монархистовъ, сплотиться въ твердо организованную партію сказалась какъ нельзя ярче на этой побѣдѣ мелкихъ второстепенностей надъ крупнымъ и даровитымъ носителемъ идеи. За первые четыре года существованія настоящей республики, т. е. съ избранія въ президенты Жюля Греви, могло казаться, что парламентское большинство—податливое орудіе, которому можетъ

навязать что угодно краснорѣчивый и энергичный руководитель. Въ самомъ дѣлѣ за эти четыре года республиканцы, среди которыхъ добрая треть была республиканцами съ горя, такъ сказать, примкнувшими къ этой формѣ правленія, за неимѣніемъ прочной династіи, давали себя вести налѣво гораздо далѣе, чѣмъ они сами хотѣли. Призракомъ ультрамонтанства, какъ пугаломъ справа, и пугаломъ слѣва, т. е. соціальной революцей, можно было дѣйствовать на двѣ единственныхъ струны, которыя еще звучали у этихъ малодушныхъ людей — антипатію къ церкви и боязнь за свой кошелекъ. Мѣры, направленныя противъ католицизма, удовлетворяли первое изъ этихъ чувствъ; мѣры, клонившіяся къ демократизаціи общества, считались средствомъ успокоить второе, какъ гарантія отъ народнаго взрыва. Подъ конецъ 70-хъ годовъ и въ началѣ 80-хъ въ Парижѣ было въ самомъ дѣлѣ очень неспокойно[1]). Манифестаціи съ красными и черными знаменами, многочисленныя шествія съ неизбѣжной свалкою въ концѣ то и дѣло грозили превратиться въ открытый бунтъ. И застрахованіемъ отъ этой опасности казались мѣры, удовлетворявшія идеѣ равенства. За это время была преобразована магистратура, изъ которой, несмотря на судейскую несмѣняемость, были исключены лица, неугодныя правительству, и предпринята систематическая очистка администраціи, учительскаго персонала, дипломатіи и арміи отъ такъ называемыхъ реакціонныхъ, т. е. монархическихъ элементовъ. Все это производилось съ безцеремонностью, оставлявшей за собою все совершавшееся въ томъ же духѣ монархическими правительствами, отъ Реставраціи до Наполеона III. При всѣхъ этихъ правительствахъ неприкосновенность магистратуры провозглашалась священной гарантіей праваго суда. Отставка, данная какому-нибудь должностному лицу изъ за политическихъ мотивовъ, считалась вопіющимъ нарушеніемъ служебныхъ правъ. Наполеоновскіе генералы, впадавшіе въ немилость при Бурбонахъ, немедленно считались мучениками либе-

1) См. Duc D'Harcourt. Quelques Réflexions sur les Lois sociales.

рализма. Префектъ, уволенный министромъ за недостаточную энергію, тоже дѣлался идоломъ оппозиціи. Прокуроръ, даже не уволенный, но получившій выговоръ за выказанную слабость въ какомъ-нибудь политическомъ процессѣ, дѣлался предметомъ оваціи, и правительству по такому поводу предъявлялся запросъ. Даже при крайне мягкомъ правленіи Людовика-Филиппа это повторялось неоднократно. Тогдашняя лѣвая не переставала твердить, что выборы должны быть совершенно свободны, магистратура безусловно независима и даже административный персоналъ обязанъ не подчинять своихъ воззрѣній требованіямъ начальства. Фрондированіе какъ бы вмѣнялось въ обязанность [1]). Но тѣ же республиканцы, очутившись у власти, поступали совершенно наоборотъ. Они нарушили, правда, путемъ закона, но закона исключительнаго, — принципъ несмѣняемости судей, убѣдившись, что въ случаяхъ преслѣдованія духовенства многіе изъ нихъ держатъ сторону послѣдняго. Генералы сплошь и рядомъ перемѣщались съ высшей должности на низшую или получали даже досрочное увольненіе. Префектамъ вмѣнялось въ обязанность доставлять побѣду республиканскимъ кандидатамъ на выборахъ, а въ случаѣ неуспѣха ихъ переводили на худшее мѣсто, или даже вовсе увольняли. Увольняли, впрочемъ, и за то, что они водили знакомство съ людьми, находившимися въ оппозиціи. Не только монархическіе взгляды, но и преданность церкви, даже, попросту, бываніе у исповѣди препятствовали карьерѣ. Военныхъ изъ роялистскихъ или католическихъ семействъ не производили въ слѣдующій чинъ и старались ограничить опредѣленнымъ числомъ въ каждомъ полку. Былъ изданъ законъ, воспрещавшій церковныя процессіи на улицахъ, и другой, которымъ не дозволялось отправлять богослуженіе въ частныхъ капеллахъ безъ согласія правительства. При реформѣ школьной системы религіозное образованіе было совершенно устранено изъ школъ, со-

---

[1]) Guizot. Mémoires. T. VIII. Pp. 525—540.

державныхъ государствомъ, и доступъ въ нихъ воспрещенъ духовенству, которому предоставлялось преподавать Законъ Божій въ церквахъ послѣ воскресной службы. Выше уже сказано, что въ 80-мъ году былъ представленъ палатамъ законопроектъ объ изгнаніи изъ Франціи нѣкоторыхъ конгрегацій, въ томъ числѣ іезуитовъ, и когда VII статья этого закона въ сенатѣ не прошла, онъ былъ приведенъ въ исполненіе попросту административнымъ порядкомъ, и на имущество изгоняемыхъ конгрегацій было наложено запрещеніе. Въ 1881 году, при закрытіи одной частной капеллы близъ Гренобля, войскамъ было приказано стрѣлять, при чемъ въ толпѣ были убитые; при составленіи муниципальнаго совѣта была исключена статья закона, дававшая въ нихъ доступъ по праву наиболѣе высоко обложеннымъ плательщикамъ, а съ 1878 года началась агитація въ пользу реформъ только что утвержденной конституціи, съ цѣлью подорвать оппозицію сената, гдѣ, благодаря равному участію въ выборахъ всѣхъ общинъ Франціи, крупныхъ и мелкихъ (конституція 1875 года предоставляла активное право выборовъ въ сенатѣ коллегіи, состоявшей изъ всѣхъ провинціальныхъ и муниципальныхъ совѣтниковъ департамента и изъ представителей всѣхъ общинъ даннаго департамента, по одному на каждую, при чемъ четверть всѣхъ сенаторовъ, т. е. 75, избиралась пожизненно палатою), перевѣсъ имѣли сельскіе, т. е. консервативные элементы. Результатомъ этой агитаціи были двѣ послѣдовательныя реформы, изъ которыхъ первая дала преимущество крупнымъ городамъ, предоставивъ имъ уже не по одному, а по нѣскольку депутатовъ (максимальное число было 100), а вторая уничтожила установленную конституціей несмѣняемость 75 сенаторовъ. На все это старинные либералы такъ называемаго лѣваго центра, или независимые, соглашались лишь скрѣпя сердце, но въ концѣ концовъ все таки уступали, чтобы не нарушать такъ называемаго республиканскаго единства. По поводу вопроса о свободѣ преподаванія въ сенатѣ даже образовалась особая небольшая группа изъ республикан-

цевъ, исповѣдывавшихъ настоящій либерализмъ [1]), но теченіе уносило эти слабыя плотины. Самое слово «либерализмъ» сдѣлалось почти синонимомъ реакціи, и лѣвое крыло республиканцевъ выставило своимъ принципомъ, что либерально все, идущее въ смыслѣ демократизаціи общества, хотя бы этимъ нарушались чьи-либо права. Другими словами, насиліе становится и законнымъ и симпатичнымъ, когда оно совпадаетъ съ интересами массъ, а на самомъ дѣлѣ—съ выгодами тѣхъ, кто съ помощью этихъ массъ дѣлаетъ карьеру. Совершенно такъ же, какъ въ началѣ 70-хъ годовъ представители стариннаго парламентаризма, эпигоны прежней исторической Франціи спасовали передъ республиканцами, потому что имъ недоставало энергіи въ борьбѣ и не приспособлены они были къ новымъ, болѣе крупнымъ формамъ политическаго соперничества, въ 80-хъ годахъ умѣренные республиканцы, тоже вышедшіе изъ старинныхъ культурныхъ слоевъ, должны были уступить наплыву карьеристовъ иного, чисто демократическаго закала, не церемонившихся проталкиваться вверхъ всякими средствами. Когда двое противниковъ неодинаково вооружены, и одинъ изъ нихъ считаетъ своимъ долгомъ признавать правила игры, которыхъ не признаетъ другой, за послѣднимъ по необходимости остается побѣда. Но это побѣда политическаго шулерства и политическаго хулиганства, въ которой прогрессивнаго мало и которая знаменуетъ собою начало общественнаго одичанія.

Первыя 5 лѣтъ чисто республиканскаго режима, съ 1876 по 1881 годъ, характеризовались двумя, съ виду противорѣчивыми явленіями: диктатурой вождя оппортунистовъ, такъ называемаго республиканскаго союза (Union républicaine), надъ болѣе умѣренными фракціями партіи, которыя онъ держалъ въ постоянномъ страхѣ передъ ея лѣвымъ крыломъ, и необыкновенно частыми смѣнами министерствъ, несмотря на то, что

---

[1]) Въ ней участвовали гг. де-Лабулэ, де-Марсеръ, Жюль Симонъ, Жюль Фавръ и другіе числомъ 17. Всѣ они въ настоящее время уже въ могилѣ.

во главѣ послѣднихъ стояли люди выдающіеся, во всякомъ случаѣ, болѣе крупные, чѣмъ самъ Гамбетта. Это были г. Дю-Форъ, Фрейсинэ, Жюль Симонъ и Жюль Ферри. Процессъ паденія этихъ кабинетовъ былъ постоянно одинъ и тотъ же. Остававшаяся въ меньшинствѣ оппозиція, т. е. правая сторона палаты, оказывала на правительство неизмѣнно разлагающее дѣйствіе, пользуясь расколомъ республиканцевъ, чтобы вступить въ коалицію съ крайнимъ ихъ лѣвымъ крыломъ. Этимъ путемъ, конечно, сами монархисты толкали республику все болѣе влѣво, побуждая каждый новый кабинетъ дѣлать лишній шагъ на пути удовлетворенія требованій радикаловъ, дабы избѣжать участи своихъ предшественниковъ. Палата дѣлилась приблизительно на три равныхъ части — на монархистовъ праваго крыла, въ которомъ три монархическія фракціи дѣйствовали уже теперь заодно, на умѣренныхъ республиканцевъ центра и на радикаловъ крайней лѣвой стороны. Послѣдніе неизмѣнно требовали полнаго устраненія церкви отъ школы, введенія двухлѣтняго срока воинской повинности, съ устраненіемъ права всего годъ прослужить добровольцами, прогрессивнаго подоходнаго налога и отмѣны конкордата. Послѣднихъ двухъ цѣлей они до сихъ поръ не достигли. Первыя двѣ — безплатная свѣтская и обязательная школа и комплектованіе арміи съ помощью безусловно всеобщей и двухлѣтней только повинности — осуществлены путемъ долгой борьбы. Такимъ образомъ, съ виду можетъ казаться, что успѣхи радикализма во Франціи въ сущности не особенно велики и побѣда ему давалась нелегко. Но это только кажется. На самомъ дѣлѣ вся физіономія общества испытала перемѣны. Всѣ организованныя корпораціи — магистратура, академія, преподавательскій персоналъ — были во Франціи, даже въ первое время республики, носительницами историческихъ традицій. Провинціальные и въ особенности общинные совѣты были въ 70-хъ годахъ въ большей части департаментовъ въ рукахъ крупныхъ землевладѣльцевъ и представителей старинной буржуазіи. Армія и флотъ были переполнены офицерами изъ дворянъ. Большинство генераловъ оставались бона-

партистами въ душѣ. Даже администрацію по необходимости приходилось вербовать изъ людей стараго закала, такъ какъ выскочки изъ новыхъ слоевъ не успѣли себѣ усвоить никакихъ традицій. Изъ всѣхъ этихъ позицій приходилось выталкивать людей старыхъ слоевъ, и процессъ этотъ далеко не завершился и теперь. Добрая половина адвокатуры и многіе изъ членовъ и председателей судовъ сохраняютъ до сихъ поръ консервативныя наклонности. Въ профессурѣ то же самое. Академіи, особенно французская, стоятъ въ явной оппозиціи къ теперешнимъ владыкамъ страны. Словомъ, верхи умственныхъ профессій не на сторонѣ республики, и по мѣрѣ демократизаціи общества они относятся къ ней все болѣе враждебно. Во флотѣ ройялисты преобладаютъ и понынѣ, такъ какъ его набираютъ изъ консервативныхъ сѣверо-западныхъ департаментовъ. 25 лѣтъ назадъ этотъ консервативный отпечатокъ французскаго общества былъ несомнѣнно сильнѣе. Не трудно было застращивать палату и побуждать ее вотировать демократическіе законы, такъ какъ соціалисты, еще не попавшіе тогда въ палату, не переставали на безчисленныхъ собраніяхъ грозить обществу насильственнымъ переворотомъ. Но само общество, исполнители этихъ законовъ были далеко не такой радикальной окраски, и законы на самомъ дѣлѣ исполнялись вяло. Выгнанныя конгрегаціи втихомолку понемногу возвращались въ свои монастыри. Іезуиты, правда, должны были покинуть свои орденскіе дома, но оставались въ предѣлахъ Франціи, живя маленькими группами въ частныхъ квартирахъ. Правительство, несмотря на свое республиканство, считалось въ частныхъ случаяхъ съ людьми изъ верхнихъ слоевъ. Да и самые радикалы, даже наиболѣе рьяные, у себя дома далеко не были такими, какъ въ своихъ публичныхъ рѣчахъ, и сплошь и рядомъ даже посылали своихъ дѣтей учиться въ тѣ самыя конгрегаціонныя школы, упраздненія которыхъ они громко требовали въ палатѣ.

Такимъ образомъ французское общество представляло оригинальное зрѣлище іерархически сложившагося строя, члены котораго добровольно, частью изъ лицемѣрія, а еще болѣе изъ

страха, толкали самихъ себя подъ гору изъ боязни разомъ провалиться въ бездну. Медленное политическое самоубійство имъ казалось все таки лучше треска внезапной гибели. Такъ при римскихъ императорахъ выродившіеся патриціи изъ страха передъ казнью сами лишали себя жизни, окружая себя передъ смертью прекрасными гетерами, цвѣтами и благовоніями. Гетеръ и цвѣтовъ было сколько угодно и въ столицѣ Франціи, когда политическіе вожди этой страны изъ угодливости передъ идоломъ демократизма произносили лицемѣрныя трескучія рѣчи, на самомъ дѣлѣ втихомолку проклиная народное самодержавіе, которому они съ виду поклонялись, и все болѣе думая о томъ лишь, какъ бы воспользоваться кратковременной властью, чтобы разбогатѣть правыми и неправыми средствами. Культъ минуты, жизнь ради одного настоящаго — эти неизбѣжные спутники матеріалистическаго міросозерцанія служатъ разительной характеристикой французскаго общества въ 80-хъ годахъ прошлаго вѣка.

Такъ оно долго, конечно, продолжаться не могло. Лицемѣріе никогда не служитъ прочной основой для политическаго строя. Власть должна была неминуемо перейти отъ людей, притворно служившихъ демократіи, къ людямъ, непосредственно вышедшимъ изъ ея рядовъ. Такъ оно и случилось. И въ то же время старинныя монархическія партіи не могли окончательно, безъ боя, поступиться своими надеждами. Позорная отставка перваго чисто республиканскаго президента Жюля Греви, слывшаго честнѣйшимъ изъ французовъ, а между тѣмъ потворствовавшаго своему зятю Вильсону въ продажѣ знаковъ Почетнаго Легіона, послужила одновременно сигналомъ и къ новой вспышкѣ монархизма и къ взрыву негодованія противъ богатой республиканской буржуазіи. Первая сказалась усиленіемъ монархической агитаціи въ 1884 году и привела къ выборамъ 1885 года, на которыхъ монархисты въ первый день одержали рѣшительную побѣду, получивъ 177 депутатскихъ мѣстъ противъ 127 выбранныхъ республиканцевъ, но за то были побиты на перебаллотировкахъ. Второй выразился растущимъ ус-

пѣхомъ соціалистовъ, у которыхъ, какъ у ихъ нѣмецкихъ товарищей, происходитъ съ этого времени замѣтный поворотъ системы. Отъ зажигательныхъ рѣчей, направленныхъ къ возбужденію массъ, они переходятъ къ систематической организаціи партіи, задавшейся прямою цѣлью какъ можно болѣе мѣстъ завоевать себѣ въ палатѣ. И заодно съ этимъ мѣняется и самая ихъ программа, дѣлающаяся болѣе умѣренной и практически выполнимой. И въ собственныхъ рядахъ большинство переходитъ отъ революціонеровъ къ такъ называемымъ поссибилистамъ, и, заодно съ этимъ, къ нимъ все чаще примыкаютъ чисто буржуазные элементы, люди, вовсе не думающіе разстаться съ своимъ достаткомъ, но желающіе заблаговременно задобрить грознаго звѣря, въ надеждѣ, что онъ не только ихъ пощадитъ, но и поможетъ имъ сдѣлать карьеру.

Выборы 1885 года почти было дали большинство монархистамъ. И никогда съ такой яркостью, какъ въ эту минуту, не обнаружился недостатокъ политическаго чутья у французовъ. Если бы у консерваторовъ, съ одной стороны, у либераловъ, т. е. у лѣваго центра—съ другой, появилось сознаніе, что поддержать историческій общественный строй важнѣе династическаго вопроса, и что либералы въ сущности гораздо ближе къ монархистамъ, чѣмъ къ радикаламъ, большинство за консервативнымъ элементомъ могло бы быть обезпечено и по всей вѣроятности надолго. Но этого чутья не оказалось ни у тѣхъ, ни у другихъ. Консерваторы продолжали во главѣ угла ставить династическій вопросъ, притомъ не согласившись между собою насчетъ самой династіи, а либералы лѣваго центра все изъ той же боязни возбудить сомнѣніе, что они подлинные республиканцы, пошли на компромиссъ съ радикалами и при вторичной баллотировкѣ подавали голоса за послѣднихъ. Это особенно ясно сказалось въ департаментѣ Seine-et-Oise, гдѣ при первомъ голосованіи двѣ трети избирателей оказались на сторонѣ двухъ списковъ, консервативнаго и умѣренно-либеральнаго, а окончательно все таки восторжествовали радикалы. Новая палата состояла изъ 201 консерватора и 373 республи-

канцевъ. И послѣдствія не заставили себя ждать. Министерство Бриссона, радикальное по составу, но добросовѣстно проводившее выборы, должно было подать въ отставку. При повѣркѣ избраній произведены были массовыя неутвержденія консерваторовъ. Принцы Орлеанскаго дома были изгнаны изъ Франціи и лишены военныхъ чиновъ. Составъ провинціальной администраціи подвергся крутой перемѣнѣ. Въ то же время монархисты, отчаиваясь достичь успѣха легальнымъ путемъ, стали мечтать о переворотѣ съ помощью военной диктатуры и вступили въ связь съ явнымъ проходимцемъ, генераломъ Буланже, которому захотѣлось сыграть роль второго Бонапарта. Результатъ этой интриги, какъ извѣстно, былъ самый жалкій. Правительство во время приняло энергичныя мѣры, предало Буланже суду, вслѣдствіе чего онъ позорно бѣжалъ въ Бельгію, и побудило палату вновь отъ выборовъ по списку перейти къ выборамъ по округамъ. Съ утратой своего вождя партія буланжистовъ, состоявшая, впрочемъ, изъ всякаго отребья, т. е. изъ самыхъ низкопробныхъ карьеристовъ, растаяла очень быстро, и выборы 1889 года дали уже палату съ подавляющимъ большинствомъ радикаловъ. Новый толчекъ влѣво, на этотъ разъ уже прямо содѣйствовавшій успѣхамъ соціалистовъ, былъ панамскій скандалъ, изобличившій во взяточничествѣ очень многихъ изъ правящаго большинства и какъ разъ изъ наиболѣе умѣренной его части. И самая невозможность обнаружить скандалъ до чиста, вполнѣ вырѣзать образовавшійся нарывъ, дискредитировала ту группу республиканскихъ богачей, которые образовали изъ себя какъ бы правящую олигархію, вольнодумную, невѣрующую, народолюбивую для вида, а на самомъ дѣлѣ думавшую только о наживѣ. И воспользовались этимъ соціалисты, съ тѣхъ поръ получавшіе на каждыхъ выборахъ приращеніе. Далѣе вся политическая Франція остается какъ бы отравленной чувствомъ смутнаго взаимнаго недовѣрія: полная невозможность раскрыть и наказать зло взяточничества и продажности заставляетъ предполагать, что заражено все общество, по крайней мѣрѣ его наиболѣе культур-

ная и богатая часть. И съ тѣхъ поръ не перестаетъ итти по странѣ, какъ упорная зараза, рядъ заглушаемыхъ скандаловъ, благодаря которымъ въ воображеніи массъ дѣйствительное и существующее зло принимаетъ фантастическіе размѣры, а пресса все болѣе пріучается осыпать всѣхъ политическихъ дѣятелей самыми позорными обвиненіями. Могли бы этимъ воспользоваться и консерваторы, наименѣе забрызганные грязью, но, во-первыхъ, если они и не содѣйствуютъ загрязненію правительственнаго персонала, то сами отъ этого выигрываютъ немного, такъ какъ ихъ сравнительную честность приписываютъ лишь отсутствію надобности подкупать людей, не стоящихъ у власти; а, во-вторыхъ, исторія съ генераломъ Буланже на нихъ тоже набросила очень неблаговидную тѣнь. Весь выигрышъ оказался на сторонѣ наиболѣе крайнихъ элементовъ, численное значеніе которыхъ постоянно росло, тѣмъ болѣе, что самый фактъ ихъ усиленія дѣйствовалъ гипнотизирующимъ образомъ на прочихъ, побуждая ихъ все болѣе подаваться влѣво. Убійство президента Карно, котораго отъ кинжала анархиста не спасло даже его полное ничтожество, вызвало, правда, кратковременную реакцію, приведшую къ избранію въ президенты богача орлеаниста Казимира Перье и къ принятію усиленно строгихъ законовъ противъ политическихъ убійцъ и всѣхъ, оказывающихъ имъ поддержку устнымъ или печатнымъ словомъ. Но законы эти въ свою очередь создали негодующую оппозицію противъ такой попытки стѣснить печать, притомъ со стороны не только прямо затронутыхъ ими революціонныхъ партій, но и той новой группы противниковъ существующаго порядка, которая подъ именемъ націоналистовъ выросла на развалинахъ буланжистскаго движенія и связала въ общій союзъ самые противорѣчивые элементы отъявленныхъ бонапартистовъ, какъ Поль де-Кассаньякъ, и безусловныхъ враговъ всякаго порядка, какъ Рошфоръ. И все болѣе находилось людей среди прежнихъ консерваторовъ, которыхъ подстрекало присоединиться къ этому мутному потоку въ надеждѣ, что можетъ быть путемъ политическаго фокуса, съ помощью хотя бы сомни-

тельныхъ союзниковъ, удастся ниспровергнуть ненавистное республиканское правительство. Все пятилѣтнее президентство Феликса Фора было цѣпью перекрещивающихся интригъ, въ которыхъ косвенно участвовалъ и самъ президентъ, недовольный подчиненной ролью, какую ему оставляли его министры, и готовый изъ тщеславія заискивать въ аристократическихъ кругахъ. Единственнымъ результатомъ этихъ интригъ было еще большее дискредитированіе консерваторовъ и новое пониженіе политическаго уровня всей Франціи. Ложь, клевета, доносъ, поддѣлка,—все это носилось въ воздухѣ, какъ нѣчто пускавшееся въ ходъ рѣшительно всѣми, какъ вошедшіе уже въ обычай пріемы политической борьбы. Знаменитое дѣло Дрейфуса было кульминаціонной точкой этого позорнаго упадка, среди котораго утратилось довѣріе не только къ правительству, но и къ суду, гдѣ всюду подозрѣвались подкупы, подложные документы, тайныя убійства, и обѣ стороны—судьи Дрейфуса и его защитники—какъ бы старались другъ друга перещеголять во взаимныхъ обвиненіяхъ и въ утратѣ всякаго стыда. Фактическій вопросъ о степени виновности офицера генеральнаго штаба, давшаго себя подкупить иностраннымъ агентамъ, превратился въ обвиненіе всѣхъ высшихъ чиновъ арміи въ торговлѣ политическими и военными тайнами и въ другое столь же гнусное обвиненіе правительственнаго персонала въ подкупѣ со стороны еврейской клики. Все французское общество охватила, какъ головокруженіе, тревожная догадка, что всѣмъ управляютъ въ странѣ, всѣмъ руководятъ и могутъ подкупить подпольныя силы—космополитическое еврейство и франкмасонство, съ одной стороны, продажные генералы въ связи съ могущественными конгрегаціями—съ другой. Въ этой нездоровой атмосферѣ трудно было сдѣлать выборъ между людьми, требовавшими изъ за національнаго чувства обвинительнаго приговора надъ Дрейфусомъ, и тѣми, которые во имя справедливости боролись за его оправданіе. За немногими исключеніями, на сторонѣ первыхъ были консерваторы и націоналисты, къ которымъ примкнули и наиболѣе умѣренные республи-

канцы; на сторонѣ вторыхъ -радикалы и соціалисты, число которыхъ все разросталось. Но пріемы у тѣхъ и другихъ были одинаково позорны. Еврейскія деньги поддерживали радикализмъ, а деньги конгрегацій національный принципъ. Виновность Дрейфуса такъ и не была выяснена. За его спиной разыгрывалась болѣе крупная борьба, и националисты признавались, что нечего жалѣть объ одномъ человѣкѣ, когда рѣчь идетъ о чести націи; а между тѣмъ, съ одной стороны, эту честь подтачивали купленные евреями радикальные журналисты и адвокаты, съ другой—самые видные генералы и члены магистратуры уличались на судѣ въ утайкѣ документовъ, въ ложныхъ показаніяхъ въ неблаговидныхъ продѣлкахъ съ иностранными агентами. И вся эта грязь, точно такъ же какъ грязь Панамы, до сихъ поръ осталась не смытой.

Выборы 1898 года дали окончательную побѣду радикаламъ, цѣлая группа которыхъ, изъ лицемѣрнаго угодничества передъ соціалистами, къ своей обычной кличкѣ присоединила другую, принявъ названіе радикаловъ - соціалистовъ. Эта побѣда была въ то же время и сигналомъ къ пересмотру дѣла Дрейфуса, которое въ сущности радикалы теперь совершенно отожествили съ своимъ. Франція раздѣлилась на два лагеря. Въ одномъ были всѣ, видѣвшіе въ арміи священный символъ національнаго могущества и потому готовые стушевать, даже прямо скрыть, всѣ некрасивые поступки нѣкоторыхъ изъ ея командировъ. Ихъ объединяла идея національной гордости и до нѣкоторой степени притворная, показная мечта отомстить Германіи и обратно отвоевать Эльзасъ и Лотарингію. Къ нимъ примыкали всѣ почти уцѣлѣвшіе консерваторы и та часть крайнихъ радикаловъ, которая еще во времена генерала Буланже присоединилась къ антиправительственной коалиціи подъ знаменемъ идеи реванша. Въ другомъ лагерѣ находились всѣ прямо или косвенно участвовавшіе въ казенномъ пирогѣ, съ тѣхъ поръ какъ этотъ пирогъ достался лѣвому крылу республиканцевъ. А случилось это тотчасъ послѣ открытія сессіи вновь избранной палаты. Въ первый разъ за все время суще-

ствованія республики имѣлось налицо большинство, противъ котораго не могъ составиться союзъ обоихъ фланговъ палаты, какъ бывало это прежде, по той простой причинѣ, что новое большинство состояло исключительно изъ лѣваго крыла, отъ соціалистовъ до оппортюнистовъ отъ умѣренныхъ республиканцевъ, готовыхъ итти на всѣ уступки, лишь бы не терять своей доли участія въ правительственной машинѣ. Новое большинство сплотилось не сразу. За первый годъ его существованія въ немъ не было единодушія насчетъ дѣла Дрейфуса. Беречь армію и ея вождей все еще считалось нужнымъ. Военные министры, одинъ за другимъ, отстаивали неприкосновенность приговора надъ Дрейфусомъ. Послѣ кратковременнаго управленія радикальнаго министерства Бриссона была сдѣлана новая попытка образованія смѣшаннаго кабинета изъ умѣренныхъ республиканцевъ. Но и эта попытка рушилась вслѣдствіе внутреннихъ несогласій между министрами и необходимости такъ или иначе разрѣшить вѣчно подымавшійся споръ о пересмотрѣ дѣла Дрейфуса. Въ маѣ 1899 года споръ былъ окончательно рѣшенъ: часть умѣренныхъ республиканцевъ, съ бывшимъ министромъ внутреннихъ дѣлъ Барту во главѣ, склонила голову передъ необходимостью пойти на этотъ пересмотръ и согласиться на радикальную программу — включеніе соціалистовъ въ министерское большинство, энергическое преслѣдованіе всѣхъ антиреспубликанскихъ поползновеній и на рѣшительную борьбу противъ духовенства. Другая часть умѣренныхъ отъ новаго большинства откололась. Но оно все таки успѣло образоваться и найти себѣ ловкаго главу въ лицѣ бывшаго сторонника Гамбетты г. Вальдека-Руссо, человѣка съ очень правительственнымъ темпераментомъ, г. е. вовсе не склоннымъ къ мягкости, но вполнѣ готовымъ этотъ темпераментъ использовать въ интересахъ радикаловъ, лишь бы самому оставаться въ обладаніи властью. Вальдекъ-Руссо не побрезгалъ дать частичку этой власти самимъ соціалистамъ: одинъ изъ ихъ вождей, Мильеранъ, получилъ министерство торговли, — и съ тѣхъ поръ они обнаружили замѣчательную готовность поддер-

жигать правительство, особенно въ тѣ моменты, когда оно выказывало наиболѣе безцеремонности. Произошло, такимъ образомъ, съ французскими соціалистами почти то же, что съ нѣмецкими: прямое участіе въ общественныхъ дѣлахъ побудило ихъ забыть свой прежній зажигательный тонъ. Приманка власти сгладила ихъ шероховатость, но зато, признавъ за ними законное право на долю участія въ управленіи, большинство должно было открыть свои ряды очень требовательнымъ и не всегда удобнымъ союзникамъ. Словомъ, опять таки подобно нѣмецкимъ, и французскіе соціалисты остались въ выигрышѣ, и мостъ черезъ прежнюю бездну переманилъ на ихъ сторону бо́льшую долю вліянія, чѣмъ сами они сдѣлали уступокъ. Какъ скоро увидали, что хищный звѣрь вовсе не такъ опасенъ, какъ прежде казалось, къ нему стали все больше привыкать, и число сторонниковъ новаго большинства все болѣе росло. Добились этимъ несомнѣнно одного результата: пугало французской буржуазіи—подоходный налогъ, въ особенности въ прогрессивной его формѣ, отсрачивалось изъ года въ годъ, и даже при теперешней палатѣ, избранной въ 1902 году, несмотря на еще большій перевѣсъ радикаловъ, нельзя предвидѣть, когда примутся серьезно за эту реформу. Достигнуто было это очень простымъ средствомъ—возобновленіемъ борьбы противъ духовныхъ конгрегацій, затихшей было въ теченіе цѣлыхъ 20 лѣтъ. Примирительная политика Льва XIII не привела, такимъ образомъ, ни къ чему. Консервативная партія утратила свою главную опору—духовенство, а правительственные радикалы не выказали Риму никакой благодарности за то, что папа велѣлъ своей послушной арміи прекратить борьбу противъ республики. Правда, за промежутокъ времени отъ 1881 до 1900 года число конгрегацій во Франціи увеличилось еще одной,—могущественнымъ орденомъ ассомпціонистовъ,—и большинство изгнанныхъ въ 1881 году монаховъ вернулись въ свои орденскіе дома. Но послѣ двадцатилѣтняго промежутка война съ церковью возобновилась. И если теперь знаменемъ оппозиціи является церковный интересъ, а не монархическій, если уже не духовен-

ство оказываетъ поддержку старымъ династіямъ, а наоборотъ, то церковь отъ этого выиграла немного. Новое меньшинство, въ составъ котораго вошла добрая треть республиканцевъ, оказывается такимъ же безсильнымъ, какъ старое. Монархическіе интересы забыты, по крайней мѣрѣ на время, изъ за религіозныхъ; охрана свободы для всѣхъ, т. е. въ данномъ случаѣ и для меньшинства, стала знаменемъ новой коалиціи изъ бывшихъ консерваторовъ, изъ націоналистовъ, т. е. республиканцевъ съ бонапартистскими наклонностями, и изъ такъ называемыхъ прогрессистовъ, т. е. изъ республиканцевъ нерадикальнаго типа. Но изъ за этого сплоченность между союзниками не выиграла. Корни у нихъ еще различнѣе, быть можетъ, чѣмъ у трехъ монархическихъ группъ, и принадлежатъ они даже къ неодинаковымъ общественнымъ слоямъ. Консерваторы попрежнему вербуются преимущественно изъ стараго дворянства и изъ городского патриціата, т. е. изъ буржуазныхъ семействъ, давно пріобрѣвшихъ стойкое общественное положеніе. Въ составъ націоналистовъ входятъ самые пестрые элементы, болѣе подвижнаго, даже безпокойнаго свойства, тѣ самые въ сущности, которые нѣкогда составляли ядро приверженцевъ второй имперіи, а теперь охотно бы согласились на диктатуру какого-нибудь генерала, хотя бы онъ и не имѣлъ за собою и тысячной доли военной славы перваго Бонапарта. Прогрессисты, наконецъ, — это республиканцы, видящіе прежде всего въ республикѣ осуществленіе политической свободы и недружелюбно относящіеся къ новымъ общественнымъ волнамъ, не перестающимъ подниматься на поверхность, чтобы смыть съ нея кое-какія старинныя наслоенія, заливая ее мутнымъ потокомъ сомнительныхъ дарованій и еще болѣе сомнительныхъ репутацій. Но за всѣмъ тѣмъ, не искоренилось въ нихъ и недружелюбіе къ старымъ правящимъ классамъ, мѣсто которыхъ имъ удалось было на короткое время занять. Эти глубокія различія чувствуются, и союзники другъ другу не довѣряютъ. Бывшіе монархисты считаютъ большою уступкою прекращеніе борьбы противъ республиканскаго начала, подъ единственнымъ

условіемъ, чтобы во главѣ управленія стояли корректные благовоспитанные люди, не угрожающіе консервативнымъ интересамъ. Они довольствуются малымъ, но не могутъ позабыть, что новые союзники четверть вѣка назадъ отняли у нихъ власть и заодно съ крайними подавали голоса за антиклерикальные законопроекты Жюля Ферри. Теперь, когда и у тѣхъ власть отнята, они готовы протянуть руку монархистамъ, но не перестаютъ смотрѣть на нихъ косо, какъ на представителей совсѣмъ иного общественнаго строя. Националистамъ не довѣряютъ ни тѣ ни другіе, одинаково боясь случайной диктатуры какого-нибудь военнаго проходимца, диктатуры, могущей превратить Францію въ подобіе южно-американскихъ республикъ. Съ ними связываетъ прочія партіи коалиціи одно лишь—желаніе сохранить въ неприкосновенности армію съ ея теперешними кадрами, какъ залогъ не только военной силы извнѣ, но и внутренняго спокойствія. Не мудрено, что такой разношерстный союзъ безсиленъ. Его противниковъ, наоборотъ, какъ бы разношерстными они ни были тоже, сплачиваютъ два очень несложныхъ элементарныхъ чувства—одинаковая ненависть ко всѣмъ формамъ прежняго общественнаго порядка и одинаковое желаніе влѣзть наверхъ и набить себѣ карманы. Насколько въ основѣ правительственнаго большинства лежитъ тайная, но могущественная франкмасонская ассоціація, рѣшить трудно. Но что держится оно взаимнымъ обезпеченіемъ другъ другу поддержки въ поискахъ за карьерой — это, кажется, несомнѣнно. Лозунгъ коалиціоннаго меньшинства — республика, но управляемая лучшими людьми; лозунгъ большинства, напротивъ, — дорога къ власти, открытая для всѣхъ, хотя бы для посредственностей. Понятно, что этотъ легкій и широкій способъ подбора нравится и большинству избирателей, тѣмъ болѣе, что въ концѣ концовъ радикальныя, даже соціалистическія программы осуществляются только двумя способами — раздачей мѣстъ соціалистамъ и радикаламъ и все большей очисткой правительственныхъ органовъ отъ людей прежняго порядка — монархистовъ и католиковъ. Соціализмъ, такимъ об-

разомъ, превратился на практикѣ въ средство карьеры для самихъ соціалистовъ. Это его какъ будто обезвреживаетъ, но только для вида, сманивая на этотъ путь желателей наживы изъ общественныхъ подонковъ и открывая этимъ подонкамъ двери въ самую правительственную среду. Матеріальные интересы въ концѣ концовъ до сихъ поръ незатронуты, и масса французскаго населенія спокойно смотритъ, какъ выгоняютъ монаховъ, какъ проводятъ законы, все болѣе стѣсняющіе свободу ассоціацій и преподаванія, какъ армія подвергается разложенію. Пересмотръ дѣла Дрейфуса въ 1899 году не привелъ ни къ какому результату. Министерство Вальдека-Руссо, несмотря на участіе въ немъ Мильерана, было не прочь оказать подъ рукой поддержку генераламъ, уже разъ осудившимъ болѣе или менѣе подлиннаго измѣнника — еврея. Дабы сохранить за собою хотя бы внѣшнюю благопристойность, ловкій Вальдекъ-Руссо привлекъ на должность военнаго министра генерала де-Галлифэ, отличившагося въ 1871 году большою жестокостью при подавленіи коммуны, а это одобрило его министерство въ глазахъ людей изъ хорошаго общества, для которыхъ военный министръ въ республикѣ оставался блестящимъ генераломъ второй имперіи, не постѣснившимся нѣсколько тысячъ людей перестрѣлять, когда версальскія войска заняли взбунтовавшійся Парижъ. А Галлифэ, въ благодарность за свое назначеніе, обѣщалъ подавить въ арміи всѣ поползновенія къ перевороту, очень замѣтно проявлявшіяся на первыхъ порахъ господства радикаловъ. Когда это было достигнуто, Галлифэ спустили и принялись за дружную очистку арміи отъ монархическихъ элементовъ и за открытую борьбу съ духовенствомъ. Законъ 1-го іюля 1901 г. объ ассоціаціяхъ грозилъ изгнаніемъ тѣмъ изъ конгрегацій, которыя образовались безъ предварительнаго согласія правительства и не испросятъ такого разрѣшенія до 1-го января 1902 года. Но съ тѣхъ поръ произошли новые выборы. Образовалось и новое министерство, съ человѣкомъ во главѣ, у котораго рѣшимости было еще болѣе, чѣмъ у Вальдека-Руссо, но вполнѣ отсут-

ствовало чувство мѣры и порядочности. Съ тѣхъ поръ Франція уже представляетъ совершенно жалкое зрѣлище. Правительство и большинство, на которое оно опирается, открыто признаютъ, что законодательнымъ порядкомъ можетъ быть установлена любая репрессивная мѣра, и, лишь бы она была проведена при соблюденіи установленныхъ формъ, такая мѣра сама по себѣ законна. Признаютъ они и то, что любое дѣйствіе власти, даже противозаконное, становится вполнѣ правильнымъ, какъ скоро его одобрило большинство палаты. Такимъ образомъ, упрочивается взглядъ, что все можетъ быть предметомъ регламентаціи или преслѣдованія, что для законодательной власти нѣтъ границъ и что все понятіе о законности сводится къ формальнымъ условіямъ. Благодаря этому ученію, самыя гарантіи свободы могутъ стать вѣрнѣйшимъ средствомъ къ ея полному подавленію. Какъ скоро исчезло у представителей народа сознаніе, что есть предѣлъ вмѣшательству государства и законной регламентаціи, и что за этимъ предѣломъ полноправность личности исчезаетъ, любое сплоченное большинство можетъ довести до нуля всякую самостоятельность гражданина, даже въ области частной жизни. Возстановить это сознаніе можетъ одно лишь соображеніе, что палка о двухъ концахъ и что орудіе, которымъ большинство подавляетъ своихъ противниковъ, можетъ со временемъ быть направлено противъ него же. Но демократія такихъ поворотовъ судьбы не боится. Она и не допускаетъ возможности насилія со стороны меньшинства, забывая, что исторія полна примѣровъ такого насилія. Опасность, такимъ образомъ, велика. Кровавый терроръ 1793—94 года, правда, едва ли возродится. Но можетъ наступить терроръ иного рода — безъ казней и насилій, такъ сказать, мирный, затяжной терроръ, который тѣмъ будетъ страшнѣе, что опрокинуть его взрывомъ негодованія станетъ невозможнымъ; къ этому Франція теперь идетъ, и едва ли не единственное средство ея самозащиты — замѣнить деспотизмъ безымянной толпы проходимцевъ деспотизмомъ одного лица столь же безымяннаго.

такъ какъ пора великихъ людей для Франціи прошла. Но это какъ разъ и есть порядокъ южно-американскихъ республикъ.

Во всякомъ случаѣ примѣровъ безцеремоннаго произвола за послѣдніе два года накопилось достаточно. Опираясь на одностороннее толкованіе закона 1901 года, министерство г-на Комба признало, что испрашивать разрѣшеніе должны не только самыя конгрегаціи, но и всѣ школы, содержимыя или управляемыя хотя бы только членами такихъ конгрегацій. Въ силу этого толкованія, одобреннаго большинствомъ палаты, лѣтомъ 1902 г. было закрыто болѣе $2^{1}/_{2}$ тысячъ школъ для дѣвочекъ, содержавшихся женскими монашескими орденами, лишь часть которыхъ не имѣла уже или не испросила правительственнаго разрѣшенія. Въ числѣ этихъ школъ было очень много такихъ, которыя просуществовали уже нѣсколько десятковъ лѣтъ, между тѣмъ какъ законъ 1901 года касался только самихъ конгрегацій, а не зависящихъ отъ нихъ учрежденій, и отнялъ право на существованіе у тѣхъ лишь религіозныхъ ассоціацій, которыя образовались вновь послѣ 1900 года. Такимъ образомъ, открытое правонарушеніе получило санкцію палаты.

Но этого мало. Былъ затѣмъ внесенъ законопроектъ о запрещеніи преподаванія на всѣхъ ступеняхъ всѣмъ конгрегаціямъ, въ томъ числѣ и дозволеннымъ, и о закрытіи всѣхъ школъ, мужскихъ и женскихъ, гдѣ въ числѣ учителей былъ бы хотя одинъ членъ какого-либо монашескаго ордена. Этотъ законъ, или вѣрнѣе, этотъ рядъ законовъ, такъ какъ мѣры эти проводились по частямъ и не вполнѣ завершены до сихъ поръ, составляетъ прямое нарушеніе свободы преподаванія, дарованной всѣмъ французскимъ подданнымъ законами 1834, 1850 и 1875 гг. И свобода эта продолжаетъ существовать для всѣхъ, не принадлежащихъ къ монашескимъ орденамъ, благодаря чему, кстати сказать, пришлось сохранить школы, завѣдующіе которыми скинули для вида орденскую одежду и объявили себя непринадлежащими ни къ какой конгрегаціи. Въ близкомъ будущемъ предстоитъ, конечно, распространеніе этихъ мѣръ и

на лицъ бѣлаго духовенства, такъ какъ въ сущности преслѣдованіе направлено противъ всѣхъ школьныхъ учрежденій, гдѣ преподаваніе не ведется въ республиканскомъ и въ антирелигіозномъ духѣ. Поддерживающіе такія мѣры совершенно упускаютъ изъ вида, что люди, прибѣгавшіе къ произволу, входятъ во вкусъ, что свобода заключается не въ томъ, чтобы предоставлять широкія права тѣмъ или другимъ категоріямъ гражданъ, а какъ разъ въ допущеніи ихъ для своихъ противниковъ. Отъ религіозныхъ корпорацій можно перейти къ бѣлому духовенству, отъ бѣлаго духовенства къ частнымъ лицамъ, мыслящимъ не демократически, отъ школьнаго дѣла къ газетамъ, отъ газетъ ко всякому проявленію свободнаго слова. Франція представляетъ въ настоящее время курьезное зрѣлище страны, гдѣ духовенству и всѣмъ сочувствующимъ ему общественнымъ слоямъ, т. е. въ сущности естественнымъ устоямъ общественнаго порядка, воспрещается сплачиваться, учить и проповѣдывать. И все это широко разрѣшается тѣмъ, кто стремится выворотить общество наизнанку. Изъ такого неестественнаго положенія два только исхода, оба насильственные,- соціальный переворотъ или переворотъ военный. Quos medicamenta non sanant, ferrum sanat.

ГЛАВА IX.

Государства, занимающія центръ европейскаго материка, Германія и Австрія, представляютъ собою ту особенность, что правительство здѣсь не партійное. Государственные люди смѣняютъ другъ друга у власти безъ прямого соотношенія съ перемѣной въ составѣ парламентскаго большинства. Министры являются, такимъ образомъ, въ этихъ двухъ странахъ, — въ Германіи притомъ въ большей степени, чѣмъ въ Австріи, — прямыми выразителями воли государя. Конфликты могутъ возни-

кать между кабинетами и палатой, не вызывая притомъ ни распущенія послѣдней, ни отставки министерства, но между императоромъ и его министрами никакого конфликта быть не можетъ. Разногласія между ними повели бы только къ увольненію цѣлаго кабинета въ Австріи или отдѣльныхъ его членовъ въ Германіи. Понятно, какъ перемѣщается въ этихъ двухъ государствахъ обычный центръ тяжести парламентскаго строя. Государь имѣетъ передъ собою не главу прочнаго или хотя бы случайнаго большинства, а простыхъ исполнителей своей воли. Притомъ въ Австріи — говоря здѣсь объ этой странѣ, мы имѣемъ въ виду лишь западную, цислейтанскую ея половину — въ Австріи министерство представляетъ собою сплоченную группу лицъ, призываемыхъ къ власти или выходящихъ въ отставку разомъ, а въ Германіи не связанныхъ между собою государственныхъ людей, назначаемыхъ императоромъ и увольняемыхъ имъ по одиночкѣ. Можно, такимъ образомъ, въ обѣихъ этихъ странахъ на живомъ опытѣ убѣдиться, въ какой мѣрѣ главнымъ органомъ ограниченія центральной власти является не палата, а министерство. И въ Австріи, гдѣ министры солидарны между собою, они болѣе, чѣмъ въ Германіи, оказываютъ давленіе на волю императора, благодаря чему въ Австріи политическій строй нѣсколько ближе къ парламентаризму, чѣмъ у ея сѣверной сосѣдки. И это обнаруживается особенно ярко изъ того, что въ теченіе 28-и лѣтъ, съ 1862 по 1890 годъ, сперва въ королевствѣ Пруссіи, а потомъ въ объединенной Германіи у власти стоялъ крупнѣйшій государственный человѣкъ всей второй половины XIX столѣтія, притомъ человѣкъ не только съ несокрушимой волей, но и съ очень неуживчивымъ нравомъ. Человѣкъ этотъ, правда, не переставалъ управлять страной почти самодержавно, часто не имѣя за собой въ палатѣ большинства. За то, когда онъ былъ въ полномъ обладаніи этого большинства, но произошла размолвка по второстепенному вопросу между нимъ и молодымъ его государемъ, за годъ передъ тѣмъ вступившимъ на престолъ, ему приказано было подать въ отставку. Съ тѣхъ поръ смѣнилось въ Германіи три госу-

дарственныхъ канцлера, и каждому изъ нихъ, и графу Каприви, и князю Гогенлоэ, и графу Бюлову, приходилось защищаться отъ болѣе или менѣе сильной оппозиціи, но никому въ голову не приходило, чтобы эта оппозиція была въ состояніи вызвать увольненіе главнаго сановника имперіи. Въ Австріи дѣло происходитъ нѣсколько иначе. Политическая борьба ведется между партіями не только разныхъ оттѣнковъ, но и разныхъ національностей, изъ которыхъ одна—нѣмецкая—постоянно служила цементомъ, сплачивавшимъ разнородную имперію, но за то почти всегда выдѣляла изъ своего состава либеральное большинство съ нѣсколько демократическимъ оттѣнкомъ. Въ Австріи славянское населеніе, центробѣжное по своимъ наклонностямъ, въ общемъ консервативнѣе объединяющаго нѣмецкаго. Вотъ почему коронѣ тамъ приходится выбирать между консерваторами изъ автономистовъ и централистами изъ либераловъ: первые угрожаютъ единству власти, вторые—ея самостоятельности. Разъ только, правда, въ теченіе довольно долгаго ряда лѣтъ, императору Францу Іосифу удалось найти въ лицѣ графа Тааффе перваго министра, нѣмца по рожденію и централиста по наклонностямъ, но въ то же время строгаго охранителя монархическаго склада и очень ловкаго изобрѣтателя всевозможныхъ сдѣлокъ съ группами разношерстныхъ сепаратистовъ. При его 13-лѣтнемъ управленіи дѣла шли гладко. Гладко шли они, впрочемъ, и при его предмѣстникахъ, либералахъ - централистахъ,—либералахъ, впрочемъ, лишь въ очень умѣренной степени,—но шли они такъ лишь благодаря добровольному удаленію изъ рейхсрата самой многочисленной славянской группы —чеховъ, почему большинство оказывалось на сторонѣ нѣмцевъ. Послѣ смерти графа Тааффе всякая устойчивость во внутренней политикѣ Австріи утратилась, благодаря двумъ причинамъ—обостренію взаимной вражды между нѣмцами и славянами и образованію въ каждой изъ двухъ національныхъ группъ—нѣмецкой и славянской—партійныхъ подраздѣленій, идущихъ отъ феодализма до соціалистическихъ вожделѣній. Преобразились за послѣдніе годы въ Австріи и нѣмцы и сла-

ваніе. Съ самаго введенія парламентскихъ учрежденій, т. е. послѣ войны 1866 года, представители нѣмецкой національности дѣлились на двѣ группы — на феодаловъ изъ крупныхъ землевладѣльцевъ, къ которымъ примыкали представители сельскихъ округовъ изъ горныхъ областей,—Тироля, верхней Австріи, Зальцбурга и Штиріи — и буржуазныхъ либераловъ съ сильной примѣсью еврейскаго элемента, преимущественно набиравшихся изъ депутатовъ большихъ городовъ. Правое крыло послѣднихъ, къ которому примыкали и бюрократы изъ нѣмцевъ и довольно многіе члены изъ высшаго дворянства, съ княземъ Ауэрспергомъ во главѣ, было преобладающей партіей въ рейхсратѣ, благодаря отсутствію чешскихъ депутатовъ и раздробленію на мелкія кучки прочихъ національныхъ группъ — словенцевъ, кроатовъ, далматинцевъ и итальянцевъ. Этому большинству приходилось всегда считаться съ польскими панами изъ Галиціи, съ одной стороны, т. е. съ элементомъ консервативнымъ и католическимъ, но въ то же время антинѣмецкимъ, и съ другой, съ радикалами лѣваго крыла, сторонниками обычно-шаблоннаго радикализма, поразительно сходнаго во всѣхъ странахъ, повсюду рекомендующаго одинъ и тотъ же неизмѣнный рецептъ—всеобщую подачу голосовъ, свободу печати и ассоціацій, особенно антихристіанскихъ, и воспитаніе юношества въ противоцерковномъ духѣ. Балансированіемъ между этими двумя крайностями и держалось либеральное министерство князя Ауэрсперга, въ оппозиціи противъ котораго постоянно находились и феодалы и мелкія славянскія группы. Графъ Таафе, которому въ 1879 году поручено было составить новое министерство, основалъ свою систему на тройномъ союзѣ нѣмецкихъ консерваторовъ, поляковъ и славянъ, ради чего онъ вступилъ въ соглашеніе съ такъ называемыми старочехами, консерваторами по темпераменту и довольно умѣренными въ своихъ національныхъ притязаніяхъ: ихъ вполнѣ удовлетворило введеніе чешскаго языка въ пражскомъ университетѣ и въ мѣстномъ богемскомъ сеймѣ. Подобныя уступки были дарованы и галиційскимъ полякамъ. И, удовлетворивъ такимъ

образомъ до нѣкоторой степени національныя стремленія, графъ Тааффе могъ въ то же время всей имперіи сохранить нѣмецкій отпечатокъ, набирая правительственный контингентъ изъ нѣмцевъ консервативнаго лагеря. Эта система, благодаря необыкновенной гибкости перваго министра, продержалась долго, до самой смерти ея изобрѣтателя, и мало по малу ея главной опорой по странной исторической ироніи сдѣлались галиційскіе поляки, во всемъ прекрасно сходившіеся съ австрійскими феодалами и вполнѣ довольные, что имъ предоставляли Галиціи придавать чисто польскій отпечатокъ. Обдѣленными при этомъ режимѣ оказывались лишь второстепенныя группы—южные славяне въ Каринтіи и Штиріи, итальянцы въ Тиролѣ и русины, т. е. малороссы южно-галиційскихъ округовъ. За ними самостоятельныхъ національныхъ правъ, какія допускались для чеховъ, поляковъ и отчасти даже словенцевъ, признавать не считали нужнымъ. Но было это возможно, пока во всѣхъ трехъ союзныхъ группахъ—польской, чешской и нѣмецкой—преобладало клерикально-аристократическое направленіе. Въ настоящее время это преобладаніе сохранилось лишь среди поляковъ; у двухъ прочихъ главныхъ національностей Австріи демократическіе элементы взяли верхъ, чему способствовало преобразованіе выборной системы въ 1896 году, учредившее новую избирательную коллегію для рабочихъ. Въ австрійскихъ округахъ прежніе союзники феодаловъ—сельскіе представители—отложились, образовавъ изъ себя особую группу демократовъ-католиковъ. Появились, хотя въ небольшомъ числѣ, и соціалисты. Но главною бѣдою было то, что среди нѣмецкихъ либераловъ долгое устраненіе отъ власти вызвало понемногу пангерманскія симпатіи. Ихъ стало тянуть къ сосѣдней имперіи, гдѣ нѣмцамъ не приходилось уступать ничего другимъ національностямъ и терпѣть надъ собою клерикально - аристократическое давленіе. Понятно, что еврейская интеллигенція, въ рукахъ которой и биржа, и адвокатура, и печать, послужила главнымъ ферментомъ этого бродильнаго процесса. Въ то же время въ сѣверныхъ славянскихъ областяхъ умѣренные старочехи

были вытѣснены болѣе требовательными младочехами демократическаго оттѣнка, стремившимися, во-первыхъ, изъ чешскихъ земель сдѣлать вторую Венгрію, а, во-вторыхъ, въ этихъ земляхъ признавать обязательнымъ государственнымъ одинъ свой національный языкъ, совершенно игнорируя справедливыя требованія богемскихъ и моравскихъ нѣмцевъ. Съ младочехами, впрочемъ, можно было еще войти въ соглашеніе, такъ какъ демократизмъ ихъ все таки довольно умѣреннаго свойства, и антидинастическихъ стремленій у нихъ вовсе нѣтъ. Но помѣшалъ этому никто иной, какъ чешскіе нѣмцы, съ которыми нельзя было поступить, какъ съ русинами въ Галиціи, отдавъ ихъ подъ команду славянъ. Быть въ меньшинствѣ значитъ быть въ оппозиціи, а оппозиція всегда ведетъ къ радикализму. Эта старинная истина подтвердилась на австрійскихъ нѣмцахъ изъ славянскихъ областей. Они рѣшительно примкнули къ пангерманистамъ нижней Австріи, съ г. Шенереромъ во главѣ, и правительство очутилось въ безвыходномъ положеніи, вынужденное лавировать между пламенными врагами нѣмецкой національности, — династическими сепаратистами въ Богеміи и въ Моравіи, и вполнѣ антидинастическими, даже измѣнническими сторонниками крайняго нѣмецкаго централизма. Опора монархіи — нѣмецкая національность — стала ея разлагающимъ элементомъ. Путь къ выходу изъ этого лабиринта еще не отыскапъ.

Въ Германіи центробѣжныя стремленія хоть и проявлялись тоже со времени образованія новой имперіи, но гораздо слабѣе, чѣмъ въ Австріи. Двумя наиболѣе рѣзкими носителями этихъ стремленій были вновь присоединенные эльзасцы на западѣ и поляки на востокѣ, посылавшіе въ совокупности отъ 32—34 депутатовъ въ рейхстагъ. Къ нимъ слѣдуетъ присоединить датчанъ изъ сѣвернаго Шлезвига, никогда не переходившихъ за скромное число двухъ представителей, и до нѣкоторой степени ганноверскихъ вельфовъ, получавшихъ въ парламентѣ 8—12 мѣстъ. Партикуляризмъ, но въ болѣе слабой формѣ, проявлялся и въ Саксонскомъ королевствѣ, по крайней мѣрѣ

на первыхъ порахъ существованія имперіи, въ Баваріи, гдѣ его носителями были клерикалы, между тѣмъ какъ либеральные депутаты этой страны выражали собою идею нѣмецкаго единенія. Успѣхъ клерикализма, какъ уже было сказано выше, въ значительной степени зависѣлъ отъ того, что вокругъ церковныхъ интересовъ могли группироваться всѣ, несочувственно относившіеся къ главенству Пруссіи, къ ея чиновникамъ и солдатамъ. А такъ какъ католическое населеніе было многочисленно какъ разъ въ тѣхъ частяхъ Германіи, которыя либо утратили часть своей прежней автономіи, либо въ польскихъ округахъ на востокѣ и въ прирейнскихъ на западѣ, гдѣ спеціально прусскій патріотизмъ не успѣлъ окрѣпнуть, совпаденіе клерикальныхъ вѣяній съ сепаратистскими было какъ нельзя болѣе естественнымъ. Князь Бисмаркъ чувствовалъ и сознавалъ это, какъ нельзя лучше, и потому съ первыхъ же своихъ шаговъ въ роли общегерманскаго канцлера отнесся къ клерикаламъ съ демонстративной враждебностью, ища себѣ опоры въ среднихъ партіяхъ — умѣренныхъ консерваторахъ, для которыхъ имперское единство стояло выше сословныхъ интересовъ, и національ-либералахъ, отдававшихся культу этого единства съ ревностью новообращенныхъ. До французской войны подавляющее большинство нѣмецкихъ либераловъ, хоть и видѣло въ прусскомъ королевствѣ главное орудіе для достиженія единства, все таки смотрѣло на него именно только какъ на орудіе. По ихъ идеямъ прусскій сепаратизмъ былъ не лучше остальныхъ, и въ возстановленной имперіи все прусское должно было потонуть среди общегерманскаго. Другими словами, объединеніе должно было произойти безъ объединяющаго центра. Но когда двѣ побѣдоносныя войны показали, что въ этомъ центрѣ все дѣло, что сплотила Германію не отвлеченная идея, а реальная прусская сила, большинство либераловъ, въ томъ числѣ и не прусскихъ, стали восторженными поклонниками имперіи, подъ однимъ лишь условіемъ, чтобы во внутренней политикѣ она держалась либеральнаго направленія. Этотъ либерализмъ долженъ былъ имѣть троякое выраженіе —

свободу торговли, отвѣчавшую интересамъ промышленнаго класса, реформу внутреннихъ порядковъ, тоже въ интересахъ этого класса, т. е. реформу мѣстнаго управленія и полную свободу передвиженія, какъ средство доставить лишнія рабочія руки городской промышленности, и борьбу съ католицизмомъ. Такой либерализмъ былъ въ данную минуту совершенно на руку канцлеру. Въ развитіи промышленности онъ видѣлъ средство обогатить Германію, на клерикаловъ онъ смотрѣлъ, какъ на опасныхъ сепаратистовъ, а съ дворянствомъ совершенно разошелся, встрѣчая у него упорную оппозицію своей общеимперской политикѣ. Словомъ, онъ съ помощью національ-либераловъ повелъ, хоть и безсознательно, совершенно городскую антиаграрную политику. Формула ему казалась очень проста
исключительно поддерживать то, что можетъ укрѣпить и сплотить новую имперію. А всего болѣе услугъ могла ему оказать въ этомъ дѣлѣ городская буржуазія, у которой историческихъ традицій немного, между тѣмъ какъ традиціонный духъ, живущій въ деревнѣ, обнаруживалъ неохоту жертвовать мѣстными интересами въ пользу общегерманскихъ и являлся нѣкоторой преградою для широкой объединительной политики. Всякое національное объединеніе не обходится безъ ломки мѣстныхъ традицій и державшихся ими мѣстныхъ общественныхъ силъ; словомъ, заодно съ нимъ неизбѣжно совершается переходъ отъ историческаго строя, сложившагося не по общему симметрическому плану, и вслѣдствіе того всегда пестраго, къ строю отвлеченно-раціональному, основанному на идеѣ, а не на фактѣ. Цѣль, какую призванъ осуществить этотъ новый современный намъ строй, помимо чисто идеальныхъ мотивовъ, заключается въ достиженіи большихъ удобствъ въ жизни, болѣе легкаго и быстраго перемѣщенія людей и товаровъ, болѣе широкой концентраціи человѣческихъ усилій и накопленныхъ богатствъ. Наоборотъ, начала, вложенныя вѣками въ любой историческій строй, — вѣрность преданію, прочное сохраненіе старинныхъ институтовъ не потому, что они цѣлесообразны, а потому лишь, что они стали дорогими въ силу привычки. Защитникомъ-охра-

нителемъ этого историческаго строя въ современной Европѣ является по преимуществу деревня, благодаря тому, что въ послѣдней пульсъ общественной жизни бьется не такъ сильно и поэтому потребность въ широкихъ объединительныхъ реформахъ ощущается слабѣе. Городъ, напротивъ, съ своимъ подвижнымъ населеніемъ, съ своей жаждой войти въ непосредственную связь съ міровымъ обмѣномъ служитъ выразителемъ противоположнаго общественнаго типа. Такъ оно по крайней мѣрѣ въ центральной, материковой Европѣ. Въ Англіи и въ Америкѣ оно уже не такъ. Тамъ наростаніе капитала достигло такихъ размѣровъ, что онъ повсюду проникъ и въ деревню, вызвавъ въ ней потребности, общія съ городомъ. Вотъ почему въ Англіи сохраненіе соціально-историческаго строя вполнѣ мирится съ экономическимъ объединеніемъ, съ колоссальнымъ развитіемъ желѣзнодорожной сѣти и фабричнаго дѣла, съ усовершенствованной дѣятельностью капиталистическихъ ассоціацій. Про Америку и говорить нечего: тамъ антагонизма между деревней и городомъ не существуетъ, такъ какъ исторически сложившейся деревенской жизни, отличной отъ городской, тамъ нѣтъ и не было.

Въ Германіи этотъ антагонизмъ не только живъ — за последнія 15 лѣтъ онъ выражается съ особой силой. Быстрое развитіе капитализма, начавшееся съ образованія новой имперіи, особенно, благодаря пятимилліардной французской контрибуціи, дало съ самаго начала 70-хъ годовъ сильный толчекъ промышленности, а потому и городамъ, нарушивъ прежнее ихъ равновѣсіе съ деревней. Процессъ выразился тремя болѣзненными явленіями: крупнымъ отливомъ рабочихъ рукъ отъ сельскихъ занятій къ промышленнымъ, которымъ вызвано было вздорожаніе сельско-хозяйственнаго производства, острымъ промышленнымъ кризисомъ, созданнымъ лихорадочнымъ размноженіемъ предпріятій безъ всякаго соотвѣтствія съ потребностями рынка, наконецъ развитіемъ городского пролетаріата и связанной съ нимъ соціалъ-демократіи. Тѣмъ не менѣе, при всей своей прозорливости, Бисмаркъ этихъ явленій предвидѣть не сумѣлъ.

Въ 70-е годы онъ весь былъ на сторонѣ города. Толкнуть впередъ нѣмецкую промышленность, а въ связи съ этимъ открыть ей заокеанскіе рынки и всячески облегчить подвижность и объединеніе нѣмецкаго капитала, словомъ, превратить Германію въ промышленное государство «Industriestaat», — вотъ къ чему стремилась его внутренняя политика и вотъ почему онъ дружилъ съ либералами. Рабочую опасность онъ надѣялся устранить двумя способами — разрушеніемъ ихъ антигосударственной организаціи, посредствомъ закона противъ соціалистовъ (1878 г.), и рядомъ положительныхъ мѣръ, направленныхъ къ обезпеченію ихъ быта: законы о страхованіи отъ болѣзней и отъ несчастныхъ случаевъ и о фондѣ для призрѣнія въ старости («Krankenversicherungsgesetz» 1883 г., «Unfallversicherungsgesetz» 1884 г. и «Invalidenversicherungsgesetz» 1889 г.). Что же касается оппозиціи со стороны клерикаловъ и старо-консерваторовъ, онъ сталъ на нихъ смотрѣть, какъ на запоздалыхъ представителей отживающей старины, которыхъ само движеніе общества впередъ передѣлаетъ на новый ладъ или совсѣмъ оставитъ позади, какъ ненужные отбросы. Сепаратистскія стремленія эльзасцевъ, поляковъ и вельфовъ онъ разсчитывалъ подавить силой. И во всемъ этомъ онъ жестоко ошибся, за исключеніемъ развѣ гановерской и эльзасской оппозиціи, значительно ослабшей въ настоящее время, но и то уже при его преемникахъ и скорѣе благодаря смягченнымъ пріемамъ, чѣмъ подавленіямъ строгостью. Поляковъ онъ примирить не успѣлъ и національнаго ихъ сепаратизма не ослабилъ. Рабочіе остались глухи къ приманкамъ направленныхъ въ ихъ пользу законовъ, и соціалъ-демократія продолжала расти. Росла и оппозиція клерикаловъ, вынудившая у правительства отмѣну направленныхъ противъ нихъ исключительныхъ законовъ, кромѣ лишь изгнанія іезуитовъ. Не были смяты и старые консерваторы: несогласія съ правительствомъ научили ихъ только новымъ усовершенствованнымъ пріемамъ борьбы.

Но главнымъ, самымъ болѣзненнымъ пораженіемъ для князя Бисмарка было вынужденное признаніе, что онъ ошибался. И

убѣдившись въ этомъ, съ энергіей и быстротой истиннаго государственнаго человѣка, онъ въ 1878 году рѣзко перемѣнилъ фронтъ. Надежды фритредеровъ не сбывались. Продукты нѣмецкой промышленности въ 70-хъ годахъ не завоевали себѣ ни одного иностраннаго рынка. Не распространялись они и на собственномъ, потому что рынокъ этотъ былъ недостаточно богатъ для поглощенія всего, что лихорадочно перерабатывали разросшіяся фабрики. Сильный спросъ на рабочія руки, вызванный приливомъ денегъ, пущенныхъ въ обращеніе путемъ казенныхъ заказовъ, рѣзко поднялъ рабочую плату. И надѣясь болѣе интенсивной продуктивностью окупить расходы на производство, фабриканты его отчаянно расширяли, не заботясь о покупной способности домашняго рынка. А такъ какъ страна не богатѣла соотвѣтственно этому росту — прибыль отъ сельскаго хозяйства даже понижалась въ зависимости отъ удешевленія зерна — размѣстить дома свои фабрикаты промышленности не удавалось. И въ результатѣ явилось одинаково стѣсненное положеніе и промышленности и земледѣлія, и цѣлый рядъ несостоятельностей, какъ торговыхъ, такъ и фабрично-заводскихъ фирмъ, и въ концѣ концовъ на ряду съ подъемомъ рабочей платы — безработица. Въ то же время въ чисто политической области правительство увидѣло полную безплодность своей борьбы противъ католицизма. Религіозныя преслѣдованія имѣли свое неизбѣжное послѣдствіе: они стали вызывать симпатіи къ ультрамонтанамъ даже среди ихъ рѣшительныхъ враговъ — свободомыслящихъ. А въ то же время среди національ-либераловъ обнаружился расколъ: лѣвое ихъ крыло, съ гг. Риккертомъ и Бамбергеромъ во главѣ, изъ боязни растерять своихъ избирателей, вновь почувствовало стремленіе приблизиться къ своимъ прежнимъ единомышленникамъ-прогрессистамъ (Fortschrittspartei). И сліяніе это дѣйствительно совершилось въ 1884 году, подъ общимъ наименованіемъ партіи свободомыслящихъ (Freisinnige Partei). Канцлеръ понялъ, что, не достигая ни одной изъ намѣченныхъ цѣлей, — ни укрѣпленія единства, ни промышленнаго обогащенія, онъ окажется выну-

жденнымъ, ради удержанія за собой прежняго большинства, подвигаться болѣе влѣво, т. е., ради совершенно чуждыхъ ему демократическихъ принциповъ, приносить въ жертву интересы землевладѣльческаго класса, къ которому принадлежалъ и самъ, а въ концѣ концовъ поступиться и правами короны, такъ какъ однимъ изъ требованій лѣваго крыла его большинства было введеніе министерской отвѣтственности передъ палатой, т. е. строгаго парламентаризма. До того времени и Пруссія и объединенная Германія управлялись полновластнымъ министромъ, полновластнымъ однако въ силу довѣрія къ нему императора, а не парламентскаго большинства. Изъ этихъ двухъ ролей Бисмарку болѣе нравилась первая: онъ крѣпче разсчитывалъ на прочность довѣрія къ нему государя, чѣмъ на колеблющееся несплоченное большинство рейхстага. Такого большинства въ строгомъ смыслѣ и не существовало. Оно могло образоваться лишь вслѣдствіе коалиціи нѣсколькихъ партій — либераловъ, умѣренныхъ и крайнихъ, съ свободными консерваторами, консерваторовъ всѣхъ оттѣнковъ съ націоналъ-либералами, наконецъ ихъ же съ центромъ. И князь Бисмаркъ попробовалъ новую комбинацію: союзъ націоналъ-либераловъ съ обѣими консервативными фракціями. Ему пришлось для этого осилить себя и стушевать воспоминанія о недавней ссорѣ съ выдающимися представителями крайней правой, г.г. Клейстъ - Ретцовъ, фонъ Путкамеръ и т. д. На бѣду однако и этой коалиціи не хватало для полученія большинства. Надо было въ отдѣльныхъ случаяхъ подкрѣплять ее поддержкой то лѣваго крыла, то клерикаловъ. Послѣдніе охотно соглашались на мѣры протекціоннаго свойства, возвышавшія таможенныя ставки на желѣзо и издѣлія изъ него, а въ особенности на продукты сельскаго хозяйства. За то они шли туго на всякіе проекты, стѣснявшіе въ чемъ-либо политическую свободу: ихъ зоркіе вожди, гг. фонъ Маллинкротъ, фонъ Виндхорстъ, фонъ Шорлемеръ-Альстъ, на всякій случай берегли себѣ союзниковъ на лѣвой сторонѣ палаты, старательно избѣгая всего, что могло раздразнить свободомыслящихъ. Согласіе ихъ, сперва на законъ

о соціалистахъ, затѣмъ на развитіе вооруженія, всякій разъ покупалось пожертвованіемъ какой-либо изъ прежнихъ антиклерикальныхъ мѣръ. Вся система такъ называемой культурной борьбы (Kulturkampf) противъ сторонниковъ Рима разрывалась по клочкамъ. И этимъ нельзя было даже купить полнаго единенія съ католиками. Они продолжали являться самыми могущественными представителями теченія, враждебнаго централизаціи въ прусскомъ духѣ. Въ этомъ къ нимъ примыкали охотно и поляки, и ганноверцы, и эльзасцы. Но примыкали къ нимъ — и это всегда возбуждало особое негодованіе стараго канцлера — и ихъ наиболѣе отъявленные противники, свободомыслящіе. Подъ общимъ понятіемъ центробѣжнаго либерализма объединялись, такимъ образомъ, теченія самыя противоположныя — вѣрность церкви и раціоналистическое безвѣріе, сильно приправленное еврействомъ, старинные ганноверскіе консерваторы вельфы и радикалы почти республиканскаго типа, строгіе націоналисты, не желавшіе только, чтобы скрутили всю Германію по прусскому образцу, и антинаціональные элементы, какъ поляки, датчане и эльзасцы. Партій въ тогдашнемъ рейхстагѣ — здѣсь я имѣю въ виду послѣдніе годы управленія кн. Бисмарка — имѣлось всего десять: двѣ консервативныя фракціи, католическій центръ, націоналъ-либералы, свободомыслящіе, южногерманскіе демократы (Süddeutsche Volkspartei), соціалисты, поляки, вельфы и эльзасцы. Впослѣдствіи эта почтенная цифра еще размножилась: раздвоились свободомыслящіе на двѣ группы — «Freisinnige Vereinigung» и «Freisinnige Volkspartei» — первая съ г. Риккертомъ, вторая съ г. Евгеніемъ Рихтеромъ во главѣ, — и образовались новыя, правда, микроскопическія группы: антисемиты или нѣмцы-реформаторы (Deutsche Reformpartei), граничащіе съ консерваторами, тоже очень близкій къ нимъ союзъ сельскихъ хозяевъ (Bund der Landwirte) и соціальные реформаторы, очень близкіе къ соціалистамъ. Послѣдніе, какъ и датчане, состояли всего изъ двухъ человѣкъ — пастора Наумана и г. фонъ Герляха. Число отдѣльныхъ группъ достигло, такимъ образомъ, 14, не считая даже особаго оттѣнка консерваторовъ.

едва ли не имѣвшаго одного только представителя, пастора Штекера, и придававшаго консерватизму христіанско-соціалистическую окраску. Четыре послѣдовательныя выборныя кампаніи 1878, 81, 84 и 87 гг. распредѣлили депутатовъ рейхстага (всего 397) по этимъ отдѣльнымъ группамъ слѣдующимъ образомъ:

гг.	Націон.-либ.	Либералы.	Свободом.	Консерват.	Центръ.	Своб. конс.	Соц.	Ост.
1878	97	26	—	59	103	56	9	47
1881	62	64	—	58	102	49	10	52
1884	45	—	100	52	106	24	13	57
1887	98	—	32	78	101	41	11	36

Для краткости мы здѣсь оставляемъ въ сторонѣ мельчайшія группы. Раздробленность и безъ того чрезвычайна. Общій характеръ отношеній центральнаго правительства къ партіямъ заключался въ томъ, что, несмотря на частныя несогласія, оно всегда въ серьезныхъ случаяхъ могло разсчитывать на три фракціи — на обѣ консервативныя и на націоналъ-либераловъ. Но такъ какъ этого все таки не хватало, надо было въ экстренныхъ случаяхъ прибѣгать къ помощи клерикаловъ, всегда дорого оплачиваемой. А между тѣмъ оппозиція слѣва росла. Число соціалистовъ съ каждыми новыми выборами увеличивалось. Стали отвоевывать себѣ потерянныя мѣста и свободомыслящіе. Князь Бисмаркъ сознавалъ, какъ растетъ вокругъ него противодѣйствіе его видамъ и сплачивается неестественный союзъ людей, согласныхъ въ одномъ лишь — въ оппозиціи прусскому главенству. Его возмущало, что теперь, когда, благодаря ему, исполнилась мечта, столько лѣтъ тщетно преслѣдуемая нѣмецкой интеллигенціей, эта самая интеллигенція борется съ той силой, которой удалось сплотить во-едино германскую мозаику — силой государственнаго прусскаго организма. И съ злобною горечью онъ восклицалъ не разъ въ рейхстагѣ: Ich bin müde. todmüde. Оппозиціонная коалиція ему казалась чѣмъ-то незаконнымъ, возмутительнымъ, почти измѣнническимъ. Онъ ожидалъ тайнаго противодѣйствія со стороны нѣмецкихъ государей, у которыхъ Пруссія отняла большую половину ихъ само-

стоятельности. А между тѣмъ эти государи, за исключеніемъ немногихъ случаевъ мелкихъ разногласій, оказывались вѣрнѣйшими опорами единства, въ которомъ они съ похвальною дальновидностью чувствовали опору и для себя. Противодѣйствіе возникало съ той стороны, откуда его не ожидалъ канцлеръ, и французская пресса съ злорадствомъ подчеркивала, что вся западная половина имперіи, наиболѣе промышленная, богатая и просвѣщенная, стоитъ въ оппозиціи къ прусской гегемоніи. Въ этомъ она усматривала слѣды французскаго вліянія, отзвуки бывшаго Рейнскаго союза. Можно было, конечно, управлять Германіей и безъ большинства въ рейхстагѣ. Могущество канцлера зависѣло не отъ этого большинства, а отъ довѣрія императора. И хотя самое это довѣріе было такъ прочно, благодаря огромной популярности князя среди народныхъ массъ, все таки онъ чувствовалъ себя независимымъ отъ измѣнчивыхъ группировокъ парламентскихъ партій. Не посмѣла бы никакая оппозиція отказать въ утвержденіи бюджета, пока этотъ бюджетъ оставался неподвижнымъ: это бы значило для нея рисковать потерей своихъ избирателей. Но въ томъ-то и дѣло, что бюджетъ оставаться неподвижнымъ не могъ. Главнымъ объектомъ политики князя всегда оставались внѣшнія отношенія, а для безопасности Германіи онъ считалъ нужнымъ усиливать ея вооруженія въ уровень сосѣдей, и для этого нужно было получить большинство. Наконецъ, на выборахъ 1887 года такого большинства удалось добиться посредствомъ соглашенія трехъ правительственныхъ партій взаимно поддерживать другъ друга на всѣхъ перебаллотировкахъ. Союзъ консерваторовъ съ національ-либералами получилъ абсолютное большинство, благодаря страху, напущенному на нѣмецкую буржуазію успѣхами соціализма. Единственный разъ за все существованіе новой имперіи, на выборахъ 1887 года, соціализмъ подался назадъ. Князь Бисмаркъ не ожидалъ, что эта побѣда уже послѣдняя, что онъ уже на порогѣ отставки. Въ началѣ 1888 года императора Вильгельма I не стало, а годъ спустя, его внукъ, воспитанникъ идей канцлера, какъ это казалось старику-князю, его уволилъ са-

нымъ безцеремоннымъ образомъ. Произошло это отъ того, что Бисмаркъ считалъ свое дѣло незаконченнымъ, пока онъ не достигъ прочнаго соглашенія съ центромъ. Какъ человѣкъ цѣльный, послѣ своей неудачи въ борьбѣ съ католицизмомъ онъ понималъ, что полумѣры никуда не годятся. и что такую могучую консервативную силу, какъ римскую церковь, надо имѣть на своей сторонѣ. И помимо молодого императора, даже безъ его вѣдома, онъ вступилъ въ переговоры съ главою ультрамонтановъ фонъ-Виндгорстомъ. Націоналъ-либералы, какъ разъ послѣ услуги, оказанной правительству въ 1887 году, стали требовательными и домогались преобладающаго положенія въ правительствѣ, т. е. уступки имъ трехъ министерскихъ портфелей—внутреннихъ дѣлъ, финансовъ и торговли. Но на это Бисмаркъ соглашаться не хотѣлъ, и онъ попытался достигнуть на этотъ разъ уже полнаго союза съ католиками. Но императоръ Вильгельмъ II въ первые годы своего царствованія былъ въ еще большей мѣрѣ, чѣмъ самъ Бисмаркъ, сторонникомъ эквилибристики, намѣреваясь даже расширить кругъ совершаемыхъ поворотовъ, до кокетничанія съ соціалистами включительно. Канцлеру въ рѣзкихъ выраженіяхъ была дана отставка, и началась длившаяся семь лѣтъ политика колебаній, во время которой совершенно невозможно было сказать, гдѣ правительственное большинство, до того оно часто мѣнялось. Горькій опытъ съ выборами 90-го и 93-го г.г., на которыхъ правительственное большинство разсѣялось, вскорѣ показалъ императору, что съ помощью эквилибристики прочныхъ результатовъ достигнуть нельзя. Онъ тщетно пытался въ самые первые годы своего царствованія приручить соціалистовъ, стараясь показать, что интересы рабочаго класса еще ближе, еще живѣе принимаются къ сердцу правительствомъ, чѣмъ вождями соціалъ-демократическаго движенія, что стремленіе лучше обезпечить его бытъ вполнѣ совмѣстимо съ монархическимъ чувствомъ. Вильгельмъ II хотѣлъ воплотить въ себѣ нѣчто въ родѣ либеральныхъ самодержцевъ второй половины XVIII вѣка, очень ревниво оберегавшихъ свою власть, но и всегда готовыхъ ею пользоваться

для національнаго прогресса. Быть государемъ самостоятельнымъ, не связаннымъ парламентскими путами, и въ то же время гнать впередъ развитіе своего народа, и экономическое и духовное, вотъ какова была программа, съ которой Вильгельмъ II принялся царствовать. Это въ сущности было нѣчто очень близкое къ программѣ «катедеръ-соціалистовъ», открыто признававшихъ почти всѣ тѣ же недостатки современнаго экономическаго строя, противъ которыхъ возстаютъ главари соціалъ-демократіи, но предлагавшихъ ихъ устранить сверху, а не снизу, путемъ законодательства и административнаго почина, а не путемъ насильственнаго или хотя бы мирнаго захвата власти четвертымъ сословіемъ. Это въ сущности былъ соціализмъ безъ соціалистовъ, какъ во Франціи 70-хъ годовъ пробовали организовать республику безъ республиканцевъ. И обѣ попытки одинаково не удались. Вильгельмъ II наткнулся на коренное противорѣчіе со стороны тѣхъ, которыхъ онъ старался примирить. Вожди соціалъ-демократіи давно перестали думать объ одномъ лишь благѣ рабочаго класса. Они, главнымъ образомъ, думали о власти для себя, о перемѣщеніи центра тяжести политической жизни влѣво, поднимая старинное знамя радикаловъ 48-го года, которые хотѣли власть эту перенести отъ правящихъ классовъ къ интеллигенціи. Интеллигенція своихъ цѣлей въ сущности достигла—имѣлась и свобода печати, и всеобщая подача голосовъ, и почти полная свобода преподаванія. Либеральныя карьеры были широко открыты и пользовались почетомъ. Не возбранялось и отдѣльнымъ представителямъ этихъ карьеръ, какъ напр. доктору Хобрехту и доктору Микелю, достигать министерскаго поста. Одного только не доставало. Прогрессисты, т. е. вожди интеллигенціи, не вошли въ правительство коллективно, развернутымъ фронтомъ, не замѣнили собою прежній правящій классъ, а только просачивались въ него понемногу. Полной побѣды они такимъ образомъ не достигли и достигнуть не могли. Во-первыхъ, ихъ интересы не особенно горячо воспламеняли народныя массы, съ тѣхъ поръ какъ у этихъ массъ появился прямой заступникъ — соціализмъ;

во-вторыхъ, они сами въ сущности были настолько довольны существующимъ порядкомъ, что на его низверженіе у нихъ не хватало энергіи. Вожди соціализма — эти изгои интеллигенціи, — понимавшіе, что прямымъ воздѣйствіемъ на рабочій классъ можно провести вверхъ и болѣе низкопробные таланты, въ виду неособенной требовательности будущаго самодержца — толпы, имѣли передъ радикалами то преимущество, что въ дѣло свое вкладывали болѣе одушевленія, болѣе страстности. Императоръ Вильгельмъ довольно скоро понялъ, что, предлагая соціалистамъ поблажки, въ видѣ законодательныхъ мѣръ въ пользу рабочаго класса, онъ ничего не достигнетъ, такъ какъ онъ не можетъ обѣщать имъ главнаго — участія во власти, и что люди, принципіально отрѣзанные отъ доступа къ правительству, неизбѣжно станутъ къ нему въ оппозицію. Но поддержка лѣвой стороны рейхстага все таки ему была нужна для заключенія торговыхъ трактатовъ. Германіи, для ея расширившейся промышленности, — а съ конца 80-хъ годовъ въ развитіи промышленности замѣтно новое поступательное движеніе — нужны были заграничные рынки. А этого можно было достигнуть только пониженіемъ охранительныхъ ставокъ въ четырехъ главныхъ странахъ нѣмецкаго заграничнаго сбыта — въ Австріи, Россіи, Италіи и Америкѣ. Съ Англіей и ея колоніями былъ уже заключенъ торговый трактатъ въ 1892 году, со включеніемъ въ него принципа наибольшаго благопріятства. И трактатъ принесъ очевидную пользу Германіи, такъ какъ, благодаря сравнительной дешевизнѣ нѣмецкаго производства, вывозъ изъ Англіи не усилился, а нѣмецкіе продукты, наоборотъ, все шире завоевывали себѣ англійскій рынокъ. Основаніемъ для соглашенія съ четырьмя названными государствами могла быть только уступка со стороны Германіи на ввозныхъ пошлинахъ на сырьѣ. Съ двумя изъ этихъ государствъ — съ Россіей и съ Америкой — Германія не имѣла до того времени никакихъ торговыхъ соглашеній, и обмѣнъ между ними регулировался автономными тарифами. Русскій тарифъ, кстати сказать, былъ спеціально направленъ противъ нѣмецкаго ввоза, такъ какъ въ Россіи

имѣлись особенно высокія ставки на главныя статьи этого ввоза и кромѣ того по сухопутной границѣ существовала 10% таможенная надбавка противъ морской. Неудивительно въ виду этого, что Россія была избрана главнымъ объектомъ для таможенной борьбы, конечно съ затаенной цѣлью притти съ ней когда-нибудь къ соглашенію, такъ какъ ни одна страна не могла представить такого близкаго и широкаго сбыта для нѣмецкихъ фабрикатовъ, особенно для продуктовъ ея машиностроенія. До 1879 года Германія ввозила продукты сельскаго хозяйства безпошлинно. Измѣнившіяся въ неблагопріятномъ смыслѣ условія этого производства, какъ вслѣдствіе нѣкотораго пониженія цѣнъ, такъ и отъ вздорожанія рабочихъ рукъ, побудили нѣмецкое правительство въ этомъ году установить умѣренную пошлину на четыре главные сорта хлѣба, оставивъ свободнымъ ввозъ картофеля и кукурузы. Съ тѣхъ поръ положеніе сельскаго хозяйства становилось все затруднительнѣе: цѣны на хлѣбъ все понижались. Въ 1887 году вслѣдствіе этого пошлины были возвышены до 5 марокъ за 100 килограммовъ (доппелцентнеръ — около 6 пудовъ) ржи и пшеницы, ячменя до 2, 4, овса до 4 и введена слабая пошлина на кукурузу. Замѣчательно, кстати сказать, что эти уже прямо боевыя пошлины ничуть не задерживали ввозъ русскаго зерна. Часть ихъ ложилась на русскихъ хозяевъ, другая на нѣмецкихъ потребителей. Прочія страны, за исключеніемъ Австро-Венгріи, ввозили въ Германію сравнительно мало хлѣба. На ея рынкахъ господствовали русскіе продукты. Нѣмецкіе фабрикаты зато находили себѣ въ Россіи лишь очень ограниченный сбытъ. И вотъ, чтобы принудить ее къ уступчивости, нѣмецкое правительство заключило рядъ договоровъ съ Австріей, Италіей, Руминіей и Сербіей, понизивъ ввозныя пошлины на земледѣльческое сырье изъ этихъ странъ до уровня 79-го года, а въ 1892 году по саратогской конвенціи распространило это пониженіе и на Америку. Все это можно было, очевидно, продѣлать лишь при содѣйствіи лѣваго крыла палаты, такъ какъ, при всей своей готовности склониться передъ совершившимся фактомъ, за утвержденіе трактата по-

дали голоса лишь очень немногіе свободные консерваторы. около половины ультрамонтановъ и далеко не всѣ національ-либералы. Чтобы получить это большинство, надо было всячески гладить по головкѣ не только свободомыслящихъ, но и соціалистовъ, что и было дѣломъ тогдашняго канцлера, графа Каприви. Но этой политикой, несмотря на весь свой несомнѣнный ораторскій талантъ, графъ Каприви не угодилъ никому. Съ одной стороны, обороты торговли съ Россіей, вслѣдствіе репрессивныхъ мѣръ, ею принятыхъ, убавились въ четыре раза, что было очень не на руку нѣмецкимъ фабрикантамъ, съ другой—быстро усилившійся ввозъ изъ Америки, при соотвѣтствующемъ очень ничтожномъ ввозѣ туда изъ Германіи, съ избыткомъ уравновѣсилъ сокращеніе импорта хлѣба изъ Россіи, что и вызвало со стороны консерваторовъ ожесточенныя нападки на канцлера и повело къ образованію могущественной аграрной партіи (Bund der Landwirte), въ которую постепенно входили не только помѣщики восточной области, но и мелкіе землевладѣльцы западныхъ. А когда пришлось въ 1894 году распространить пониженіе и на Россію, аграріи не безъ основанія могли говорить, что ихъ кровные интересы приносятся въ жертву выгодамъ промышленности. Злобному неудовольствію сельскаго населенія въ связи съ растущей конкуренціей оптовой торговли съ мелкою, разорительной для послѣдней, слѣдуетъ приписать новый значительный успѣхъ соціалистовъ на выборахъ 1897 и 1903 года: первые дали имъ 56 мѣстъ, а вторые 81. Въ группировкѣ нѣмецкихъ партій произошелъ новый крутой поворотъ.

Уже въ 1895 году отставка гр. Каприви этотъ переворотъ предвѣщала. Всѣ прежніе спорные вопросы, и борьба съ католицизмомъ, и министерская отвѣтственность, и податная реформа, и сокращеніе военныхъ расходовъ,—все это отошло на второй планъ. Образовалось въ странѣ два главныхъ теченія сельское и городское: одно, видѣвшее въ земледѣліи не промыселъ только, но и занятіе обширнѣйшаго и лучшаго класса населенія, другое—противопоставлявшее этимъ интересамъ выгоды

болѣе производительной обрабатывающей промышленности. Защитники деревни говорили, что въ лицѣ крестьянства она поставляетъ самые надежные элементы армiи, а въ крупномъ и среднемъ землевладѣнiи тоже элементъ, изъ котораго набирается большая часть персонала администрацiи. Съ нравственной и политической точки зрѣнiя, говорили аграрiи, деревня выше города. Она менѣе развращена и болѣе надежна. Ея жители и физически крѣпче и духовно честнѣе, они и религiознѣе и преданнѣе своему монарху. Все, что ослабляетъ деревню, что дѣлаетъ ея трудъ болѣе рискованнымъ и менѣе производительнымъ, уменьшаетъ ея силы для защиты общества, содѣйствуетъ обращенiю ея сыновъ въ бездомныхъ пролетарiевъ, а, стало быть, и въ будущихъ новобранцевъ соцiализма. Защитить земледѣльческiй промыселъ высокими пошлинами отъ бездоходности, такимъ образомъ, вопросъ не сословный, а общегосударственный. Если этимъ путемъ часть цѣны за продукты сельскаго хозяйства придется выплачивать прочимъ классамъ, если деревня окажется, такъ сказать, на содержанiи у города,—это не бѣда. Она имѣетъ право на такую поддержку. Она создала государство, защищала его отъ внѣшнихъ враговъ, а теперь готова отстаивать и отъ внутреннихъ. На ряду съ сельскимъ хозяйствомъ аграрiи брали подъ свою защиту и мелкое ремесленное производство и мелкую торговлю. Чѣмъ больше, твердили они, будетъ въ Германiи самостоятельныхъ хозяевъ всякаго рода, тѣмъ лучше. Экономическая самостоятельность придаетъ человѣку и нравственные устои, она дѣлаетъ его недоступнымъ для соцiалистическихъ бредней. Если бы исчезъ мелкiй производитель отъ конкуренцiи крупнаго и въ особенности анонимнаго капитала, страна приблизилась бы на самомъ дѣлѣ къ ужасающей картинѣ, нарисованной Марксомъ, когда небольшая сравнительно кучка богачей окажется лицомъ къ лицу съ озлобленными полчищами голодныхъ пролетарiевъ. Отъ этой перспективы надо всяческими средствами уберечь нѣмецкiй народъ. И если даже придется искусственно поддерживать нѣкоторыя отрасли производства, застраховывая ихъ,

такъ сказать, отъ невыгодныхъ условій конкуренціи, —это совершенно въ порядкѣ вещей. Производитель въ концѣ концовъ важнѣе и драгоцѣннѣе произведеннаго имъ товара.

Всѣ эти доводы противники аграріевъ выворачивали наизнанку. Все искусственное въ экономической жизни — возражали они — обречено на гибель. Поддерживать какими-либо преміями убыточное производство —значитъ бросать народное достояніе на вѣтеръ. Противъ естественныхъ условій производства и торговли ничего не подѣлаешь. Если могучіе двигатели, паровые и электрическіе, если доступность кредита и техническія усовершенствованія, легкость сообщеній и созданное ею ускореніе обмѣна ведутъ неудержимо къ замѣнѣ мелкаго и средняго производства крупнымъ, если организованный трудъ фабричнаго рабочаго производительнѣе труда земледѣльческаго, и вслѣдствіе того пустѣютъ деревни, какъ гибнутъ въ городахъ мелкіе ремесленники, съ этимъ надо помириться. А бороться со зломъ всевозможныхъ промышленныхъ кризисовъ, съ перенаселеніемъ фабричныхъ центровъ, съ болѣзнями, развратомъ и безработицей надо иными средствами — устройствомъ кассъ взаимопомощи, дешевымъ кредитомъ для рабочихъ, завоеваніемъ широкихъ рынковъ за границей, улучшеніемъ гигіеническихъ условій жизни. И чѣмъ больше, при выполненіи этого, станетъ производить страна, тѣмъ она станетъ богаче и тѣмъ выше поднимется трудовой заработокъ, а, стало быть, тѣмъ болѣе можно будетъ затрачивать на улучшеніе жизни рабочаго класса и тѣмъ этотъ классъ самъ усилитъ свою потребительскую способность. Есть, въ самомъ дѣлѣ, иная опасность, чѣмъ та, на какую указываютъ аграріи — опасность, какъ бы фабричные рабочіе отъ своей теперешней широкой организаціи не перешли къ революціонной. И вѣрнѣйшій способъ этого достигнуть—лишить ихъ заработка посредствомъ сокращенія производства, или ухудшить условія ихъ жизни посредствомъ введенія пошлинъ, отъ которыхъ вздорожаютъ и мясо и хлѣбъ.

Въ палатѣ, вышедшей изъ выборной борьбы 1897 года, какъ и въ теперешней, большинство было за аграріевъ. Его

составляли консерваторы всѣхъ оттѣнковъ съ прилегающими къ нимъ небольшими группами антисемитовъ, вельфовъ и сельско-хозяйственнаго союза, ультрамонтаны и національ-либералы, по крайней мѣрѣ большинство послѣднихъ. Аграріи, подъ руководствомъ своего талантливаго вождя, доктора Резике, депутата за Кайзерслаутернъ, очень ловко поставили свое дѣло внѣ старыхъ партійныхъ рамокъ, привлекая къ нему всѣхъ, у кого интересы связаны съ деревней, стало быть, депутатовъ отъ сельскихъ округовъ, и чьи экономическія убѣжденія склоняютъ ихъ къ поддержкѣ мелкаго ремесленнаго производства. Нашлись у нихъ сторонники и среди профессоровъ, наиболѣе выдающійся изъ которыхъ, докторъ Руландъ, вышелъ изъ рядовъ катедеръ-соціалистовъ. Это и не удивительно. По своимъ взглядамъ аграріи имѣютъ съ катедеръ-соціалистами много общаго: тѣ и другіе въ одинаковой мѣрѣ открытые враги принципа laisser faire. Тѣ и другіе справедливо думаютъ, что предоставлять экономическую борьбу ея естественному теченію въ сущности значитъ санкціонировать безусловное владычество наиболѣе сильныхъ, а то и наиболѣе хищныхъ. Конечно, главнымъ ядромъ аграріевъ служили все таки консерваторы, такъ какъ въ высокихъ цѣнахъ на сельскіе продукты болѣе всего заинтересовано крупное землевладѣніе. И если они прикидываются горячими заступниками за крестьянъ, если въ вожди они себѣ выбрали представителя одного изъ очень демократическихъ округовъ, гдѣ крупное землевладѣніе почти совершенно отсутствуетъ [1], то въ этомъ слѣдуетъ видѣть несомнѣнный политическій маневръ. И свою агитацію они ведутъ чисто по-демократически, братаясь съ крестьянскими сельско-хозяйственными союзами юго-западной Германіи и ежегодно въ февралѣ созывая въ Берлинѣ многолюдные съѣзды, на которыхъ ихъ главные вожди, докторъ Резике, докторъ Ганъ, баронъ Вангейгеймъ, графъ Каницъ — популярно излагаютъ передъ

---

[1]) Д-ръ Резике, кстати сказать, владѣетъ крупнымъ имѣніемъ въ Бранденбургѣ, такъ называемомъ Шпревальдѣ.

нѣсколькими тысячами человѣкъ свои экономическіе взгляды. Не мудрено, что аграрное большинство въ рейхстагѣ не однородно, и что члены его изъ націоналъ-либераловъ и даже изъ католическаго центра менѣе требовательны, чѣмъ правое ихъ крыло, состоящее изъ помѣщиковъ восточныхъ провинцій. Какъ бы то ни было, съ 1897 года рейхстагъ, а пожалуй и вся Германія, раскололись на двѣ неравныя половины — на сельское и въ то же время консервативное большинство и на меньшинство изъ представителей городскихъ интересовъ - отъ лѣваго крыла націоналъ-либераловъ до соціалистовъ включительно. Промышленность и земледѣліе, капитализмъ и мелкое производство, космополитическое биржевое еврейство и патріотическій національзмъ,—вотъ символы, клички, названія, которыми характеризуютъ себя оба направленія. Съ прежними партіями, консерваторами и прогрессистами, сторонниками экономической свободы и соціалъ-демократами, ультрамонтанами и свободомыслящими, даже съ сословными перегородками, новыя группы не имѣютъ уже ничего общаго. Принципы, руководившіе германской внутренней политикой съ самыхъ 40-хъ годовъ, отброшены, какъ ветошь. Почти забыта вражда биржевика или фабриканта къ соціалъ-демократическому агитатору, какъ забыто высокомѣріе потомка феодаловъ и наслѣдственная вражда къ нему потомка крестьянской семьи. Все это замѣнили вполнѣ реальные, осязательные интересы деревни и города. И странно, быть можетъ, почему соціалисты, принципы которыхъ тоже ведутъ къ искусственной защитѣ рабочихъ, къ обезпечиванію за ними извѣстнаго уровня платы, такъ сильно ненавидятъ аграріевъ. Едва ли эта ненависть исчерпывается вопросомъ о вздорожаніи съѣстныхъ припасовъ. Она коренится глубже, въ противорѣчіи интересовъ промышленности, для которой нуженъ прежде всего иностранный рынокъ, и сельскаго хозяйства, которому необходимо защититься отъ иностраннаго ввоза[1]). На этой почвѣ рабочій изъ соціалъ-демократовъ солидаренъ съ сво-

[1]) Dr. Ruhland. System der Politischen Oeconomie. Ss. 148—160.

имъ фабрикантомъ и съ торговцемъ, у котораго онъ покупаетъ все нужное. И не мудрено, что правительство, если оно и опирается на аграрное большинство, дающее ему солдатъ, не можетъ съ нимъ вполнѣ слиться, на что аграріи и не перестаютъ плакаться. Правительство не можетъ стать вполнѣ солидарнымъ съ интересами только части своихъ подданныхъ. И какъ ни убѣдительны доводы аграріевъ, оно не можетъ позабыть, что отъ успѣховъ промышленности зависитъ и процвѣтаніе страны внутри и обиліе матеріаловъ для вывоза. А такъ какъ все благополучіе промышленности лишь послѣдствіе широкаго вывоза,— заключеніе торговыхъ трактатовъ составляетъ прямую необходимость. И въ каждомъ данномъ случаѣ приходится уступать на какихъ-нибудь ввозныхъ пошлинахъ, изъ которыхъ главныя — сельско-хозяйственныя. Найти компенсацію при заключеніи трактатовъ оттого и трудно, что каждая страна, съ которой Германія ведетъ переговоры, можетъ уступить на томъ лишь, что нѣмецкимъ аграріямъ почти безразлично, сама требуя уступокъ на томъ, въ чемъ аграріи не согласны хоть сколько-нибудь понизить свои требованія. И оба преемника графа Каприви, князь Гогенлоэ и графъ Бюловъ, оба представители высшаго дворянства, изъ которыхъ первый ближе стоялъ къ центру, а второй къ умѣреннымъ консерваторамъ, не успѣли аграріямъ угодить оттого, что, въ качествѣ первыхъ министровъ, они не переставали имѣть въ виду хозяйство цѣлой страны, а не одной только группы ея населенія.

Три главныхъ нѣмецкихъ партіи,— консерваторы, ультрамонтаны и либералы, если не принимать въ расчетъ подраздѣленій,—имѣютъ въ рейхстагѣ съ 1903 года почти одинаковую численную силу. Обѣ консервативныя фракціи — консерваторы въ тѣсномъ смыслѣ и такъ называемая имперская партія, вмѣстѣ взятыя, занимаютъ 70 мѣстъ. Къ нимъ слѣдуетъ прибавить 9 антисемитовъ (Deutsche Reformpartei), совершенно примкнувшихъ къ нимъ по аграрнымъ вопросамъ, 8 вельфовъ (въ 97 году ихъ было 10, но послѣдніе выборы сократили ихъ число до 8-ми), которые въ сущности нечто иное, какъ ганноверскіе

консерваторы, 4 членовъ крестьянскаго союза (Bauernbund) и 3 депутатовъ такъ называемыхъ дикихъ, т. е. не принадлежащихъ ни къ какой партіи, но на самомъ дѣлѣ всегда подающихъ голоса съ консерваторами. Прибавивъ къ этому извѣстнаго пастора Штекера, единственнаго представителя такъ называемыхъ христіанскихъ соціалистовъ (Christlich Sociale), мы получимъ въ теперешней палатѣ общую цифру 95 противъ 98 въ палатѣ 1897 года. Либеральныя фракціи, тоже вмѣстѣ взятыя, имѣютъ въ настоящее время 86 членовъ (національ-либералы 51, свободомыслящій союзъ Freisinnige Vereinigung 9, партія Рихтера—Freisinnige Volkspartei 21, и южно-германскіе народники 5) противъ 91-го члена по выборамъ 97 года. Потери понесли двѣ наиболѣе крайнія фракціи свободомыслящій союзъ и южно-германскіе народники. Потерпѣли нѣкоторый уронъ и ультрамонтаны—97 голосовъ вмѣсто 102. Впрочемъ, съ самаго 1875 года ультрамонтаны постоянно держатся около цифры 100, то переходя ее, то отставая отъ нея на нѣсколько голосовъ. Изъ этихъ трехъ партій консерваторы и ультрамонтаны довольно сплочены, особенно послѣдніе; за то въ рядахъ либераловъ господствуютъ большія разногласія: правое крыло ихъ едва можно отличить отъ свободныхъ консерваторовъ, а лѣвое, особенно за послѣдніе годы, сильно кокетничаетъ съ соціалистами, надѣясь этимъ вернуть себѣ довѣріе широкихъ круговъ избирателей. Изъ числа національ-либераловъ, тоже не совсѣмъ однородныхъ по составу, около 30-ти придерживаются умѣренныхъ аграрныхъ взглядовъ, остальные, напротивъ, являются антагонистами сельско-хозяйственнаго протекціонизма и защитниками промышленныхъ интересовъ. Къ первымъ принадлежатъ депутаты сельскихъ округовъ и нѣсколько чиновниковъ, преимущественно судейскихъ, вторые набираются въ средѣ промышленности, биржи и купечества. Лѣвый флангъ національ-либераловъ составляютъ нѣкоторые молодые депутаты, желающіе показнымъ демократизмомъ пріобрѣсти популярность. За послѣдніе годы, въ виду замѣтнаго роста соціалъ-демократіи, чертой, дѣлящей

рейхстагъ на правую и на лѣвую стороны, служитъ вопросъ— отъ кого грозитъ большая опасность и къ кому слѣдуетъ относиться съ большимъ недовѣріемъ—къ старымъ консерваторамъ или къ соціалистамъ? Отъ первыхъ слѣдуетъ ждать всякихъ попытокъ не допустить вполнѣ свободнаго преподаванія въ школахъ, т. е., строго говоря, преподаванія антихристіанскаго, и всякихъ мѣръ, стѣснительныхъ для печати и книжной торговли [1]), независимо отъ крайне непріятнаго для городовъ возвышенія пошлинъ на жизненные продукты. Черта эта, впрочемъ, нѣсколько колеблющаяся, проходитъ въ рейхстагѣ поперекъ національ-либеральной партіи. Замѣчательно, что по мѣрѣ усиленія соціализма, страхъ передъ нимъ, вызвавшій коалицію 1887 года, все болѣе уступаетъ мѣсто заигрыванію. Наслѣдники радикаловъ—свободомыслящіе, насчетъ которыхъ всего болѣе разростается соціализмъ [2]), слѣдуютъ здѣсь всегдашней тактикѣ погибающей партіи: вмѣсто того, чтобы рѣзче выставить свое отличіе отъ наступающаго врага, они это отличіе стушевываютъ, помогая тѣмъ самымъ переходу своихъ сторонниковъ въ лагерь побѣдителей. А между тѣмъ въ первое время у соціаль-демократовъ, даже у ихъ знаменитаго основателя Лассаля, не было ожесточеннѣе враговъ, какъ тогдашніе прогрессисты. Объ этомъ свидѣтельствуетъ между прочимъ его кельнская рѣчь. Консерваторы и клерикалы, и въ печати и въ жизни, не разъ пытались протянуть соціалистамъ руку. Не говоря уже о князѣ Бисмаркѣ, извѣстный профессоръ Адольфъ Вагнеръ, во всемъ остальномъ консерваторъ чистѣйшей воды, и пасторъ Штекеръ, одинъ изъ самыхъ ярыхъ противниковъ либерализма, охотно признавали за соціалистами большія за-

---

[1]) Много шума произвелъ въ этомъ отношеніи въ зиму 1899—1900 года знаменитый законопроектъ, прозванный въ шутку «Lex Heinze», по которому распространеніе безнравственныхъ книгъ, брошюръ, пьесъ, изображеній и т. д. строго преслѣдовалось.

[2]) Объ этомъ говоритъ не столько число депутатовъ, сколько голосовъ, подаваемыхъ съ каждыми новыми выборами, съ одной стороны, за соціалистовъ, съ другой—за три радикальныя фракціи.

слуги и во многомъ съ ними соглашались; то же дѣлали не разъ выдающіеся ультрамонтаны, какъ майнцкій епископъ Кеттелеръ и каноникъ Муфангъ. Въ экономической литературѣ, начиная отъ Родбертуса и кончая Рудольфомъ Майеромъ, есть очень замѣтная струя, прокладывающая путь къ соглашенію между консерваторами и соціалистами. Ничего подобнаго со стороны либераловъ до послѣдняго времени не было. Несмотря на явную преемственную связь между идеями политическаго и имущественнаго равенства, прогрессисты, а потомъ ихъ преемники, свободомыслящіе, относились къ соціализму какъ нельзя враждебнѣе, видя въ немъ опаснѣйшаго врага личной свободы. Изъ подъ пера главы свободомыслящихъ, г. Евгенія Рихтера, вышла самая злая и ѣдкая сатира противъ соціализма (Social-demokratische Zukunftsbilder). И тѣмъ не менѣе за самые послѣдніе годы нѣкоторое сближеніе соціалистовъ съ радикалами, даже съ нѣкоторыми изъ націоналъ-либераловъ, становится все замѣтнѣе. По мѣрѣ того, какъ ультрамонтаны и консерваторы все сильнѣе подчеркиваютъ свой принципіальный антагонизмъ къ соціалъ-демократамъ, у нихъ проглядываетъ нѣкоторая солидарность съ либералами. И причина этому въ основномъ явленіи, теперь преобладающемъ въ политической жизни Германіи,—въ господствѣ экономическихъ вопросовъ надъ политическими. Ядро аграрной партіи, конечно, составляютъ консерваторы, какъ ни старается она ради пріобрѣтенія большаго числа сторонниковъ замаскировать это тожество. Но какъ разъ благодаря этому старанію притворно себя одемократизировать, свести свою программу съ классовой точки зрѣнія на чисто экономическую, консерваторы потеряли свою принципіальную основу и, такъ сказать, обуржуазились. Интересы деревни и города стоятъ другъ противъ друга, какъ основные мотивы политической распри. Прежній идеализмъ, до нѣкоторой степени отличавшій всѣ германскія партіи, исчезъ окончательно. Всѣ онѣ какъ бы спустились пониже и свели свои программы къ матеріальному расчету. Консерватизмъ въ сущности совпадаетъ съ крупнымъ землевладѣніемъ. Важный чи-

новникъ и выдающійся профессоръ принадлежатъ либо къ имперской партіи, либо къ правому крылу національ-либераловъ. Большинство послѣднихъ являются представителями интересовъ оптовой торговли и крупной промышленности. Еврейская биржа, адвокатура и журналистика, тоже въ значительной степени еврейскія, даютъ главный импульсъ свободомыслящимъ, какъ представителямъ умственныхъ профессій. Соціализмъ не что иное, какъ выставленіе впередъ интересовъ механическаго труда, подъ которыми, правда, все чаще скрывается собственный карьерный интересъ вождей соціалъ-демократіи. Мелкіе ремесленники и торговцы почти поровну дѣлятся между представителями консерватизма и соціализма. Въ попыткахъ ихъ отвоевать другъ отъ друга и заключается вся политическая борьба. Партійный антагонизмъ, такимъ образомъ, сведенъ къ классовому, классовый—попросту къ карманному. Единственное исключеніе составляютъ ультрамонтаны, основная программа которыхъ—защита конфессіональной свободы—все таки сохранила нѣкоторый идеалистическій характеръ. Оттого-то имъ и всего менѣе опасенъ соціализмъ, какъ представитель чисто матеріальныхъ интересовъ. И такъ какъ въ Германіи строгаго парламентаризма нѣтъ, но правительство все таки нуждается въ поддержкѣ партій для проведенія своихъ проектовъ, мы присутствуемъ при любопытномъ зрѣлищѣ: всѣ партіи торгуются съ правительствомъ, выпрашивая у него въ отплату за свои голоса принятіе мѣръ, выгодныхъ для каждой изъ нихъ поочередно. Такими мѣрами являются сельско-хозяйственныя пошлины для аграріевъ, полная свобода религіозныхъ корпорацій для центра, пошлина на промышленныя издѣлія и широкая колоніальная политика для либераловъ, полная свобода биржевой спекуляціи для свободомыслящихъ, обезпеченіе рабочихъ для соціалъ-демократовъ. И всякая новая законодательная мѣра является, съ одной стороны, использованіемъ государственной власти въ интересахъ данной партіи, съ другой лишнимъ шагомъ къ распространенію государственнаго вмѣшательства въ частную жизнь.

ГЛАВА X.

Теперь не трудно будетъ отвѣтить на вопросъ, поставленный въ началѣ этой книги,—отчего замѣтно въ Европѣ почти повсемѣстное охлажденіе къ парламентаризму и многіе изъ наиболѣе высококультурныхъ людей совершенно уклоняются отъ участія въ представительныхъ собраніяхъ? Отвѣтъ на этотъ вопросъ уже данъ самою жизнью: онъ заключается въ томъ, что подобнаго охлажденія не замѣтно лишь въ тѣхъ странахъ, гдѣ, какъ въ Англіи, парламентаризмъ мало измѣнился въ своихъ формахъ за весь XIX вѣкъ, либо въ тѣхъ, гдѣ онъ въ полномъ объемѣ не существуетъ вовсе, какъ въ Германіи. Есть, стало быть, опредѣленныя условія, внѣ которыхъ онъ процвѣтать не можетъ и при отсутствіи каковыхъ благо страны требуетъ иныхъ учрежденій или, по крайней мѣрѣ, иного распредѣленія отвѣтственности. А такъ какъ наиболѣе типичной представительницей здороваго и правильно дѣйствующаго парламентаризма является Англія, то не мудрено доискаться до сути требуемыхъ этимъ режимомъ условій. Въ Англіи, какъ мы видѣли, партіи не совпадаютъ съ рамками общественныхъ классовъ, вслѣдствіе чего принадлежность даннаго лица къ той или другой изъ нихъ обусловливается не классовыми интересами, а мотивомъ иного рода — убѣжденіемъ, что въ данную минуту преобразовательную дѣятельность слѣдуетъ ускорить или, наоборотъ, нѣсколько пріостановить. Англія единственная страна, быть можетъ, въ цѣломъ мірѣ, гдѣ клички консерваторовъ и либераловъ дѣйствительно соотвѣтствуютъ внутреннему содержанію программъ этихъ двухъ партій. Консерваторы защищаютъ очень опредѣленный общественный и политическій строй, допуская надобность подвергать его отъ времени до времени исправленіямъ, но въ то же время смотрятъ на него, какъ на драгоцѣнный продуктъ исторіи, который необходимо охранять отъ посягательствъ отвлеченныхъ доктринъ. Они въ то же время, думая такъ, вовсе не склонны прибѣгать ни къ урѣзы-

ванію чьихъ-либо правъ, ни къ отмѣнѣ совершившихся реформъ, ни, въ особенности, къ принятію какихъ - либо диктаторскихъ мѣръ, стѣснительныхъ для личной свободы. Такимъ образомъ, они вовсе не являются представителями сильной власти, въ противоположность сторонникамъ распущенности, а лишь оберегателями существующаго порядка отъ быстрыхъ необдуманныхъ перемѣнъ. Въ то же время англійскіе либералы столь же мало обнаруживаютъ наклонности къ допущенію произвола со стороны народныхъ массъ, либо къ подчиненію государственнаго порядка капризамъ численнаго большинства. Они такъ же строго уважаютъ пріобрѣтенное право, какъ ихъ противники—свободу всякаго открыто высказываться насчетъ желательныхъ преобразованій. Это взаимное уваженіе другъ друга создаетъ для обѣихъ партій общую почву, совершенно устраняя для обѣихъ попытки прибѣгать къ насилію. Не только либералы въ совокупности, но и крайнее лѣвое ихъ крыло — либералы, наиболѣе склонные къ демократизму,— добиваются лишь болѣе или менѣе быстраго, но всегда законнаго осуществленія политическихъ и соціальныхъ улучшеній. Руководствуются они при этомъ большей частью не отвлеченными взглядами, а соображеніями чисто практическими—необходимостью удовлетворять назрѣвшія требованія, дабы избѣгнуть революціоннаго взрыва. Такимъ образомъ, обѣ партіи до нѣкоторой степени и консервативны и либеральны, понимая подъ первымъ изъ этихъ терминовъ возможно большее сохраненіе status quo, а подъ вторымъ наклонность преобразовать это status quo сообразно измѣняющимся общественнымъ условіямъ. Все различіе между ними въ томъ, что эти стремленія присущи каждой изъ нихъ не въ одинаковой мѣрѣ. Какъ далеко все это отъ характера политической жизни на континентѣ— не стоитъ и доказывать.

По этимъ не ограничиваются специальныя черты политической борьбы въ Англіи. Благодаря тому, что построена она не на сословной почвѣ, въ каждой партіи мы встрѣчаемъ представителей всѣхъ общественныхъ классовъ. Правда, со времени раскола между уніонистами, съ герцогомъ Девонширомъ во

главѣ, и массою либеральной партіи, среди послѣдней сократилось число представителей аристократіи, благодаря чему въ верхней палатѣ либералы въ настоящее время обладаютъ лишь ничтожнымъ меньшинствомъ, приблизительно въ 40 голосовъ. Но, во-первыхъ, никто не ручается, чтобы когда-нибудь это число не возросло снова, и можетъ это даже случиться довольно скоро, благодаря разногласіямъ, открывшимся среди консерваторовъ по поводу таможенныхъ вопросовъ. Во-вторыхъ, помимо громкихъ аристократическихъ именъ есть представители иныхъ общественныхъ верховъ—магистратуры, науки, промышленности и даже крупнаго землевладѣнія. И всѣ эти группы изъ рядовъ правящаго класса въ Англіи далеко не отшатнулись отъ либерализма, какъ сдѣлали онѣ это во Франціи. Объ этомъ свидѣтельствуютъ такія крупныя имена, какъ сэръ Вильямъ Гаркортъ, сэръ Гьюгъ Тревилльенъ, сэръ Джемсъ Россель, г. Джонъ Морлей, г. Эсквитъ, сэръ Кэмпбель Баннерманъ и т. д. Во Франціи, Германіи, даже у насъ въ Россіи всѣ эти господа были бы признаны за консерваторовъ чистѣйшей воды. Двое вождей либераловъ въ верхней палатѣ, лорды Спенсеръ и Розберри, не только принадлежатъ къ очень стариннымъ фамиліямъ, но и обладаютъ чрезвычайно крупнымъ состояніемъ. Благодаря такому обилію высокопоставленныхъ и талантливыхъ людей въ обоихъ лагеряхъ, оба они въ каждую данную минуту обладаютъ вполнѣ пригоднымъ и подготовленнымъ правительственнымъ персоналомъ. Въ то же время долгая практика научила англійскія партіи не дробиться на мелкіе осколки подъ воздѣйствіемъ тревожнаго честолюбія второстепенныхъ талантовъ, а выдѣлять изъ себя руководящую группу, какъ бы генеральный штабъ партіи, которому всѣ прочіе члены подчиняются, жертвуя частичными разногласіями ради общей дисциплины. Это опять черта, континентальнымъ партіямъ не свойственная. Наконецъ, при выборахъ въ парламентъ рѣшающее значеніе имѣютъ не мѣстные комитеты избирательныхъ округовъ, какъ во Франціи, а центральное бюро, которымъ служитъ для консерваторовъ Карлтонъ-Клэбъ, а для либераловъ—Реформъ-Клэбъ.

Партійная организація въ Англіи централизована, и благодаря этому не попадаютъ въ палату общинъ, за рѣдкими исключеніями, ничтожные мѣстные политиканы (Célébrités du Clocher), а лишь такіе люди, которые принадлежатъ къ цвѣту партіи. Это, во-первыхъ, подымаетъ палату общинъ выше уровня континентальныхъ палатъ, а, во-вторыхъ, поддерживаетъ въ ней духъ государственнаго общенаціональнаго чувства, въ противоположность столь распространенному на континентѣ преслѣдованію мизерныхъ личныхъ и групповыхъ интересовъ. Самое же формированіе центральныхъ руководящихъ бюро происходитъ не путемъ выбора, а посредствомъ естественнаго выдѣленія наиболѣе выдающихся членовъ каждой партіи, которому никто въ ея рядахъ противиться не думаетъ, потому что и сами они не пытаются навязывать себя странѣ посредствомъ интригъ или шарлатанства. Для всего этого, конечно, необходимо высокое сознаніе общественныхъ обязанностей и готовность къ самоотверженію въ видахъ общей пользы. Но безъ наличности этихъ качествъ парламентское управленіе немыслимо. Какъ на примѣръ необыкновенной дисциплины среди англійскихъ партій, можно указать на тотъ поразительный фактъ, что, наканунѣ внесенія въ палату послѣдняго билля объ ирландской поземельной реформѣ, о проведеніи этой важной мѣры, очевидно, извѣстной нѣсколькимъ десяткамъ лицъ, никто изъ непосвященныхъ не зналъ. Такого умѣнія во время молчать у насъ въ Россіи нѣтъ и въ поминѣ, несмотря на всю нашу канцелярскую тайну.

Суммируя всѣ эти особенности англійской политической жизни, можно свести ихъ къ четыремъ основнымъ чертамъ: во-первыхъ, личный составъ дѣятельной части каждой изъ двухъ политическихъ партій состоитъ исключительно изъ людей, принадлежащихъ къ правящему классу, т. е. изъ людей, выдающихся либо по общественному положенію, либо по способностямъ, либо по богатству. Новымъ общественнымъ слоямъ отнюдь не закрытъ доступъ къ политической жизни, но подъ однимъ условіемъ — подъ условіемъ наличности у нихъ крупнаго политическаго дарованія. Во-вторыхъ, англійскія партіи

централизованы въ своей организаціи, вслѣдствіе чего подборъ кандидатовъ въ палату общинъ зависитъ не отъ мѣстныхъ комитетовъ, а отъ центральнаго органа каждой партіи, что и обезпечиваетъ за народными представителями Великобританіи болѣе высокій уровень, чѣмъ на континентѣ. Въ третьихъ, обѣ партіи чрезвычайно хорошо дисциплинированы. Эта дисциплина выказывается въ двухъ явленіяхъ — въ отсутствіи расколовъ на мелкія группы и въ подчиненіи частичныхъ разногласій общей программѣ, вслѣдствіе чего переходы отдѣльныхъ фракцій отъ какой-либо партіи въ противоположный лагерь составляютъ чрезвычайную рѣдкость. За весь XIX вѣкъ такихъ переходовъ было всего только четыре. Когда въ 1801 году, послѣ отставки Питта по случаю мирныхъ переговоровъ съ Франціей, образовалось безцвѣтное министерство Аддингтона, крайніе консерваторы, съ гг. Грэнвиллемъ и Уингамомъ во главѣ, отдѣлились отъ главныхъ силъ партіи и заключили союзъ съ вигами, конечнымъ послѣдствіемъ котораго было постепенное превращеніе ихъ въ виговъ. Съ 1847 года, послѣ вотированія хлѣбныхъ законовъ, при министерствѣ сэра Роберта Пиля, правое крыло тори, руководимое лордомъ Джорджемъ Бентинкомъ и Дизраэли, опять откололось, что повело сперва къ паденію министерства Пиля, а затѣмъ къ образованію изъ ближайшихъ его сторонниковъ особой средней группы, такъ называемыхъ пилитовъ, съ Гладстономъ во главѣ, нѣсколько позднѣе совершенно слившихся съ вигами. 20 лѣтъ спустя, когда послѣ смерти Пальмерстона образовалось министерство Джона Росселя, задавшееся цѣлью провести новую, очень крутую парламентскую реформу, отъ либераловъ отдѣлилось ихъ правое крыло, подъ названіемъ адулламитовъ, послѣдствіемъ чего былъ переходъ власти къ консерваторамъ. Наконецъ, въ 1893 году ирландскій билль Гладстона вызвалъ новый расколъ въ либеральной партіи, приведшій къ образованію группы уніонистовъ, съ лордомъ Гартингтономъ и г. Чемберленомъ во главѣ, что и обезпечило надолго власть за консерваторами. Помимо этихъ крупныхъ случаевъ внутреннихъ партійныхъ разногласій, мел-

кія измѣны. вызываемыя тщеславнымъ соревнованіемъ между кандидатами въ будущіе министры, англійскими политическими нравами не допускаются. Въ четвертыхъ, наконецъ, формы правленія и основы конституціи составляютъ въ Англіи общую почву для обѣихъ партій, не подлежащую спору. Даже радикалы болѣе или менѣе крайняго оттѣнка, какъ г. Лабушэръ, заявлявшій нѣсколько разъ о своихъ республиканскихъ и крайне демократическихъ убѣжденіяхъ, хоть и разрѣшаютъ себѣ иногда вылазки противъ членовъ королевскаго семейства и палаты лордовъ, но серьезной агитаціи противъ монархическаго принципа или противъ наслѣдственной пэріи поднимать и не думаютъ. Внутренняя переработка общественнаго строя, перемѣщеніе власти между отдѣльными ея факторами совершается не въ силу трескучихъ предложеній и радикальныхъ законопроектовъ, а простымъ накопленіемъ фактовъ, въ силу привычки мало по малу превращающихся въ обычай. Долгое неиспользованіе какимъ-нибудь правомъ его постепенно убиваетъ. Такъ случилось съ правомъ верхней палаты пересматривать бюджетъ, которое совершенно атрофировалось, и съ правомъ короны распускать парламентъ и мѣнять по своему усмотрѣнію министерство. Уволить кабинетъ, имѣющій въ палатѣ большинство, стало теперь немыслимымъ, точно такъ же, какъ и распустить палату, когда ее поддерживаетъ мнѣніе страны и съ нею солидарно министерство. Это было еще возможно при Георгѣ III, но теперь къ такой мѣрѣ англійская королевская власть прибѣгнуть не рѣшится. И произошла эта перемѣна не въ силу новаго закона, а подъ вліяніемъ суммированія мелкихъ случаевъ, ставшихъ прецедентами. Точно такъ же ни одной изъ англійскихъ партій не приходитъ въ голову подвергать своихъ противниковъ исключительнымъ мѣрамъ, какъ тюремному заключенію, изгнанію изъ страны, лишенію политическихъ правъ, хотя бы даже въ силу вполнѣ законнаго постановленія обѣихъ палатъ. Въ Англіи негласнымъ общимъ признаніемъ освящена сфера частныхъ правъ, недосягаемая не только для произвола, но и для самого законодательства. Въ самую революцію

1688 года, т. е. при вступленіи Вильгельма Оранскаго на престолъ, ни одному англійскому государственному человѣку не приходило на умъ, что можно пользоваться своимъ большинствомъ и провести законодательнымъ порядкомъ исключительныя мѣры, лишающія извѣстную часть гражданъ ихъ правъ, хотя бы въ видахъ самаго широкаго пониманія общественной пользы. Эти права въ глазахъ всякаго англичанина превыше спора. Ограниченіе ихъ мыслимо до нѣкоторой степени лишь для ирландцевъ, въ которыхъ видятъ какъ бы низшую расу и которые находятся въ состояніи хроническаго протеста, что ставитъ ихъ, такимъ образомъ, какъ бы внѣ конституціи. Принятое и по отношенію къ англичанамъ и шотландцамъ оно вызвало бы взрывъ единодушнаго негодованія.

И только при наличности этихъ условій, когда существуетъ область правъ, неприкосновенная для воздѣйствія государственной власти, потому что этого не допускаетъ національная совѣсть, парламентское управленіе мыслимо. Другими словами, и законодательная и судебная власть, точно такъ же, какъ и административная, должны имѣть свои границы, и однимъ соблюденіемъ законныхъ формъ, даже самымъ строгимъ, обезпеченіе гражданъ отъ насилія не достижимо, такъ какъ насиліе можетъ быть вполнѣ юридическимъ. Законъ, прошедшій черезъ всѣ установленныя стадіи, можетъ воспрещать подъ страхомъ наказанія самые невинные поступки. Судъ можетъ за такіе же поступки присуждать къ наказанію, распространительно толкуя данную статью закона—тому и другому бывали примѣры. Большинство, образовавшееся въ законодательномъ собраніи и нашедшее себѣ вѣрныхъ исполнителей въ послушныхъ министрахъ и въ пристрастной магистратурѣ, можетъ позволить себѣ, что угодно, быть даже деспотичнѣе самаго крутого азіатскаго деспота, потому что на его рѣшенія апеллировать некуда. И всего опаснѣе то, что указать съ точностью границы, за которыя не должна переступать законодательная власть, въ теоріи нѣтъ возможности. Сознаніе недосягаемости для государства извѣстной области

частной жизни можетъ заключаться только въ народной совѣсти; и если въ ней оно не выработалось, если у представителей народа въ данную минуту нѣтъ чувства обязательнаго самоограниченія, никакія даже самыя утонченныя гарантіи не помогутъ. Тогда только народъ способенъ къ государственному самоуправленію, когда въ немъ развито убѣжденіе, что лучшимъ обезпеченіемъ собственной неприкосновенности служитъ неприкосновенность прочихъ. Никакимъ закономъ этого не установишь. Точно такъ же, какъ нельзя убѣдить сумасшедшаго въ неправильности хода его мыслей, нельзя никакими доводами подѣйствовать на парламентское большинство, рѣшившееся злоупотреблять своею властью въ угоду партійныхъ и классовыхъ интересовъ. Лордъ Пальмерстонъ повторялъ не разъ, что первый министръ Англіи, пока за нимъ большинство, такъ же самодержавенъ, какъ любой самодержецъ. Это совершенно справедливо. И въ Англіи это совершенно безопасно тоже, потому что власть перваго министра, увѣреннаго въ своемъ большинствѣ, находитъ себѣ надежное ограниченіе въ общемъ сознаніи, что извѣстную черту переступать нельзя и что государственный человѣкъ и вѣрное ему большинство, ее переступившіе, немедленно вызовутъ противъ себя возмущенный протестъ народной совѣсти. И повторяю, въ этомъ, въ этомъ одномъ—надежное обезпеченіе свободы. Тому народу, у котораго это чувство развито, можно вполнѣ безопасно предоставить рѣшающій голосъ въ дѣлѣ управленія. Формы государственнаго устройства, въ концѣ концовъ, являются лишь средствами къ достиженію цѣли—возможно большаго уровня благосостоянія и возможно большей степени обезпеченности. И тамъ, гдѣ цѣль эта ясна передъ всѣми глазами, гдѣ никакіе личные виды, никакія искушенія подкупа и честолюбія не дадутъ народнымъ представителямъ ее потерять изъ вида, парламентаризмъ совершенно пригоденъ. Зато онъ непригоденъ тамъ, гдѣ эти условія отсутствуютъ. Въ такихъ странахъ, какъ мы тотчасъ увидимъ, онъ либо приноситъ съ собою не обезпеченіе правъ, а ихъ постоянное нарушеніе то съ той го

съ другой стороны, какъ во Франціи, либо отъ него приходится совершенно отказаться, какъ въ Германіи.

При обсужденіи вопроса о соотвѣтствіи представительныхъ учрежденій условіямъ данной страны надо прежде всего имѣть въ виду ея прошлое. Средніе вѣка были временемъ не политической свободы, конечно, въ томъ смыслѣ, какъ мы ее теперь понимаемъ; зато они были временемъ представительства классовыхъ группъ, какъ участниковъ въ дѣлѣ общаго управленія. Представительство это было очень своеобразно, чтобы не сказать—уродливо, оно не слагалось въ симметричныя формы и никакой ариѳметики не соблюдало. Не имѣлось соотношенія между числомъ избранныхъ депутатовъ и цифрой населенія той области, откуда они являлись. Нѣсколько сотъ, даже нѣсколько десятковъ человѣкъ, какъ, напримѣръ, королевскіе пэры Франціи, или члены какой-нибудь университетской корпораціи, могли имѣть въ данномъ сеймѣ столько же голосовъ, сколько ихъ имѣли нѣсколько милліоновъ жителей данной провинціи. Тѣмъ не менѣе, эти депутаты представляли собою нѣчто очень реальное: вполнѣ опредѣленную конкретную общественную силу—церковь, въ то время самаго богатаго землевладѣльца въ цѣломъ мірѣ, дворянство и магистратуру, городскія или ученыя корпораціи, даже крестьянскіе земледѣльческіе союзы, какъ это было въ горныхъ кантонахъ Швейцаріи, въ Тиролѣ и въ сѣверныхъ испанскихъ провинціяхъ. Отсутствовало какое-нибудь точное опредѣленіе власти представительныхъ собраній: ихъ права составляли такую же исторически сложившуюся мозаику, какъ привилегіи сословій и корпорацій, изъ представителей которыхъ они слагались. Степень ихъ власти въ каждый моментъ опредѣлялась очень измѣнчивымъ факторомъ—силою центральнаго правительства въ данную минуту, притомъ силою не только матеріальною, но и духовною. Такъ, напримѣръ, при Людовикѣ IX во Франціи королевская власть, благодаря личному обаянію государя, имѣла гораздо болѣе рѣшающій голосъ, чѣмъ при двухъ его предшественникахъ и въ началѣ царствованія его сына, Филиппа Красиваго. Послѣ зна-

чительнаго ея усиленія во вторую половину царствованія этого государя, она сдѣлала опять крутой скачекъ внизъ при его ничтожныхъ преемникахъ и за все время несчастныхъ войнъ съ Англіей. Продолжался этотъ упадокъ королевскаго престижа до второй половины XV вѣка, т. е. до того момента, когда соотношеніе силъ между королемъ, съ одной стороны, и центробѣжными элементами съ другой, т. е. крупными вассалами, измѣнилось въ пользу перваго. Въ Испаніи то, что было возможно для своевольнаго кастильскаго и въ особенности аррагонскаго дворянства въ эпоху раздробленія ея на нѣсколько королевствъ, стало уже выходить изъ употребленія и смѣняться почтительными формами при Фердинандѣ и Изабеллѣ и сдѣлалось совершенно невозможнымъ при ихъ внукѣ Карлѣ I. Имперскіе сеймы въ Германіи, вполнѣ самовластные еще при Максимиліанѣ I, замѣтно присмирѣли послѣ крестьянской войны, и Карлъ V за все свое длинное царствованіе, несмотря на реформаціонное движеніе, былъ настоящимъ императоромъ, вплоть до того момента, когда на него измѣннически напалъ его мнимый приверженецъ Морицъ Саксонскій.

Несомнѣнно, что средневѣковыя представительныя учрежденія, при всей ихъ неоформленности, не только подготовили, но вполнѣ установили почву для парламентовъ новѣйшаго типа. Тамъ, гдѣ сохранилась преемственность между средневѣковыми учрежденіями и новымъ временемъ, представительство развивалось на вполнѣ здоровой исторической почвѣ. Такъ было въ Нидерландахъ, гдѣ попытка Филиппа II уничтожить значеніе генеральныхъ штатовъ закончилась упорнымъ и побѣдоноснымъ возстаніемъ Голландіи. Вновь образовавшемуся союзу изъ семи голландскихъ провинцій нечего было искать новыхъ формъ для самоуправленія—онѣ были готовы въ прошломъ, и самый титулъ, данный главѣ Нидерландской республики—статгольдеръ (Staathoulder) показываетъ, что сохранилась даже фикція, будто страной управляетъ намѣстникъ испанскаго короля. Южныя фландрскія провинціи не образовали, правда, самостоятельнаго государства: онѣ оставались

вассальною областью сперва Испаніи, потомъ Австріи, но брюссельскій сеймъ продолжалъ собираться и дѣйствовать вплоть до французской революціи. Изъ двухъ скандинавскихъ государствъ въ Швеціи историческое преемство нарушалось три раза, при Густавѣ Ваза, при Карлѣ XI и Густавѣ III, а въ Даніи разъ—при Христіанѣ VII, и установлялось нѣчто, очень похожее на абсолютизмъ. Но, во-первыхъ, представительныя формы никогда не выходили изъ употребленія, а, во-вторыхъ, государственные чины, т. е. сословія, съ дворянскимъ во главѣ, очень скоро возстановляли свою утраченную самостоятельность. Не то было въ остальной Европѣ. Въ Испаніи, въ Португаліи, во Франціи, во всѣхъ германскихъ государствахъ, кромѣ Мекленбурга, въ нѣмецкихъ областяхъ Австріи государственные чины либо совершенно утратили политическую власть, либо вовсе не собирались [1]). Богемскій сеймъ былъ уничтоженъ послѣ Бѣлой горы, а венгерскій — послѣ подавленія возстанія 1687 г. Историческая нить была прервана. Въ Италіи этой нити не было вовсе. Вся ея сѣверная часть была покрыта сѣтью мелкихъ аристократическихъ республикъ, переживших цѣлый рядъ потрясеній, которыя привели, въ концѣ концовъ, къ водворенію самозванныхъ династій кропечныхъ тирановъ. Въ Римѣ роль династическаго деспота преисправно исполнялъ святой отецъ. Средневѣковая Италія была вѣрнымъ снимкомъ съ древней Греціи въ VI вѣкѣ, когда тамъ, послѣ ряда возстаній, ниспровергнувшихъ власть эвпатридовъ, почти повсемѣстно установилась тиранія. На одномъ югѣ образовалось во второй половинѣ XIII вѣка сравнительно крупное неаполитанское королевство. И всѣ эти государства, большія и малыя, за исключеніемъ Венеціи и Рима, подъ конецъ среднихъ вѣковъ подпадаютъ власти иностранцевъ—германскихъ

[1]) Мекленбургъ составлялъ исключеніе и составляетъ его до сихъ поръ. Тамъ сохранились и понынѣ сословные феодальные чины, собирающіеся, какъ извѣстно, въ городкѣ Мальцинѣ, общемъ для обоихъ герцогствъ, и никогда не перестававшіе собираться отъ самыхъ среднихъ вѣковъ.

императоровъ, тщетно пытавшихся объединить средневѣковую Италію подъ своимъ господствомъ, смѣнили въ этой роли Испанія и Франція, менѣе романтическія въ своихъ видахъ, чѣмъ нѣмецкіе Гогенштауфены, и довольствовавшіяся вдобавокъ отдѣльными кусками, какіе имъ удавалось вырвать для себя изъ окровавленнаго тѣла Италіи. Наслѣдство св. Петра защищало отъ завоеванія религіозное чувство, венеціанскую республику—ея морское могущество, опиравшееся вдобавокъ на внѣитальянскія владѣнія. Только въ одномъ горномъ углу полуострова, въ полуитальянскомъ Пьемонтѣ, не переставала держаться, благодаря традиціонной своей осторожности, природная Савойская династія. И ей-то было суждено уже на нашихъ глазахъ воспользоваться революціоннымъ движеніемъ 1848 года, какъ умѣла она за все долгое свое существованіе пользоваться любымъ европейскимъ замѣшательствомъ, и стать орудіемъ итальянскаго объединенія.

Прошлое отразилось и на современной политической жизни. Представительныя учрежденія дѣйствуютъ всего удачнѣе и правильнѣе тамъ, гдѣ подъ ними историческая подпочва многовѣковой практики. Они измѣнялись съ теченіемъ времени подъ воздѣйствіемъ внутренней переработки общества и растущаго вліянія денежнаго и умственнаго капитала на ряду съ недвижимымъ. Они все болѣе демократизуются въ своихъ формахъ, открывая все шире доступъ въ правящій классъ. Но совершается это постепенно, сообразно дѣйствительному перемѣщенію центра тяжести отъ землевладѣльческаго класса къ остальнымъ, въ уровень съ ростомъ образованія вширь; и новые слои входятъ въ рамки старыхъ, не ломая этихъ рамокъ. Таковъ ходъ развитія скандинавскихъ государствъ, Нидерландовъ и въ особенности Англіи. Въ остальной Европѣ было не такъ. Монархическая власть, объединенная во Франціи, на Пиренейскомъ полуостровѣ, въ Австрійской имперіи, или, наоборотъ, измельченная, если можно такъ выразиться, въ Германіи и въ Италіи, упразднила въ большей или меньшей степени весь средневѣковой строй: центральныя представительныя

учрежденія, самостоятельность городскихъ общинъ, словомъ, все корпоративное, независимое, своеобразное. Она расчистила почву для дальнѣйшаго объединенія путемъ всеобщаго безразличія передъ господствующимъ началомъ численнаго большинства. И когда въ XVIII вѣкѣ проснулась потребность народнаго самоуправленія, но уже не для отдѣльныхъ сословій и корпорацій, а для народа въ цѣлости, историческихъ традицій уже не было, и нужно было уже строить вновь на основахъ отвлеченной теоріи или путемъ заимствованія чужихъ учрежденій. Имѣлся готовый примѣръ въ англійской конституціи и въ ея новѣйшемъ, демократизованномъ изданіи—конституціи американской. И Франціи, гдѣ былъ главный очагъ умственнаго движенія, пришлось выработать систему новаго раціональнаго порядка и стать передаточной инстанціей для распространенія на материкѣ англійскихъ порядковъ. Попытка совершить первое сдѣлана была въ эпоху революціи, попытка осуществить второе—при реставраціи Бурбоновъ. И обѣ попытки не удались,—первая оттого, что безусловно разумный и всегда одинаковый человѣкъ, обладатель прирожденнаго права самоуправляться, не болѣе, какъ фикція, вторая потому, что революція смела дочиста и королевскую власть, и провинціальныя особенности, и сословія, и городскія общины, и магистратуру, и всѣ эти элементы пришлось склеивать вновь изъ обломковъ. Осталась одна только церковь, которую можно было насильственно придавить, но уничтожить которую нельзя было, оттого что она жива въ сердцахъ людей, а не въ учрежденіяхъ, оттого, что центръ ея одинъ для всего міра. Революція въ сущности была самымъ абсолютнымъ изъ абсолютныхъ монарховъ Франціи. Законные государи старались только подавить всякое наружное несогласіе съ ними, революція, путемъ конфискацій и гильотины, уничтожила тѣхъ самыхъ, кто могъ бы протестовать. И на этой сглаженной, а потому мертвой почвѣ пришлось выстраивать симметричное зданіе „разумнаго управленія“, основанное на мнимомъ правѣ каждаго гражданина управлять, что въ сущности равносильно анархіи, и на столь же мнимомъ

правѣ большинства подавлять меньшинство, что въ сущности равносильно деспотизму.

Раціонализмъ XVIII вѣка, хоть и проникъ во всѣ европейскія страны, но оставилъ тамъ слѣды лишь въ области отвлеченной мысли. Осуществить его программу не пришлось нигдѣ. Европа получила конституціонныя учрежденія въ два пріема и оба раза получила ихъ отъ Франціи, — сперва, какъ непосредственное излученіе конституціи 1795 года, давшей Франціи директорію, позднѣе — какъ передачу Европѣ британской конституціи въ французской передѣлкѣ. Первому непосредственному воздѣйствію французскихъ порядковъ подверглись только Италія и Швейцарія. Недолговѣчныя республики, на которыя французскими завоевателями была изрѣзана итальянская территорія, были точнымъ снимкомъ съ директоріальной Франціи. Но главной задачей новыхъ учрежденій было строго подчиняться приказаніямъ изъ Парижа и работать на пользу побѣдоносной сосѣдки. Этотъ характеръ подначальнаго государства, обязаннаго поставлять и рекрутъ и провіантъ для французскихъ войскъ, Италія еще рѣзче получила, когда въ самой Франціи установилась военная диктатура. Тогда о какомъ-нибудь парламентаризмѣ въ вассальной Италіи, разумѣется, не могло быть и рѣчи. Управляемая двумя французскими генералами съ французскими префектами въ придачу она въ сущности стала французской провинціей. Такъ же попытались французы поступить и съ Швейцаріей. Опираясь на тамошнюю демократическую партію, недовольную старинной простотой кантональнаго устройства, съ богатымъ и просвѣщеннымъ городскимъ патриціатомъ во главѣ, французы вздумали превратить ее въ объединенную республику, конечно, вассальную не менѣе сосѣдней Италіи. Но они въ этомъ успѣли только отчасти. Французскія войска смотрѣли на Швейцарію, какъ на свою землю. Швейцарцы были принуждены сражаться въ ихъ рядахъ и расквартировывать ихъ на своей территоріи. Но стереть ихъ исторію, сдѣлать изъ нихъ объединенное государство оказалось невозможнымъ. Послѣ ряда мелочныхъ переворотовъ въ отдѣльныхъ

кантонахъ Наполеонъ въ 1801 г. снабдилъ Швейцарію конституціей, сохранившей кантональное управленіе, хотя и съ новыми, болѣе демократическими формами. Какъ человѣка практическаго его вполнѣ удовлетворяла подчиненность швейцарцевъ. Послѣ изгнанія французовъ въ 1814 году кантоны вернулись къ своему прежнему устройству, и только въ нѣкоторыхъ изъ нихъ, на этотъ разъ благодаря настоянію императора Александра, было сохранено полудемократическое управленіе, съ замѣной имущественнымъ цензомъ прежняго наслѣдственнаго господства патриціанскихъ семействъ. Въ то же время тѣ кантоны, которые до революціи были въ подданствѣ у другихъ, какъ Ваадтъ у Берна и Тургау у Цюриха, сохранили свою обособленность. Послѣдовательное развитіе швейцарскихъ порядковъ въ смыслѣ демократизаціи, но не въ смыслѣ объединенія, было дѣломъ уже самихъ швейцарцевъ, хотя, конечно, подъ воздѣйствіемъ тѣхъ идей, носительницей которыхъ была французская революція.

Въ остальной Европѣ Франція непосредственнаго участія въ распространеніи народнаго представительства не принимала вовсе. Ни въ тѣхъ государствахъ, которыя были прямо завоеваны, какъ Испанія и Португалія, ни въ западной Германіи, образовавшей въ 1807 году Рейнскій союзъ подъ французскимъ протекторатомъ, она никакого представительства не вводила. Здѣсь и далѣе на востокъ, въ Прусскомъ королевствѣ, конституціонное движеніе было результатомъ отпора французскому нашествію. Населеніе, взявшееся за оружіе съ рѣшимостью прогнать завоевателя, какъ разъ въ силу этой рѣшимости почувствовало себя способнымъ вѣдать собственныя дѣла. Это право было признано самимъ Вѣнскимъ конгрессомъ, въ протоколѣ котораго было внесено обѣщаніе нѣмецкихъ государей ввести у себя народное представительство. И тутъ опять Франція снабдила ихъ образцомъ своей конституціи 1814 года, привезенной Людовикомъ XVIII изъ Англіи. Всѣ такъ называемыя хартіи, постепенно вводившіяся въ разныхъ государствахъ Европы, были ничѣмъ инымъ, какъ перекройкой этой

конституціи, полученной изъ вторыхъ рукъ. И на Пиренейскомъ полуостровѣ, и въ германскихъ государствахъ, и въ Австріи мы видимъ все то же: двѣ палаты, низшая съ болѣе или менѣе высокимъ цензомъ, высшая, либо только наслѣдственная, либо съ нѣкоторой примѣсью выборнаго элемента, какъ городскихъ бургомистровъ, представителей университетовъ и магистратуры и особыхъ членовъ, назначаемыхъ пожизненно государями; преобладаніе первой надъ второй въ силу особаго преимущества при разсмотрѣніи бюджета и отвѣтственности передъ нею министровъ,—вотъ основныя черты всѣхъ этихъ конституцій. Только въ Сардиніи, а потомъ и въ Итальянскомъ королевствѣ, на которое пьемонтская конституція была перенесена, составъ верхней палаты опредѣлялся исключительно помощью назначенія королемъ; а въ Пруссіи и въ Австріи не была введена министерская отвѣтственность, что не позволяетъ за устройствомъ этихъ странъ признать характеръ чисто парламентарнаго.

Двѣ противоположныя струи чувствуются въ дальнѣйшей судьбѣ представительныхъ учрежденій — одна все та же струя французскаго раціонализма, изъ которой вытекли всѣ конституціи Франціи, отъ начала революціи до консульства Наполеона, другая болѣе скрытая, какъ бы подземная струя національнаго темперамента и національныхъ преданій, болѣе или менѣе заглушенныхъ, но все таки еще живыхъ подъ двойнымъ наростомъ полицейскаго абсолютизма и французскихъ отвлеченныхъ представленій о всеобщей человѣческой равноправности. Эти двѣ силы, споря одна съ другой, и не дали установиться чему-либо, сколько-нибудь подобному британской конституціи. Вмѣсто цѣлостнаго продукта творческаго народнаго духа, вездѣ одно только формальное перекраиваніе англійскаго парламентаризма и полная неустойчивость этой перекройки подъ воздѣйствіемъ прошлаго, съ одной стороны, французскихъ раціоналистическихъ вліяній — съ другой. Въ каждой странѣ эти разнообразные элементы смѣшивались въ различной пропорціи. Въ странахъ

романской расы преобладало вліяніе французскихъ идей, сказавшееся въ Испаніи между прочимъ въ такъ называемой конституціи 1812 года, возстановленной 10 лѣтъ спустя во время недолгаго господства военно-революціоннаго движенія Ріэго. Въ германскихъ государствахъ, наоборотъ, историческія традиціи оказывались болѣе живучими. Мы видѣли выше, какъ сильно онѣ сказались въ самомъ началѣ конституціоннаго движенія, когда во главѣ его повсюду стояли представители историческаго начала. Но и сюда проникло постепенно французское вліяніе, особенно могущественное въ западной Германіи, гдѣ французское нашествіе оставило послѣ себя замѣтный слѣдъ, если не въ государственномъ строѣ, то въ гражданскихъ законахъ и преподаваніи юридическихъ наукъ. Съ 1830 года французское вліяніе въ ней замѣтно усиливается, и взрывъ 1848 года далъ ему кратковременное торжество. Но Германія даетъ въ своей парламентской исторіи менѣе богатый фактическій матеріалъ, чѣмъ Западъ Европы, такъ какъ въ двухъ ея главныхъ государствахъ, въ Пруссіи и въ Австріи, общія представительныя учрежденія несословнаго типа были введены лишь съ 1848 года въ первомъ изъ нихъ и съ 1866 г. во второмъ. Въ среднихъ и мелкихъ нѣмецкихъ государствахъ правительственная борьба носила менѣе острый характеръ, благодаря присущей всѣмъ нѣмцамъ привязанности къ своимъ историческимъ династіямъ, сохраняющей за государями самостоятельную власть даже при введеніи въ букву закона министерской отвѣтственности, этого краеугольнаго камня парламентаризма. Несмотря на то, что въ большинствѣ этихъ государствъ представительныя учрежденія были введены до 1830 года, настоящая политическая борьба происходила на самомъ дѣлѣ не въ парламентахъ Мюнхена, Штутгарта, Карлсруэ и Дрездена, а въ умахъ и въ печати. И, какъ мы видѣли, главнымъ ея предметомъ, ея сущностью былъ вопросъ о нѣмецкомъ единствѣ, вопросъ, казавшійся мелкимъ нѣмецкимъ монархамъ очень революціоннымъ, а на самомъ дѣлѣ поддерживавшій въ нѣмецкомъ народѣ инстинктивную потребность сильной власти,

безъ которой, какъ показали факты, его разрѣшить было невозможно. И вотъ, когда онъ былъ разрѣшенъ не народомъ, а прусской арміей, эта сильная власть и осталась, какъ символъ объединенія, перенесенная на общегерманскую конституцію изъ конституціи прусскаго королевства. Ни въ той, ни въ другой министерской отвѣтственности нѣтъ, а, стало быть, и нѣтъ парламентаризма. «Не хочу», выразилъ идею самостоятельности королевской власти Фридрихъ Вильгельмъ IV,— «чтобы между моимъ народомъ и мною лежалъ листъ бумаги». Другими словами, король долженъ былъ сохранить за собою послѣднее слово, быть рѣшающей инстанціей всякаго спора. Парламенту должно было принадлежать право разсматривать бюджетъ и принимать или отвергать законопроекты, но управленіе страной оставалось внѣ его власти. Эта рѣшающая, почти самодержавная роль короля выразилась какъ нельзя болѣе ярко во время знаменитаго конфликта 1862—1864 года. И такъ какъ побѣда осталась за королемъ, эта рѣшающая роль перешла и къ императору. Но уступка французскимъ раціоналистическимъ идеямъ была все таки сдѣлана: сперва для выборовъ въ сѣверогерманскую палату въ 1866 году, потомъ въ имперскій рейхстагъ въ 1871 году была введена всеобщая подача голосовъ. Такимъ образомъ, общенѣмецкая конституція имѣетъ, подобно англійской, три основы—демократическую въ способѣ избранія въ палаты, самодержавную—въ самостоятельности императора и аристократическую—въ той выдающейся роли, какую до сихъ поръ играетъ въ Германіи, особенно въ восточной ея части, наслѣдственное поземельное дворянство. Въ этой сложности своей организаціи она походитъ на англійскую, хотя распредѣленіе власти между этими тремя факторами въ Германіи далеко не то же, какъ въ Англіи.

Какъ уже сказано, рѣшающее слово остается въ Германіи за правительствомъ, — рѣшающее слово, составляющее обыкновенно камень преткновенія для всѣхъ конституцій міра. Никакія самыя утонченныя гарантіи, поддерживающія взаимныя права отдѣльныхъ факторовъ государственной власти, не

въ силахъ на самомъ дѣлѣ обезпечить мирное разрѣшеніе конфликтовъ. Стоитъ либо правительству, либо одной изъ палатъ надавить черезчуръ сильно юридическую пружину, довести свое право до крайнихъ предѣловъ, и конфликту мирнаго разрѣшенія нѣтъ. Если бы англійскій король фактически воспользовался своимъ несомнѣннымъ правомъ выбирать себѣ министровъ по усмотрѣнію и распускать палату, когда угодно, онъ наткнулся бы на такую дружную оппозицію, которая сдѣлала бы сомнительнымъ дальнѣйшее существованіе его короны. Если бы палата общинъ безусловно отказалась утвердить приходную смѣту бюджета, она бы сдѣлала невозможнымъ дальнѣйшее управленіе страной. Если бы палата лордовъ, наконецъ, упорно осуществляла свое право отвергать любой законъ, принятый нижней палатой, она бы такъ возстановила противъ себя умы, что дѣло кончилось бы, вѣроятно, ея упраздненіемъ. Словомъ, доведенная до полнаго логическаго вывода борьба участниковъ власти можетъ найти себѣ исходъ только съ помощью силы, этой ultima ratio всѣхъ неразрѣшимыхъ политическихъ осложненій. И чтобы избѣгнуть этого ужъ ничѣмъ неопровержимаго аргумента, цѣлымъ народамъ и партіямъ остается одно лишь — крѣпко беречь тѣ неписанные законы благоразумія, которые внушаютъ людямъ не злоупотреблять своимъ правомъ и уважать чужое. И относится это, разумѣется, не къ одной Англіи. Повсюду, гдѣ политическая власть раздѣлена между нѣсколькими участниками, никакія предосторожности не спасутъ отъ необходимости прибѣгнуть къ силѣ, если исчезло это уваженіе къ неписанному закону. Само собою разумѣется, что форма, въ которую складывается мирное разрѣшеніе всякаго спорнаго вопроса, —это большинство голосовъ въ палатахъ и согласіе исполнительной власти на принятое рѣшеніе. Но подъ этой формальной нормой скрывается иная, невысказанная: для каждаго изъ факторовъ власти, для каждой отдѣльной партіи внутренній миръ и общее благо страны должны стоять выше личныхъ интересовъ и взглядовъ. Правительство, изъ за одного каприза не соглашающееся на мѣру, къ которой

настойчиво стремится общественное мнѣніе, большинство, не признающее, что есть предѣлы, за которые не можетъ проникать даже законъ, меньшинство, упорно не подчиняющееся господствующему мнѣнію и путемъ обструкціи не дающее ему осуществить свою волю, — это такія помѣхи здоровому дѣйствію государственнаго аппарата, которыя неминуемо приводятъ въ катастрофѣ. И тѣ страны, гдѣ почему-либо недостаетъ твердости духа умѣрить свою настойчивость, обыкновенно разрѣшаютъ такіе споры либо путемъ вмѣшательства возбужденной уличной толпы, либо съ помощью роты солдатъ, являющейся возстановить порядокъ. И вотъ, чтобы избѣгнуть такой альтернативы, прусская, а затѣмъ и общегерманская конституція оставила рѣшающее слово за властью. Но и это, конечно, не болѣе, какъ паллiативъ. Если бы нѣмецкій рейхстагъ вздумалъ изъза какого-нибудь возникшаго спора отказать въ вотированіи бюджета и если бы то же повторила палата, выбранная вновь послѣ его распущенія, правильнаго бы выхода не было внѣ того чувства привычнаго довѣрія, съ которымъ народъ въ своемъ большинствѣ до сихъ поръ въ Германіи относился къ своимъ государямъ. И благодаря этому, нѣмецкій конституціонный аппаратъ дѣйствуетъ правильно, гораздо лучше того же аппарата въ другихъ странахъ, въ томъ числѣ и въ Австріи, хотя здѣсь довѣріе къ монарху такое же, какъ въ Германіи, а соціальныя условія даже еще благопріятнѣе, такъ какъ церковь въ Австріи не представляетъ центробѣжной силы и соціализмъ пока очень слабъ. Зато въ Австріи разлагающимъ элементомъ является вражда народностей, неразрѣшимая оттого, что исторія ихъ не сплотила въ комокъ даже по отдѣльнымъ провинціямъ и географически онѣ такъ вкраплены одна въ другую, что нѣтъ анатомическаго ножа, которымъ можно было бы разсѣчь мозаику ихъ тѣснаго сплетенія.

Какъ бы то ни было, обзоръ европейскихъ представительныхъ учрежденій показываетъ, что они могутъ удаваться при двухъ условіяхъ — въ формѣ полнаго парламентаризма, когда народный темпераментъ достаточно твердъ и традиціи прони-

лаго съ завѣщанными имъ политическими факторами достаточно сохранились, и въ формѣ самостоятельной монархической власти, которая обставлена лишь совѣщательными учрежденіями. Слѣдуетъ при этомъ замѣтить, что государства, въ которыхъ удался тотъ или иной типъ конституціоннаго режима, полной демократизаціи не достигли, и что большой еще вопросъ, останется ли прочнымъ и благотворнымъ ихъ устройство, когда въ нихъ демократическая эволюція закончится. Имѣется, правда, налицо примѣръ очень крупной страны, въ самую основу которой легла полная демократія и внутренняя жизнь которой несомнѣнно здорова. Это С.-Американскіе Соединенные Штаты. Ростъ этой страны представляетъ невиданный ранѣе примѣръ въ исторіи—сочетаніе съ виду двухъ несовмѣстимыхъ условій: отсутствіе историческихъ наслоеній при высокой степени экономической культуры и матеріальнаго богатства. При такихъ условіяхъ, высаживаясь на дѣвственную полупустынную землю Америки, всѣ первоначальные европейскіе заселители чувствовали себя вполнѣ равными, а, стало быть, и вполнѣ аристократами, такъ какъ они сознавали себя вполнѣ независимыми, признавая надъ собою одну только власть Бога и Его природы. Эти первоначальные колонисты, большею частью англійскіе джентльмены средней руки и образовали собою первооснову американскаго населенія, такъ называемыя old familys, къ которымъ одинаково принадлежатъ и фермеры сѣверо-восточныхъ штатовъ, и крупные землевладѣльцы-плантаторы южныхъ, и городская знать Бостона, Филадельфіи и Нью-Іорка. Изъ этихъ элементовъ могла бы основаться настоящая аристократія, если бы только имѣлся налицо на ряду съ ней низшій слой населенія—крестьяне, мѣщане и рабочіе. Но въ томъ-то и дѣло, что въ первое время образованія Штатовъ эти классы совершенно отсутствовали. Дороговизна труда, съ одной стороны, легкость обогащенія, съ другой, не давали пролетаріату образовываться, и его пришлось создавать искусственно путемъ привоза и водворенія въ странѣ чернокожихъ рабочихъ, уже не въ силу общественнаго положенія, но и въ

силу расовыхъ особенностей представлявшихъ собою низшій элементъ по отношенію къ бѣлымъ. И несмотря на освобожденіе негровъ послѣ междоусобной войны и на дарованіе имъ всевозможныхъ политическихъ правъ, они все таки до сихъ поръ остались низшей расой, на самомъ дѣлѣ политическими правами не обладающей. Какъ разъ, благодаря наличности такого, такъ сказать, физіологически приниженнаго элемента населенія, среди бѣлыхъ, живѣе чѣмъ гдѣ-либо въ цѣломъ мірѣ, сохранилось и юридическое и фактическое равенство. Но равенство это сильно напоминаетъ собою демократію городовъ классическаго міра: она держится презрѣніемъ къ нечистокровнымъ, хоть и полноправнымъ гражданамъ, которые принимаютъ на себя отправленіе наиболѣе низкихъ функцій въ обществѣ—роль прислуги и земледѣльческихъ рабочихъ. Громадность территоріи и вслѣдствіе того неизмѣримость перспективъ для обогащенія, какія представляла и до сихъ поръ представляетъ Америка европейской культурѣ и европейскому капиталу, развили къ тому же среди всего бѣлаго населенія такое сознаніе своей мощи, такую неограниченность стремленія впередъ и вверхъ, какія въ Старомъ Свѣтѣ обыкновенно свойственны только представителямъ правящаго класса и людямъ выдающихся способностей. Америка наглядно доказываетъ, что не интенсивность культуры и образованія, а сила характера создаетъ могущество народа. Въ первомъ отношеніи американцы не идутъ въ уровень съ Европой, но во второмъ они ее превосходятъ значительно. И вотъ почему американская демократія не дала тѣхъ же плачевныхъ результатовъ, какъ европейская, хотя она и въ Америкѣ вызвала нѣкоторыя отрицательныя черты — отсутствіе идеаловъ, черствость и даже циничность пріемовъ, и, наконецъ, почти повальную продажность. Это демократія не въ смыслѣ приниженія всего общества къ одному уровню, а, напротивъ, въ смыслѣ повышенія его цѣликомъ посредствомъ всеобщей доступности наживы. И не измѣнилъ этого и большой наплывъ разношерстныхъ, притомъ зачастую очень порочныхъ элементовъ изъ Стараго Свѣта,

не перестававший совершаться съ 30-хъ годовъ прошлаго вѣка. Костякъ американскаго общества, если можно такъ выразиться, успѣлъ такъ крѣпко сложиться, что ассимилировалъ съ поразительной быстротой всѣ новые, даже наиболѣе сомнительные элементы, вытравливая ихъ порочныя свойства увѣренностью, что работа въ Новомъ Свѣтѣ не можетъ не быть плодотворной. И вотъ почему до самаго послѣдняго времени американскій общественный организмъ складывался въ твердыя, хоть и грубоватыя, нѣсколько аляповатыя формы. Вотъ почему также въ немъ отсутствуютъ нѣкоторыя классовыя группы Стараго Свѣта. Крестьянства въ Америкѣ нѣтъ вовсе. На сѣверѣ фермеръ, работающій самъ, хоть и полуджентльменъ по культурѣ, на югѣ крупный владѣлецъ, обрабатывающій свои плантаціи съ помощью негровъ, на западѣ авантюристъ-піонеръ, замѣняющій собою фермера, или замѣняющій собой плантатора предприниматель капиталистъ. Роль мужика исполняетъ машина, а рабочій, управляющій машиной, такой же пришлый, неосѣдлый, какъ на фабрикѣ. Затѣмъ на сѣверѣ почти отсутствуетъ крупный помѣщикъ, а на югѣ крупный промышленникъ. Неудивительно, что партійныя группировки, свойственныя Европѣ, не могли сложиться при такомъ упрощенномъ строѣ и при такомъ широкомъ распространеніи технической культуры. И американскія партіи въ самомъ дѣлѣ ничего не имѣютъ общаго съ европейскими. У нихъ совершенно отсутствуетъ противорѣчіе между правящими и низшими слоями, между патриціатомъ и интеллигенціей, даже между капитализмомъ и рабочими. Соціалистическое теченіе въ Америкѣ пробовало организоваться и неоднократно пыталось вызвать открытую вспышку съ оружіемъ въ рукахъ. На выборахъ сторонники безусловнаго имущественнаго равенства слагались не разъ въ отдѣльныя группы, но имъ всегда приходилось стушевываться передъ другими партіями въ виду своей малочисленности. Однажды только, въ штатѣ Калифорнія, они овладѣли на короткое время большинствомъ въ мѣстной палатѣ и принялись изготовлять проекты новой конституціи. Но все это

было непрочно и очень быстро разсыпалось. Сплоченнаго ядра соціалисты образовать не могутъ, потому что серьезнаго недовольства въ сущности среди рабочаго класса нѣтъ, да и всѣ попытки къ вооруженному возстанію находили себѣ такой энергичный отпоръ, что сознаніе своего безсилія вскорѣ отбивало у соціалистовъ охоту прибѣгать къ силѣ. Дважды, въ штатахъ Пенсильванія и Огейо, рабочіе желѣзнодорожныхъ мастерскихъ вооружались въ количествѣ 15—20 тысячъ человѣкъ, прекращали движеніе и устраивали себѣ на станціяхъ нѣчто въ родѣ укрѣпленій; и оба раза безъ содѣйствія союзнаго правительства, съ помощью наемнаго войска, ими же вооруженнаго, желѣзнодорожныя компаніи въ союзѣ съ мѣстными фабрикантами одерживали верхъ надъ стачниками, вступивъ съ ними въ открытый бой. Нѣсколько тысячъ убитыхъ со стороны возстававшихъ достаточно проучили рабочихъ, чтобы попытки не возобновлялись. Такое подавленіе мятежа на частныя средства съ образованіемъ чего-то въ родѣ наемной арміи — явленіе чисто американское, свидѣтельствующее о широкомъ просторѣ, какой оставляетъ законъ для личной иниціативы, и о томъ, конечно, тоже, что само общество въ Соедин. Штатахъ чувствуетъ себя въ состояніи, правда, не церемонясь насчетъ средствъ, отстоять себя отъ опасности со стороны пролетаріата.

Помогаютъ этому два спеціальныхъ условія американской жизни. Центральная власть хоть и очень не слаба, за то крайне ограничена въ кругѣ своихъ функцій. Она въ строгомъ смыслѣ завѣдуетъ лишь тѣмъ, что интересуетъ государство въ цѣломъ составѣ, т. е. общимъ законодательствомъ и отношеніями къ другимъ странамъ. Президентъ Соедин. Штатовъ представляетъ собою величину очень серьезную. Въ выборѣ своихъ министровъ онъ нисколько не подчиненъ большинству своей палаты, и бывали не разъ примѣры, что его политика расходилась съ мнѣніемъ этого большинства. Онъ гораздо самостоятельнѣе любого изъ конституціонныхъ государей Европы, за исключеніемъ

императоровъ Германіи и Австріи [1]). Парламентаризма въ Америкѣ нѣтъ, и вся дѣятельность палаты сводится къ разсмотрѣнію бюджетовъ и новыхъ законопроектовъ. Да и эти двѣ сферы у нея гораздо уже, чѣмъ въ Европѣ. Бюджетъ Америки былъ до сихъ поръ не великъ, въ виду малочисленности войска, и покрывали его почти исключительно таможенныя пошлины. Законодательство очень мало регламентируетъ частную жизнь, предоставляя притомъ большую самостоятельность мѣстнымъ палатамъ отдѣльныхъ штатовъ. И сообразно этому слабому вмѣшательству закона въ частную жизнь, слабо вмѣшивается въ нее и администрація. Америка — всего менѣе управляемая страна на цѣломъ земномъ шарѣ, и это, конечно, способствовало выработкѣ у граждан Соединенныхъ Штатовъ способности къ самозащитѣ.

Но есть въ политической жизни Соед. Штатовъ другая, еще болѣе рѣзкая особенность — ихъ жизнь почти исключительно вращается около экономическихъ вопросовъ. Въ политикѣ, и внѣшней и внутренней, эта страна преслѣдуетъ однѣ практическія цѣли, совершенно игнорируя отвлеченные принципы. Вотъ почему американскія партіи и не группировались во имя такихъ принциповъ. Консерваторовъ, либераловъ и радикаловъ въ Америкѣ нѣтъ и никогда не будетъ. Двѣ партіи, на которыя дѣлились американцы съ самаго основанія республики Соед. Штатовъ, различались между собою двумя чертами. Демократы всегда были сторонниками возможно большей обособленности штатовъ, съ одной стороны, и земледѣльческихъ интересовъ, съ другой, вслѣдствіе чего, какъ производители сырья и потребители фабрикатовъ, они стояли за пониженіе пошлинъ. Ихъ противники, республиканцы, наоборотъ, стремились къ развитію объединяющаго централизма и защищали интересы

---

[1]) См. Конституцію Сѣв. Амер. Соед. Штатовъ.

Article I. The legislative department—Sect. VIII—о кругѣ дѣйствій Конгресса

и Article II. The executive department—Sect. II — о правахъ и власти президента.

промышленности, т. е. высокіе тарифы. Вопросъ о невольникахъ послужилъ поводомъ, а не причиной къ вооруженному столкновенію сѣверныхъ и южныхъ штатовъ, гдѣ каждая изъ этихъ партій господствовала. Землевладѣльческій, помѣщичій Югъ всегда оставался вѣренъ демократической программѣ, конечно, демократической не въ европейскомъ смыслѣ, промышленный Сѣверъ — республиканской. Но каждая изъ этихъ партій имѣла сторонниковъ въ территоріи другой. Населеніе большихъ городовъ на сѣверѣ, особенно Нью-Іорка, — на сторонѣ демократовъ, въ которыхъ оно видитъ противниковъ своихъ домашнихъ промышленныхъ царьковъ. По аналогической причинѣ держитъ сторону республиканцевъ населеніе городовъ юга. Такимъ образомъ, переведя американскіе термины на обыденный европейскій языкъ, каждая партія является аристократической у себя дома и демократической внѣ предѣловъ своей области. Долгое преобладаніе Сѣвера, смѣнившее съ начала 60-хъ годовъ столь же долгое преобладаніе Юга, вызвано, главнымъ образомъ, болѣе сильнымъ развитіемъ богатства промышленнаго, чѣмъ земледѣльческаго, перерастаніемъ недвижимости капиталомъ. Но по мѣрѣ того, какъ спекуляція росла, подготовлялась и перемѣна въ общественномъ строѣ Америки. Крупныя предпріятія не только расширялись, но и сливались вмѣстѣ, стремясь образовать въ каждой области производства отдѣльный замкнутый союзъ, защищенный отъ конкуренціи рядомъ частныхъ соглашеній. Въ каждой изъ такихъ областей группа капиталистовъ являлась въ роли промышленныхъ феодаловъ, которымъ подчинена цѣлая толпа меньшихъ вассальныхъ капиталистовъ и людей всякихъ профессій, работающихъ на ихъ пользу за плату. Заодно съ наростаніемъ этой денежной олигархіи измѣняется мало по малу и ея отношеніе къ центральной власти. Магнаты изъ республиканцевъ стали такими же сторонниками обособленности, автономіи каждой отдѣльной предпринимательской группы, какими были прежніе демократы изъ плантаторовъ отдѣльно для каждаго изъ своихъ штатовъ. И если можно предрекать будущее, какъ бы начерчивая далѣе

ходъ обнаруживающагося процесса, позволительно думать, что рано или поздно эта нарождающаяся олигархія, на ряду съ которой стала просыпаться въ Америкѣ и демократическая струя въ европейскомъ смыслѣ, вступитъ когда-нибудь въ борьбу съ президентской властью, у которой тоже не мало сторонниковъ и не мало плановъ на расширеніе своей роли. Такъ называемый имперіализмъ, т. е. желаніе стать одной изъ крупныхъ всемірныхъ державъ даже въ смыслѣ завоеванія, требуетъ неминуемаго увеличенія военныхъ и морскихъ силъ, а тѣмъ самымъ заодно идетъ на пользу усиленія власти президента, по самой конституціи признаваемаго главой сухопутныхъ и морскихъ силъ. Прежняя жизнь Америки мало обращалась въ сторону границъ, а тѣмъ болѣе за ихъ предѣлы; теперь она становится все болѣе и болѣе международной. Каждый новый корабль, привозящій въ Америку эмигрантовъ, умножаетъ число производителей, ищущихъ рынковъ для своихъ продуктовъ, а, стало быть, и сторонниковъ той политики, которая призвана эти рынки завоевать. И рано или поздно магнаты промышленности столкнутся съ вырастающей на ряду съ ними президентской властью, которая найдетъ себѣ опору въ растущихъ милліонахъ космополитическаго рабочаго люда. Кто знаетъ, наступившее столѣтіе, можетъ быть, станетъ свидѣтелемъ быстраго роста оптиматовъ, съ одной стороны, и союза главы государства съ рабочей охлократіей—съ другой.

До сихъ поръ серьезный конфликтъ между президентомъ и конгрессомъ, т. е. обѣими палатами, возникалъ только разъ — въ президентство Андрю Джонстона, преемника убитаго Линкольна. Законъ, освободившій президента отъ министерской отвѣтственности, а, стало быть, и отъ воли большинства, зато признавалъ его самого непосредственно отвѣтственнымъ передъ народными представителями. И этотъ единственный случай возникъ благодаря тому, что Джонстонъ въ самый моментъ окончанія междоусобной войны дѣйствовалъ наперекоръ твердой рѣшимости побѣдителей: временно подчинить южные штаты исключительнымъ мѣрамъ строгости, дабы покончить съ самой

идей о возможности отложиться. За все остальное время, даже при такомъ самовластномъ человѣкѣ, какъ президентъ Джаксонъ (1829—1837), никакихъ столкновеній не возникало по той простой причинѣ, что не возникало и вопроса о новомъ распредѣленіи власти между отдѣльными ея факторами. Американская конституція единственная въ мірѣ, ни разу не мѣнявшаяся съ самаго установленія республики. И происходило это оттого, что боролись тамъ за власть не классовыя группы, а только отдѣльные люди, такъ какъ отъ каждаго зависѣло подняться на самый верхъ въ силу своего дарованія и своихъ успѣховъ. Отсутствіе историческихъ наслоеній дѣлало это вполнѣ возможнымъ.

Неудивительно, что устойчивость американской республики, на самомъ дѣлѣ высоко консервативной, подѣйствовала, какъ заразительный примѣръ, и на европейскую демократію. Многіе французы спрашиваютъ у себя, не требуютъ ли современныя демократическія общества сильной центральной власти, хотя бы это была и власть выборная. Въ концѣ концовъ, думаютъ они коли утраченъ, можетъ быть, навсегда, авторитетъ правящаго класса, не явится ли сильная власть президента надежною защитою противъ возможныхъ посягательствъ со стороны демагогіи. И думающіе такъ ссылаются охотно на Соединенные Штаты. Они забываютъ одно лишь: американская демократія — результатъ не переворота, ниспровергнувшаго прежнюю соціальную іерархію, а полнаго отсутствія сословныхъ наслоеній, полнаго фактическаго, а не отвлеченнаго равенства. Да и были въ Америкѣ достаточные общественные устои, придававшіе ея демократизму очень спокойный характеръ — многочисленный классъ фермеровъ и столь же многочисленный классъ промышленниковъ, оба нисколько незанятые реформаціонными планами. А, главное, американцамъ присущъ особый духъ, побуждающій ихъ ставить на первый планъ вопросы практическіе, а не абстрактные. Всего этого во Франціи нѣтъ. И сильная власть президента, попадись она случайно въ руки якобинца, могла бы оказаться палкой о двухъ концахъ.

Ничего не доказываетъ и примѣръ Германіи. Тамъ сильная власть императора не случайная власть избранника большинства, могущая послужить не дѣлу охраны общества, а его насильственному терроризированію кучкой проходимцевъ. Правда, всякій глава государства, обладающій политическимъ и военнымъ могуществомъ, имѣетъ естественную наклонность поддерживать матеріальный порядокъ. Но порядокъ, въ концѣ концовъ, понятіе очень упругое. Онъ можетъ сводиться къ тому, чтобы подавлять всякій личный почипъ, всякую самостоятельность. Примѣровъ тому сколько угодно. Такова была власть древнихъ греческихъ тирановъ и римскихъ самозванцевъ императоровъ. Такими проявляли себя не разъ многочисленные южно-американскіе диктаторы, штатскіе, какъ докторъ Франчіа въ Парагваѣ и теперешній мексиканскій президентъ Порфиріо Діазъ, и военные, какъ генералы Итурбиде и Санта Анна. Такимъ былъ въ сущности и прототипъ всѣхъ диктаторовъ, великій Наполеонъ. Самовластіе ихъ направляется не противъ одного только матеріальнаго безпорядка, но и противъ духовной силы закона. Когда во главѣ страны геніальная личность, какъ Наполеонъ, или хотя бы очень талантливая, какъ Діазъ, съ этимъ можно еще помириться. Блестящія побѣды извнѣ, или матеріальное процвѣтаніе внутри до нѣкоторой степени искупаютъ произволъ. Но диктатура посредственнаго проходимца, какимъ былъ, напримѣръ, глава французской директоріи Баррасъ —это худшая изъ формъ правленія. Въ Пруссіи и въ цѣлой Германіи, конечно, не то. Тамъ наслѣдственная власть государя, постепенно перешедшаго отъ роли заботливаго помѣщика своей Пруссіи къ всемірной роли главы могущественнаго народа, срослась съ интересами и стремленіями подданныхъ. Они ей дороги и она имъ дорога. Тамъ и рѣчи не можетъ быть о злоупотребленіи этой властью въ цѣляхъ, враждебныхъ исторически сложившемуся строю. Опираться на общественные верхи, на крупную промышленность, на университетскую науку и на родовое землевладѣніе пріучила нѣмецкихъ монарховъ сама исторія. Но и здѣсь устойчивости этого порядка грозитъ

волна сразу — соціаль-демократія. И германское правительство не безъ основанія упрекаютъ иногда въ потворствѣ соціаль-демократамъ, вызванномъ надеждой ихъ примирить съ собою. И въ концѣ концовъ, хотя при демократизаціи общества строгій парламентаризмъ несомнѣнно является непригоднымъ, потому что въ рукахъ численнаго большинства свободныя учрежденія могутъ превратиться въ орудіе деспотизма, политическій вопросъ, стоящій теперь на очереди для всѣхъ представительныхъ государствъ, — не столько въ организаціи власти, сколько въ организаціи общества. Обзоръ политической жизни Европы за XIX вѣкъ ясно показываетъ, что новое общество, сложившееся подъ воздѣйствіемъ ученія о равенствѣ, не нашло себѣ еще окончательной формулы. Средневѣковая Европа болѣе или менѣе повсемѣстно держалась на принципѣ, что всякому должно принадлежать то, что онъ пріобрѣлъ самъ, большею частью, конечно, вооруженной рукой[1], и что относительной силой отдѣльныхъ общественныхъ группъ должны опредѣляться и взаимныя ихъ обязанности. Этой формулѣ современная Европа противопоставила другую: каждый гражданинъ долженъ имѣть совершенно равное право участвовать въ общественной власти и достигать правительственныхъ должностей. Матеріальной силѣ соціальной іерархіи современная Европа противопоставила такимъ образомъ другую — матеріальную силу численнаго большинства. Поставленный на такую почву вопросъ значительно упростился: вмѣсто сложныхъ комбинацій между пестрыми факторами средневѣковаго общества всего одна только рѣшающая власть — большинство, выразившееся сперва въ выборѣ представителей, потомъ голосованіемъ любой мѣры, законодательной или административной. И во главѣ всего этого — государь или президентъ, служащій декоративнымъ представителемъ власти, и дѣйствительный ея носитель — калифъ на часъ — первый министръ. При этомъ совершенно упускается изъ вида, что, съ одной стороны, первый министръ, успѣвшій внушить до-

[1]) Maine. Popular government. Pp. 1—55.

вѣріе своему большинству или подѣлиться съ нимъ общественнымъ пирогомъ, можетъ получать санкцію народныхъ представителей на какую угодно, даже самую противозаконную мѣру, а, съ другой — что этого же перваго министра капризъ того же большинства въ любую минуту можетъ прогнать, какъ проворовавшагося лакея. Чередованіе политическихъ партій у кормила даетъ прекрасные результаты тамъ, гдѣ такихъ партій всего двѣ и гдѣ каждая изъ нихъ одинаково воспитана въ уваженіи чужихъ правъ и подвергаетъ зоркой критикѣ дѣйствіе министерства. Недурными оказываются результаты и тамъ, гдѣ партій этихъ нѣсколько, но равновѣсіе между ними держитъ въ своихъ рукахъ крѣпкое наслѣдственное правительство. Но при отсутствіи этихъ двухъ условій послѣдствія являются печальными. Либо извѣстная партія захватываетъ на долгое время большинство и злоупотребляетъ имъ въ угоду своимъ интересамъ и своимъ предразсудкамъ; либо, наоборотъ, партіи дробятся на мелкіе осколки и направленіе хода дѣла является крайне неустойчивымъ, да и самое образованіе правительства возможно лишь путемъ компромиссовъ, большею частью безнравственныхъ. И несомнѣнно одно. При господствѣ численнаго большинства, призваннаго выражать собою волю страннаго самодержца, его величества толпы, власть должна перейти неминуемо къ представителямъ наиболѣе многочисленной, но въ то же время самой бѣдной и самой невѣжественной части населенія, къ людямъ, которые либо сами вышли изъ ея рядовъ, либо сумѣли ее задобрить низкопоклонствомъ и лестью. Льстецы бываютъ и у оборванцевъ, когда у этихъ оборванцевъ сила и, главное, — ключъ къ общественному сундуку. Отсюда три неизбѣжныхъ и крайне нежелательныхъ послѣдствія. Во-первыхъ, вся политическая жизнь держится на лицемѣріи, на ухаживаніи за массами, которыхъ на самомъ дѣлѣ никто не уважаетъ. Во-вторыхъ, уровень политическихъ дѣятелей понижается, такъ какъ эти массы — плохіе судьи о качествѣ своихъ избранниковъ и къ выдающимся способностямъ относятся безъ особаго сочувствія. Въ третьихъ, наконецъ, поли-

тическое равновѣсіе въ обществѣ является діаметрально противоположнымъ соціальному. Рѣшающій голосъ имѣютъ какъ разъ тѣ, которые въ обыденной жизни занимаютъ послѣднее мѣсто. Тѣ напротивъ, которые представляютъ общественные верхи, по таланту, по образованію, по положенію, по богатству, могутъ быть совершенно устранены отъ участія въ политическихъ дѣлахъ, если они не захотятъ быть прихвостнями толпы и ея вождей.

Въ будущемъ, быть можетъ, очень уже недалекомъ, слѣдующія за нами поколѣнія будутъ, вѣроятно, жестоко посмѣиваться надъ современнымъ увлеченіемъ всеобщей подачей голосовъ. То, что законно требовали передовые умы дореволюціонной эпохи, — было открытіе доступа вверхъ всѣмъ безразлично, но, конечно, подъ условіемъ выдающихся способностей и достоинствъ. Это значило въ сущности — равное право для всѣхъ добиваться неравенства. Всеобщая подача голосовъ, которой, кстати сказать, французская революція не вводила, это уже признаніе не одной только равноправности въ борьбѣ, но одинаковости права участвовать въ управленіи. Всякій имѣетъ полное основаніе требовать, чтобы на судѣ признавалось бы за нимъ равенство правъ съ другими. Но требовать, чтобы заранѣе каждый, будь онъ неучъ, глупецъ, нищій, бродяга, могъ въ одинаковой мѣрѣ со всѣми прочими вліять на составъ правительства, — это вопіющая, ни на чемъ не основанная нелѣпость. Можно смотрѣть на право свободно располагать собою и своей дѣятельностью, какъ на нѣчто прирожденное каждому. Но смотрѣть такимъ образомъ на право властвовать надъ другими и тѣмъ самымъ ограничивать ихъ свободу дѣйствій, — болѣе, чѣмъ наивно. А такъ какъ предоставленіе этого права всѣмъ въ сущности означаетъ предоставленіе его наихудшимъ элементамъ общества и наиболѣе опаснымъ тоже, — наихудшимъ, потому что они всего менѣе подготовлены къ власти, наиболѣе опаснымъ, потому что ихъ неподготовленности соотвѣтствуетъ и сильная обостренность ихъ плотоядныхъ инстинктовъ, — на практикѣ выходитъ, что государственныя дѣла

должны рѣшаться людьми наименѣе компетентными, что спеціально вопросы экономическіе, т. е. имущественные, должны зависѣть отъ усмотрѣнія людей, у которыхъ имущество только въ перспективѣ. Большей нелѣпости себѣ трудно и представить. И къ этой нелѣпости, однако, стремятся не только люди, построившіе свою карьеру на ухаживаніи за толпой, но и такіе, которые по своимъ качествамъ ума и образованія принадлежатъ къ самымъ высокимъ слоямъ общественнаго развитія. Влекутъ ихъ въ эту сторону самые разнообразные мотивы, частью благородные, какъ искреннее сочувствіе къ бѣднымъ и приниженнымъ, которымъ они хотятъ помочь, но зачастую и довольно низкіе, какъ страхъ передъ этими самыми приниженными, которыхъ стремятся превратить въ властителей, и трусливая надежда, будто путемъ задабриванія можно предотвратить опасность, грозящую общественному строю со стороны пролетаріата. Забываютъ при этомъ лишь двѣ вещи. Сдавать осаждающему крѣпость, одинъ передовой постъ за другимъ, въ расчетѣ, что онъ этимъ удовлетворится, —это плохое средство спасти цитадель. Въ то же время люди, заботящіеся объ экономическомъ подъемѣ низшихъ классовъ и рядомъ съ этимъ о дарованіи имъ политической власти, упускаютъ изъ вида, что такой подъемъ, достижимый лишь искусственнымъ смягченіемъ борьбы интересовъ, неминуемо влечетъ за собою для правящихъ классовъ нѣкоторыя матеріальныя жертвы, а нельзя быть одновременно обладателемъ власти и объектомъ благотворительности. Эти двѣ роли несовмѣстимы. Полученіе поддержки съ чужой стороны естественнымъ образомъ создаетъ и подчиненное положеніе. Тотъ, кому помогаютъ, не можетъ властвовать надъ тѣмъ, кто помогаетъ. Одно изъ двухъ: въ самомъ дѣлѣ, либо полное равенство въ правахъ, но и при равенствѣ шансовъ борьбы — это американскій принципъ, — либо сострадательное попеченіе, но подъ условіемъ патронатства.

Всякое общество должно стремиться къ тому, чтобы во главѣ его стояли его лучшіе члены, другими словами, чтобы процессъ выдѣленія правящаго меньшинства былъ въ то же время

и процессомъ подбора. Нѣтъ такой организаціи, будь это войско, духовенство, ученая корпорація, магистратура, которымъ бы не руководило меньшинство. Плоха была бы та армія, въ которой числилось бы больше офицеровъ, чѣмъ солдатъ, не говоря уже о генералахъ. Не менѣе плохой оказалась бы та, въ которой подборъ командующихъ совершался бы случайно. Способъ рекрутированія можетъ быть различенъ, но онъ долженъ непремѣнно вести къ цѣли, къ тому, чтобы управленіе было въ рукахъ наиболѣе способныхъ. Чѣмъ сложнѣе тѣ функціи, ради которыхъ подбираются эти способные, тѣмъ, конечно, процессъ этотъ долженъ совершаться наиболѣе тщательно. Между тѣмъ, какъ разъ въ дѣлѣ общественнаго управленія, т. е. въ дѣлѣ самомъ сложномъ и трудномъ, какое только есть, рѣшающее слово предоставляется некомпетентнымъ судьямъ. Всеобщая подача голосовъ до нельзя плохое орудіе для подбора, болѣе плохое даже, чѣмъ простой случай. Болѣе шансовъ получить хорошаго выборнаго путемъ жребія, чѣмъ путемъ голосованія толпой. Если кто-нибудь вздумаетъ выбрать себѣ повара или хотя бы выѣздного для скаковой конюшни, для оцѣнки качествъ того или другого онъ пригласитъ знатоковъ дѣла, а не уличный сбродъ. Но для выбора депутатовъ, а, стало быть, въ концѣ концовъ, и министровъ, уличный сбродъ считается вполнѣ достаточнымъ. И въ результатѣ оказывается, что для управленія государствомъ требуется меньшая подготовка, чѣмъ для занятія кухней или конюшней. Существуетъ всего только три способа намѣтить людей, пригодныхъ для отправленія извѣстной должности. Первый изъ нихъ — предоставленіе выбора одному лицу, считающемуся наиболѣе безпристрастнымъ и дальновиднымъ; второй — признаніе за нѣкоторыми лицами заранѣе извѣстныхъ преимуществъ въ силу наружнаго признака, какъ рожденіе, богатство или дипломъ; третій, наконецъ, заключается въ томъ, что лучшими судьями въ дѣлѣ считаются тѣ, кого оно ближе всѣхъ касается, т. е. управляемые. Не стоитъ доказывать, что всѣ эти три способа несовершенны. Главы государствъ не всегда дальновидны и безпристрастны;

не всегда тоже внѣшніе признаки совпадаютъ съ внутренними качествами: встрѣчаются низкія натуры въ рядахъ аристократіи, бываютъ богатые мошенники и ученые глупцы. Столь же мало обезпечиваетъ удачу и выборъ. Избиратели бываютъ и слѣпы, и бестолковы, и подкупны. А изъ всего этого приходится заключить, что три несовершенныхъ пріема слѣдуетъ пускать въ ходъ одновременно, разсматривая каждый изъ нихъ какъ пригодный коррективъ для прочихъ, — другими словами, сложная организація едва ли не самая лучшая. Такова была конституція древняго Рима, такова и конституція Англіи.

Могутъ, конечно, на это возразить ссылкой на примѣръ Германіи и Соед. Штатовъ, гдѣ тоже существуетъ всеобщая подача голосовъ, а особенно дурныхъ послѣдствій отъ этого не замѣчается. Очень близки къ всеобщему голосованію также Англія, Италія и Бельгія. Про Испанію, разумѣется, говорить нечего, такъ какъ испанскіе кортесы при какой угодно системѣ выборовъ представляютъ собою лишь отраженіе даннаго министерства, всегда умѣющаго въ этой странѣ подтасовывать себѣ большинство, что, однако, мало содѣйствуетъ его прочности.

На эти возможныя возраженія отвѣтить неособенно трудно. Несомнѣнная правда, что германскій рейхстагъ по личному составу членовъ гораздо выше французской палаты и что каждая партія, отъ крайнихъ консерваторовъ до соціалъ-демократовъ, имѣетъ въ немъ по нѣсколько выдающихся представителей. Это и придаетъ его преніямъ замѣчательную дѣловитость. Что же касается вашингтонскаго конгресса, то, если имена его членовъ и не звучатъ особенно громко, рѣдко достигая исторіи, какъ бывало это съ знаменитыми ораторами 30-хъ и 40-хъ годовъ, Калхуномъ, Адамсомъ, Генри Клеемъ, то въ дѣловитости ему отказать тоже нельзя, ни упрекнуть его въ потерѣ времени ради ораторскихъ турнировъ. Но всѣ эти качества берлинскаго рейхстага и вашингтонскаго конгресса въ значительной степени объясняются отсутствіемъ парламентаризма, т. е. непосредственнаго воздѣйствія парламента на управленіе. Благодаря этому отсутствуетъ главная причина наполненія

представительныхъ собраній эффектными краснобаями — надежда при помощи ораторскаго таланта достигнуть извѣстности, попасть въ министры и въ концѣ концовъ разбогатѣть. Ограниченныя законодательной ролью палаты по необходимости должны заниматься настоящей работой, а не словоизверженіемъ. Притомъ отзываются благопріятно на личный составъ палатъ въ Америкѣ и въ Германіи двѣ совершенно противоположныя причины —въ Америкѣ въ высокой степени подготовленность даже рабочаго класса къ пониманію политическихъ вопросовъ, при отсутствіи въ немъ наклонности къ празднымъ мечтаніямъ; въ Германіи, наоборотъ, сохранившаяся до сихъ поръ соціальная іерархія, благодаря которой духовное преобладаніе сохраняютъ за собою общественные верхи — профессура, поземельное дворянство, судебное сословіе, старинныя коммерческія фирмы. Подъ воздѣйствіемъ всего этого въ обѣихъ странахъ лишь ничтожное вліяніе имѣетъ наиболѣе радикальный общественный классъ — низшій слой интеллигенціи, т. е. второстепенные литераторы, журналисты, адвокаты, врачи и т. д., такъ запрудившіе собою политическую жизнь латинскихъ странъ. Несомнѣнно, однако, что въ Германіи составъ рейхстага былъ бы еще выше, если бы онъ набирался иначе: это совершенно явствуетъ изъ сравненія прусской и общегерманской палатъ. Въ ландтагѣ соціалисты совершенно отсутствуютъ и либеральныя профессіи имѣютъ въ числѣ своихъ представителей только людей наиболѣе выдающихся. Въ рейхстагѣ, наоборотъ, благодаря участію въ выборахъ рабочихъ, пятая часть мѣстъ принадлежитъ соціалъ-демократамъ. Изъ числа 81-го члена этой партіи можно назвать развѣ 4 довольно крупныхъ имени — Бебеля, Гейне, Бернштейна и фонъ Фольмара. Это процентъ гораздо болѣе слабый, чѣмъ у всѣхъ остальныхъ партій. Италія и Бельгія не могутъ похвалиться послѣдствіями распространенія на рабочій классъ избирательнаго права. Не входя даже въ сравнительную оцѣнку теперешней и прежней римской и брюссельской палатъ, достаточно припомнить, что до реформы обѣ представляли собою вполнѣ приличное зрѣлище

собранія благовоспитанныхъ людей. Теперь же обѣ онѣ наполняются зачастую криками, шумомъ, руганью, и не разъ уже дѣло тамъ доходило до рукопашныхъ ораторскихъ пріемовъ. Что касается Англіи, то въ ней расширеніе избирательнаго права составляетъ еще новинку и она пока находится въ начальномъ періодѣ демократизаціи, когда самодержавная толпа не рѣшается еще посылать въ центральныя учрежденія представителей по своему образу и подобію. Но и тамъ уже пробуждается желаніе стряхнуть съ себя нравственное иго правящихъ классовъ [1]). Какъ бы то ни было, нельзя отрицать, что германская раса вообще и англо-саксонская ея отрасль въ особенности обладаетъ темпераментомъ, для котораго народовластіе сравнительно менѣе опасно, чѣмъ для расъ латинскихъ. А такъ какъ учрежденія должны прежде всего сообразоваться съ темпераментомъ народовъ, то все сказанное выше о послѣдствіяхъ демократизаціи должно относиться главнымъ образомъ къ представительнымъ учрежденіямъ романскихъ государствъ.

Что же, однако, остается теперь отъ привычнаго дѣленія политическихъ партій на консерваторовъ, либераловъ и радикаловъ, изъ которыхъ первые яко бы стоятъ повсюду за существующій порядокъ, вторые желаютъ его медленнаго и разумнаго, а послѣдніе его коренного и быстраго преобразованія. Эволюція политическихъ учрежденій имѣетъ свои границы, далѣе которыхъ некуда итти. Когда достигнуто, съ одной стороны, полное равенство, т. е. всеобщая подача голосовъ, а, съ другой — полная свобода прессы, ассоціацій и сходокъ, какихъ дальнѣйшихъ политическихъ реформъ — про соціальныя пока не говорю — могутъ добиваться либералы и радикалы? А консерваторы, могутъ ли они особенно дорожить общественнымъ порядкомъ, гдѣ всѣ ихъ идеалы ниспровергнуты? А между тѣмъ всѣ эти износившіеся термины продолжаютъ существовать. До-

---

[1]) Въ 1903 году при частныхъ выборахъ соціалисты принялись выставлять своихъ особыхъ кандидатовъ и двухъ изъ нихъ успѣли провести.

бродушную публику и стадо избирателей газеты, манифесты кандидатовъ и рѣчи политикановъ продолжаютъ увѣрять, что термины эти соотвѣтствуютъ чему-то реальному; а бѣдное юношество милые его наставники продолжаютъ этому учить. И въ палатахъ попрежнему разсаживаются по оттѣнкамъ справа налѣво, забывая при этомъ, что въ прародительницѣ всѣхъ палатъ, въ палатѣ общинъ, на правой сторонѣ сидятъ всегда сторонники министерства, перемѣняя мѣсто съ каждой его смѣной. И благодушная публика твердо вѣритъ, что сидящіе на крайней правой сторонѣ непремѣнно желаютъ возстановленія инквизиціи и феодализма, а сидящіе на крайней лѣвой — непремѣнно просвѣтители, безкорыстно озабоченные интересами массъ. При этомъ даже совершенно забывается, что есть цѣлый рядъ реформъ, за который можно было бы давно приняться, не возбуждая никакихъ страстей, но которыя, тѣмъ не менѣе, преспокойно спятъ въ головахъ реформаторовъ или въ канцелярскихъ картонахъ. Таковы, напримѣръ, кодификація англійскихъ законовъ, за которую даже не принимаются, отмѣна излишнихъ суровостей по отношенію къ заключеннымъ, практикуемыхъ въ Европѣ повсюду, за исключеніемъ одной только, кажется, Италіи, признаніе обязанности государства вознаграждать лицъ, неправильно подвергавшихся уголовному обвиненію, и т. д. Во всѣхъ подобныхъ мѣропріятіяхъ и во многихъ другихъ, конечно, здѣсь не перечисленныхъ, заключался бы несомнѣнный прогрессъ, вполнѣ осязаемое улучшеніе которой-либо изъ сторонъ общественной жизни. Но слово «прогрессъ» рѣдко употребляется какъ разъ въ этомъ смыслѣ. Оно упорно пристегивается къ движенію впередъ по одному лишь пути — по пути демократизаціи. Въ самомъ дѣлѣ, несмотря на введеніе всеобщаго голосованія въ цѣломъ рядѣ государствъ и приближеніе къ нему остальныхъ, процессъ демократизаціи въ глазахъ ея сторонниковъ еще не законченъ. Почему такъ? Потому что послѣ распространенія политическихъ правъ на всѣхъ и на каждаго остается еще дѣйствительное завладѣніе этими правами, а для этого необходимо вытянуть изъ всѣхъ сколько-нибудь вы-

дающихся общественныхъ должностей, въ войскѣ, въ литературѣ и въ администраціи, представителей старыхъ культурныхъ слоевъ, а затѣмъ приравнять фактически всѣ общественные классы, не только по ихъ правамъ, но и по ихъ образованію. Одна изъ любимыхъ иллюзій радикаловъ всѣхъ странъ, въ томъ числѣ и русскихъ, это достиженіе общаго народнаго типа школы, одинаково открытой для всѣхъ, и соотвѣтственно тому, разумѣется, приниженной въ своихъ требованіяхъ, дабы сдѣлать доступъ въ нее болѣе легкимъ. Въ связи съ этимъ школьное дѣло, конечно, должно быть сосредоточено въ тѣхъ рукахъ, которыя наиболѣе обезпечиваютъ ей желательное, т. е. демократическое и антирелигіозное направленіе. И вотъ тамъ, гдѣ, какъ во Франціи, радикально само правительство, надо государству присвоить монополію преподаванія. Въ другихъ странахъ, гдѣ правительство не таково, тѣ же радикалы стараются достигнуть той же цѣли совершенно иными путями.

Такимъ образомъ оказывается, что съ прекращеніемъ неравенства по закону, борьба партій не прекращается. Сословность можетъ исчезнуть, политическія права могутъ быть для всѣхъ одинаковы, но общественные классы отъ того не умираютъ. Не умираютъ тоже, по крайней мѣрѣ сразу, и воспоминанія прошлаго. И вотъ равные между собою по праву быть избранными, но неравные по своей культурѣ и по своей исторической роли общественные классы продолжаютъ бороться, а подъ ихъ борьбу продолжаютъ подкладывать совершенно истлѣвшія представленія о консерватизмѣ и либерализмѣ. Большинство, заинтересованное въ демократизаціи, не особенно стѣсняется при этомъ той самой гражданской свободой, которая будто бы совпадаетъ съ понятіемъ прогресса. Современная исторія Франціи особенно богата примѣрами этого рода. Законъ объ ассоціаціяхъ 1-го іюля 1901 года, напримѣръ, подъ предлогомъ расширенія права совмѣстной дѣятельности, упраздняетъ его на самомъ дѣлѣ для цѣлаго ряда гражданъ — для членовъ ассоціацій религіозныхъ. Вполнѣ возможно, чтобы со временемъ такія же мѣры были приняты относительно свѣт-

скихъ лицъ и относительно прессы тоже, если данный союзъ или данная газета окажутся несоотвѣтствующими настроенію большинства. Наконецъ, желая вполнѣ использовать свою новую власть, послѣдовательные демократы стремятся къ фактическому уравненію не только правъ всякаго рода, но и наличнаго имущества, хотя бы это могло быть достигнуто только путемъ насилія и вторженія закона въ совершенно свободныя до сихъ поръ сферы гражданскихъ отношеній. Но этимъ реформаторы не стѣсняются и въ свое оправданіе они придумали афоризмъ, что всякая мѣра, предпринимаемая съ цѣлью улучшить положеніе большинства, сама по себѣ либеральна, хотя бы она была насильственной.

Конечно, такія начинанія должны были рано или поздно окончательно разссорить радикаловъ съ либералами. Каковы перспективы, грозящія обществу отъ господства массъ, какъ велико надвигающееся на него опошленіе, благодаря всеобщей распространенности образованія средней руки, это съ необыкновенною яркостью представлено въ III томѣ книги Токвиля «Демократія въ Америкѣ» и въ знаменитой брошюрѣ Герберта Спенсера — «Грядущее рабство» (Coming slavery). Но у либераловъ, даже когда они рѣшаются возстать противъ радикальной программы, рискуя тѣмъ самымъ прослыть за консерваторовъ, есть одинъ неисправимый коренной недостатокъ. Они не могутъ отучиться отъ своей привычки къ послабленію, отъ своей боязни передъ всякой мѣрой, ограничивающей свободу дѣйствій кого-либо, хотя бы это была свобода дѣйствій преступника. Имъ совѣстно задержать человѣка, собирающагося поджечь или убить, если при этомъ не будутъ въ точности соблюдены всѣ формы юридической деликатности. Имъ дорога даже такая свобода, которая не что иное, какъ посягательство на свободу другихъ. И неудивительно. Любой принципъ, доведенный до крайности, направляется противъ самого себя.

И вотъ почему, сознавая это, все растущее число политическихъ дѣятелей готово отбросить всякіе принципы. Вотъ почему борьба партій все замѣтнѣе отъ борьбы убѣжденій пере-

ходитъ къ безжастѣнчивой борьбѣ интересовъ. Классы, не признанные законами, но живые въ дѣйствительности, становятся другъ противъ друга все съ большей ожесточенностью. И, конечно, тѣ изъ нихъ, которые въ силу привычки болѣе разборчивы на средства, болѣе склонны честно соблюдать правила игры, должны въ концѣ концовъ проиграть въ состязаніи съ политическимъ шуллерствомъ и съ политическимъ насиліемъ. Но что же далѣе? Даже на торжествѣ соціализма жизнь не остановится. Потребность къ новизнѣ, съ одной стороны, а, съ другой—потребность пріобрѣтенія и богатства и значенія не изсякла, и начнется новый тяжелый процессъ накопленія богатства и силы, если только разнузданныя страсти, упроченныя въ своемъ проявленіи отсутствіемъ религіи и нравственности, не дадутъ себя знать нескончаемымъ рядомъ безплодныхъ взрывовъ.

Словомъ, намъ грозитъ возвратъ къ варварству и къ кулачному праву. Какъ же отъ этого уйти? Во-первыхъ, надо отбросить старые изношенные предразсудки и принципы, въ которые перестали вѣрить, но о которыхъ не перестали говорить, когда нужно кого-нибудь обморочить, и замѣнить ихъ новыми, почерпнутыми изъ опыта. Во-вторыхъ, надо, чтобы всѣ одаренные, талантливые культурные люди не отворачивались, какъ зачастую они дѣлаютъ теперь, отъ омерзительнаго зрѣлища политической жизни, а посвятили ей всѣ свои духовныя силы. Въ третьихъ, наконецъ, надо твердо усвоить себѣ, что всѣ основы представительныхъ учрежденій слѣдуетъ подвергнуть пересмотру. Парламентаризмъ не годится для демократическихъ обществъ, не годится для нихъ и всеобщее голосованіе. Признавать единственнымъ источникомъ власти численное большинство значитъ завѣдомо основывать ее на некультурности и неразуміи, значитъ смѣшивать механически въ одну избирательную коллегію людей самыхъ различныхъ профессій, самой различной культуры, самыхъ противоположныхъ интересовъ, людей связанныхъ между собою одной общностью мѣстожительства. Что общественныя группы имѣютъ вѣсъ и значеніе

независимо отъ своей численности, что каждой изъ нихъ надо дать приличное мѣсто, —это начинаютъ сознавать очень многіе. Нѣсколько тысячъ человѣкъ судебной или ученой корпораціи, фабриканты, создающіе богатство страны, писатели, ее облагораживающіе, больше значатъ въ выработкѣ общественнаго мнѣнія, чѣмъ милліоны рабочихъ. Послѣдніе годы, вдобавокъ, показали, какъ противоположны интересы города и деревни, какъ нельзя ихъ смѣшивать въ одну кучу. Все это теперь поняли. Поняли, что всѣмъ должно быть дано право участія въ выборахъ, но не всѣмъ въ одинаковой мѣрѣ, но окончательная формула для будущаго еще не найдена. Она брезжится лишь, какъ утренняя заря. И не задача этой книги ее подыскивать, тѣмъ болѣе, что она должна быть различна для каждой отдѣльной страны. Достаточно здѣсь указать, что къ выясненію этой формулы должны быть направлены всѣ усилія культурныхъ людей, что въ ней одной спасеніе отъ грядущаго мрака.

ГЛАВА XI.

Россія съ вида оставалась въ сторонѣ отъ политической борьбы, наполнявшей собою всю жизнь Запада въ XIX вѣкѣ. Но это было только съ вида. Если политическія партіи въ нашемъ отечествѣ не могли сложиться и дѣйствовать открыто, это еще не значитъ, что ихъ не было. Россія пережила за XIX вѣкъ не менѣе внутреннихъ и внѣшнихъ перемѣнъ, чѣмъ Западная Европа. Учрежденіе министерствъ въ 1801 году и Государственнаго Совѣта въ 1802 г., крестьянская, земская и судебная реформы во второй половинѣ столѣтія—такія преобразованія, которыя не уступятъ по своей важности совершавшимся за то же время на Западѣ. Правда, за долгій, почти пятидесятилѣтній періодъ, между 1812 и 1857 годомъ, т. е. отъ удаленія Сперанскаго до Высочайшаго рескрипта виленскому

генералъ-губернатору, которымъ открылось подготовленіе 19 февраля, наружный строй оставался у насъ почти неизмѣннымъ. На нашихъ дняхъ, по завершеніи эпохи великихъ реформъ, наступила вторая передышка. Зато внутренній организмъ страны, лишь рѣдко дающій заглянуть въ совершающуюся въ немъ переработку, измѣнился за истекшее столѣтіе почти до неузнаваемости. Въ этомъ отношеніи мы шли болѣе даже быстрымъ ходомъ, чѣмъ Западъ. Между той Россіей, какую застала война 1812 года, Россіей, жившей только своими верхами блестящею, но показною жизнью, и тою не всегда замѣтной переработкой, которая непрестанно идетъ въ ея нѣдрахъ теперь. — словомъ, между помѣщичьей крѣпостной Россіей начала прошлаго вѣка, гдѣ при внѣшнемъ порядкѣ было столько вопіющей безпорядочности, и теперешней безформенной русской провинціей, гдѣ устоевъ нѣтъ, гдѣ все перемѣшалось и спуталось, — гдѣ самые опытные администраторы не знаютъ, за что взяться и куда итти, — лежитъ такая бездна, какую можно развѣ сравнить съ Франціей до и послѣ революціи. За вторую половину царствованія Александра I и во все продолженіе царствованія его преемника внутренняя Россія походила на часовой механизмъ, остановившійся потому, что его позабыли завести. Совершались громкія дѣла, русскіе во главѣ цѣлой Европы заняли городъ, откуда 25 лѣтъ сряду громы и молніи сыпались по всему міру; на тронѣ смѣнились двѣ крупнѣйшія историческія фигуры, почти сорокъ лѣтъ сряду Россія казалась гранитнымъ колоссомъ, на который могли въ любой моментъ опереться всѣ европейскія правительства. Но все это было — только снаружи. Внутри все ограничивалось случайными, мелочными столкновеніями какого-нибудь губернатора съ своимъ губернскимъ предводителемъ, и тишина прерывалась только на мигъ случайно обнаруженнымъ какимъ-нибудь крупнымъ злоупотребленіемъ, или мимолетной вспышкой крестьянскаго буйства. Даже 14 декабря, не говоря уже о ребяческихъ замыслахъ Петрашевцевъ, было только рябью на поверхности, полусознательнымъ отраженіемъ жизни Запада. Да и литература, въ ко-

торой то громче, то почти неслышно проводились взгляды, иной разъ очень расходившіеся съ господствующимъ порядкомъ, литература перерабатывала только западныя ученія, а не свои родные вопросы. Своего отечественнаго, историческаго не было ровно ничего у русской мысли; и хотя партіи, т. е. идейныя группировки втихомолку подготовлялись, ни одна изъ нихъ не представляла собою что-нибудь реальное, какой-нибудь живой продуктъ русскаго прошлаго или русской творческой мысли. Даже съ вида національная струя славянофильства была ничѣмъ инымъ, какъ отголоскомъ нѣмецкой исторической школы и нѣмецкаго гегеліанства. И какъ разъ потому, что все было взято на прокатъ, что внутри страны была пустота, что никто изъ русскихъ не стоялъ ни за что конкретное, опредѣленное, отвлеченная мысль, когда ей дано было высказаться, перескочила разомъ къ самымъ крайнимъ проявленіямъ западнаго радикализма. Въ пустомъ пространствѣ нѣтъ сопротивленія среды, отвлеченную мысль скачки не пугаютъ. Подъ внѣшнимъ лоскомъ гладкаго европейства въ петербургскихъ и московскихъ салонахъ, подъ глухою дремотою помѣщичьяго приволья росли незамѣтныя идеи, ничего общаго съ дѣйствительностью не имѣвшія и тѣмъ легче усвояемыя русскими людьми, что онѣ были такъ неизмѣримо далеки отъ дѣйствительности.

А между тѣмъ и въ самой этой дѣйствительности имѣлся готовый матеріалъ для борьбы, вполнѣ реальный. И борьба эта въ самомъ дѣлѣ происходила, только негромкая, почти незамѣтная. Это была борьба между людьми земли, ее знавшими, потому что они ею жили, но не призванными ею управлять, и людьми бумаги, земли никогда не видавшими, но зато надъ нею поставленными, чтобы за нею присматривать и учить тѣхъ, кто надъ нею хозяйничалъ. Антагонизмъ этотъ не новый, онъ поднялся еще въ темную глубину московскихъ временъ, когда не утихали жалобы на притѣсненія воеводъ и на вымогательства подьячихъ. Въ грубой первобытной формѣ тотъ и другой, т. е. дворянинъ, взятый изъ своей деревни, чтобы стать исполнителемъ царской воли, и думный приказный или дьякъ, зна-

токъ письменнаго дѣла и владѣвшій тѣмъ, что сильнѣе воеводской или боярской власти, — перомъ, иногда на вѣки запечатлѣвавшимъ неправду, — въ сущности прообразы сановниковъ и бюрократовъ XIX вѣка. Быть взятымъ изъ рядовъ дворянства, чтобы зачастую утратить дворянскій обликъ среди бумажной процедуры управленія или, напротивъ, выйти изъ рядовъ низкаго люда, чтобы проложить себѣ путь въ это самое дворянство той же самой бумажной работой — это постоянные два типа администратора и бюрократа, въ которые слагался оторванный отъ земли русскій служилый классъ. Бумажное дѣло, повидимому, обладало такими отравляющими свойствами, что одной привычки къ нему бывало сплошь и рядомъ достаточно для превращенія человѣка практики въ человѣка формы, не видящаго дѣла сквозь канцелярскія чернила. Полнаго расцвѣта развитіе бюрократіи могло, конечно, достигнуть съ той лишь минуты, когда жизнь усложнилась, а заодно съ этимъ размножился и административный персоналъ, когда бюрократическая техника стала чѣмъ-то не для всѣхъ доступнымъ и требовавшимъ особой сноровки. Тогда только обладатели этой техники могли вообразить себя лучшими людьми, носителями идей и способностей высшаго порядка. Какъ ни отвратительны были старинные подьячіе, они сами сознавали себя подлыми людьми и притязанія ихъ ограничивались наживой. Но когда управленіе государствомъ потребовало выработанныхъ пріемовъ и просвѣщенныхъ идей, бюрократическіе вершители имѣли полное основаніе возомнить себя передовыми двигателями Россіи. Неудивительно, что нарожденіе ихъ совпало съ либеральными реформами Александра I, что образцомъ ихъ навсегда сталъ геніальный бюрократъ Сперанскій, какъ разъ благодаря своей геніальности поднявшій на небывалую высоту искусство канцелярскаго творчества и красоты офиціальнаго слога. Сознаніе своего превосходства передъ заурядною Россіей дало Сперанскому и всѣмъ людямъ его типа увѣренность, что съ помощью общаго образованія можно рѣшить какое угодно дѣло, и, не зная страны, можно управлять ею и давать ей за-

коны. Въ этомъ направленіи дѣятельности Сперанскаго много общаго съ духомъ французскихъ энциклопедистовъ. Либеральная бюрократія могла создать что угодно, гладко катясь по пути отвлеченнаго мышленія. Она могла дописаться до самоограниченія, до конституціи. И этотъ полетъ канцелярскаго творчества и вызвалъ тотчасъ у тогдашнихъ крупныхъ представителей земли, у Карамзина, у Троцинскаго, даже у Балашева, который былъ не только царедворецъ, но очень умный и знавшій Россію человѣкъ, горячую оппозицію всемогуществу бумаги, безпочвенности затѣянныхъ реформъ. Нужды нѣтъ, что Карамзинъ, Троцинскій, Балашевъ были представители консерватизма, т. е. въ данномъ случаѣ отстаивали старину, даже рутину. Они все таки выражали собою антагонизмъ опыта и практики теоретическому господству канцелярскаго пера, и, переходя черезъ самые разнообразные фазисы, этотъ антагонизмъ продолжался все XIX столѣтіе. Онъ длится и до сихъ поръ. Чиновничество, съ одной стороны, дворянство, — съ другой, не переставали быть выразителями двухъ фокусовъ русской жизни, непримиримыхъ потому, что они представляли собою разъединеніе власти и опыта. Подъ этими двумя названіями слѣдуетъ понимать, конечно, не сословныя отличія, а противорѣчія между классомъ, живущимъ на землѣ и большей частью не выходящимъ изъ провинціальныхъ рамокъ, и вышедшимъ изъ него же, или, напротивъ, въ него вошедшимъ классомъ чернильныхъ мандариновъ. Могло часто казаться, что въ ихъ взаимномъ непониманіи другъ друга кроется попросту оппозиція самой верховной власти. Такъ всегда думали и не перестаютъ думать россійскіе администраторы всѣхъ ранговъ, какого бы они направленія ни держались. А между тѣмъ это глубокое и прискорбное извращеніе истины. Бюрократія возбуждала къ себѣ всеобщую ненависть — объ этомъ громко свидѣтельствуетъ вся русская литература отъ Фонвизина и Княжнина до Льва Толстого, — потому что она никогда не хотѣла довольствоваться простымъ служеніемъ верховной власти и не переставала считать себя чѣмъ-то самодовлѣющимъ, имѣю-

щимъ какое-то прирожденное право на безусловную непогрѣшимость; формула, въ силу которой она сложилась, не ограничивается неприкосновенностью верховной власти и требуетъ неприкосновенности всего административнаго персонала, до становою включительно. И стоитъ замѣтить, что либеральная, т. е. въ сущности демократическая бюрократія въ этомъ отношеніи ничуть не лучше реакціонной. Бюрократія имѣетъ за собою двѣ несомнѣнно блестящія страницы въ XIX вѣкѣ. Первая сливается съ Сперанскимъ, вторая съ дѣятелями эпохи великихъ реформъ. Въ эти два момента ея существованія въ ея рядахъ на самомъ дѣлѣ оказывались лучшіе люди, вошедшіе туда, чтобы осуществить при помощи аппарата власти завѣтныя идеи, навѣянныя западной культурой. Нечего въ самомъ дѣлѣ скрывать отъ себя, что авторы крестьянской реформы изъ числа славянофиловъ,—какъ князь Черкасскій и Самаринъ, и вдохновители ихъ, Хомяковъ и Аксаковъ, были такими же питомцами западной культуры, какъ Николай Милютинъ. Осуществить что-либо въ Россіи можно было и въ началѣ прошлаго вѣка и въ 60-хъ годахъ только съ помощью административнаго механизма, и они въ составъ этого механизма вошли. Что написанныя ими положенія были не безъ ошибокъ, это, конечно, такъ, но порицать ихъ за то было бы крайне наивно. Совершить безъ ошибокъ громадную законодательную работу, предпринятую ими въ семилѣтній періодъ отъ 1858 до 1864 г., было бы попросту немыслимо. И что же? Пока они были у власти, или вѣрнѣе, пока тотъ духъ, котораго они были носителями, господствовалъ еще въ петербургскихъ канцеляріяхъ, они возбуждали противъ себя изъ глубины страны такое же противодѣйствіе, какъ бюрократы самаго закоснѣлаго свойства. Это было вовсе не потому только, что крестьянская реформа нарушала интересы помѣщиковъ. Образъ дѣйствій, пріемы редакціонныхъ коммиссій возмущали людей страны всякаго сорта, въ томъ числѣ самыхъ высокообразованныхъ, притомъ въ одинаковой мѣрѣ охранительнаго и либеральнаго образа мыслей: рязанскаго депутата князя Волконскаго, тамбов

скаго —г. Бланка, орловскаго—Алексѣя Хвостова, не болѣе, чѣмъ тверского предводителя Унковскаго. Возмущало ихъ и, заодно съ ними, такихъ близкихъ ко двору людей, какъ князь Ф. И. Паскевичъ и графъ П. П. Шуваловъ, не то или другое постановленіе коммиссіи, а пренебрежительный тонъ административнаго всезнанія, съ которымъ въ С.-Петербургѣ встрѣчали провинціальныхъ депутатовъ. Даже такой высокопросвѣщенный человѣкъ, какъ Николай Милютинъ, не могъ воздержаться отъ пріемовъ олимпійскаго презрѣнія къ людямъ страны, съ которымъ люди канцеляріи пускаютъ въ ходъ офиціальные громы. И у многихъ съѣхавшихся депутатовъ, — на это имѣются и письменныя свидѣтельства,- оказанный пріемъ вызвалъ горькія ощущенія, направленныя черезъ головы тогдашнихъ вліятельныхъ бюрократовъ противъ самого правительства. Выходило такъ, что либеральные реформаторы не могли отрѣшиться отъ привычки смотрѣть на провинцію по-генеральски, а консервативные, большею частью, провинціалы,— уносили съ собою тайную мечту замѣнить бюрократическій строй представительными учрежденіями. Конституціонныя идеи, не разъ мелькавшія въ теченіе XVIII вѣка, и въ моментъ вступленія на престолъ Анны Ивановны, и въ запискѣ графа Никиты Ивановича Панина, и въ Екатерининской коммиссіи, и порывавшіяся на вооруженный переворотъ въ 1825 году, получили новый сильный толчекъ въ эпоху подготовленія реформы 19-го февраля. Могло, дѣйствительно, казаться, что провинціальное дворянство, отстаивавшее, порой очень близоруко, свои права, основанныя на Екатерининской грамотѣ, покушалось на оппозицію противъ власти. А между тѣмъ оно стояло на исторической почвѣ, а его противники — либеральные бюрократы — представляли собою духъ раціоналистическаго новаторства. И въ ихъ дѣятельности несомнѣнно были двѣ струи. Одна, просвѣщенно гуманная, служившая выраженіемъ долго взлелѣянной въ средѣ самого дворянства мысли объ освобожденіи крестьянъ; другая, заключавшая въ себѣ попросту вполнѣ понятное стремленіе обновить самый правительственный персо-

палъ, широко пополнивъ его плебейскими элементами. Великія реформы были не только осуществленіемъ теоретическаго западнаго либерализма, но и ступенью вверхъ для разночинца, желавшаго подняться до уровня правящаго класса. И этотъ разночинецъ, носитель демократическаго либерализма, считавшій на словахъ форму чистѣйшими пустяками и въ 60-е годы щеголявшій даже нѣкоторой непринужденностью, чтобы не сказать небрежностью въ обращеніи, былъ въ сущности такимъ же чиновникомъ въ душѣ, такимъ же человѣкомъ бумаги, какъ его заскорузлые, столько разъ осмѣянные предшественники. Замѣчательно въ самомъ дѣлѣ, что какой бы характеръ ни принимала бюрократія, и по внѣшности и по направленію, суть дѣла отъ того не мѣняется и въ странѣ вызываетъ одинаковую нелюбовь. А отъ того, что въ 60-е годы подмѣченная начальствомъ отсталость въ мнѣніяхъ могла даже служить помѣхой въ карьерѣ, подчиненнымъ становилось не легче. Генеральскій тонъ принималъ болѣе цивилизованныя формы, доходя до разрѣшенія курить въ присутствіи начальника, но офиціальныя отношенія мягче, гуманнѣе не дѣлались. Бюрократія обладаетъ поразительной способностью подводить подъ одинъ знаменатель самыя разнообразныя умственныя теченія, вливать въ свои бездушные пріемы какое угодно содержаніе, одинаково уродуя любое. Настоящее царство канцеляріи началось у насъ какъ разъ съ тѣхъ поръ, какъ въ центральные органы нахлынула толпа новыхъ людей, не только замѣнивъ собою мелкую сошку прибывшихъ приказныхъ, но зачастую поднимаясь по административной лѣстницѣ до самаго верха. И эти новые люди, образованные и передовые, въ своихъ офиціальныхъ запискахъ охотно ссылавшіеся на принципы 1789 г., а иной разъ приводившіе въ примѣръ даже постановленія французскаго Конвента, были настоящими изобрѣтателями бумажнаго отношенія къ Россіи, доведшіе канцелярское многописаніе до виртуозности. За полвѣка, отъ конца реформъ Сперанскаго до начала реформъ Императора Александра II, бюрократія была предметомъ и насмѣшекъ и ненависти за свою

нелѣпую волокиту и за свою отвратительную продажность. Она была по словамъ Хомякова: «черна въ судахъ неправды черной» и въ Гоголевскомъ Ревизорѣ получила нестираемое позорное клеймо. Но до самыхъ верховъ администраціи она все таки не проникла. Тамъ было что угодно — произволъ, пожалуй самодурство, но формализмъ, какъ разъ вслѣдствіе этого самовластія главныхъ начальниковъ, не могъ служить для нихъ преградой. Онъ безгранично царствовалъ, правда, на низшихъ ступеняхъ управленія, доводя до отчаянія всѣхъ, кому приходилось имѣть дѣло до какого-нибудь присутственнаго мѣста, а на высшихъ онъ могъ служить предлогомъ для отказа надоѣдливому просителю. Но самые высшіе сановники имъ не стѣснялись. Нельзя назвать бюрократами такихъ людей, какъ графъ Киселевъ, графъ Блудовъ, князь П. П. Гагаринъ, графъ Уваровъ, графъ Канкринъ, даже какъ графъ В. Н. Панинъ. Еще менѣе эта кличка годится для князя Васильчикова, адмирала Мордвинова, князя Кочубея. Высшій персоналъ государственнаго управленія при Императорѣ Николаѣ I, правда, не имѣлъ рѣшимости освободить страну отъ закоснѣлыхъ пріемовъ канцелярщины, но самъ онъ среди нихъ двигался свободно. Офиціальныя записки государственныхъ людей того времени, можетъ быть, отличаются тяжелымъ канцелярскимъ слогомъ, но канцелярскаго духа въ нихъ нѣтъ. Совершенно иное дѣло началось съ той поры, когда великія реформы выдвинули впередъ людей такъ называемаго передового направленія, и, благодаря этимъ самымъ реформамъ, значительно усилилась и законодательная и административная дѣятельность государства. Чиновничество не только разрослось численно, благодаря созданію цѣлыхъ новыхъ отраслей управленія, оно заразило своимъ духомъ и людей, совершенно не принадлежавшихъ къ его средѣ по своему общественному положенію. Цѣлый сонмъ истинно просвѣщенныхъ и гуманно благожелательныхъ людей, какъ Зарудный, Стояновскій, Мотовиловъ, Замятнинъ, Арцимовичъ, былъ выдвинутъ ими на поверхность, особенно среди обновленнаго тогда судебнаго персонала. Но при всей своей

просвѣщенности это были люди исключительно кабинетные, такъ сказать, инстинктивно убѣжденные, что путемъ офиціальной переписки можно все узнать, докопаться до самой сути, что любой жизненный вопросъ, обсужденный въ комиссіи изъ опытныхъ бюрократовъ, можетъ быть совершенно удовлетворительно рѣшенъ. Пріемы для его рѣшенія очень скоро установились самые типичные: критика существующаго порядка, примѣры, взятые изъ практики иностранныхъ государствъ, въ особенности столь похожихъ на Россію и по объему территоріи и по условіямъ быта, какъ, напримѣръ, Швейцарія, и Бельгія, мнѣнія выдающихся ученыхъ и затѣмъ, какъ выводъ изъ всего этого, законопроектъ, къ которому молодые начинающіе бюрократы изготовляли длиннѣйшія объяснительныя записки. Выработался соотвѣтственно этому и новый слогъ, менѣе неуклюжій и болѣе вылощенный, чѣмъ прежде, но до того безличный, что мысль утопала въ немъ среди безчисленныхъ отвлеченныхъ терминовъ и вниманію не за что было уцѣпиться. А когда реформы затихли и пришлось уже не торопить общество впередъ, а, напротивъ, бороться противъ разныхъ излишествъ и уклоненій, тотъ же аппаратъ и тотъ же слогъ какъ нельзя болѣе пригодились и для этой роли. Несмотря на то, что передовой образъ мыслей пересталъ считаться заслугой и прикосновенность къ реформамъ почти заподозрѣвалась, какъ признакъ неблагонадежности, непосредственные преемники дѣятелей великой эпохи, а то и нѣкоторые изъ нихъ самихъ, стали заниматься урѣзываніемъ и ограничиваніемъ съ помощью тѣхъ же пріемовъ, которыми недавно рекомендовались принципы 1789 г. И въ провинціи тотчасъ сказался отголосокъ на перемѣну. Насколько она была непріятно потревожена офиціальнымъ либерализмомъ конца 50-хъ годовъ, настолько теперь ее стали раздражать заботы правительственныхъ лицъ о благочиніи и благонамѣренности.

Нельзя, конечно, сказать, чтобы антагонизмомъ между провинціей и центральной бюрократіей исчерпывалась общественная жизнь Россіи. Мы тотчасъ увидимъ, что нѣтъ. Но взаим-

ное непониманіе административнаго персонала и мѣстныхъ дѣятелей и самое противопоставленіе выборнаго начала правительственному назначенію въ значительной степени объясняютъ антипатію провинціи къ бюрократическому духу и презрительное недовѣріе ко всему, что изъ этой провинціи исходитъ. Эта антипатія, такъ сказать, основная тема нашей внутренней политики, тема, которую зачастую принимали за принципіальный антагонизмъ между правительствомъ и обществомъ. На этомъ вполнѣ реальномъ фонѣ частныя вспышки являются уже только узорами. Такой была даже крупнѣйшая изъ нихъ, вспышка 1825 года. По странной ироніи судьбы, русскіе, ѣздившіе за границу при Екатеринѣ II и привозившіе съ собой оттуда вольтеріанство и творенія энциклопедистовъ, дома, при всемъ своемъ вольнодумствѣ, оставались такими же барами, какъ и прежде. Напротивъ, вернувшіеся изъ французскаго похода въ 1815 году молодые дворяне привозили домой революціонный духъ, противъ котораго въ большей части Европы въ то время шла живая реакція. Европа романтизма, пропитанная средневѣковыми воспоминаніями, оказалась для насъ русскихъ гораздо болѣе возбуждающею и крамольною, чѣмъ Европа раціоналистовъ XVIII вѣка. Съ нами случилось то же, что съ государствами южной Европы, гдѣ строптивый духъ охватилъ тѣхъ самыхъ, кто всего болѣе призванъ съ нимъ бороться,—представителей военнаго сословія. Борьба съ французскимъ нашествіемъ, впрочемъ, повсюду, въ томъ числѣ и въ Германіи, носила двоякій характеръ: по своему принципу это была борьба за національную независимость, а, стало быть, и за тѣ общественныя формы, которыя на время разрушили французскіе завоеватели. Но по духу, ее проникавшему, это была въ то же время борьба не правительства только, но и цѣлаго народа, организованнаго самостоятельно, помимо власти. Не удивительно, что повсюду она оставила послѣ себя потребность въ этой самостоятельности, которая только что была испробована на защиту законнаго порядка. И въ русскомъ молодомъ поколѣніи Отечественная война, какъ всякое крупное народное усиліе,

вызвала подъемъ самосознанія, а, стало быть, и усиленное представленіе о своихъ правахъ. Дѣло тайныхъ обществъ, образовавшихся по всей Россіи, было совершенно безнадежно, не потому только, что успѣха они имѣть не могли, но и потому, что если бы даже успѣхъ былъ возможенъ, бунтовщики не знали бы, какъ имъ воспользоваться. И этого нельзя имъ не поставить въ крупную вину. Чѣмъ несвоевременнѣе попытка на переворотъ, тѣмъ она преступнѣе. Но самая эта непрактичность декабристовъ, ихъ идеализмъ, не говоря уже о высотѣ духа, съ которой они перенесли свою долгую кару, придаетъ имъ прямо что-то симпатичное. По способности самопожертвованія это были дѣйствительно лучшіе люди, хоть и лучшіе люди, очень виновные передъ родиной уже тѣмъ, что они лишили ее полезной работы столькихъ блестящихъ ея сыновей. Но по своему содержанію политическій кодексъ декабристовъ, насколько можно судить по оставленнымъ ими воспоминаніямъ и по воспоминаніямъ о нихъ современниковъ, производитъ впечатлѣніе чего-то очень незрѣлаго. Не помогла ихъ идеямъ и долгая ссылка. Судя по запискамъ князя С. Г. Волконскаго и Фонвизина и по воспоминаніямъ доктора Бѣлоголоваго о Поджіо, мы имѣемъ дѣло съ доктриной наноснаго, очень поверхностнаго и шаблоннаго либерализма. Поджіо, напримѣръ, даже послѣ февральской революціи ничему не научился и продолжалъ искренно вѣрить, что каждый оборванецъ, стоящій за баррикадой съ ружьемъ въ рукахъ, представитель настоящаго либерализма. Въ этомъ отношеніи либералы 40-хъ годовъ и крайнее ихъ лѣвое крыло, Петрашевцы, гораздо большему научились отъ жизни, чѣмъ ихъ предшественники. Анненковъ и В. П. Боткинъ, напримѣръ, послѣ того, какъ въ 1848 году они съ восторгомъ привѣтствовали не только низверженіе Людовика-Филиппа, но и іюньскіе дни, — а Боткинъ имѣлъ даже наивность ликовать по случаю крошечнаго переворотика, устроеннаго въ Женевѣ такимъ проходимцемъ, какъ Джемсъ Фази, — пятнадцать лѣтъ спустя уже смотрятъ на дѣло совершенно иначе, догадавшись, что радикалы, особенно доморощен-

ные русскіе, ведутъ не впередъ, къ свѣту, а грозятъ затопить культуру въ мутныхъ водахъ демагогическаго варварства. Русскій нигилизмъ ихъ протрезвилъ. Не по сердцу онъ пришелся, какъ извѣстно, и Тургеневу, хотя послѣдній съ нимъ притворно нѣжничалъ до самаго конца дней. Научились многому и Петрашевцы, не только самый знаменитый изъ нихъ, Достоевскій, но и кое кто изъ второстепенныхъ, какъ Львовъ и Пальмъ. За исключеніемъ 14-го декабря, съ его попыткой у насъ повторить военные бунты Испаніи и Италіи, и мирныхъ въ сущности разглагольствованій Петрашевцевъ, все 30-лѣтіе царствованія Императора Николая I прошло совершенно спокойно и без облачно. Могло казаться, что Россіи удалось закупорить себя отъ революціонныхъ вѣяній. Внутри ея общественной жизни никакого движенія не происходило, да и вся она сводилась къ тому, что дворяне-помѣщики съѣзжались на выборы потратиться на шампанское и на карточную игру и выдавать замужъ дочерей. А своими широкими правами выбирать не только сословныхъ представителей, но и большую часть личнаго состава суда и администраціи, пользовались очень небрежно, иной разъ даже совсѣмъ открыто предоставляя своимъ неимущимъ сочленамъ судебныя и политическія мѣста ради кормленія. Во всякой другой странѣ дворянство, которому были бы предоставлены такія полномочія, такая политическая монополія, если можно такъ выразиться, конечно, придало бы цѣлому общественному строю свой отпечатокъ и стало бы не декоративной только, а реальной силой. У насъ ничего подобнаго не случилось. Сплотиться вокругъ излюбленнаго лица, не ради его хлѣбосольства и не изъ личныхъ отношеній, а изъ за принципа или хотя бы изъ за интересовъ сословія, русское дворянство не дало себѣ даже труда. Его организаціи, очень крѣпкой и стройной на видъ, недоставало бездѣлицы—сознанія общности интересовъ, а тѣмъ болѣе общности обязанностей. Чтобы въ этомъ убѣдиться, стоитъ его сравнить съ дворянствомъ остзейскимъ. Тамъ каждый за всѣхъ и всѣ за каждаго. Тамъ корпорація живая и сознаетъ это. У насъ

корпоративная форма будто надѣта только снаружи на массу, несложившуюся и разнородную, которой велѣно было свыше считать себя правящимъ классомъ. Но убѣжденіе въ серьезности этой роли, съ самаго обнародованія дворянской грамоты и понынѣ, проявлялось только у отдѣльныхъ лицъ, никогда не охватывая цѣлаго сословія. Одна только черта была общая его членамъ — владѣніе крѣпостными. И этой позорной общности хватало на то лишь, чтобы выбирать въ исправники покладистаго, сподручнаго человѣка, который берегъ бы даже не дворянскій, а только помѣщичій интересъ. Съ такой истинно мѣщанской точкой зрѣнія далеко уйти, конечно, было нельзя. А во всемъ остальномъ — въ степени достатка, въ общественномъ положеніи, въ культурѣ, въ привычкахъ, въ воспитаніи, даже въ самомъ происхожденіи была совершенная рознь. Придворный магнатъ, владѣлецъ десятковъ тысячъ десятинъ, сановникъ самъ или потомокъ цѣлаго ряда сановниковъ, встрѣчался на собраніи съ выслужившимся исправникомъ или съ поповскимъ сыномъ, у отца котораго былъ Владиміръ 4-ой степени. И если у послѣднихъ была куплена землька, — они были на этомъ собраніи совершенно равные магнату, хотя на самомъ дѣлѣ никакого равенства не было и не чувствовалось. Понятно, что когда была отнята единственная подставка этого пестраго зданія — крѣпостное право, зданіе рухнуло сразу, продолжая существовать только, какъ пережитокъ почтеннаго учрежденія, не успѣвшаго обзавестись оживляющимъ духомъ. Удивляться можно скорѣе тому, что изъ всего этого учрежденія одно уцѣлѣло — предводительская должность, этотъ краеугольный камень всего русскаго провинціальнаго устройства. Устояла она оттого, во-первыхъ, что была всегда безвозмездная и потому почетная, и, во-вторыхъ, оттого, что съ 19-го февраля она была поставлена вѣдать крестьянское дѣло и вслѣдствіе того превратилась изъ сословной въ общегосударственную.

Неудивительно и то, что реальная связь, на которой держалось дворянство — владѣніе крѣпостными — лучшихъ людей побуждала относиться вполнѣ отрицательно къ самому инсти-

туту. Когда главная черта такого института сама по себѣ уродлива, онъ не возбуждаетъ къ себѣ симпатіи. И какъ разъ наше, русское крѣпостное право всего менѣе могло стать основой прочной исторической традиціи. Повсюду на Западѣ власть надъ крестьянствомъ была результатомъ политической роли дворянства, какъ охранителя слабѣйшихъ, роли, которой оно, правда, сплошь и рядомъ злоупотребляло, но которая сама по себѣ была по существу благородной. У насъ наоборотъ. У насъ крѣпостное право родилось на фискальной почвѣ, ничего благороднаго не имѣющей, и сама политическая роль не была источникомъ, а, наоборотъ, послѣдствіемъ этого права. Вотъ почему его наиболѣе просвѣщенную часть и тянуло вонъ изъ сословныхъ рамокъ въ сторону демократизма. Сперва это выразилось попыткой военнаго мятежа, потомъ мирнымъ движеніемъ 40-хъ годовъ. Но какъ ни было это движеніе мирнымъ, оно въ корнѣ подтачивало великолѣпное зданіе Николаевской Россіи. Въ то время не было, конечно, рѣчи о какой-либо положительной программѣ будущихъ реформъ, по той простой причинѣ, что такой программы не только осуществить, но и выразить было нельзя. Позволительно однако думать, что причина здѣсь была еще иная, болѣе глубокая и печальная — отсутствіе сложившагося ясно даже въ умахъ представленія о томъ, къ чему слѣдовало стремиться. Наводитъ на эту мысль то обстоятельство, что не только проживавшіе въ Россіи тогдашніе умственные вожди, ни Хомяковъ, ни Кирѣевскій, ни Бѣлинскій, но и удалившійся за границу Герценъ, ничего положительнаго не формулировали. Изъ подъ ихъ пера выходили то восторженные гимны западной культурѣ, то столь же восторженныя картины допетровской Россіи. Но, помимо этого неопредѣленнаго восхваленія широкихъ и притомъ часто мнимыхъ идеаловъ, мы находимъ у нихъ одно лишь болѣе или менѣе горячее осмѣяніе существующихъ порядковъ. И въ этой туманности положительныхъ цѣлей, въ этомъ преобладаніи отрицательныхъ взглядовъ надо искать объясненія того рѣзкаго скачка влѣво, какой сдѣлало русское общество, когда въ эпоху реформъ ему разрѣ-

шено было заговорить. Руское умственное движеніе имѣло то общее съ французскимъ наканунѣ революціи, что и то и другое были одинаково оторваны отъ историческаго прошлаго. Во Франціи собранія генеральныхъ штатовъ лежали такъ же далеко назади, какъ у насъ земскіе соборы. И во Франціи и у насъ имѣли объ этомъ далекомъ прошломъ очень смутное понятіе. И хотя объ этой старинѣ говорилось много, никто къ ней возвращаться не думалъ. Даже славянофилы, какъ ни носились они съ эпохой Алексѣя Михайловича, стараясь ее идеализировать, на самомъ дѣлѣ такъ же мало стояли на исторической почвѣ, какъ западники. И одинаковая антипатія правительственныхъ властей къ тѣмъ и другимъ совершенно понятна. Ничего нѣтъ опаснѣе для общества, какъ туманныя мечтанія о какомъ-то земномъ раѣ, гдѣ бы ни искали его прототипа, въ сомнительномъ прошломъ или въ неосуществимомъ будущемъ. Оппозиція, не умѣющая формулировать своихъ желаній, неминуемо обречена стать жертвой тѣхъ людей, у которыхъ желанія эти идутъ всего дальше, т. е. прямо требуютъ ниспроверженія всего существующаго. У насъ оно такъ и случилось, сперва въ видѣ платоническихъ, а потому и безобидныхъ измышленій Петрашевцевъ, не останавливающихся однако предъ планами реформъ въ духѣ романтическаго соціализма Фурье и Пьера Леру. Но когда севастопольскій погромъ привелъ само правительство къ убѣжденію, что надо приступить къ кореннымъ преобразованіямъ и съ этой цѣлью освободить общество отъ печати молчанія, оказалось сразу, что за спиной фрондирующаго дворянства съ его отчасти маниловскими грезами успѣло вырасти нѣчто совсѣмъ иное, болѣе опредѣленно-реальное въ своихъ требованіяхъ — сложился съ поразительной быстротой образованный разночинецъ, такъ называемый «интеллигентъ», успѣвшій пройти черезъ школу, но не усвоившій себѣ заодно съ знаніемъ и культуру. Этотъ интеллигентъ выступилъ на сцену очень рѣшительно, сразу выбрасывая за бортъ не только все существующее, но и проекты его реформировать и все дворянски-оппозиціонное направленіе

40-хъ годовъ. Ему надо было совершенно много, чего не имѣлось вовсе ни въ прошломъ, ни въ настоящемъ Россіи, не отмѣны только крѣпостного права и невозможныхъ судебныхъ порядковъ, не реформы административнаго строя, съ введеніемъ въ него мѣстнаго представительства, а полнаго непосредственнаго демократизма съ фактическимъ господствомъ людей, проведшихъ извѣстное число лѣтъ на школьной скамьѣ. Знаніе, какъ безусловная и всеобщая панацея, какъ средство приравнять всѣхъ, въ томъ числѣ и тупоумныхъ людей съ высокоодаренными,—это былъ, какъ извѣстно, любимый кумиръ эпохи реформъ. А въ средѣ стариннаго культурнаго класса, какъ скоро заговорили о реформахъ, угрожавшихъ его имущественному положенію, два рѣзко противоположныхъ стана образовались, изъ которыхъ одинъ, состоявшій изъ бывшихъ либераловъ 40-хъ годовъ, радостно привѣтствовалъ реформы, а другой противодѣйствовалъ имъ всѣми силами. Всякая тѣнь либерализма мигомъ слетѣла съ тогдашнихъ крѣпостниковъ, хотя оппозиціонный духъ проявился въ нихъ сильнѣе прежняго, высказываясь уже прямо въ смыслѣ ограниченія правительственной власти. И власть эта очутилась между двухъ огней—плебейскимъ радикализмомъ слѣва и дворянски-крѣпостнической оппозиціей справа, причемъ единственными ея сторонниками оказались тѣ самые люди 40-хъ годовъ, на которыхъ она прежде смотрѣла такъ косо. И люди эти сослужили родинѣ тогда великую службу, хотя на ихъ работахъ отразилась, быть можетъ, теоретичность ихъ міросозерцанія. Но винить ихъ за это нельзя: не отъ нихъ зависѣло сдѣлать такъ, чтобы въ прошломъ Россіи имѣлось что-либо такое, что можно было бы органически правильно достраивать дальше. И въ томъ они не были виноваты, что сѣмена отвлеченныхъ доктринъ, брошенныя ими въ своихъ произведеніяхъ, попали на совершенно чуждую имъ почву и дали тамъ ростокъ безшабашнаго радикализма 60-хъ годовъ. Единственная ихъ историческая вина въ томъ, что когда реформы осуществились и создалось ими нѣчто реально-осязательное, на чемъ можно было строить даль-

ние, они не сумѣли довершить начатое зданіе и воспитать себѣ достойныхъ преемниковъ. Русскій человѣкъ, извѣстное дѣло, остываетъ быстро. Идеалисты 40-хъ годовъ—объ этомъ свидѣтельствуетъ наша литература—этимъ недостаткомъ особенно страдали. И если люди этого типа, Самаринъ, князь Черкасскій, съ одной стороны, Николай Милютинъ, Зарудный и всѣ творцы судебной реформы, съ другой, съ поразительной энергіей за какія-нибудь 7 лѣтъ успѣли провести въ жизнь широко и стройно задуманныя мѣры и своимъ воодушевленіемъ заразили даже не поддающуюся энтузіазму среду чиновничества, если на всемъ пространствѣ Россіи среди провинціальнаго дворянства нашлись сотни людей, самоотверженно и безкорыстно осуществившихъ отводъ надѣла освобожденнымъ крѣпостнымъ, то этого чистаго благороднаго огня хватило не надолго. Двѣ язвы суда—карьеризмъ, съ одной стороны, исканіе популярности, съ другой,—быстро заразили новую магистратуру. Вялость и лѣнь, эти исконные недостатки провинціальнаго помѣщика, покрыли плѣсенью живую струю, прошедшую по всей Россіи въ эпоху введенія уставныхъ грамотъ. То же повторилось немного позднѣе и съ земской реформой. На первые избирательные съѣзды шло цѣликомъ все помѣстное сословіе, дорожа избраніемъ въ гласные... Но такъ было только три первыхъ трехлѣтія. Уже подъ конецъ 70-хъ годовъ все чаще стали повторяться случаи, когда съѣхавшихся избирателей едва хватало на требуемое число гласныхъ. Нельзя это объяснять попросту оскудѣніемъ дворянства. И въ настоящее время, когда оно оскудѣло гораздо болѣе, значительная часть уцѣлѣвшихъ помѣщиковъ попросту не ѣздитъ на выборы, предоставляя земское дѣло особой группѣ такъ называемыхъ мѣстныхъ дѣятелей, которые все болѣе принимаютъ характеръ профессіональныхъ политикановъ. А между тѣмъ, хоть и принято жаловаться, что цѣлымъ рядомъ ограниченій первоначальная самостоятельность земства теперь стѣснена, ростъ земскихъ бюджетовъ, въ настоящее время ровно въ 8 разъ превышающихъ бюджеты перваго трехлѣтія, показываетъ, что

недостатка въ предметахъ занятій нѣтъ, что земская дѣятельность, если нѣсколько и съузилась, за то выросла вглубь. Настоящую причину едва ли не слѣдуетъ искать все въ томъ же коренномъ недостаткѣ русской жизни—въ искусственности нашихъ классовыхъ и корпоративныхъ организацій, члены которыхъ себя солидарными нисколько не чувствуютъ. Это печальное свойство русскихъ сословій, дворянскаго въ особенности, и лишаетъ ихъ устойчивости и способности къ отпору. Оно ведетъ къ тому, что наши партіи группируются либо только вокругъ извѣстныхъ лицъ, либо на исключительно теоретической почвѣ, а не имѣютъ корней въ историческомъ прошломъ. Вотъ почему, когда, на самой зарѣ 60-хъ годовъ, такъ быстро и заносчиво развился у насъ демократическій радикализмъ, онъ встрѣтилъ такъ мало противодѣйствія, скажу болѣе, встрѣчалъ не разъ сочувствіе и поддержку среди тѣхъ самыхъ людей, противъ которыхъ онъ былъ направленъ. Стоитъ припомнить подавляющее большинство литературныхъ произведеній того времени, чтобы никакихъ сомнѣній не оставалось насчетъ истиннаго смысла ихъ направленія. Выдающіеся таланты, какъ Гончаровъ, Тургеневъ, Писемскій, Достоевскій, гр. Алексѣй Толстой и его знаменитый однофамилецъ, Левъ Николаевичъ, правда, были продолжателями традицій 40-хъ годовъ и, по крайней мѣрѣ въ 60-е годы, ничего общаго съ радикальнымъ движеніемъ не имѣли. Но таковы были только верхи литературы. Неизмѣримо ниже ихъ, но за то гораздо распространеннѣе наполняютъ собою страницы тогдашнихъ толстыхъ журналовъ г-жа Хвощинская, гг. Михайловъ-Шеллеръ, Помяловскій, Слѣпцовъ, Бунинъ, Омулевскій, Вологдинъ, позднѣе Альбовъ, Коронинъ, Баранцевичъ, Эртель, г-жа Ольга Шапиръ и т. д.—всего этого полка среднихъ, мелкихъ и совершенно отрицательныхъ талантовъ не перечтешь. Общее ихъ имя легіонъ, а отдѣльныя ихъ имена быстро предаются забвенію. При большей или меньшей яркости письма, съ болѣе или менѣе выраженнымъ пессимизмомъ, всѣ они вѣчно пережевываютъ одну и ту же тему,—торжество интеллигента и явлю-

щагося въ разнообразныхъ функціяхъ домашняго репетитора, земскаго врача, землемѣра, статистика и т. д., надъ всей средой, гдѣ ему приходится дѣйствовать. Крестьяне отдаютъ имъ свое довѣріе, прислуга смотритъ на нихъ съ любовью, молодежь въ помѣщичьихъ и купеческихъ семьяхъ слушаетъ съ восторгомъ ихъ пламенныя рѣчи, женщинъ они увлекаютъ, отцовъ—подъ этимъ именемъ слѣдуетъ разумѣть и молодежь непередового лагеря—они каждымъ словомъ повергаютъ въ прахъ. За ними полная побѣда, по крайней мѣрѣ въ нравственной области, хотя судьба ихъ на самомъ дѣлѣ горькая, такъ какъ въ концѣ концовъ блюстители порядка ихъ большею частью уводятъ въ мѣста отдаленныя, что придаетъ имъ, вдобавокъ, ореолъ мученичества. И несмотря на то, что не эти писатели, конечно, прославили тогдашнюю литературу, за ними дѣйствительно осталась побѣда. Утѣшая своихъ единомышленниковъ картиной ихъ мнимыхъ успѣховъ, они тѣмъ самымъ пріобрѣтали новыхъ приверженцевъ и, представляя собою единственную активную силу въ дремлющей Россіи, они не встрѣчали своей пропагандѣ серьезнаго отпора. Люди 40-хъ годовъ и ихъ преемники не въ силахъ были измѣнить своему нѣсколько маниловскому либерализму и готовы были свое мягкое порицаніе облечь почти въ сочувственныя формы. А остальные,—тѣ, которыхъ принято было называть консерваторами, не могли противопоставить имъ никакого положительнаго идеала, никакой опредѣленной программы, такъ какъ обновленными учрежденіями они воспользоваться не сумѣли, чтобы стать, подобно англійскимъ тори, охранителями историческаго строя, а дореформенные порядки—крѣпостное право, административная волокита, судебное взяточничество—имѣли уже слишкомъ мало привлекательнаго, чтобы облечься въ какую-нибудь партійную программу. И когда, съ самаго начала 70-хъ годовъ, наша крайняя лѣвая уже не ограничилась восхваленіемъ разночинства, но пошла искать сочувствія у мужика, т. е. попросту подготовлять новую пугачевщину, она нашла себѣ отпоръ, и то очень неумѣлый, только со стороны поли-

ціи. Общество оставалось пассивнымъ. Въ гимназіяхъ преподаватели могли сколько угодно восхвалять французскую революцію и исподтишка распространять среди юношей матеріалистическое мировоззрѣніе, родители этому не противодѣйствовали. Въ народныя школы, несмотря на всевозможныя училищныя инспекціи, проскакивали учителя, порой невѣжественные, но все таки по мѣрѣ силъ пропагандирующіе соціализмъ и матеріализмъ, и помѣщики, сидѣвшіе въ земскихъ управахъ, смотрѣли на это сквозь пальцы. Все чаще случалось, что фабричное начальство и крестьяне захватывали и представляли куда слѣдуетъ разносителей прокламацій, и среди общества, которому эти прокламаціи грозили уничтоженіемъ, проявлялась жалость къ арестованнымъ. Радикальные журналы въ беллетристическомъ отдѣлѣ предавали весь правящій классъ осмѣянію, а въ экономическомъ съ должной осторожностью проводили идеи національзаціи собственности, и помѣщичій классъ усердно подписывался на эти журналы, сожалѣя, когда тотъ или другой изъ нихъ постигала цензурная кара. Это отсутствіе положительныхъ стремленій, эта неумѣлость опредѣленно формулировать хотя бы пожеланія, это благодушное попустительство со стороны тѣхъ, кому явно грозили, представляетъ собою въ политической исторіи Европы совершенно исключительное явленіе. Попытки демократизировать общество происходили повсюду, но нигдѣ, кромѣ Россіи, ихъ не встрѣчало сочувствіе тѣхъ, противъ кого онѣ были направлены.

И всего страннѣе, что само правительство, не скупившееся, однако, въ 70-е годы на частныя мѣры строгости, на преслѣдованіе печати и на высылки административнымъ порядкомъ, не выработало себѣ стройной, опредѣленной системы въ организаціи соціальной обороны. Школа, средняя и высшая, была всецѣло въ его рукахъ. Ни одинъ учитель гимназіи не могъ быть назначенъ безъ воли попечителя; профессора, хотя и выбирались университетскимъ совѣтомъ до реформы 1884 года, но министръ тѣмъ не менѣе всегда могъ удалить съ каѳедры не-

благонадежное лицо. Примѣры того повторялись неоднократно, а послѣ 1881 года право назначенія всецѣло перешло къ министру, что однако нисколько не повліяло на составъ и на характеръ профессуры. Составъ суда, хотя бы и несмѣняемый, все таки зависѣлъ прежде всего отъ правительственнаго назначенія, а составъ прокуратуры тѣмъ болѣе. И все таки нельзя отрицать, что ни въ учительскомъ, ни въ судебномъ персоналѣ правительство далеко не всегда находило себѣ поддержку. Не встрѣтило оно ея и у дворянства, когда Высочайшимъ рескриптомъ на имя министра Вн. Дѣлъ оно вызвало передовое сословіе къ защитѣ общества, которая была для него и самозащитой, высказавъ между прочимъ, что «дворянство должно быть на стражѣ школы». Отсутствію практическихъ разумныхъ программъ среди общественныхъ организацій, дворянской, земской и городской, вполнѣ соотвѣтствовало и отсутствіе системы у правительства. Если первое изъ этихъ прискорбныхъ явленій объясняется расплывчатостью русскаго ума, не имѣющаго подъ собою твердой опоры историческихъ правъ, то второе, кажется, имѣетъ своимъ оправданіемъ непосильность такой задачи, какъ управленіе необъятнымъ и разноплеменнымъ государствомъ, притомъ управленіе въ высшей степени централизованное. И въ виду этого совершенно необъяснимымъ становится ревнивое оберегаціе этой централизаціи отъ всякой попытки сплотиться, что-нибудь сдѣлать по собственному почину. Въ Западной Европѣ правительство, и при старомъ порядкѣ и при новомъ, имѣло и до сихъ поръ имѣетъ передъ собой крѣпко сплоченные историческіе союзы, какъ римско-католическую церковь, какъ особенныя привилегіи отдѣльныхъ провинцій, какъ права городскихъ муниципалитетовъ. Въ послѣднее время къ этимъ организаціямъ прибавились еще двѣ, не менѣе могущественныя биржа и пресса. Понятно, что со всѣми этими очагами самостоятельности правительства всегда боролись и борются до сихъ поръ, хотя можно указать на примѣръ страны, гдѣ оно оставило эти организаціи вполнѣ нетронутыми и гдѣ внутреннему порядку всего менѣе угрожаетъ опасность. Страна эта — Ан-

глія. Въ другой странѣ, напротивъ, гдѣ центральной власти, и при монархіи и при республикѣ, почти удалось уничтожить всѣ мѣстныя организаціи, всѣ частные союзы, — во Франціи, порядокъ особой устойчивостью не отличается. Изъ этого какъ будто слѣдуетъ, что общество тамъ только стоитъ твердо на ногахъ, гдѣ само оно умѣетъ за себя постоять, что обратить его въ безформенную массу — лучшее средство сдѣлать власть шаткою, хотя бы она въ данный моментъ и прибѣгала къ мѣрамъ крутого свойства. Эти историческіе примѣры насъ малому, повидимому, научили. Какъ разъ для Россіи, при ея пространствѣ, при явной невозможности правительства услѣдить за всѣмъ и за всѣми, была бы неоцѣнимымъ благодѣяніемъ наличность такихъ организованныхъ силъ, которыя сами были бы заинтересованы въ охранѣ общества, хотя бы въ данную минуту и могли показаться не совсѣмъ удобными для какого-нибудь административнаго лица. Если бы у насъ имѣлась самостоятельная церковь, не по велѣнію свыше, не шаблонно, а по убѣжденію и ревности стоящая на стражѣ христіанской вѣры; имѣлось дворянство, не боящееся говорить правду въ своихъ адресахъ, но зато готовое пользоваться своимъ выборнымъ правомъ для обороны страны отъ крамолы; имѣлись самоуправляющіяся единицы, земскія и городскія, ревниво оберегающія дарованныя имъ права, но зато столь же ревниво избирающія честныхъ и благонадежныхъ людей и по собственному почину устраняющія отъ самоуправленія всѣ сомнительные элементы, — Россія могла бы спокойно смотрѣть на будущее. Но всего этого нѣтъ, все это мертво. И когда зашевелится въ какой-нибудь средѣ общественный голосъ, онъ выражается лишь въ формѣ язвительнаго, хоть и боязливаго протеста. Устои отсутствуютъ. На недовѣріе сверху отвѣчаетъ безучастіе снизу. Ни судъ, ни профессура, ни земства, хотя нашъ земскій цензъ достаточно высокъ, хотя профессура и судъ даже въ демократической Франціи служатъ надежной опорой порядка, не вызываютъ у насъ довѣрія къ себѣ власти и, коли сказать правду, далеко не всегда его заслуживаютъ. Вотъ почему, едва были

исполнены реформы Александра II, къ нимъ стали относиться подозрительно. И чѣмъ сильнѣе эта подозрительность сказывалась, тѣмъ болѣе она себѣ находила оправданія.

На этомъ пути очевидно итти некуда. Однѣми полицейскими мѣрами безопасности страны не обезпечишь. Безъ ея дружнаго содѣйствія не обойдешься. Подозрительная неблагосклонность ко всему, что не прямо исходитъ отъ правительства, создаетъ какъ разъ то безплодное фрондированіе, которое такъ непріятно поражаетъ административныя сферы каждымъ выраженіемъ хотя бы самой осторожной оппозиціи, а между тѣмъ должна бы на самомъ дѣлѣ вызываться тревога не этими безопасными манифестаціями, а другимъ симптомомъ, гораздо болѣе зловѣщимъ—безучастіемъ общества къ революціонному броженію. Не затушать, не подавлять надо проявленія самодѣятельности и самосознанія, а, напротивъ, поощрять ихъ, какъ проблески жизни, какъ признаки энергіи, которыми умѣлое правительство всегда можетъ воспользоваться для защиты своихъ же интересовъ. Надо только для этого, чтобы эти интересы были въ то же время и общественными, а не ограничивались отстаиваніемъ каждаго мѣропріятія даннаго вѣдомства. До сихъ поръ ревнивая забота правительства была направлена къ тому, чтобъ избѣгать всякой неудобной манифестаціи, а въ случаѣ неудачи предупредительныхъ мѣръ—за такую манифестацію карать. Но это значитъ лишь вгонять болѣзнь во внутрь. Когда земство или городъ переполнятъ своихъ чиновниковъ набирается изъ неблагонадежной среды, а услѣдить за этимъ не легко, они совершаютъ нѣчто гораздо болѣе опасное для сохраненія порядка, чѣмъ когда въ какомъ-нибудь собраніи вотируется адресъ, быть можетъ, не совсѣмъ удобный. Наклонность выборныхъ учрежденій такъ поступать—прямое послѣдствіе правительственной недовѣрчивости; эта недовѣрчивость прямо ведетъ къ искусственно ненормальной солидарности правящаго класса и безформенной массы образованнаго пролетаріата, среды наиболѣе благопріятной для всякихъ бродильныхъ процессовъ. Въ основѣ самой организаціи земства

лежала крупная ошибка. Вмѣсто того, чтобы признать выборныхъ представителей мѣстнаго общества однимъ изъ равноправныхъ элементовъ правительственнаго аппарата, призванымъ, заодно съ царскими ставленниками, вѣдать государево дѣло, которое въ то же время и общественное, земское положеніе ихъ разобщило, какъ овецъ и козлищъ, распредѣливъ между ними и мѣстныя дѣла, какъ бы повторяя раздѣленіе Россіи на опричнину и земщину. Не мудрено, что и земство стало смотрѣть на все казенное, какъ на чужое, а на свое — какъ на излюбленное. Появились у него «свои» интересы, «свои» чиновники, врачи, учителя, инженеры, въ противоположность правительственнымъ. И, конечно, все это было второго сорта, набранное съ борка да съ сосенки, такъ какъ государству служить все таки выгоднѣе.

Какъ бы то ни было, въ обществѣ до самаго конца 70-хъ годовъ разрушительное броженіе встрѣчало открытый отпоръ. Между стремленіями дворянства и земства, съ одной стороны, и такъ называемымъ «станомъ погибающихъ» — съ другой, происходили только случайныя, частичныя сближенія, а общности не чувствовалось. То же было и въ печати. Тогдашніе либеральные органы, какъ «Вѣстникъ Европы», «Голосъ», «Петербургскія Вѣдомости», знаменемъ которыхъ былъ правовой порядокъ и выборное начало, рѣзко отличались отъ органовъ лѣвой, и не разъ въ нихъ печатались статьи, явно отрекавшіяся отъ всякой солидарности съ передовыми радикалами. И когда послѣдніе, отчаявшись въ возможности увлечь за собою народъ, перемѣнили тактику и принялись за убійства, они въ цѣломъ обществѣ сперва вызывали къ себѣ омерзѣніе. Какъ же объяснить, что въ самый годъ войны, въ 1877 годъ, произошла рѣзкая перемѣна: былъ заключенъ какъ бы негласный союзъ между такъ называемыми либералами и террористами Народной Воли. Съ этого года, въ самомъ дѣлѣ, во многихъ земствахъ ясно замѣчается демонстративное нежеланіе содѣйствовать правительству въ борьбѣ съ революціонной пропагандой, а въ умѣренной печати совершенно умолкаютъ голоса не-

одобренія бунтарямъ. И это не смотря даже на то, что партія дѣйствія относилась очень несочувственно къ движенію, подготовлявшемуся исподволь въ дворянскихъ и земскихъ собраніяхъ въ пользу расширенія представительства вверхъ... Въ этомъ радикалы увидѣли шансы для укрѣпленія дворянства, которое они считали своимъ главнымъ врагомъ; а два толстыхъ журнала, служившихъ выразителями ихъ идей—«Отечественныя Записки» и «Дѣло»—не скупились на бранныя статьи противъ земства, которое они обвиняли въ постыдной косности, даже въ измѣнѣ интересамъ народа ради классовой обособленности.

И тѣмъ не менѣе сближеніе произошло. Причинъ тому было нѣсколько. Среди общей сѣрой апатіи гнусные дѣятели терроризма представлялись единственными носителями самоотверженной энергіи, и ихъ кровавую отвагу сравнивали съ мертвымъ равнодушіемъ представителей отпора. Политическіе процессы, слѣдовавшіе одинъ за другимъ, обнаружившіеся на нихъ восторженный идеализмъ бунтарей и не всегда умѣлое преслѣдованіе виновныхъ, одинаково каравшее и настоящую вину, и юношеское увлеченіе, и простую неосторожность, вызывали невольныя симпатіи къ обвиняемымъ. А на ряду съ этимъ картина офиціальныхъ несогласій и междувѣдомственной борьбы, неудачный исходъ побѣдоносной войны, постоянныя урѣзыванія дарованныхъ прежде реформъ, словомъ отсутствіе плодотворной иниціативы и систематически выполняемой программы, — все это охлаждало въ борьбѣ съ революціей, которая сама по себѣ могла вызвать одно только отвращеніе.

1-е марта протрезвило Россію. Тяжелою цѣною было куплено это отрезвленіе, но разрывъ между обществомъ и крамолой произошелъ рѣзкій и полный. И на многіе годы, не находя себѣ духовной пищи въ поддержкѣ или хотя бы въ попустительствѣ, она замолкла. Корни у нея были отрѣзаны. А крѣпкая воля Императора Александра III давала въ то же время правительству единство и твердость, невольно заставлявшую передъ нею преклоняться. Манифестъ 29-го апрѣля 1881 года, хотя въ немъ заключалось рѣшительное отрицаніе всѣхъ долго носившихся

въ умахъ надеждъ на завершеніе реформъ, встрѣченъ былъ сочувственно. Для большинства не могло быть и рѣчи о какихъ-либо политическихъ правахъ, о какомъ-нибудь центральномъ представительствѣ, когда надо было спѣшить на защиту начала, до сихъ поръ служащаго главной опорой, главной связью разноплеменной Россіи. Быстрое возстановленіе внутренняго порядка и столь же быстрый подъемъ русскаго достоинства въ международной политикѣ устранили всѣ недоразумѣнія между правительствомъ и обществомъ, возвратили власти утраченное было ею сознаніе собственной мощи. Это былъ благопріятный моментъ, когда мнимая рознь между выборнымъ началомъ и правительственнымъ могла быть устранена, когда власть имѣла полное основаніе разсчитывать на дружное содѣйствіе общества и могла, призвавъ лучшихъ его представителей къ себѣ, открыть спасательный клапанъ въ спертомъ раскипѣвшемся котлѣ провинціальной неудовлетворенности.

Но благопріятный моментъ былъ упущенъ. Стерлось понемногу впечатлѣніе ужаса, вызванное 1-мъ марта. Зашевелилось вновь стремленіе мѣстныхъ представителей получить, наконецъ, право свой голосъ подавать и въ столицѣ, не проникая туда однимъ только путемъ служебной карьеры. Зашевелилось, правда, уже не такъ, какъ прежде, и другое стремленіе — открыть широкій доступъ къ власти и деньгамъ разночинцу. Правда, идеализмъ 60-хъ годовъ и сама народническая струйка 70-хъ, тогдашнее представленіе, будто вся сила въ мужикѣ и этому мужику каждый русскій образованный человѣкъ обязанъ служить — теперь совершенно изсякли. Интеллигенція, выступившая на сцену въ 90-ые годы, не даромъ была вскормлена матеріалистическими доктринами. Эти доктрины сдѣлали свое дѣло и перешли въ практику. Новое молодое поколѣніе искало благъ земныхъ уже не для мужика, а лично для себя, и готово было даже эти блага заполучить не разомъ, въ силу принципа, а лично для каждаго, путемъ инфильтраціи въ верхній правящій классъ. Народъ является для нея уже не цѣлью, а простымъ средствомъ. И съ этой точки зрѣнія на первомъ планѣ

стоялъ уже не мужикъ, съ своей закоренѣлой привычкой агитаторовъ доставлять въ руки полиціи, а народившийся новый представитель четвертаго класса—фабричный рабочій, болѣе подвижный и доступный урокамъ агитаторовъ. Обособленіе двухъ категорій рабочихъ—сельскихъ и городскихъ—и создало такъ называемый марксизмъ, т. е. городскую революцію въ противность деревенской. А такъ какъ для успѣха затѣяннаго плана надо было размножить фабричныхъ рабочихъ, прежде всего слѣдовало имѣть въ виду увеличеніе числа фабрикъ. Вотъ почему марксисты за краткое время своего процвѣтанія были живѣйшими сторонниками развитія крупной промышленности и денежной спекуляціи, вотъ почему они привѣтствовали передѣлку Россіи изъ сельско-хозяйственной въ фабрично-заводскую. Съ вида это было гораздо лучше прежняго, а на самомъ дѣлѣ гораздо хуже. Марксисты отказались отъ мрачнаго вида народниковъ, отъ ихъ уродливой одежды и подвижнической жизни, но это только показывало, что аппетиты ихъ разыгрались. Измѣнившійся ихъ обликъ, вдобавокъ, облегчалъ имъ доступъ повсюду, въ томъ числѣ и доступъ на государственную службу, гдѣ слѣды ихъ вліянія въ эпоху расцвѣта крупной промышленности очень были замѣтны. А между тѣмъ самое развитіе промышленнаго богатства и естественный ростъ численности школъ приносили имъ каждый годъ новый контингентъ сторонниковъ. И вотъ почему либеральная формула для средняго и высшаго образованія стала у насъ такой популярной и распространенной. Изгнаніе классическихъ языковъ изъ гимназій и пониженіе требованій для доступа въ университетъ—это былъ лучшій способъ навербовать какъ можно быстрѣе интеллигентную армію, а, стало быть, и категорію людей, которымъ выпускные экзамены открываютъ двери служебнаго рая и казеннаго жалованья. Неудивительно, что марксизмъ въ строгомъ смыслѣ продержался недолго. Когда обнаружилось, что интеллигенціи можно, не откладывая въ долгій ящикъ, поодиночкѣ проникать вверхъ, когда она почувствовала свою матеріальную силу, значительная ея часть перестала думать о

томъ, что будетъ черезъ сотню лѣтъ, и, отвѣдавъ отъ плодовъ капитализма, нашла ихъ достаточно вкусными и въ настоящее время; словомъ, многіе изъ марксистовъ, въ томъ числѣ г. Петръ Струве, пришли къ заключенію, что на капитализмѣ можно, пожалуй, остановиться, какъ на окончательной стадіи, конечно, подъ условіемъ, чтобы этотъ капитализмъ принялъ либерально-буржуазныя формы, т. е. открывалъ интеллигенціи всяческій доступъ къ государственному пирогу. Эгоизмъ въ концѣ концовъ всегдашній переводъ на практику матеріалистическихъ доктринъ. По мѣрѣ своего численнаго роста, интеллигенція перемѣнила тактику въ политическихъ вопросахъ. Она перестала относиться къ правовому порядку отрицательно, видѣть въ немъ шагъ къ возрожденію дворянства, тѣмъ временемъ продолжавшаго оскудѣвать. Она чувствовала себя уже довольно сильною, чтобы домогаться этого порядка для самой себя.

Способствовало этому повороту и соотвѣтствующее теченіе въ рядахъ самихъ капиталистовъ. Какъ ни странно это кажется, у насъ быстро создался и выросъ классъ либеральныхъ негоціантовъ, навербованный въ той же средѣ, гдѣ еще такъ недавно процвѣтало темное царство Островскаго. Либеральный негоціантъ не чувствовалъ въ себѣ никакой признательности за оказанную ему ревностную поддержку казны. Приглашаемый на многочисленныя офиціальныя коммиссіи, наравнѣ съ представителями горюющаго землевладѣнія, чувствуя себя предметомъ офиціальнаго ухаживанія, онъ возомнилъ себя настоящимъ хозяиномъ положенія и протянулъ руку жаждущему благъ земныхъ интеллигенту, заодно съ нимъ отрекшись отъ дѣдовской вѣры и заодно съ нимъ тоже принявшись издавать либеральные журналы и газеты. Случилось у насъ нѣчто подобное тому, что происходитъ въ Германіи. Заключенъ былъ союзъ двухъ городскихъ сословій, наживщагося буржуа, желающаго обратить на свою пользу послѣднее слово науки, и буржуа, ищущаго пока наживы въ силу того, что это послѣднее слово онъ успѣлъ нахватать изъ книжекъ. Союзникамъ мерещится въ будущемъ, не особенно далекомъ, то же

блаженство, котораго они достигли во Франціи —обращеніе государства на службу спекуляціи, конечно, съ приправой не либеральныхъ только, но прямо радикально-демократическихъ словечекъ, нужныхъ для обмороченія массъ. Конечно, этажомъ ниже этихъ двухъ слоевъ третьяго сословія, которому, по его собственному мнѣнію, принадлежитъ будущее, копошится та низшая часть интеллигенціи, которая либо не чувствуетъ себя въ силахъ добраться до государственнаго пирога, либо наивно сохраняетъ въ себѣ прежніе идеалы искренняго служенія народу, ради чего, подстрекаемая извнѣ, она продолжаетъ народъ этотъ взбаломучивать. Но союзники этой агитаціи не боятся. Съ рабочими, думаютъ они, всегда можно справиться съ помощью усовершенствованнаго оружія. А пока имъ пропаганда на руку, такъ какъ она содѣйствуетъ ослабленію правительства и поможетъ доканать испуганное ею землевладѣніе.

Но всего страннѣе, что и въ этой средѣ, которой всего болѣе грозитъ ростъ интеллигенціи, проявляются къ ней явныя симпатіи. Что такое въ самомъ дѣлѣ многочисленныя постановленія земскихъ собраній, въ смыслѣ пониженія земскаго ценза и открытія доступа въ земство лицамъ, имѣющимъ одинъ только образовательный цензъ, какъ не желаніе итти навстрѣчу домогательствамъ интеллигенціи, открывъ ей доступъ къ управленію мѣстными, а затѣмъ, пожалуй, и государственными дѣлами? Что такое размноженіе разныхъ постоянныхъ комиссій изъ служащихъ при земствѣ врачей, преподавателей, статистиковъ, техниковъ разнаго рода, что такое растущее вліяніе этихъ служащихъ на земскія собранія и на управы, какъ не добровольное стушевываніе землевладѣльческаго класса, призваннаго руководить земствомъ, передъ своими же наемниками, постепенно отвоевывающими у него это руководство? И когда, на ряду съ явной наклонностью дворянства подать въ отставку отъ роли правящаго класса, идутъ теперь заявленія о необходимости выборныхъ отъ земства приглашать къ участію въ подготовленіи законодательныхъ мѣръ, мы имѣемъ, очевидно, передъ собою уже не прежній, дворянскій конституціонализмъ,

а нѣчто совершенно иное—стремленіе подражать образцамъ западной парламентской демократіи. Что осуществленіе этихъ желаній не принесло бы намъ особыхъ радостей, едва ли стоитъ и доказывать. Парламентаризмъ съ демократизаціей общества принесъ далеко не блестящіе плоды. У насъ онъ еще менѣе возможенъ, благодаря слабой распространенности у насъ культуры и отсутствію историческихъ традицій, а еще болѣе, можетъ быть, вслѣдствіи обширности Россіи и разнородности интересовъ ея частей. Примѣненіе къ намъ выборнаго начала по западнымъ образцамъ дало бы, во-первыхъ, собраніе до того многолюдное, что оно обратилось бы въ безформенную толпу, а, во-вторыхъ, до того разнорѣчивое, что по каждому отдѣльному вопросу рѣшеніе могло бы состояться только по компромиссу между интересами, совершенно чуждыми той части государства, ради которой этотъ вопросъ выдвинутъ. Объединяющимъ, связующимъ началомъ такого государства можетъ быть только вполнѣ независимая власть. Но въ то же время эта власть фактически находитъ себѣ ограниченіе въ тѣхъ самыхъ органахъ, которые она назначаетъ. При огромномъ размноженіи спорныхъ вопросовъ, задаваемыхъ жизнью, она вынуждена опираться въ каждомъ данномъ случаѣ на мнѣнія спеціалистовъ, ею же выбранныхъ. Окружаетъ ее многочисленный административный персоналъ, который по необходимости заслоняетъ отъ нея самый народъ и его нужды. И нельзя даже сказать, что было бы лучше,—продолженіе теперешняго хроническаго разлада среди этого персонала, или его полная сплоченность? При разладѣ одно вѣдомство противодѣйствуетъ другому, что создаетъ неурядицу, но зато даетъ высказываться разностороннимъ мнѣніямъ. При сплоченности правительство выиграло бы въ силѣ, но за то администрація стояла бы плотной стѣной между обществомъ и властью, къ несомнѣнному вреду обоихъ. Выйти изъ этого положенія, въ то же время остановивъ потокъ демократизаціи, можно однимъ только путемъ—урегулированіемъ призыва свѣдущихъ людей изъ провинціи въ столицу, призыва, который и теперь прак-

тикуется, но случайно и произвольно, не удовлетворяя страны и часто не приводя ни къ какимъ практическимъ результатамъ, благодаря отсутствію авторитета у созванныхъ лицъ. Коренная, причина антагонизма между провинціей и столицей все та же, что и сорокъ лѣтъ назадъ, когда провинція была гораздо консервативнѣе бюрократіи. Причина эта—мнимый антагонизмъ между администраціей и выборнымъ началомъ. Если бы выборнымъ пришлось встрѣтиться съ правительственными должностными лицами, какъ сотрудникамъ общаго дѣла, какъ составнымъ частямъ одного цѣлаго, антагонизмъ бы неминуемо исчезъ, или по крайней мѣрѣ регулировался бы, нашелъ бы себѣ правильное разрѣшеніе. Да въ то же время исчезъ бы мотивъ къ фрондирующему настроенію дворянства, передъ которымъ, вмѣсто теперешней закупорки дальнѣйшей карьеры для мѣстныхъ дѣятелей, открылся бы правильный естественный путь вверхъ. И такой исходъ съ парламентаризмомъ ничего общаго не имѣлъ бы: само собою разумѣется, что инымъ голосомъ, кромѣ совѣщательнаго, провинціальные выборные не обладали бы. Они попросту вошли бы, какъ составной элементъ, въ рамки существующихъ учрежденій, выражая на одинаковыхъ правахъ съ ихъ членами свое посильное вѣрноподданническое мнѣніе. Свобода рѣшать такъ или иначе всецѣло бы осталась за Верховной властью. Такой исходъ былъ бы только естественнымъ провѣтриваніемъ нѣсколько затхлой бюрократической атмосферы и снабжалъ бы правительство не только необходимыми данными о состояніи страны, но и свѣжимъ контингентомъ людей. Это былъ бы во всякомъ случаѣ едва ли не лучшій способъ выйти изъ трудной дилеммы, передъ которой стоитъ Россія: либо продолжать идти по дорогѣ, въ концѣ которой полная невозможность справиться съ предстоящей работой, особенно при отсутствіи какой-либо поддержки со стороны общества, либо при первомъ крупномъ затрудненіи открыть настежь двери шаблонному парламентаризму и подвергнуть страну опасному опыту наводненія ея неподготовленнымъ, но алчнымъ классомъ новыхъ людей. Отъ такой дилеммы да избавитъ насъ Богъ!

Когда годъ назадъ дописывались эти строки, нельзя было предвидѣть, что затронутый ими вопросъ такъ скоро и такъ настойчиво потребуетъ немедленнаго разрѣшенія. Тогда еще позволительно было воображать, что времени передъ нами сколько угодно. Теперь годъ войны и тяжелое зрѣлище полной растерянности заставляетъ всѣхъ, даже самыхъ благонадежныхъ людей, опасаться за дальнѣйшую работоспособность сложнаго государственнаго механизма. Разомъ обнаружились и полная безплодность административнаго воздѣйствія, проявлявшагося съ достаточной силой за первую половину 1904 года, и столь же печальная неудача примирительныхъ попытокъ, наполнившихъ собою вторую его половину. Общество нельзя обуздать, и приласкать его тоже не удается. Усиленіе строгости не устрашаетъ, а только ведетъ къ учащеннымъ проявленіямъ фанатизма, а сдѣлачный опытъ лечить зло признаками довѣрія и мягкостью создалъ представленіе о мнимой слабости власти и обнаружилъ многочисленныя центробѣжныя стремленія, копошившіяся подъ обманчивымъ покровомъ кажущагося спокойствія. И единственная причина этихъ явленій—полное отсутствіе среди общества устойчивыхъ охранительныхъ элементовъ, которые сознавали бы близость опасности для себя и въ виду этого примкнули бы къ правительству сознательно, твердо и независимо. Вмѣсто этого, тамъ, гдѣ долженъ былъ оказываться отпоръ, среди классовъ наиболѣе образованныхъ и вліятельныхъ — одно лишь брюжжащее недовольство или пассивное попустительство. Когда было дано группѣ земскихъ дѣятелей, правда, свои полномочія получившихъ только отъ самихъ себя, собраться въ столицу для формулированія своей программы, получилось наскоро провозглашенное исповѣданіе политической вѣры, въ которомъ одинаково поражала его туманная недосказанность и его банальная пустота. Вмѣсто ясныхъ положеній, свидѣтельствующихъ о живой работѣ мысли, способной выработать конкретныя пожеланія — рядъ общихъ мѣстъ, свидѣтельствующихъ объ отсутствіи настоящей солидарности и широко открывающихъ дверь

самымъ рискованнымъ толкованіямъ. Когда, сперва въ Петербургѣ, а потомъ чуть не во всѣхъ городахъ имперіи, безъ всякаго реальнаго повода произошли рабочія забастовки, со стороны власти не было принято мѣръ, чтобы оградить отъ своеволія стачниковъ тѣхъ изъ рабочихъ, которые хотѣли продолжать занятія, а среди общества не промелькнуло даже сознанія, что рабочіе на оружейныхъ заводахъ совершаютъ измѣну родинѣ, прекращая работу въ такое время, когда дорогъ каждый часъ въ виду военныхъ надобностей. Когда вслѣдъ затѣмъ охваченная эпидемическимъ гипнозомъ учащаяся молодежь забастовала въ свою очередь, она встрѣтила передъ собой одну растерянность и со стороны власти и среди наставниковъ. И тутъ никто не былъ пораженъ явною несообразностью стачки, начатой подъ предлогомъ солидарности съ народнымъ дѣломъ, какъ разъ въ такую минуту, когда Родинѣ особенно нужны люди знанія. Какой-то параличъ словно овладѣлъ и правительственнымъ аппаратомъ и тѣми слоями общества, которымъ начавшійся процессъ разложенія всего болѣе грозитъ. И организованныя закономъ общественныя собранія, земскія и городскія, и сборища представителей умственныхъ профессій — адвокатовъ, техниковъ, литераторовъ или даже частныхъ лицъ, случайно съѣхавшихся на обѣдъ или на ужинъ, —чуть не каждый день обращаются къ правительству съ какой-нибудь наскоро сфабрикованной программой. И всѣ эти программы твердятъ одно — и бѣдствія войны и внутренняя неурядица исключительно зависятъ отъ общаго положенія страны, и стоитъ удовлетворить нѣсколько элементарныхъ пожеланій, какъ передача власти представительству, основанному на всеобщей подачѣ голосовъ, и полная свобода печати, — и все накопившееся зло мгновенно исчезнетъ, какъ по волшебству. Поражаетъ во всѣхъ этихъ заявленіяхъ прежде всего удивительное незнаніе нашего прошлаго и необыкновенное убожество, чтобы не сказать пошлость, руководящей мысли. Порядки едва ли были лучше въ великія эпохи 12-го года и защиты Севастополя. Не помѣшали они и созидательной работѣ Александра II и

блестящему расцвѣту международнаго могущества Россіи при Александрѣ III. О такомъ же незнакомствѣ съ прошлымъ свидѣтельствуетъ и рекомендуемый рецептъ. Неужели все дѣло въ томъ, чтобы скопировать и пересадить къ намъ современные французскіе порядки, совершенно игнорируя и численность и разношерстность нашего русскаго населенія и некультурность его подавляющаго большинства? Въ ту самую минуту, когда несоотвѣтствіе правительственнаго аппарата съ трудной задачей войны на берегахъ Тихаго океана даетъ себя чувствовать рядомъ пораженій, когда власть не въ силахъ совладать ни съ рабочимъ движеніемъ, ни съ галлюцинаціями, охватившими учащуюся молодежь, когда политическія убійства совершаются чуть не ежедневно, оставаясь неразслѣдованными, и каждый часъ мы въ правѣ ожидать грубыхъ крестьянскихъ безпорядковъ, спасеніе хотятъ видѣть въ большемъ еще расшатаніи этой власти, въ истинно волшебномъ творчествѣ, какого ждутъ отъ нѣсколькихъ сотъ отовсюду съѣхавшихся представителей, какъ будто единственная намъ грозящая опасность заключается въ какомъ-нибудь правительственномъ недосмотрѣ или въ возможномъ превышеніи власти какимъ-нибудь администраторомъ, какъ будто превышеніе власти совсѣмъ иного рода, насиліе, совершаемое толпой, будь это толпа мужицкая, фабричная или хотя бы студенческая, не во сто кратъ разрушительнѣе и, главное, безапелляціоннѣе. Уступать во всемъ этой толпѣ и самозваннымъ выразителямъ ея требованій изъ рядовъ интеллигенціи только оттого, что толпа эта забушевала,—это плохое средство водворить ту законность, о которой яко бы мечтаютъ наши культурные люди. Они сами, эти культурные люди, очень скоро убѣдились бы къ своему горю, что значитъ сдавать вожжи расходившимся страстямъ и очертя голову броситься въ поднявшіяся волны слѣпого народнаго движенія. И представители, не подготовленные историческимъ воспитаніемъ къ своей новой роли, нигдѣ не сговорившіеся, избранные неорганизованной массой и принесшіе съ собой вмѣсто программы одни газетныя общія мѣста, развѣ

они не окажутся еще болѣе безсильными, чѣмъ правительство, одинаково испуганные шумными возгласами толпы и обольщенные надеждой снискать популярность? Даже наиболѣе умѣренные изъ представителей народа, какъ скоро они очутятся въ роковой дилеммѣ между опасностью для нихъ борьбы съ революціей и обманчивымъ призракомъ великой исторической роли при ея помощи, грубо освистанные за каждое правдивое слово, или, наоборотъ, поднятые на тріумфальную колесницу за каждую пошлую выходку, не найдутъ въ себѣ достаточно твердости устоять противъ угрозъ и противъ обольщеній. Обществу тогда только можетъ быть дана власть, когда оно способно къ самозащитѣ. А способность эта, конечно, имѣется налицо у разныхъ его слоевъ не въ одинаковой мѣрѣ.

Эта неодинаковость внутренняго духовнаго вѣса и отдѣльныхъ личностей и цѣлыхъ классовыхъ группъ и составляетъ непоправимо слабую сторону столь популярной у насъ всеобщей подачи голосовъ. Конечно, сама эта популярность зависитъ отъ двухъ очень почтенныхъ и вѣскихъ причинъ. Организація государственной власти, склонны увѣрять насъ, должна быть поставлена въ связи не столько съ разумными интересами народа, сколько съ его волей. А иного выраженія этой воли, кромѣ подсчета голосовъ, быть не можетъ. Во-вторыхъ, свойственное намъ русскимъ нѣсколько маниловское мягкосердіе побуждаетъ насъ думать, что если даже отдача себя подъ руководительство массъ и можетъ имѣть очень сомнительныя послѣдствія, то все таки это не такая ужъ бѣда, потому что главная наша задача — обезпечить эти массы, правда, слѣпыя и неразвитыя, но зато необыкновенно симпатичныя, отъ давленія и отъ эксплоатаціи нагроможденныхъ надъ ними высшихъ слоевъ. Не трудно, однако, увидѣть, что это разсужденіе само себя опровергаетъ. Какъ скоро признается, что воля народа можетъ быть неразумна, т. е. вредна для него самого, нельзя ее класть въ основу политическаго зданія. Да и очень сомнительно, вдобавокъ, будто во всеобщей подачѣ голосовъ эта воля въ самомъ дѣлѣ находитъ себѣ выраженіе. Кто сколько-

нибудь знакомъ съ функціонированіемъ представительныхъ учрежденій на Западѣ, тотъ очень хорошо знаетъ, какъ податлива на всякія воздѣйствія электоральная глина, какъ легко подчиняется она и подкупу и правительственному давленію и усвоеннымъ съ легкостью, но большею частью лишеннымъ содержанія, партійнымъ формуламъ. И чѣмъ шире кругъ избирателей, тѣмъ эта податливость сильнѣе. Можно себѣ представить, какіе бы размѣры она приняла у насъ, при совершенномъ равнодушіи русскихъ народныхъ массъ къ личному составу и характеру дѣятельности высшихъ учрежденій и, въ особенности, при ихъ полномъ незнакомствѣ съ юридической техникой. Да и не заявляетъ подобныхъ требованій пока самъ народъ. Заявляетъ ихъ одна интеллигенція, да еще начиненные, благодаря ей, радикализмомъ городскіе рабочіе. Конечно, внутренняя подкладка этого мнимо искренняго демократизма тайное желаніе, не всѣми, можетъ быть, ясно сознаваемое, съ помощью народныхъ массъ добиться того общественнаго верховенства, котораго она достигла въ романскихъ странахъ Запада и пытается достигнуть въ англо-германскихъ. Всенародное голосованіе, думаютъ про себя эти безкорыстные защитники массъ, доставитъ представителямъ умственныхъ профессій не только извѣстность и власть, но и крупныя деньги, такъ какъ при парламентскомъ устройствѣ онѣ сыплются въ карманъ политикановъ сами собою. Иначе трудно себѣ объяснить, какимъ образомъ представители такихъ профессій, среди которыхъ идеальное безкорыстіе по меньшей мѣрѣ не правило безъ исключенія, могли бы искренно стоять за полную демократизацію общества, т. е. за предоставленіе въ немъ рѣшающей роли не умственному, а механическому труду. Надѣются, конечно, представителей этого труда дѣлать себѣ покорными, благодаря своему умственному превосходству. Эта блестящая перспектива стушевываетъ другую, менѣе привлекательную возможность такого взрыва грубой страсти, который смелъ бы передъ собою все, стоящее выше, не только капиталиста и помѣщика, но, чего добраго, и самого интеллигента.

Тѣмъ, однако, кто не увлеченъ до полнаго ослѣпленія звономъ красивыхъ формулъ, пора одуматься, если они не хотятъ, чтобы предлагаемое лекарство не оказалось гораздо зловреднѣе самой болѣзни. Двѣ причины, главнымъ образомъ, обусловливаютъ наши далеко не совершенные порядки. Одна изъ нихъ— привычка замѣнять рутиной живое отношеніе къ дѣлу и строгимъ внѣшнимъ формализмомъ истинную сознательную законность. Къ этому и сводится коренной грѣхъ бюрократіи, грѣхъ, какъ мы видѣли, одинаково ей свойственный, какимъ бы она ни подчиняласъ дуновеніямъ, либеральнымъ или консервативнымъ. Другая, — неспособность черезчуръ централизованнаго механизма справиться съ усложнившимися задачами. Но средство къ устраненію этихъ двухъ несомнѣнныхъ золъ вовсе не въ томъ, чтобы дать обладателямъ таланта краснобайства случай сдѣлать карьеру и обогатиться. Участіе въ управленіи страны вовсе не право, какъ думаютъ у насъ столь многіе, а исполненіе обязанности, и существенно важно, чтобы ее исполняли тѣ, кто къ ней наиболѣе приспособленъ. Равное право всѣхъ и каждаго —быть увѣреннымъ въ защитѣ отъ какихъ-либо насилій и подстрекательствъ, находить одинаковый для всѣхъ безпристрастный судъ и встрѣчать поддержку, а не помѣху, всѣмъ своимъ законнымъ и полезнымъ предпріятіямъ. Но управлять другими вовсе не право, и этимъ другимъ можетъ прійтись очень солоно отъ дилеттантскаго осуществленія этой мнимой прерогативы всѣхъ и каждаго. Провѣтрить затхлость бюрократизма лучше всего можетъ, конечно, призывъ свѣжихъ людей земли, знакомыхъ съ жизнью страны непосредственно. Могутъ они тоже, порвавъ съ привычками ненужнаго формализма, упростить тяжеловѣсный ходъ нашего дѣлопроизводства, а тѣмъ самымъ и усилить работоспособность государственнаго аппарата. Но достигнуть и того и другого можно именно только совмѣстной работой опытныхъ государственныхъ людей старой формаціи съ выборными людьми и притомъ съ выборными не какъ-нибудь, не случайно, представителями безформенной и случайной массы, а съ такими, которыхъ сознательно изъ своей

среды намѣтили организованные общественные классы. И на Западѣ не перестаютъ раздаваться жалобы, оплакивающія главный недостатокъ избирательной системы, основанной на простомъ подсчетѣ голосовъ, —случайность результатовъ, какіе она по большей части даетъ, благодаря отсутствію всякой внутренней органической связи между группами выборщиковъ. Но до сихъ поръ публицисты, говорящіе такъ, не въ силахъ придумать что-либо жизнеспособное для осуществленія своей мысли. И объяснить это безсиліе очень не трудно. Распавшіяся историческія организаціи возстановить не легко, а попросту обратиться къ естественнымъ группировкамъ по различію занятій, какія въ каждомъ обществѣ по необходимости бываютъ, нельзя потому, что, во-первыхъ, онѣ въ высшей степени измѣнчивы и опредѣленныхъ рамокъ не имѣютъ, и потому, во-вторыхъ, что въѣвшееся въ голову представленіе о строгомъ соотвѣтствіи между численностью избирателей и цифрой избранныхъ не оставляетъ почвы для конкретнаго опредѣленія, сколько каждой группѣ слѣдовало бы дать представителей.

Къ счастью, у насъ этихъ затрудненій нѣтъ. Идея численнаго большинства живетъ, правда, во многихъ умахъ, но на практикѣ она до сихъ поръ не осуществлялась. Напротивъ, и прошлое нашихъ земскихъ соборовъ и современное устройство земскаго и городского самоуправленій представляютъ собою полное отрицаніе принципа ариѳметической стройности. Наша избирательная система, и встарь и нынѣ, отличается отъ цензовой тѣмъ, что она никого или почти никого не выкидываетъ за бортъ при выборахъ. Она, правда, ставитъ участіе въ этихъ выборахъ въ зависимости отъ владѣнія землей или промышленнымъ предпріятіемъ, но размѣры того или другого она допускаетъ самые скромные, доводя въ выборахъ въ земскіе гласные почти до всеобщей подачи голосовъ. Въ то же время, однако, — и въ этомъ ея главная отличительная черта отъ западно-европейскихъ порядковъ—она это участіе предоставляетъ всѣмъ и каждому въ неравной мѣрѣ, хорошо сознавая, что духовный вѣсъ каждаго избирателя не одинаковъ. Для болѣе вы-

сокихъ цензовыхъ группъ право избирать непосредственно, для низшихъ группъ оно двухъ-или трехстепенное. Чтобы вполнѣ логично завершить эту систему, слѣдовало бы только наиболѣе крупнымъ представителямъ землевладѣнія и промышленности открыть доступъ въ выборныя собранія по праву, безъ предварительнаго избранія. Это значило бы только распространить на мѣстное представительство тотъ принципъ, на которомъ большей частью основанъ личный составъ верхнихъ палатъ. Притомъ, если у насъ общественные классы не такъ рѣзко отграничены, какъ средневѣковыя сословія на Западѣ, если и жизнь и законъ сдѣлали переходъ изъ одного въ другой довольно легкимъ, то классовыя группы у насъ все таки гораздо отчетливѣе выдѣляются, чѣмъ въ современной Европѣ. Промышленный классъ, несмотря на то, что каждый легко можетъ сдѣлаться купцомъ, уплативъ гильдейскій сборъ, и столь же легко перестать имъ быть, имѣетъ очень опредѣленный бытовой складъ и вполнѣ ясное сознаніе общности интересовъ; да и личный его составъ измѣняется на самомъ дѣлѣ очень мало. Еще въ большей степени можно это сказать о духовенствѣ, хотя оно и перестало носить попрежнему строго наслѣдственный характеръ и выпускаетъ на другія занятія нарастающій излишекъ своихъ поколѣній. Такое же единство бытового склада имѣетъ и дворянство, пока, конечно, оно совпадаетъ съ землевладѣніемъ. Но всего сильнѣе опредѣленность классовой физіономіи у крестьянъ, и сколько бы ни говорили о разлагающемъ воздѣйствіи растущей промышленности на сельскій бытъ, подавляющее большинство сельскихъ жителей, зажиточныхъ и бѣдныхъ, грамотныхъ и неграмотныхъ, вполнѣ сознаетъ свою сословную общность. Откололись отъ нихъ одни горожане — торговцы и рабочіе — да и то далеко не всѣ. Къ этимъ четыремъ сословнымъ группамъ и слѣдовало бы обратиться, взявъ ихъ за основу всей выборной системы. Не вдаваясь въ подробности, достаточно здѣсь сказать, что, минуя земскія собранія и городскія думы, какъ учрежденія чисто хозяйственныя, а потому и непригодныя для политической роли.

слѣдовало бы каждому изъ упомянутыхъ четырехъ сословій предоставить избраніе опредѣленнаго числа выборщиковъ, которые, съѣхавшись въ губернскій городъ, намѣчали бы членовъ высшаго законодательнаго учрежденія, по два на каждую губернію. Нечего намъ смущаться, что соотвѣтствія не будетъ между долей участія каждой выборной группы и ея численностью. Мы привыкли учитывать значеніе избирателей не съ помощью ариѳметики, а соотвѣтственно соціальной роли каждой изъ группъ, ея политическаго удѣльнаго вѣса, если можно такъ выразиться. И прошлое, и настоящее даютъ намъ возможность стойко держаться принципа, что народное представительство не служитъ само себѣ цѣлью, а является лишь однимъ изъ средствъ къ упорядоченію государственнаго управленія и хозяйства. Не теряя изъ вида этой точки зрѣнія, легко установить, что не одно численное превосходство, какъ не одно превосходство имущественное, даетъ право извѣстному классу на участие въ государевомъ дѣлѣ, которое въ то же время есть и дѣло народа, а цѣлая совокупность не поддающихся точному учету условій, въ которыя входитъ и степень культуры и привязанность къ почвѣ, и твердость историческихъ традицій, и усвоенная съ давняго времени прочная организація. Само по себѣ, отдѣльно взятое, ни одно изъ этихъ условій не имѣетъ рѣшающей цѣны, но въ своей совокупности они опредѣляютъ архитектуру общественной лѣстницы. Конечно, строго выдержать сословное начало при организаціи выборовъ невозможно, вслѣдствіе того, что городское населеніе слишкомъ растворилось пришлыми элементами и потому не имѣетъ чисто торгово-промышленнаго характера, а земля давно перестала принадлежать двумъ только классамъ,—дворянину и мужику. Вотъ почему, для организаціи выборовъ отъ городовъ, всего лучше было бы предоставить право избранія выборщиковъ тѣмъ самымъ лицамъ, которымъ по городовому положенію предоставлено избирать гласныхъ въ городскія думы, а для сельскихъ округовъ учредить особый избирательный съѣздъ для всѣхъ землевладѣльцевъ, обладающихъ цензомъ для выбора въ земскіе

гласные. Дабы въ то же время предоставить высшему слою купечества болѣе дѣйствительное участіе въ законодательномъ собраніи, можно было бы дать биржевымъ комитетамъ городовъ съ болѣе широко развитой торговлей право избирать представителей отъ биржевого купечества.

Намѣченная система имѣетъ два крупныхъ преимущества. Въ нее легко укладываются особенности нѣкоторыхъ отдѣльныхъ областей, несходныхъ съ центральной Россіей, какъ Западный край и Царство Польское, какъ Остзейскій край и Кавказъ. Въ то же время она позволяетъ обойтись безъ особо многолюднаго собранія, которое при нашей слабой подготовкѣ къ политической жизни оказалось бы у насъ еще болѣе неуклюжимъ, чѣмъ на Западѣ. Толпа, вообще говоря, принижаетъ уровень входящихъ въ ея составъ отдѣльныхъ личностей, и чѣмъ она больше, тѣмъ легче она поддается стаднымъ порывамъ, тѣмъ менѣе способна къ нравственной дисциплинѣ. Проведенное до губернской избирательной коллегіи классовое представительство дастъ каждой изъ однородныхъ группъ населенія возможность конкретно ощущать свое участіе, а, стало быть, и свою отвѣтственность въ общемъ государственномъ дѣлѣ и вполнѣ сознательно намѣчать изъ своей среды людей, ей хорошо извѣстныхъ. Въ то же время, дойдя до губерніи, эти избиратели сольются въ одно неособенно многочисленное собраніе, гдѣ ни за однимъ сословіемъ не окажется перевѣса и откуда уже выйдутъ, по соглашенію между ними, выборные Русской земли въ совокупности. Насколько въ самомъ дѣлѣ желательно, чтобы сословное начало служило основой представительства, настолько оно должно уступить мѣсто началу всенароднаго единства въ самомъ высшемъ собраніи выборныхъ общества. Здѣсь одновременное присутствіе рѣзко отграниченныхъ между собою классовыхъ представителей могло бы только обострить сословный антагонизмъ и борьбу противныхъ мнѣній съ принципіальной почвы свести на почву групповыхъ интересовъ.

Въ общей сложности, согласно указанной схемѣ, получится собраніе въ 120 — 130 членовъ. Въ это собраніе войдутъ и

представители инородческихъ элементовъ Европейской Россіи; благодаря своей упругости, предлагаемая система можетъ съ небольшими измѣненіями примѣниться и къ мѣстностямъ, гдѣ сословій нѣтъ, хотя имѣются рѣзкія классовыя отличія, какъ Привислинскій край, и къ такимъ, гдѣ при наличности сословій, нѣтъ у нихъ выборной организаціи, какъ Западныя и Пермская губерніи, и къ такимъ, наконецъ, гдѣ высшій слой землевладѣльческаго класса отсутствуетъ вовсе, какъ губерніи Вятская, Олонецкая, Астраханская, Ставропольская и нѣкоторые уѣзды Вологодской. Крайній Сѣверъ, т. е. Архангельская губ., съ ничтожной цифрой своихъ жителей, рѣдко населенная Сибирь съ своими кочевыми инородцами, наконецъ, Средне-азіатскій край и Закавказье, кромѣ Тифлисской и Кутаисской губ., пока не созрѣли еще для представительства. Даже въ сравнительно-культурной Туркестанской области и въ богатомъ Закавказьѣ трудно себѣ представить возможность правильно дѣйствующаго выборнаго аппарата: на то бытовыя условія Средне-азіатскихъ областей слишкомъ далеки отъ европейскихъ, а въ Закавказьѣ смѣшано и взаимно враждуетъ столько различныхъ, и въ племенномъ и въ религіозномъ отношеніи, національностей, что тамъ выборы неизбѣжно сопровождались бы актами буйнаго насилія. Въ Сѣверной Америкѣ, впрочемъ, обширная площадь слабо населенныхъ областей, жители которыхъ, вдобавокъ, мало внушаютъ довѣрія, представительства въ конгрессѣ лишена.

Остается разсмотрѣть еще одинъ вопросъ: какъ организовать будущее собраніе, т. е. поставить ли его совершенно особо отъ существующихъ учрежденій, или ввести его въ настоящій ихъ составъ. Вопросъ этотъ очень существенный и отъ удачнаго его разрѣшенія зависитъ, по крайней мѣрѣ на первыхъ порахъ, возможность для будущихъ выборныхъ правильной, разумной и плодотворной дѣятельности. Никто, конечно, не станетъ отрицать, что наше общество мало подготовлено къ открытой политической жизни; и новое выборное учрежденіе, какъ только что родившійся на свѣтъ организмъ, надо тща-

тельно оберегать отъ суровыхъ вѣяній. Разомъ поставленное на открытый воздухъ политической агитаціи, окруженное ходячими увлеченіями публики, оно очень легко, съ первыхъ же засѣданій, можетъ быть сбито съ толку, направлено на путь, исходъ котораго—либо уличныя волненія, либо закрытіе собранія военной силой. Не окажется недостатка въ людяхъ, которые пожелаютъ обольстить народныхъ выборныхъ прелестями уличной популярности, которые не поскупятся ни на угрозы, ни на обѣщанія газетныхъ похвалъ. И подъ воздѣйствіемъ этихъ заразныхъ течений выборные могутъ почувствовать себя призванными къ руководящей роли, искать своей задачи не въ укрѣпленіи власти и порядка, а въ коренномъ переворотѣ, въ которомъ эта власть была бы замѣнена свѣжими народными силами. Другими словами, имъ можетъ прійтись по вкусу идея разыграть роль учредительнаго собранія, идея, уже теперь носящаяся въ воздухѣ. Какъ всѣ юныя учрежденія, они могутъ почувствовать зудъ величія и вступить въ нетерпѣливый антагонизмъ съ существующими государственными учрежденіями, построенными не на выборномъ началѣ. Такой конфликтъ можетъ оказаться роковымъ и на долго сдѣлать невозможною мирную совмѣстную дѣятельность представителей общества съ центральной властью. Тогда, конечно, Россія окажется припертою къ стѣнѣ, и дальнѣйшая ея судьба опредѣлится исходомъ неминуемаго столкновенія между правительствомъ и революціонными элементами. Дабы избѣгнуть столь роковаго исхода, надо поставить народныхъ представителей съ первыхъ же шаговъ въ такія рамки, которыя оберегутъ ихъ отъ внѣшнихъ воздѣйствій и поставятъ лицомъ къ лицу съ представителями традицій, которыя они призваны освѣжить. Введенные непосредственно въ Государственный Совѣтъ, организація котораго въ главныхъ своихъ чертахъ осталась бы прежней, они приняли бы участіе въ дебатахъ въ соединенныхъ департаментахъ и внесли бы въ эти пренія живую струю, совершенно чуждую теперешняго обычая всячески избѣгать разногласій, предпочитая искаженіе законодательной мѣры помощью

компромисса ея цѣльной органической разработкѣ. Если, какъ и слѣдуетъ надѣяться, право законодательной инціативы не останется, какъ въ настоящее время, за одними министрами, а будетъ предоставлено всѣмъ членамъ Совѣта, мотивъ нынѣ руководящій этимъ учрежденіемъ—боязнь столкновенія съ кѣмъ-либо изъ министровъ—самъ собою исчезнетъ. Исчезнетъ несомнѣнно и многое другое—обычная теперь переписка между вѣдомствами передъ внесеніемъ законопроектовъ, волокита канцелярскаго производства, главная цѣль котораго—обезличить дебаты въ совѣтѣ, и пагубный обычай—выражать его постановленія на языкѣ, изъ котораго внутреннее содержаніе тщательно вытравляется. Но въ подробности этихъ будущихъ измѣненій здѣсь вдаваться не мѣсто. Достаточно указать, что когда обнаружатся спеціальныя наклонности и свѣдѣнія выборныхъ представителей, они, сообразно этому, будутъ имѣть возможность размѣститься по департаментамъ. Публики въ Государственномъ Совѣтѣ не будетъ, не будетъ, стало быть, и трескучихъ рѣчей, и журналистовъ туда не допустятъ. Все это, конечно, повліяетъ умѣряющимъ образомъ на выборныхъ, какъ и они, въ свою очередь, благотворно повліяютъ на сановниковъ. Но и то уже будетъ огромнымъ шагомъ впередъ въ смыслѣ гласности, что протоколы засѣданія станутъ печататься въ «Правительственномъ Вѣстникѣ», текстъ котораго будетъ признанъ обязательнымъ и для другихъ органовъ печати.

Организація Государственнаго Совѣта представляетъ еще ту выгоду, что въ немъ очень легко установить двѣ послѣдовательныя законодательныя ступени. Верхняя и нижняя палата въ немъ и теперь содержатся какъ бы въ зародышѣ. Для того, чтобы окончательно ихъ выдѣлить, стоитъ только признать, что члены общаго собранія въ департаментахъ не засѣдаютъ. Въ настоящее время не всѣ законодательныя мѣры проходятъ обѣ эти стадіи: значительное ихъ число останавливается въ соединенныхъ департаментахъ и оттуда прямо поступаетъ на Высочайшее благоусмотрѣніе. Можно бы въ будущемъ двукратное разсмотрѣніе законопроектовъ возвести на степень правила

и въ виду этого намѣтить особый составъ для обоихъ собраній, такъ какъ было бы странно, если бы тѣ же самыя лица два раза обсуждали тотъ же самый вопросъ. И въ общемъ собраніи, рядомъ съ сановниками, назначенными пожизненно Высочайшей властью, могли бы участвовать представители общества, но уже не по выбору, а по праву. И они тоже, какъ члены по назначенію, должны быть иными, чѣмъ выборные члены въ соединенныхъ департаментахъ. При вторичномъ разсмотрѣніи законодательныхъ и финансовыхъ вопросовъ они должны быть призваны выражать собою не перемѣнчивое настроеніе общества, а его постоянные устойчивые взгляды. Словомъ, они должны быть представителями общественныхъ верховъ, какъ изъ среды дворянства, такъ и купечества. Въ подробности здѣсь опять входить не мѣсто, такъ какъ это значило бы присваивать себѣ роль самозваннаго составителя законопроектовъ. Роль публицистики не такова: она ограничивается указаніемъ основныхъ очертаній предполагаемой реформы, не вдаваясь въ детали.

Итакъ, Государственный Совѣтъ, какъ готовая рамка для будущихъ представительныхъ учрежденій. Государственный Совѣтъ, раздѣленный на двѣ послѣдовательныя инстанціи, и въ каждой изъ нихъ, на ряду съ сановниками, назначенными Верховной властью пожизненно, временные его члены, приливающіе туда не изъ рядовъ чиновничества, а непосредственно изъ общественной среды,—вотъ каковой должна быть, казалось бы, организація будущаго совѣщательнаго учрежденія, призваннаго къ жизни Рескриптомъ 18-го февраля. Распространеніе на каждаго изъ членовъ Совѣта, и назначенныхъ и выборныхъ, права законодательной иниціативы обезпечитъ притокъ свѣжихъ идей и общественнаго воздѣйствія въ высшія правительственныя сферы, а признаніе за преобразованнымъ совѣтомъ одного лишь совѣщательнаго голоса сохранитъ Россіи столь необходимое ей Самодержавіе, но Самодержавіе, уже не отдѣленное отъ нея перегородкой бюрократическаго формализма, а широко обставленное выразителями народныхъ нуждъ и общественныхъ желаній.

Цѣна 2 рубля